

IX МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА,
ЭТНОГРАФИЯ И ФОЛЬКЛОР
СЛАВЯНСКИХ
НАРОДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ

ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ЭТНОГРАФИЯ И ФОЛЬКЛОР СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

IX

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД
СЛАВИСТОВ

Киев, сентябрь 1983 г.

ДОКЛАДЫ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА 1983

В докладах крупных ученых К. В. Чистова, В. Т. Пашуто, С. С. Хромова, В. П. Шершобитова, Я. Н. Шапова, С. О. Шмидта, Г. Г. Литаврина и др. освещаются проблемы исторического и культурного развития славянских народов: развитие советского общества на современном этапе, культурное взаимообогащение народов СССР в 60—70-х годах, международное значение Древней Руси, ее связи с Болгарией и Византией, социальное и национальное в освободительной борьбе народов в период перехода от феодализма к капитализму, этнические традиции восточных славян (XVIII—XIX вв.), вопросы этнографии и фольклора славянских народов, дана каталогизация славяно-русских рукописных книг.

Редакционная коллегия:

Л. А. АСТАФЬЕВА

В. И. ЗЛЫДНЕВ

И. И. КОСТЮШКО

В. К. СОКОЛОВА

Я. Н. ШАПОВ

ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ЭТНОГРАФИЯ И ФОЛЬКЛОР СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Киев, сентябрь 1983 г.

Доклады советской делегации

Утверждено к печати

Отделением истории АН СССР

Редактор издательства С. Н. Романова

Художественный редактор Н. А. Фильчагина

Технический редактор Т. С. Жарикова

Корректоры Л. И. Кириллова, Л. И. Левашова

ИБ № 26642

Сдано в набор 04.10.82. Подписано к печати 21.04.83. Т-09513.

Формат 60×90^{1/16}. Бумага для глубокой печати. Гарнитура обыкновенная.

Печать высокая. Усл. печ. л. 18,5. Усл. кр.-отт. 18,5. Уч.-изд. л. 22,1.

Тираж 3460 экз. Тип. зак. 2026. Цена 2 р. 50 к.

Издательство «Наука», 117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени

Первая типография издательства «Наука», 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

И 4903000000-183
042 (02)-83 415-83-П

© Издательство «Наука», 1983 г.

С. С. Хромов

РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Современность, как известно, понятие во многом условное. В зависимости от того или иного угла зрения предметом исследования может быть как длительный, так и короткий отрезок времени, примыкающий к нашим дням. В данном случае речь пойдет главным образом о 70-х годах, о только что минувшем десятилетии, которое было для советского общества единым и цельным этапом, весьма значительно отличавшимся от предшествовавших ступеней социалистического созидания.

Отправным моментом для понимания интересующего нас вопроса являются решения XXIV съезда КПСС, который состоялся в начале 1971 г. и на котором впервые была дана развернутая характеристика зрелого социалистического общества, построенного в СССР. К этому времени экономический потенциал Советского Союза достиг невиданных прежде размеров: в стране, где проживало менее шестнадцатой части населения земного шара, производилась пятая часть промышленной продукции всего мира. В 1970 г. здесь вырабатывалось свыше 740 млрд. кВт·ч электроэнергии, т. е. в 15 с лишним раз больше, чем к исходу 30-х годов, когда социализм был построен еще только в основном. Добыча нефти за этот период увеличилась в 11 с лишним раз и превысила 352 млн. т, а добыча газа — примерно в 60 раз, достигнув 200 млрд. кубометров. Уже четыре года подряд металлургия выплавляла свыше 100 млн. т стали. Химики выпускали более 55 млн. т удобрений (в условных единицах). За 200 тыс. перевалило производство металлорежущих станков ¹.

Не продолжая этот перечень, напомним, что СССР занимал первое место в мире по производству чугуна, добыче железной руды, угля (товарного), по выпуску тепловозов и магистральных электровозов, вывозке древесины, изготовлению цемента, сборных железобетонных конструкций и деталей, хлопчатобумажных и шерстяных тканей, масла животного и т. д. По многим другим важнейшим показателям страна вплотную подходила к уровню США. В 1970 г. объем капиталовложений в Советском Союзе и в Соединенных Штатах Америки впервые был примерно одинаков ².

Наличие столь громадного промышленного потенциала выдвигало вопрос о путях и методах его использования и дальнейшего наращивания. Решая этот вопрос, глубоко анализируя накопленный опыт и общие перспективы развития экономики, XXIV съезд КПСС сделал ряд важных обобщающих выводов. В концентрированном виде они нашли отражение в цифрах и заданиях очередного (девятого) пятилетнего плана развития народного хозяйства, рассчитанного на 1971—1975 гг. «Главная задача пятилетки, — указывалось в плане, — состоит в том, чтобы обеспечить значительный подъем материального и культурного уровня жизни народа на основе высоких темпов развития социалистического производства, повышения его эффективности, научно-технического прогресса и ускорения роста производительности труда»³.

Сравнивая приведенную формулировку с теми, которые выражали основную целевую установку всех предыдущих планов, мы увидим качественное отличие девятой пятилетки от предшествующих: если раньше в планах доминировал курс на создание и усиление мощной экономики, в первую очередь индустриального потенциала страны, то теперь акцент был сделан на решение задач, связанных с проявлением реальных преимуществ социализма в сфере потребления.

Наиболее полное удовлетворение материальных и культурных потребностей людей всегда было высшей целью общественного производства при социализме. Но на первых этапах социалистического строительства приходилось максимум сил и средств отдавать тому, от чего зависело само существование молодой Страны Советов; приходилось прежде всего решать задачи индустриализации, обеспечения страны металлом, современными машинами, топливом. По мере ликвидации былого отставания, упрочения технико-экономической независимости и оборонного потенциала на первый план встали вопросы обеспечения быстрого роста благосостояния советских людей, улучшения условий их труда и быта.

Но выросли не только возможности государства. Изменились и требования, которые общество предъявляет к экономике. То время, когда можно было форсированно вырываться вперед на важнейших участках хозяйственного строительства (ценой замедленного развития других направлений), прошло. «Теперь, — говорилось с трибуны XXIV съезда КПСС, — положение становится иным. Мы не только хотим, — хотели мы этого всегда, — но мы можем и должны решать одновременно более широкий круг задач»⁴. Мы ставим перед собой и решаем сегодня такие задачи, о которых на предыдущих этапах могли только мечтать.

В прямой связи с главной задачей пятилетки новое звучание на XXIV съезде КПСС приобрел вопрос о ресурсах, об источниках роста, о средствах, необходимых для быстрого наращивания индустриального потенциала, в первую очередь наиболее перспективных отраслей промышленности. Главный упор был сделан на

повышение эффективности производства, на ускорение общего процесса и расширение масштабов реализации важнейших достижений науки и техники. Многое в этом отношении делалось и прежде. Теперь значение курса на интенсификацию возросло как никогда. Что означает это на практике?

Еще в прошлом веке, характеризуя сущность двух типов расширенного воспроизводства, К. Маркс писал, что в одном случае оно может быть экстенсивным («если расширяется только поле производства»), в другом случае — интенсивным («если применяются более эффективные средства производства») ⁵.

Обращаясь к истории советской экономики, мы видим, что уже в 20—30-е годы в ходе социалистической индустриализации оба типа расширенного воспроизводства во многом переплетались между собой. По мере развития производительных сил и развертывания НТР значение интенсивного метода все более возрастало, ибо главное в интенсификации связано с применением новой техники, повышением отдачи и производительности оборудования, с более эффективной и результативной технологией.

На рубеже 60—70-х годов изменились основные факторы экономического роста СССР. Прежде можно было развивать народное хозяйство главным образом за счет количественных факторов, т. е. увеличения численности рабочих и высоких темпов наращивания капитальных вложений. Теперь период такого, как его называют, экстенсивного развития, по существу, подошел к концу.

Как отмечалось, значительное развитие получили производительные силы, сократились резервы для привлечения дополнительных рабочих рук, сузились и возможности перераспределения средств из одних отраслей в другие. Нельзя было ориентироваться и на прежние, постоянно высокие темпы роста капитальных вложений. Решающее значение приобрели факторы экономического роста. Практика со всей очевидностью свидетельствует, что техническая реконструкция предприятий, оснащение их новейшим оборудованием дают больший эффект, нежели сооружение дополнительных объектов. А рост квалификации рабочих и специалистов, повышение их культурного уровня в сочетании с научной организацией труда также обеспечивали немалый выигрыш по сравнению с созданием новых рабочих мест.

Расчеты Госплана СССР, сделанные в 1970 г., показали, что если бы производительность труда сохранялась в течение девятой пятилетки без изменений, то численность работников, занятых в материальном производстве, потребовалось бы увеличить к 1975 г. дополнительно на 37 млн. человек. В действительности, однако, весь прирост трудовых ресурсов мог составить приблизительно 10 млн. человек, из которых свыше половины предстояло направить в систему просвещения, в здравоохранение, в сферу обслуживания и в другие непроизводственные отрасли ⁶.

Единственным выходом из положения являлся существенный рост производительности общественного труда, всемерное исполь-

зование достижений научно-технического прогресса. Практика убеждала, что превращение науки в непосредственную производительную силу ускоряет обновление производственных фондов, внедрение принципиально новых технологических процессов создает невиданные ранее возможности для более рационального использования материальных и людских ресурсов. Серьезные изменения происходили и на международной арене. Наступал качественно новый этап в экономическом сотрудничестве социалистических стран, свидетельством чему была принятая в 1971 г. Комплексная программа социалистической экономической интеграции. Новым важным шагом дальнейшего укрепления сотрудничества социалистических стран явилось XXXVI заседание сессии Совета Экономической Взаимопомощи (Будапешт, июнь 1982 г.), на котором была рассмотрена программа координации народно-хозяйственных планов на 1986—1990 гг., а также был подписан ряд других важных соглашений^{6а}. Вместе с тем усиливалось экономическое соревнование двух мировых систем и не подлежало сомнению, что в области научно-технического прогресса пролегал один из главных фронтов этого соревнования.

Одним словом, вопросы научно-технического прогресса приобретали к началу 70-х годов, можно сказать, решающее значение. При этом главным становились уже не отдельные достижения науки и техники, пусть даже очень значительные, а высокий научно-технический уровень всего производства. Преимущества плановой системы хозяйства открывали дополнительные возможности для использования этого фактора. Именно поэтому, рассматривая повседневную деятельность научных и производственных коллективов, опытных и конструкторских учреждений и центров, связанную с развертыванием фундаментальных исследований, массовым внедрением в практику полученных результатов, XXIV съезд КПСС не ограничился постановкой вопроса о дальнейшем улучшении проводившейся работы, совершенствовании ее форм и методов. Съезд впервые сформулировал принципиально важный в теоретическом и практическом отношении тезис о необходимости органического соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства. Глубокому обоснованию данного тезиса было уделено большое внимание. В Государственный план развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 гг. был включен специальный раздел «Научно-технический прогресс. Повышение эффективности общественного производства». Вскоре была разработана генеральная схема размещения производительных сил страны на все 70-е годы и составлены долгосрочные прогнозы развития транспорта, топливно-энергетических отраслей промышленности, мелиорации и химизации сельского хозяйства, а также ряд прогнозов по вопросам научно-технического прогресса. Все это, вместе взятое, усиливало воздействие плановых начал на общий ход развития производительных сил страны, что, в свою очередь, благо-

приятствовало углублению научного подхода к составлению текущих и перспективных хозяйственных планов.

Реализация намеченного курса проходила под знаком совершенствования системы управления и создания промышленных объединений, которые постепенно должны стать основными хозяйственными ячейками общественного производства. Среди них быстро выделились всесоюзные объединения, производящие всю или преобладающую часть продукции данной отрасли (подотрасли) промышленности, и территориальные, охватывающие в том или ином регионе одну отрасль либо производственно-хозяйственный комплекс. В числе последних были аграрно-промышленные, промышленно-строительные, торгово-промышленные и др.

Знаменательным стало создание мощных научно-производственных объединений (НПО), в которые вошли наряду с заводами проектно-конструкторские подразделения, научные институты, строительно-монтажные управления и т. п. НПО возникли не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве, на транспорте. Главное состоит в том, что найдена удачная организационная форма, позволявшая упрочить союз науки и труда и, как правило, намного, порой в несколько раз ускорить время реализации научных открытий. В 1981 г. общая численность таких объединений, создание которых является важным показателем степени интеграции науки и производства в условиях НТР, превысила 250⁷. Во главе многих НПО стоят видные ученые. Например, генеральным директором объединения «Криогенмаш» является академик Р. А. Беляков, «Тулачермет» — член-корреспондент Академии наук СССР А. И. Манохин и т. д. Неоценимый вклад в укрепление единства теории и практики вносили в 70-е годы коллективы, работавшие под началом и при самом активном участии А. Н. Туполева, С. В. Ильюшина, С. К. Туманского, М. К. Янгеля, В. П. Мишина, Н. А. Пилюгина, Г. П. Свищева, А. С. Яковлева и ряда других виднейших конструкторов, одновременно являвшихся действительными членами Академии наук СССР по Отделению механики и процессов управления.

На протяжении девятой и особенно десятой пятилеток непосредственные контакты промышленности с Академией наук СССР заметно усилились. В 1976 г. АН СССР получила задание координировать всю науку в стране. И хотя прошедшее после этого пятилетие было для такой работы небольшим сроком, многое удалось сделать. В некоторых областях машиностроения, в промышленности средств связи, в электронной и химической индустрии, в микробиологии сотрудничество с АН СССР позволило составить совместные планы и приступить к их осуществлению коллективными усилиями. В результате научные сотрудники институтов, инженеры, техники и рабочие данной конкретной отрасли промышленности включались в цикл «исследование—производство» уже на ранних стадиях разработки (нередко в специально созданных лабораториях). По авторитетному свидетельству президента АН СССР академика А. П. Александрова, во многих слу-

чаях благодаря этому методу пропало слово «внедрение», ибо промышленный персонал сам заинтересован в освоении разработки.

Целенаправленное руководство научно-техническим прогрессом для СССР дело не новое, но со второй половины 70-х годов оно существенно изменилось: Госкомитет Совета Министров СССР по науке и технике перешел к созданию комплексных межотраслевых программ, предусматривающих решение важнейших научно-технических проблем. В отличие от использовавшихся ранее координационных планов все они, являясь составной частью планов социально-экономического развития отраслей, были обеспечены материальными средствами и направлены на получение конечных практических результатов. Всего за 1976—1980 гг. было разработано 200 комплексных программ, предполагавших выполнение около 6 тыс. различных заданий, большинство из которых составляли конкретные объекты новой техники⁸. Естественно, это была лишь часть научных исследований, проводимых в СССР, общий объем которых намного больше. Но именно эти комплексные программы, носившие межотраслевой характер, имели особенно важное и непосредственное значение для экономического развития СССР последнего времени.

С наибольшей полнотой все эти направления синтезировались в достижениях, связанных с современным уровнем автоматизации производства. Еще в 50-е годы появление автоматических линий каждый раз было событием; в 1971 г. их уже стало 10,9 тыс., а в 1979 г. — свыше 24,3 тыс. (и это только в промышленности!). Иначе говоря, в 70-е годы в среднем за каждый календарный день промышленный потенциал СССР увеличивался на пять новых автоматических линий. Мы не станем приводить данные о механизированных поточных линиях (их было в несколько раз больше). В 1981 г. в промышленности действовало около 6,4 тыс. комплексно-механизированных и автоматизированных участков, цехов, производств предприятий⁹.

Массовое внедрение научных достижений в производство сопровождалось быстрым оснащением народного хозяйства электронно-вычислительными машинами, кибернетическими устройствами, различного рода автоматическими системами управления (АСУ). С их помощью шло обслуживание не только отдельных предприятий и технологических процессов производства, но и больших территориальных организаций, общесоюзных министерств и ведомств. Широкое применение АСУ началось, как известно, во второй половине 60-х годов. В 1971 г. при подведении итогов восьмой пятилетки особо подчеркивался тот факт, что уже создано 414 АСУ, а в 70-е годы, в период девятой и десятой пятилеток, примерно 470 АСУ начинали действовать ежегодно¹⁰.

Шире стали применяться металлорежущие станки с числовым программным управлением. В середине 60-х годов их выпуск измерялся единицами, в 1970 г. он уже составил 1,6 тыс., а в 1980 г. достиг более 10 тыс.¹¹ Среди них своей новизной и большими возможностями выделялись созданные в 70-е годы так называемые

обрабатывающие центры. В зависимости от того, какая для них была составлена программа, эти многоинструментальные станки могли и обтачивать, и фрезеровать, и сверлить, и шлифовать.

Прогресс в станкостроении, в создании современных орудий труда питал своими достижениями все отрасли народного хозяйства, и в первую очередь само промышленное производство. С наибольшей силой это сказывалось на развитии электронно-вычислительной техники, на оснащении производств, связанных с атомной промышленностью, предприятий, обеспечивающих освоение космоса, ракетостроении и других детищах НТР. Показателен общий рост числа образцов новых видов машин, оборудования, аппаратов и приборов, освоенных и вошедших в серийный выпуск в 70-е годы. Если в 1966—1970 гг. их насчитывалось 6,8 тыс., то в 1971—1975 гг. — уже 13,2 тыс., а во второй половине 70-х годов — 13,7 тыс. Еще более высокими темпами шло снятие с производства устаревших конструкций. По пятилеткам это выглядело так (в среднем за год)¹²: в 1966—1970 г. — 495 тыс., в 1971—1975 — 1495, в 1976—1979 — 1814 тыс.

В целом, если измерять шаги НТР внедрением автоматической техники, окажется, что во второй половине 70-х годов ее удельный вес составлял в СССР шестнадцатую часть стоимости машин и оборудования (для сравнения добавим, что примерно таким же было положение и в США). А обслуживанием механизированных, поточных и автоматических линий была занята десятая часть промышленно-производственного персонала. Автоматизированные и комплексно-механизированные (в целом или по основному производству) предприятия давали около пятой части промышленной продукции страны. Подчеркнем еще раз: чуть менее 6% стоимости оборудования, 10% рабочих и служащих от общего числа занятых в промышленности, а с другой стороны — почти 20% выпуска продукции, произведенной в основном на этом оборудовании и этими людьми¹³. Такова была реальная картина, показывающая достижения конца 70-х годов в деле соединения науки и промышленности на одном из важнейших направлений НТР в условиях зрелого социализма.

Уместно подчеркнуть не только то, что этот курс осуществлялся в рамках плановой экономики и всеобщей занятости населения. В 70-е годы страна завершила переход к обязательному десятилетнему обучению всей подрастающей молодежи, и это существенно усилило культурный потенциал народного хозяйства. Если в 1970 г. 59% рабочих имели образование не ниже восьми классов средней школы, то в 1979 г. таких было уже 76, а в 1982 г. — 80%. Среди колхозников аналогичная прослойка увеличилась с 39 до соответственно 59 и 65,5%¹⁴.

Менялся и характер труда занятых на производстве: по мере поступления современной техники и автоматики, прихода более образованных пополнений этот труд насыщался интеллектуальным содержанием. Одновременно НТР сопровождалась появлением новых рабочих профессий, общим ростом численности рабо-

чего класса. Уже к началу 60-х годов на его долю приходилась половина занятых в народном хозяйстве, а через двадцать лет — почти две трети, т. е. примерно 80 млн. человек. Причем в 70-е годы рабочие составили большинство не только в городе, но и в деревне¹⁵.

Развитие агропромышленного комплекса, в рамках которого объединены и государственные предприятия, и колхозы, значительное увеличение числа производственных и научно-производственных объединений (как и ряд других подобных процессов) все более заметно влияли на социальную структуру общества. И хотя существенные различия между городом и деревней еще сохранялись, социальная политика КПСС и Советского государства вела к быстрому сближению всех классов и групп населения. Это позволило в 1981 г. на XXVI съезде КПСС сделать вывод о том, что в СССР «становление бесклассовой структуры общества в главном и основном произойдет в исторических рамках зрелого социализма»¹⁶.

Материальная основа этого процесса неуклонно расширяется по мере развертывания научно-технической революции и увеличения общих масштабов индустриального преобразования народного хозяйства. Веское тому подтверждение — освоение новых районов, формирование территориально-производственных комплексов, связанное с массовым строительством промышленных и сельскохозяйственных предприятий, базирующихся на общенародной собственности.

Наиболее яркий пример — создание Тюменского территориально-производственного комплекса в Западной Сибири. К началу 1970-х годов здесь были разведаны запасы нефти, газа, развертывалась их добыча, но единого мнения о перспективах и масштабах освоения крайне суровых районов Приобья выработать еще не удалось. В 1969 г. в Новосибирске на очередной Всесоюзной конференции по развитию производительных сил Сибири одни ратовали за медленное наращивание темпов производства, другие предлагали довести к 1980 г. удельный вес сибирского топлива в общей его добыче по стране до одной трети.

Тщательный анализ этого предложения позволил правительству наметить широкий комплекс мероприятий, направленных на скорейшее развитие в Западной Сибири ведущего нефтегазового комплекса страны.

Уже с начала 70-х годов Госплан СССР подготавливал и правительство утверждало (как отдельное приложение к плану экономического и социального развития страны) «Основные показатели развития народного хозяйства Тюменской области». В этом документе содержались адресованные каждому министерству задания по объему производства важнейших видов продукции, по размерам капиталовложений, вводу жилья и т. д. Затем для координации действий различных организаций, работающих в Приобье, и ликвидации ведомственной разобщенности была создана комиссия Совета Министров СССР по вопросам развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, а также межведомственная

территориальная комиссия при Госплане СССР с местонахождением в Тюмени. Вопросы, связанные с развитием промышленности края, регулярно рассматривались на пленумах, Политбюро и в Секретариате ЦК КПСС.

В 1980 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли дополнительные меры, направленные на то, чтобы резко расширить масштабы капитального строительства в районе Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. После принятия постановления в ЦК партии состоялось совещание, специально посвященное развитию этого региона, досрочному возведению производственных объектов. Дополнительные обязанности по сооружению жилья были возложены на строительные тресты Москвы, Ленинграда, Украины, Белоруссии, Узбекистана, Казахстана, республик Советской Прибалтики.

В 1976—1980 гг. на стройках Западной Сибири были освоены громадные средства, превысившие 50 млрд. руб., причем именно на эту (десятую) пятилетку приходится $\frac{2}{3}$ всех вложений в Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс, сделанных за последние 15 лет¹⁷. Здесь сформировались крупные квалифицированные коллективы, первоначальный костяк которых составляли опытные рабочие и специалисты, ранее работавшие на промыслах Баку, Татарии, Башкирии, Куйбышевской обл.

Освоение нефтяной и газовой «целины» вызвало к жизни новые рабочие поселки и городские центры, перерабатывающие заводы, линии электропередач, речные порты, дорожные трассы и т. п. За период между Всесоюзными переписями 1970 и 1979 гг. население одной только Тюменской обл. увеличилось почти на полмиллиона человек.

Фундаментом успехов с самого начала стала комплексная механизация и автоматизация работ, плановое внедрение наиболее прогрессивной техники и технологии. В конце десятой пятилетки было автоматизировано свыше двух третей всех промыслов. Во всех районах действовали вычислительные центры, включенные в единую АСУ. Именно здесь передовики производства открыли и внедрили новые способы бурения, добились рекордной производительности труда. Эталонам технического прогресса по мощности, протяженности и оснащенности стали сибирские нефте- и газопроводы. Все это, вместе взятое, и обеспечило такие масштабы и темпы промышленного преобразования громадных территорий страны, которые были бы невозможны без коренной ломки традиционных способов и методов освоения новых регионов.

Сто лет существовали знаменитые промыслы Баку, прежде чем они стали давать 20 млн. т нефти в год. Западная Сибирь прошла такой же путь за несколько лет эксплуатации земных недр. Пятнадцать лет потребовалось Татарии, чтобы довести годовой уровень добычи до 100 млн. т. Тюмень поднялась на эту отметку уже в 1974 г. Именно в этом году СССР стал самой крупной нефтедобывающей страной в мире; некогда рекордные показатели США остались позади,

В мировой экономике нет аналогов темпам и масштабам развития Западно-Сибирского региона, что в основе своей связано с плановым созданием единого территориально-производственного комплекса. По общему признанию, если бы нефтяные и газовые кладовые региона удалось открыть до войны или вскоре после нее, втянуть их в хозяйственный оборот тогда было бы практически невозможно. В 70-е годы такая задача оказалась уже реальной, ибо СССР располагал достаточными экономическими, финансовыми, кадровыми возможностями для развертывания НТР, для соединения ее достижений с преимуществами плановой системы хозяйства. В условиях, когда энергетический кризис нанес ощутимые удары по индустриальным странам Запада, Советский Союз оставался единственным крупным государством, которое не знало его болезненных последствий и базировало свое развитие на собственных топливно-энергетических ресурсах.

В 1980 г. в Западной Сибири было добыто 312 млн. т нефти (включая газовый конденсат). Удельный вес региона в общей добыче газа в стране превысил 37%, нефти — 52% вместо предполагавшейся одной трети. В сумме это означало десятую часть мировой добычи нефти и газа¹⁸. Последнее тем более важно подчеркнуть, что нефть и газ экспортируются из СССР в значительном количестве. Их потребителями становятся не только государства, входящие в СЭВ, но и такие страны, как ФРГ, Франция, Италия, Австрия. Тем самым расширяется база для взаимовыгодного сотрудничества в Европе и достижения прочного мира на нашей планете.

Анализируя новые черты, характеризующие социально-экономическое развитие СССР в минувшее десятилетие, следует особо выделить вопрос об инфраструктуре. 70-е годы ознаменовались не только громадным увеличением размеров индустриального строительства (за две пятилетки основные производственные фонды выросли почти в 2,2 раза, а валовой общественный продукт составил в 1980 г. 167% по отношению к 1970 г.). Существенно усложнились хозяйственные связи, выросли транспортные потоки, резко усилился спрос потребителя на высококачественную продукцию, что отражало общий подъем благосостояния и культуры населения. Эти обстоятельства были в полной мере учтены при подведении итогов девятой пятилетки и постановке задач на десятую, т. е. на вторую половину 70-х годов. «В предстоящий период, — подчеркивалось на XXV съезде КПСС, — нам придется выделять больше ресурсов на ускоренное развитие транспорта, связи, системы материально-технического снабжения — всего, что называют инфраструктурой»¹⁹.

Конечно, каждая из названных отраслей и ранее играла немаловажную роль. Однако государство далеко не всегда располагало необходимыми средствами и ресурсами для их полнокровного роста. Наибольшее внимание уделялось железнодорожному транспорту, гораздо меньше — складскому хозяйству, прокладке автомобильных дорог в сельских районах, строительству объектов, связанных с материально-техническим снабжением. То же самое

можно сказать о подготовке кадров, накоплении соответствующего опыта в целом. В Отчетном докладе ЦК XXV съезду КПСС отмечалось: «В прошлом многим из этих сфер, в частности дорожному строительству, складскому хозяйству, мы просто не могли уделять должного внимания. Теперь этим придется заниматься, и заниматься серьезно»²⁰.

На практике это означало не просто усиление внимания к каждой из перечисленных отраслей в отдельности. Главное заключалось в том, чтобы реализовать такой подход к их функционированию, при котором они представляли бы собой единый комплекс, единое целое в хозяйственной политике партии и государства. Важнейшей задачей при этом становилось преодоление ведомственной и территориальной разобщенности, при которой различные виды транспорта (железнодорожный, водный, автомобильный, воздушный, а также быстро растущий трубопроводный) действовали несопряженно, что усугублялось диспропорциями в наращивании складского хозяйства, различных подразделений системы материально-технического снабжения.

Наибольшую озабоченность вызывало состояние железнодорожного транспорта, который работал с большими трудностями. Располагая 11% длины стальных линий земного шара, железнодорожники страны осуществляли более половины мировых перевозок¹. Перенапряженность работы железнодорожного транспорта сильнее всего ощущалась на магистралях, соединяющих центр страны с Сибирью, по которым шла переброска все более возрастающих объемов нефти и угля с востока на запад (связано это было прежде всего с тем, что вовлеченные в годы десятой пятилетки в оборот новые месторождения были размещены в основном в Сибири и Казахстане, а основные потребители находились в европейской части страны и на Урале). Железные дороги оказались на треть загруженными перевозкой топлива. Увеличивалась транспортировка и других важных народнохозяйственных грузов, тем более что сооружение новых магистралей не поспевало за ростом общественного производства. Трудности вызывались не только нехваткой путей и транспортных средств, но и медленной погрузкой и разгрузкой вагонов, недостатком складских помещений и т. д. Транспорт стал «узким местом» в экономике страны.

Сложившееся положение стало предметом тщательного анализа. Правительство и ЦК КПСС приняли ряд специальных решений с целью развития железнодорожного транспорта в 1976—1980 гг. Весной 1978 г. Политбюро ЦК КПСС создало специальную комиссию для принятия оперативных мер по улучшению работы транспорта. На этот ключевой участок народного хозяйства были направлены дополнительные капиталовложения²², причем более 40% всех затрат для капитального строительства на железнодорожном транспорте пошли в восточные районы страны²³.

В значительной мере преодолению выявившихся препятствий способствовала творческая инициатива железнодорожников, в среде которых возник ряд интересных трудовых починков. Ряд

столичных коллективов начал движение за ускорение доставки грузов путем увеличения веса и длины поездов. Они также добились резкого сокращения простоя вагонов. Основой успеха стало оснащение железных дорог и предприятий установками промышленного телевидения, радиосвязью, электронно-вычислительными машинами. Опираясь на новейшие технические решения, работники депо четко организовали свою работу, проявляя инициативу и изобретательность при решении возникающих сложных вопросов. Заметных успехов в налаживании трудовой состязательности и взаимопомощи добились новаторы Ленинграда: они вовлекли в единое соревнование моряков, железнодорожников, автомобилистов и речников, относящихся к Ленинградскому транспортному узлу в целом. Их опыт совместной работы был использован в Москве, Одессе, Ильичевске, Мурманске, Риге и др.

Усилению потенциала железнодорожного транспорта способствовало также новое строительство на востоке страны. Грандиозные масштабы приняло сооружение Байкало-Амурской магистрали, начатое в 1974 г. Этой программе, рассчитанной на десять лет, придавалось огромное экономическое и социально-политическое значение. Призванная ускорить развитие производительных сил Сибири и Дальнего Востока, вовлечь в хозяйственный оборот крупнейшие запасы полезных ископаемых и леса, улучшить внешнеэкономические связи СССР через морские порты Дальнего Востока, она в годы десятой пятилетки успешно выполнялась. В канун 1981 г. в эксплуатации находилось в общей сложности 1600 км путей (половина всей магистрали). По действующим звеньям БАМа перевозилось оборудование, материалы для стройки, из вновь освоенных районов поезда везли лес и якутский уголь. От громадных капиталовложений, направленных на стройку, страна начала получать отдачу. Одновременно в строй вступали новые железнодорожные линии в Тюменской обл. (дорога Сургут—Уренгой), на Оренбуржье, на Урале и ряде других районов страны. Однако следует заметить, что возросшие потребности в перевозках грузов железнодорожный транспорт удовлетворял не в полной мере. На это было снова обращено внимание в речи на пленуме ЦК КПСС (ноябрь 1982 г.) Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова, других участников пленума.

Решение транспортной проблемы было связано также с усилением внимания к доставке грузов с помощью трубопроводов. В 70-е годы общая протяженность магистралей удвоилась и намного превысила эксплуатационную длину железных дорог. В 1970 г. протяженность газовых и нефтяных магистралей составляла 105 тыс. км, а железных дорог — более 135 тыс. км. К началу 80-х годов длина трубопроводов превысила 200 тыс. км, в то время как протяженность железнодорожных путей выросла лишь на несколько тысяч км. Примечательно и другое: в 1970 г. грузооборот железных дорог превышал трубопроводные перевозки примерно в 9 раз, к концу 70-х годов этот разрыв сократился втрое. Более того, по объему перевозок трубопроводы заняли второе

место (для сравнений укажем, что еще в 1960 г. трубопроводы уступали по этому показателю не только железнодорожному транспорту, но также автомобильному, морскому и речному)²⁴.

К концу десятой пятилетки были построены многониточная газовая система протяженностью в 11 тыс км., соединившая север Западной Сибири с западными границами СССР, магистраль «Союз», созданная при участии стран — членов СЭВ, и ряд других трасс. Ни одна страна в мире не строила газопроводы такой мощности, какие создавались в СССР. Одновременно продолжалось сооружение новых мощных нефтепроводов, протянувшихся из Западной Сибири в центр страны и Восточную Сибирь. Нефть из Тюменской обл. поступила на предприятия Омска, Альметьевска, Куйбышева. На трассах за пять лет выросло более трехсот мощных перекачивающих и компрессорных станций.

Опыт эксплуатации дальних магистралей целиком подтвердил выгодность строительства различных трубопроводов, разработки аналогичных средств транспортировки грузов, тем более что традиционными методами осуществлять их переброску становилось все труднее. Только доставка каменного угля занимала сотни тысяч вагонов. Одним из вариантов решения проблемы стало создание трубопроводов для перекачки угольной пульпы. Уже вступили в строй небольшие магистрали (длиной по 10 км каждая), доставляющие твердое топливо с гидрошахт на Западносибирский металлургический завод и Беловскую ГРЭС. Разрабатывались технико-экономические обоснования для строительства опытно-промышленного углепровода протяженностью в 257 км²⁵.

Если в угольной промышленности еще только закладывались основы применения трубопроводного транспорта, то химическая индустрия в канун одиннадцатой пятилетки уже обогатилась уникальным сооружением — аммиакопроводом в 2,5 тыс. км, протянувшимся от Тольятти до Одессы. Он оборудован автоматизированной системой управления, современными средствами телемеханики и контроля с применением ЭВМ. Вдоль всей трассы расположены тридцать раздаточных станций, откуда ценнейшие минеральные удобрения подаются на поля семнадцати областей Российской Федерации и Украины. Часть продукции поступает с помощью механизированного комплекса по перегрузке химической продукции на танкеры и идет на экспорт. Вновь созданное производство аммиака возводилось на компенсационной основе: фирмы США, ФРГ, Франции и других стран поставляли оборудование и техническую документацию, плата за них производилась готовой продукцией и полуфабрикатами²⁶.

Значительно поднялся грузооборот автомобильного транспорта. В основе этого роста лежали достижения автомобильной промышленности, которая пережила в 70-е годы второе рождение. Первая очередь КамАЗа (завод построен в Татарии, в г. Набережные Челны — ныне Брежнев) сдана в эксплуатацию в начале 1976 г. В 1980 г. завод, наращивая мощности, уже выпустил 200 тыс. автомобилей. Мощные большегрузные машины значительно обновили

транспортный парк страны. В Российской Федерации, например, КамАЗы в 1980 г. перевозили 40% всех грузов.

В начале 1981 г. была сдана в эксплуатацию вторая очередь автомобильного гиганта. Использование дизельных КамАЗов обеспечило к тому времени большую экономию топлива²⁷.

Наряду со строительством новых заводов в автомобильной промышленности проводилась коренная реконструкция действующих предприятий, на которых были разработаны новые модели, отличающиеся увеличенной грузоподъемностью и повышенной экономичностью. В канун 80-х годов только с помощью грузовиков доставлялось грузов заметно больше, чем всем транспортом страны в первый послевоенный год. И все же автомобили (хотя СССР уже много лет стоит на первом месте в мире по выпуску грузовиков) не занимали в развитии народного хозяйства должного места, соответствующего объективным возможностям этого средства перевозок. Общее состояние обслуживающих их хозяйств, ремонтных мастерских и заводов, а также сравнительная неразвитость сети шоссе и сельских дорог существенно снижали коэффициент полезного действия автомобильного парка страны. В середине десятой пятилетки лишь половина автодорог располагала твердым покрытием, а тех, которые имели усовершенствованное покрытие, было еще вдвое меньше.

Положение усугублялось отставанием такого участка инфраструктуры, который призван обеспечивать сохранность произведенной продукции. Анализируя подобного рода трудности, партия и правительство разработали дополнительные мероприятия по строительству индустриальными методами современных элеваторов и складов, холодильных установок большой емкости, по усовершенствованию всей системы материально-технического снабжения, оснащению ее электронно-вычислительными устройствами. Реализация намеченных решений отражала общий рост возможностей советской индустрии. Важным свидетельством тому были сдвиги в дорожном строительстве, где намеченные на 1976—1980 гг. планы удалось перевыполнить.

Общий размах работ в сфере инфраструктуры воочию свидетельствует о возрастающем значении этой отрасли экономики в народном хозяйстве СССР. Развитие комплекса отраслей, обслуживающих весь процесс воспроизводства, создает условия для бесперебойного и планомерного ускорения всех стадий этого процесса. Каждый успех в работе транспорта, в обеспечении сохранности всевозможных видов продукции тяжелой и легкой индустрии, равно как и сельского хозяйства, на практике высвобождает средства для новых капиталовложений, экономит затраты времени, облегчает труд людей. Поэтому усиление внимания к инфраструктуре становится одним из важнейших направлений в деле повышения эффективности и качества, общей ориентации производства на достижение конечных народнохозяйственных результатов и максимально полного удовлетворения запросов потребителя.

Разумеется, то новое, что было связано с ускорением научно-технического прогресса (прежде всего с автоматизацией производ-

ства), упрочением топливно-энергетической базы и развитием инфраструктуры, нужно видеть и оценивать в общем контексте роста советской экономики в 70-е годы. Только за 1971—1980 гг. выпуск средств производства превысил масштабы предшествующих 20 лет, вместе взятых. Произошло существенное перемещение производительных сил на восток страны. Успешно идет формирование больших территориально-производственных комплексов на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, в Казахстане и Средней Азии. Здесь выросли крупные индустриальные центры, связанные с добычей нефти, газа, угля, производством различных станков, машин, оборудования. Большие возможности для развития восточных и северных районов страны, богатых природными ресурсами, открывает сооружение Байкало-Амурской магистрали.

Индустриальное освоение новых регионов сопровождается рождением множества производственных коллективов, несущих с собой высокую культуру труда и быта, современный ритм жизни. Все это важно и в социальном, и в политическом плане. Главное же заключалось в том, что плоды экономического подъема, стабильного наращивания научно-технического потенциала страны ощущали все советские люди. Среднемесячная зарплата рабочих и служащих превысила в 1980 г. 168 руб., превзойдя уровень 1970 г. примерно на 40%. Еще быстрее росла оплата труда колхозников. Почти в два раза увеличились выплаты и льготы из общественных фондов потребления²⁸.

Большое внимание уделялось в эти годы достижению сбалансированности спроса и предложения, последовательной рационализации потребления, удовлетворению возросших потребностей населения. Намного увеличилось и производство товаров, ставших традиционными. Если в 1970 г. только половина всех семей в стране имела телевизоры, то к концу десятой пятилетки передачи по телевидению смотрело свыше 80% семей. Такой же стала обеспеченность и холодильниками (в начале 70-х годов ими располагала лишь каждая третья семья). Намного больше стало стиральных машин, радиоприемников. Примерно каждая двенадцатая семья владела автомобилем, десятая — мотоциклом и мотороллером, вторая — велосипедом. Особенно быстро повышалась насыщенность этими товарами в деревне. В результате уровень обеспечения товарами культурно-бытового назначения горожан и сельских жителей заметно сблизился, а по обеспеченности семей швейными машинами, велосипедами и мотоциклами деревня обогнала город²⁹.

Государство увеличило стипендии студентам высших и средних специальных учебных заведений, а также технических училищ. Ученики первых пяти, а теперь девяти классов стали получать учебники бесплатно. Особо нужно отметить такое социальное достижение, как жилищное строительство. За годы девятой и десятой пятилеток были построены жилые дома, площадь которых превысила весь городской жилищный фонд страны начала 60-х годов.

Заслуживают внимания новые данные о самих строителях нового общества — советских людях.

Всесоюзная перепись населения, проведенная в 1979 г., дала дополнительные материалы для изучения численности граждан во всех союзных республиках, городах и сельских пунктах, о соотношении мужчин и женщин, уровне образования, национальном составе и т. д. Мир получил еще одну возможность познакомиться с состоянием трудовых ресурсов СССР, с сущностью советского образа жизни, открывающего доступ всем гражданам к богатствам культуры, с характером закономерностей зрелого социализма, которые отражают рост социальной однородности советского общества, способствуют дальнейшему упрочению той новой исторической общности людей — советского народа, которая сложилась в СССР.

На 17 января 1979 г. в СССР было зафиксировано 262,4 млн. чел. (на 20,7 млн. больше, чем в январе 1970 г.) — на 1 января 1983 г. численность населения составляла 271,2 млн. чел. Удельный вес горожан продолжал расти: к началу 1982 г. на их долю приходилось 64% жителей страны; 36% проживали в сельской местности. Примечательным было то, что в 70-е годы естественный прирост горожан впервые превзошел естественный прирост сельского населения.

В 1981 г. уже в 22 наиболее крупных центрах СССР численность жителей превышала миллион человек. Ни одна другая страна мира не имела такого количества крупных центров экономики и культуры ³⁰.

70-е годы в целом характеризовались вполне благоприятной с точки зрения естественных приростов трудоспособного населения демографической ситуацией: его абсолютный среднегодовой прирост в 1971—1978 гг. был выше, чем в 1961—1970 гг. (К трудоспособному возрасту подошло поколение молодежи, родившееся в 50-е годы, когда уровень рождаемости был самым высоким после войны). Это положение было очень важным, ибо уже свыше 92% лиц трудоспособного возраста были вовлечены в общественное производство или продолжали учиться.

В годы десятой пятилетки численность рабочих и служащих в народном хозяйстве страны продолжала расти, хотя и несколько медленнее, чем в предыдущий период. К этому времени выявилась четкая тенденция уменьшения новых пополнений как в промышленности, так и во всем народном хозяйстве. Связано это было с тем, что с конца 70-х годов в трудовой возраст начало вступать сравнительно немногочисленное поколение молодежи, родившееся в 60-е годы. Сказались отдаленные демографические последствия войны. Из расчетов экономистов следовало, что прирост населения в трудоспособном возрасте в 80-е годы по сравнению с 70-ми снизится с 18 до 3,8% ³¹. В этих условиях экономное, рациональное использование трудовых ресурсов становилось все более насущной проблемой.

Достигнутые в 70-е годы успехи в экономическом и социальном развитии СССР позволили выдвинуть на весь период 80-х годов еще более значительные задачи, направленные на дальнейшее совершенствование развитого социализма, обеспечение поступатель-

ного движения советского общества. Они нашли отражение в документах XXVI съезда партии, майского и ноябрьского (1982 г.) Пленумов ЦК КПСС. Суть их в области экономики состоит в усилении интенсификации общественного производства, повышении эффективности народного хозяйства, ускорении научно-технического прогресса, дальнейшем росте производительности труда, увеличении выпуска и повышении качества продукции, экономии всех видов ресурсов, достижении наивысших результатов при наименьших затратах.

Решение этих задач приведет к дальнейшему росту материального благосостояния советских людей, к более полному удовлетворению их возрастающих культурно-бытовых запросов, явится новым подтверждением преимуществ социалистических принципов экономического строительства, советского образа жизни.

¹ Народное хозяйство СССР в 1970 г.: Стат. ежегодник. М., 1971, с. 142—145.

² Народное хозяйство СССР в 1970 г., с. 82, 88.

³ XXIV съезд КПСС: Стеногр. отчет. М., 1971, т. 2, с. 249—250.

⁴ XXIV съезд КПСС, т. 1, с. 63.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 24, с. 193.

⁶ Государственный пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы. М., 1972, с. 27.

^{6a} Правда, 1982, 11 июня.

⁷ СССР в 70-е годы. М., 1981, с. 68.

⁸ СССР в 70-е годы, с. 69.

⁹ Народное хозяйство СССР. 1922—1982 гг.: Юбилейный стат. ежегодник. М., 1982, с. 133.

¹⁰ Народное хозяйство СССР. 1922—1982 гг. ..., с. 131.

¹¹ Народное хозяйство СССР. 1922—1982 гг. ..., с. 191.

¹² Народное хозяйство СССР. 1922—1982 гг. ..., с. 101; Народное хозяйство СССР в 1979 г. М., 1980, с. 114.

¹³ Лельчук В. С. Научно-техническая революция и промышленное развитие СССР. — Ист. зап., 1979, 103, с. 52—53.

¹⁴ Народное хозяйство СССР. 1922—1982 гг. ..., с. 45.

¹⁵ Народное хозяйство СССР. 1922—1982 гг. ..., с. 9; Вестн. статистики, 1981, № 1, с. 66, 67.

¹⁶ XXVI съезд КПСС: Стеногр. отчет. М., 1981, т. 1, с. 72.

¹⁷ Правда, 1980, 27 мая; XXVI съезд КПСС ..., т. 1, с. 350.

¹⁸ Правда, 1980, 27 мая; XXVI съезд КПСС ..., т. 1, с. 350.

¹⁹ XXV съезд КПСС: Стеногр. отчет. М., 1976, т. 1, с. 68.

²⁰ XXV съезд КПСС, т. I, с. 68.

²¹ Правда, 1980, 15 янв.

²² Справочник партийного работника М., 1979, вып. 19, с. 40.

²³ Симонов К. Жизненные коммуникации социалистической экономики. — Коммунист, 1978, № 17, с. 52.

²⁴ Народное хозяйство СССР в 1980 г., с. 293, 294, 305.

²⁵ Плановое хозяйство, 1977, № 10, с. 99—101; Правда, 1981, 11 янв.

²⁶ Правда, 1979, 19 марта; 1980, 26 нояб.; Экономическая газета, 1980, № 38, с. 1.

²⁷ Родина Советская, 1917—1980: Ист. очерк. М., 1981, с. 620.

²⁸ XXVI съезд КПСС, т. 1, с. 53.

²⁹ Народное хозяйство СССР в 1979 г., с. 433—434.

³⁰ СССР в цифрах в 1979 г.: Крат. стат. сб. М., 1980, с. 13—14.

³¹ Трудовые ресурсы СССР. М., 1979, с. 12.

КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОБОГАЩЕНИЕ НАРОДОВ СССР В 60 — 70-Х ГОДАХ

Прогресс человечества и каждого из составляющих его народов неотделим в новое время от усиливающегося взаимообщения наций во всех областях жизни. Это диктуется особенностями современного общественного производства, которое требует теснейшего взаимодействия людей в материальной и духовной сферах. В. И. Ленин отмечал, что «вся хозяйственная, политическая и духовная жизнь человечества все более интернационализируется уже при капитализме. Социализм целиком интернационализирует ее»¹. Обусловливаемую этим ломку национальных перегородок, учащение связей между нациями и их сближение В. И. Ленин считал безусловно прогрессивным явлением, способствующим развитию наций.

Однако действие тенденции к интернационализации нуждается в ряде необходимых условий. Во-первых, интернационализация общественной жизни и сближение наций не существуют вне связи с национальным хозяйством, с национальной культурой, поскольку как материальное, так и духовное производство организуется прежде всего в национальных рамках. К. Маркс и Ф. Энгельс в этой связи подчеркивали: «Взаимоотношения между различными нациями зависят от того, насколько каждая из них развила свои производительные силы, разделение труда и внутреннее общение»². Следовательно, развитие национальной экономики и культуры, содействие максимальному раскрытию потенций каждой нации в производстве материальных и духовных ценностей — один из важнейших факторов, определяющих как темпы и масштабы накопления этих ценностей, так и возможности взаимобмена ими.

Во-вторых, путь к широкому взаимообщению наций (в том числе и в духовной жизни) открывает лишь полная ликвидация национального угнетения, национальной дискриминации в любой их форме. Эти явления, утверждающие национальное неравенство, мешают установлению «вполне демократического отношения между нациями»³. Такие равноправные отношения несовместимы с колониализмом и неоколониализмом, с проповедью национализма, какое бы обличье он не принимал, будь то шовинизм, расизм или сионизм.

В-третьих, характер, формы и интенсивность взаимодействия народов существенным и самым непосредственным образом зависят от международной обстановки, от уровня доверия между нациями, от обеспечения мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Заключительный акт международного совещания в Хельсинки (1975 г.) ставит в прямую зави-

симость развитие экономических и культурных контактов между народами от состояния разрядки напряженности в мире, от отказа применения силы в международных отношениях⁴.

Как можно расценить условия, в которых действует тенденция к интернационализации общественной жизни народов, применительно к современному миру? Весь исторический опыт свидетельствует о том, что империализм, неотделимый от социальных потрясений, массовой безработицы, от пренебрежения к духовному миру человека, отнюдь не способствует приумножению материального и культурного фонда человечества, наоборот, препятствует этому процессу; колониалистская и неоколониалистская политика империализма, его националистическая идеология ставят серьезные преграды на пути развития национальной жизни многих народов, закрепляют их зависимое положение от развитых капиталистических наций, отравляют отношения между ними ядом подозрительности и недоверия; усиление агрессивности империализма, его курс на срыв разрядки и гонку вооружений не только ведут к бессмысленной растрате материальных и духовных ценностей, но и к свертыванию уже установившихся международных экономических и культурных связей.

Принципиально иные условия для функционирования тенденции сближения народов обеспечивает социализм. Как отметил XXVI съезд КПСС, страны социалистического содружества строят новый, социалистический мир, и вместе с этим — небывалый еще в истории тип отношений между государствами, по-настоящему справедливых, равноправных, братских⁵. Укрепляется взаимодействие социалистических стран во всех сферах жизни, углубляется их социалистическая экономическая интеграция. «Прочной нормой стали духовное общение, тесные связи в области идеологии и культуры»⁶. Расширяется сотрудничество со странами, освободившимися от колониального гнета, что способствует развитию их национальной экономики и культуры. Неустанная деятельность СССР и всего социалистического содружества, направленная на защиту независимости и суверенитета народов от происков империализма, на поддержку национально-освободительного движения, помогает образованию и утверждению молодых государств, выходу их на арену международного сотрудничества. Огромную роль играет борьба СССР и других стран социалистического содружества за ослабление международной напряженности, углубление разрядки, за разоружение. Тезис XXVI съезда КПСС о том, что «Советский Союз и его союзники являются теперь более, чем когда-либо, главной опорой мира на земле»⁷, выражает глубокий интернационализм внешней политики СССР и всего социалистического содружества, характеризует их действительно выдающийся вклад в обеспечение мирного развития и сотрудничества народов в политической, экономической и культурной областях.

Итак, только социализм, устранивший эксплуатацию человека человеком и национальное неравенство, утверждающий свободное

развитие наций, обеспечивает условия для беспрепятственного производства национальных материальных и духовных богатств и взаимобмена ими. Наиболее рельефно тенденция к интернационализации проявляется в многонациональном социалистическом государстве, где совместно проживающие народы «связывают миллионы и миллиарды нитей экономического, правового и бытового характера»⁸.

*

Еще в дореволюционную пору народы многонациональной России устанавливали — вопреки колониальной политике правящих кругов — экономические, политические и культурные связи друг с другом⁹. Из исторического творчества рабочего класса, из синтеза интернационально-значимых достижений каждой национальной культуры складывались элементы интернациональной культуры. «Интернациональная культура, уже теперь создаваемая систематически пролетариатом всех стран, — писал В. И. Ленин еще до Октябрьской революции, — воспринимает в себя не „национальную культуру“ (какого бы то ни было национального коллектива) в целом, а берет из *каждой* национальной культуры *исключительно* ее последовательно демократические и социалистические элементы»¹⁰. Но только социализм создал обстановку, содействующую невиданному расцвету, взаимообогащению и взаимообогащению национальных культур.

Победа Великого Октября принесла всем угнетенным народам России подлинную свободу национального развития, в том числе и свободу духовного творчества. Но это решающее политическое условие социального (в том числе и культурного) прогресса народов Страны Советов не могло быстро воплотиться в реальные достижения; потребовался длительный исторический период (примерно два десятилетия), глубокая культурная революция, чтобы советские народы прочно заняли свое место в ряду самых цивилизованных наций мира.

В ходе культурной революции была осуществлена беспрецедентная по своей сложности и многогранности преобразовательная работа:

последовательно проведена демократизация культуры, позволившая приобщить к ней «наинижайшие низы», т. е. те слои населения (без различия национальности), которые при эксплуататорском строе были отстранены от культурного прогресса;

ликвидирована массовая неграмотность населения как в среде славянских наций (русской, украинской, белорусской), так и в среде неславянских народов, в том числе тех, которые переходили к социализму, минуя капиталистическую стадию развития;

разработана для бесписьменных в прошлом народов национальная письменность, что обеспечило быстрый подъем культуры этих народов;

достигнуто выравнивание культурного уровня мужского

и женского населения — явление, особенно знаменательное для тех народов, у которых до революции женщина была лишена самых элементарных прав (например, у мусульманских народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана);

обеспечено оформление у всех народов слоя советской национальной интеллигенции, явившееся закономерным следствием повсеместного развития высшего и среднего специального образования;

осуществлено преобразование прежнего национального сознания, базировавшегося на господстве буржуазной, мелкобуржуазной, феодально-клерикальной и других идеологий, в новое национальное сознание, основанное на принципах марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма;

обеспечен подлинный расцвет национальной по форме и социалистической по содержанию культуры всех советских народов, высокий уровень развития которой и полное равноправие дали мощный импульс к активному межнациональному культурному взаимодействию.

В 40—50-е годы, несмотря на тяжелые испытания, связанные с Великой Отечественной войной и послевоенным восстановлением народного хозяйства, развитие культуры народов СССР неуклонно продолжалось, углублялось также их духовное взаимодействие. Этот процесс был одним из выражений формирования и развития новой социальной и интернациональной общности, которая к началу 60-х годов обрела уже зрелые формы и характеризовалась, в частности, наличием многих общих черт в духовном и морально-политическом облике советских наций и народностей.

Развитое социалистическое общество не существует без мощного духовного потенциала, без интенсивного культурного взаимодействия людей, оказывающего огромное влияние на прогресс всего общества и каждой отдельной личности. В Конституции СССР 1977 г. записано: что социалистическое общество «это — общество, в котором созданы могучие производительные силы, передовая наука и культура, в котором постоянно растет благосостояние народа, складываются все более благоприятные условия для всестороннего развития личности»¹¹.

Чтобы духовное взаимодействие и взаимообогащение народов стало устойчивым явлением, необходимо каждой нации располагать такой «культурной средой», которая способна производить и использовать духовные ценности. Каков сегодня духовный потенциал советского народа и объединяемых им наций и народностей? За 30 лет (с 1950 по 1980 г.) численность научных работников в СССР возросла со 162,5 тыс. до 1373,3 тыс. человек, или более чем в 8 раз (это четвертая часть всех научных работников мира). Еще быстрее увеличивалась доля женщин в составе научных работников (59,0 тыс. в 1950 г. и 548,1 тыс. в 1980 г., рост в 9,3 раза)¹². Этот же процесс характерен для всех союзных республик. В Грузии и Эстонии численность научных кадров увеличилась за указанное время более чем в 5 раз, в Азербайджане — в 6,5, в Турк-

мении — в 7, в РСФСР, на Украине, в Узбекистане и Армении — в 8—9, в Литве, Латвии, Киргизии, Таджикистане — более чем в 10, в Казахстане и Молдавии — в 11—12, в Белоруссии — почти в 15 раз¹³. Это обеспечило крупные достижения в углублении научно-технического прогресса¹⁴.

Постоянно повышается уровень образованности советского народа и каждой нации и народности. Если в 1940/41 учебном году в СССР всеми видами обучения было охвачено 47,5 млн. человек, в 1965/66 г. — 71,9, то в 1980/81 г. — 100,2 млн. человек. В стране осуществляется всеобщее обязательное среднее образование молодежи. В 1961—1965 гг. в СССР получили среднее (общее и специальное) образование 6,7 млн. человек, а в 1976—1980 гг. — 25,2 млн.¹⁵

Расширяются масштабы, совершенствуются содержание и формы высшего и среднего специального образования. В 1965/66 учебном году в СССР действовало 756 высших учебных заведений, в которых обучалось 3,9 млн. студентов; в 1980/81 учебном году — соответственно 883 и 5,2 млн. За период с 1966 по 1981 г. число средних специальных учебных заведений в стране возросло с 3820 до 4383, а учащихся в них — с 3,7 до 4,6 млн. человек¹⁶. Увеличение численности вузов, средних специальных учебных заведений, а также обучающихся в них студентов и учащихся (как и выпуска специалистов) происходит во всех без исключения союзных республиках. Повсеместно возрастает удельный вес студентов, учащихся средних специальных учебных заведений, а также специалистов в составе населения¹⁷.

Благоприятную среду для интенсивного взаимообмена национальными культурными ценностями обеспечивают расширение сети, усиление деятельности различных культурно-просветительных учреждений. Так, в 1965 г. в Советском Союзе насчитывалось 127,1 тыс. массовых библиотек с книжно-журнальным фондом в 1,1 млрд. экз.; в 1980 г. в 132 тыс. таких библиотек имелось свыше 1,8 млрд. книг и журналов. Нарращивание книжного фонда массовых библиотек происходило во всех союзных республиках. За последние 15 лет только в массовых библиотеках системы Министерства культуры СССР число читателей возросло с 63,2 до 112 млн. человек, а выдача книг и журналов увеличилась с 1,2 до 2,6 млрд. экземпляров¹⁸.

В течение 60—70-х годов в стране в целом и в каждой республике расширилась сеть клубных учреждений, музеев, театров. Необычайно активизировалась художественная самодеятельность населения: в 1965 г. в ней участвовало 5,2 млн. человек, а в 1980 г. — 20 млн. Число посещений музеев выросло с 1940 по 1980 г. с 34 до 156 млн., а театров — соответственно с 84 до 120 млн.¹⁹

Действительно массовым искусством, сильнейшим образом, влияющим на интернационализацию национальных культур, стало кино. Если в 1965 г. в СССР насчитывалось 145,4 тыс. киноустановок, то в 1980 г. — 152,6 тыс. Число посещений киносеан-

сов составило в 1980 г. по стране 4,3 млрд., или в среднем 16 посещений на одного жителя (этот показатель по республикам варьируется незначительно). Союзные и республиканские киностудии в 1980 г. выпустили 315 полнометражных кинофильмов вместо 167 в 1965 г.²⁰

Огромного размаха достигла издательская деятельность. В 1965 г. в СССР было выпущено 76,1 тыс. наименований книг и брошюр тиражом в 1,3 млн экз., а в 1980 г. — 80,7 тыс. наименований тиражом в 1,8 млн. экз. За этот период число наименований журналов и других периодических изданий увеличилось с 3846 до 5236, а их годовой тираж — с 1,5 до 3,2 млрд. экз. Значительно больше стало выпускаться газет: 7687 — в 1965 г. и 8088 — в 1980 г., их годовой тираж возрос соответственно с 23,1 до 40,0 млрд. экз. За годы Советской власти книги и брошюры в СССР издавались на 158 языках, в том числе на 89 языках народов СССР. В условиях развитого социализма обеспечивается очень высокий уровень издательской деятельности во всех советских республиках, причем только в тех из них, где преобладает славяноязычное население (РСФСР, УССР, БССР) или велика многонациональность его состава (Казахстан, Молдавия, Киргизия), значительный удельный вес занимает выпуск печатной продукции на русском языке, во всех других изданиях осуществляется в основном на национальных языках²¹.

Таким образом, в условиях зрелого социализма, в стадию которого народы СССР вступили уже обогащенные опытом длительного культурного взаимодействия, возросли возможности, усовершенствовалась среда дальнейшего усиления взаимообмена наций и народностей в сфере культуры. Во-первых, во всех республиках более многочисленными и квалифицированными стали кадры, способные активно участвовать в производстве научных и культурных ценностей, в накоплении того духовного фонда, который является достоянием не только той или иной отдельной нации, но и всего их братского социалистического сообщества; во-вторых, в связи с повсеместным ростом образованности населения расширились возможности потребления культурных достижений, усилилась потребность в восприятии, переработке и усвоении инонационального творческого опыта; в-третьих, благодаря постоянному развитию издательского дела, расширению библиотечного фонда, средств взаимовлияния разных культур посредством кино, музеев, театров, телевидения и т. д. укрепляется материальная база взаимопроникновения и взаимообогащения национальных культур, усиливаются интеграция и сотрудничество народов в приумножении общих духовных богатств.

На современном этапе для национальных культур народов СССР стало характерным тесное взаимодействие, формирование интернациональных черт. Это обогащает содержание национальных культур, разнообразит их выразительные средства, раздвигает границы общезначимого, интернационального в духовном облике советских народов. У нас стала реальностью единая по

духу и своему принципиальному содержанию советская социалистическая культура. Она включает в себя наиболее ценные традиции культуры и быта всех народов нашей страны²². Происходящая интернационализация в сфере духовной культуры народов СССР есть развитие интернационального, общезначимого в советской культуре на основе расцвета национального, полного выявления и использования в общих интересах творческого потенциала всех братских народов.

Важную роль во взаимообщении народов играет их языковая коммуникативность, т. е. способность понимать друг друга. Сравнение двух последних переписей населения СССР (1970 и 1979 гг.) показывает, что значение русского языка как языка межнационального общения продолжает возрастать. При переписи 1979 г. назвали родным русский язык 153,5 млн. человек (при переписи 1970 г. — 141,8 млн.), из них 137,2 млн. русских и 16,3 млн. других национальностей. Кроме того, 61,3 млн. человек заявили, что они свободно владеют русским языком в качестве второго языка (в 1970 г. — 41,9 млн. человек)²³. Таким образом, около 82% всего населения СССР могут в настоящее время общаться на русском языке. Кроме того, 4,7% всего населения страны (в 1970 г. — 4,2%) свободно владеют вторым (нерусским) языком народов СССР²⁴. По заключению специалистов, одно из наиболее важных отличительных свойств этноязыковых процессов в период развитого социализма состоит в дальнейшем углублении знания второго языка и в расширении масштабов распространения двуязычия. Это обусловлено самой природой социализма и протекающими ныне урбанизацией и индустриализацией страны в условиях научно-технической революции²⁵.

Взаимодействие культур народов СССР стимулируется также ростом многонациональности населения советских республик. Так, по переписи 1979 г., за пределами «своей» республики проживало: русских — около 24 млн. человек, украинцев — 5,8, белорусов — 1,9, узбеков — около 2, казахов — 1,3, азербайджанцев — 0,8, молдаван — 0,5, таджиков — 0,7, армян — 1,5 млн.²⁶

Действенным средством обогащения национальных культур является развитие переводческого дела. По имеющимся в литературе данным, во всех союзных республиках происходит неуклонный прирост переводных изданий, хотя темпы его уступают приросту оригинальной книжной продукции на языках коренных национальностей²⁷. Это свидетельствует, с одной стороны, об углублении общественных функций литературных языков коренных народов союзных республик, а с другой — о расширении данных функций, об освоении этими языками достижений инонационального литературного процесса.

Только на Украине в 1946—1975 гг. осуществлено 980 изданий переводов художественной литературы с 48 языков народов СССР общим тиражом 41,4 млн. экз. «Перевод — очень ответственное и большого идейного веса дело, — писал выдающийся украин-

ский поэт и переводчик Максим Рыльский. — Оно служит обогащению национальных культур, содействуя одновременно укреплению интернациональных связей, великой идеи дружбы народов, которая полным цветом расцвела только в послеоктябрьскую эпоху в Советском Союзе и представляет собой высокий пример всем честным трудящимся мира»²⁸.

Говоря о духовном сближении народов СССР, следует всегда иметь в виду, что оно осуществляется в условиях их идейно-политического единства, обеспеченного социалистическим строем, на основе механизма формирования и развития социалистического образа жизни, в обстановке функционирования сложившейся новой исторической общности, утвердившегося нового метода отражения действительности — социалистического реализма. По мнению исследователей, важнейшей чертой сближения народов СССР в сфере духовной культуры на современном этапе является формирование общесоюзной системы функционирования духовной культуры, которая представляет собой не просто сумму родственных и сближающихся культур, а именно систему сращения и взаимопроникновения. Особенное значение при этом принадлежит тем компонентам современной духовной культуры, которые связаны с языком (наука, публицистика, все формы словесно-художественного творчества, все формы современной массовой коммуникации технического типа — кино, радио, телевидение и т. д.)²⁹.

■ Активно взаимодействуют в этих сферах духовной культуры народы, связанные языковым родством (славяноязычные, тюркоязычные, финно-угроязычные и т. д.), но важнейшую роль здесь для всех советских народов играет их обращение к интернациональному духовному фонду посредством национально-русского двуязычия. Многое друг о друге народы СССР узнают через русскую литературу, музыку, изобразительное и театральное искусство, ибо традицией русской культуры является постоянное освоение инонациональных тем, внимание к культуре и быту других народов. Но на русском языке функционирует не только русская культура, но и значительная часть общесоветской культуры. Благодаря русскому языку становятся достоянием всей общности советских людей достижения науки, национальных литератур и искусств. При помощи и посредством переводов на русский язык широкую известность получили произведения украинских авторов О. Гончара, П. Загребельного, М. Стельмаха и др., казахских — М. Ауэзова, С. Муканова, аварского поэта Расула Гамзатова, литовца Эдуардаса Межелайтиса, калмыка Давида Кугультинова и т. д. В процессе взаимообщения культур важное значение имеет такое явление, как создание национальными писателями книг на русском языке (Чингиз Айтматов, Георгий Гулиа, Юрий Рытхэу, Олжас Сулейменов и др.). Все чаще в произведениях национальных писателей и поэтов звучат мотивы, взятые из жизни других народов. Примером этого может служить недавний роман киргизского писателя Ч. Айтматова «И дольше века длится день», в котором глубоко раскрыты черты, присущие

современному труженику-казаху. Исследователи отмечают укрепление украинско-молдавских литературных связей, что находит выражение «в широкой разработке украинской темы в молдавской литературе, а молдавской — в украинской»³⁰.

Усиление взаимодействия национальных культур есть одно из выражений развития интернационализации общественной жизни, роста подвижности населения, урбанизации, совместной деятельности представителей разных народов на межреспубликанских стройках, в единых трудовых коллективах, под влиянием печати, кино, радио, телевидения и т. д. «Широкое развитие двуязычия, — подчеркивается в научной литературе, — создает в сущности такую ситуацию, при которой многие формы современной духовной культуры, бытующие на русском языке, не могут быть однозначно определены как русские, т. е. созданные исключительно в русской этнической среде. Она все в большей и в большей мере становится синтетической по своему этническому характеру, т. е. отражающей исторический и социальный опыт не только русского народа, но и впитавшей в себя традиции и опыт многих других народов нашей страны»³¹. Сложилась, таким образом, межнациональная система духовной культуры, обслуживающая все народы Советского Союза.

Каналами взаимообщения и взаимообогащения культур народов СССР являются, помимо литературы, все другие формы художественного творчества. Широкое развитие получило театральное искусство. Сейчас во всех республиках СССР действуют 604 профессиональных театра³², а также сотни самодеятельных театров. В театральном творчестве глубоко разрабатываются национальные традиции, но важное место занимает также классика мировой драматургии и лучшие образцы драматургии братских народов. Например, в 70-х годах в репертуаре театров Российской Федерации было свыше 200 названий пьес драматургов других республик СССР, в том числе пьесы А. Корнейчука (Украина), А. Макаенка (Белоруссия), О. Иоселиани (Грузия), И. Друце (Молдавия) и др.³³ В 1956—1966 гг. на сцене театров Молдавии было поставлено 19 пьес украинской классической драматургии и 50 — советских авторов.³⁴ В театрах Азербайджана идут пьесы и инсценировки произведений Н. Гоголя и А. Островского, М. Горького и А. Чехова, У. Шекспира и Ф. Шиллера, Лопе де Вега и Н. Хикмета, Н. Погодина и А. Афиногенова, К. Симонова и К. Тренева, А. Ширванзаде и А. Корнейчука, Н. Думбадзе и Ч. Айтматова³⁵. За 1974—1977 гг. театры Эстонии поставили более 100 произведений представителей братских литератур³⁶.

Широкому ознакомлению советских народов с искусством друг друга способствуют систематически организуемые межреспубликанские декады литературы и искусства, гастроли театральных коллективов, профессиональных и самодеятельных ансамблей, фестивали искусств и т. д. Чрезвычайно возросла коммуникативность искусства в связи с массовым распространением телевидения. За последние годы только в Эстонии, например,

состоялись декады искусства Грузии, Украины и РСФСР; в свою очередь, декады эстонского искусства прошли в Грузии и на Украине. «Можно без преувеличения сказать, — отмечает Председатель Президиума Верховного Совета Эстонской ССР И. Г. Кэбин, — что мероприятия, состоявшиеся в рамках декад, просмотрела (непосредственно или по телевизору) вся наша республика. На Украине с выступлениями наших мастеров искусств, выставками, рассказывающими об Эстонии, кинофильмами, выпущенными республиканской киностудией, познакомились свыше полумиллиона человек»³⁷. Во время дней литературы и искусства Белоруссии на Украине (1975 г.) состоялось более 230 концертов и творческих встреч, десятки литературных и музыкальных вечеров в дворцах культуры Киева, Николаева, Донецка, Запорожья, Чернигова, Канева и других городов; в сельских клубах более 20 тыс. посетителей ознакомились с выставкой изобразительного, прикладного искусства и книги БССР; около миллиона зрителей разных городов и сел Украины просмотрели белорусские фильмы³⁸.

Киноискусство прочно вошло в духовную жизнь народов СССР. Решая общие идейные и художественно-эстетические задачи, оно развивается в национальных формах. Лучшие произведения национальных кинематографий находят широкую зрительскую аудиторию во всех республиках, способствуя взаимообогащению культур советских народов.

Особенно глубоко взаимодействуют национальное и интернациональное в таких сферах, как музыка, хореография, изобразительное искусство, где языковые различия теряют свое значение. Будучи тесно связаны с национально-фольклорными традициями, эти виды искусства постоянно обогащаются за счет творческого заимствования, приспособления к запросам того или иного этноса инонациональных выразительных средств. Многие народы СССР, в прошлом не знавшие оперы, балета, хорового пения, не только освоили эти жанры искусства, но и внесли существенный вклад в их дальнейшее совершенствование. Интенсивное межреспубликанское взаимообогащение способствует выработке общих черт в тематике, средствах выражения творческих замыслов, мелодийном строе произведений и т. д. Инонациональное, усвоенное и переработанное, становится неотъемлемой частью национального искусства, расширяя границы и сферу его взаимодействия с искусством всех народов.

В изобразительном искусстве народов СССР ярко отражен национальный колорит, но вместе с тем характерным его элементом стало обращение всех национальных художников к глубокому отображению советской действительности, образа советского человека — патриота и интернационалиста, создателя коммунистического общества. Новые мотивы проникли и в традиционное декоративно-прикладное искусство народов СССР.

Важной областью духовного взаимообщения стала наука. Здесь можно выделить два аспекта: наука как сфера сотрудничества

народов и воздействие науки на процесс их дальнейшего духовного сближения. Как уже указывалось, во всех советских республиках сформировались многочисленные научные кадры, осуществляющие тесную кооперацию в разработке проблем, имеющих одинаково большое значение как для развития каждой нации и народности, так и для советского многонационального народа в целом. Необходимость сосредоточения научных сил на важнейших направлениях развития науки диктуется требованиями современной научно-технической революции, увеличением масштабов исследований, усложнением задач науки, расширением сети научных учреждений. Общее научное руководство исследованиями по важнейшим проблемам естественных и общественных наук, выполняемыми в академиях наук союзных республик, вузах и других научно-исследовательских учреждениях страны, осуществляет Академия наук СССР. Ведется координация научных исследований в рамках отдельных регионов (здесь действуют региональные координационные советы). Так, ученые Украины, Белоруссии и Молдавии (Западный регион) принимают активное участие в совместных разработках по научно обоснованной эксплуатации природных ресурсов с учетом охраны и воспроизводства окружающей среды, в области материаловедения и энергетики, экономики и сельского хозяйства, а также в области общественных наук ³⁹.

Ученые активно включаются в реализацию общесоюзных и республиканских комплексных программ. Например, научные учреждения АН Латвийской ССР являются соисполнителями 23 программ, утвержденных Госкомитетом СССР по науке и технике. Некоторые из них, имеющие большое народнохозяйственное значение, включены в пятилетний план республики. Кроме того, академические институты участвуют в выполнении ряда республиканских программ — по разработке и внедрению комплексной системы управления качеством продукции, созданию республиканской автоматизированной системы управления, решению вопросов рационального использования природных ресурсов и др.⁴⁰ «Грузинские ученые, — подчеркивает первый секретарь ЦК Компартии Грузии Э. А. Шеварнадзе, — принимают активное участие в разработке проблем, которые предусмотрены государственными планами развития народного хозяйства республики и страны в целом.

ЦК Компартии Грузии ставит новые задачи по участию научных центров республики в дальнейшем развитии научно-технического прогресса. В этом отношении мы серьезно изучаем опыт Украинской ССР, других братских республик, стремясь сделать все возможное для того, чтобы наши ученые наиболее эффективно воздействовали на научно-технический прогресс, на соединение его достижений с преимуществами социализма⁴¹. Значительных успехов в разработке проблем, имеющих общегосударственное значение, добиваются ученые автономных республик. Так, группе исследователей Кабардино-Балкарского Высокогорного геофизического института, разработавшей и внедрившей в практику

методы и средства борьбы с градом, присуждена Государственная премия СССР ⁴².

Таким образом, наука — одна из сфер активного взаимодействия и взаимообогащения духовной культуры народов СССР. Исходя из единства коренных целей и интересов, руководствуясь принципами социалистического интернационализма, многонациональный отряд советских ученых вносит общий вклад в наращивание научно-технического потенциала, обращаемого на благо всех народов страны.

Если технические и естественные науки остаются, как правило, в стороне от этнических процессов, то общественные науки имеют к ним непосредственное отношение; они оказывают значительное влияние на сферу национального, содействуют интенсификации и интеграции духовной жизни наций.

Исходя из классовых критериев в оценке социальных явлений, советское обществоведение стремится дать объективную картину исторического развития народов, их культуры, предостерегает от идеализации прошлого, одностороннего подхода к традициям. Историческая наука выявляет богатейший опыт народов СССР по укреплению солидарности и сотрудничества в борьбе против иноземных захватчиков, в национально-освободительном и революционном движении, в строительстве социализма и коммунизма. Общественные науки ставят на службу интернационального воспитания масс марксистско-ленинскую теорию и практику решения национального вопроса, достижения политики КПСС по обеспечению расцвета и сближения наций. Они способствуют выработке у народов СССР чувства уважительного отношения к национальному достоинству друг друга, раскрывают вред национализма и национальной исключительности, прогрессивность межнационального взаимодействия в материальной и духовной жизни. Великим завоеванием социализма стал глубокий интернационализм многонационального советского народа, который определяет мировоззрение, духовный облик, образ действий людей всех национальностей.

Отметим еще некоторые явления, свидетельствующие о сближении духовной жизни народов СССР.

Под влиянием новых условий жизни социалистических наций и народностей происходит вытеснение устаревших обычаев и обрядов и утверждение общих элементов обрядности. Нередко старая обрядность модернизируется в соответствии с новыми потребностями. Формирование новых традиций, наблюдаемое у всех советских народов, усиливает их контакты в духовной жизни.

Фактором большого значения в интернационализации быта людей является повышение роли межнациональных браков, число которых сейчас «исчисляется миллионами»⁴³. Межнациональные браки создают семьи, непосредственно являющиеся микросредой процессов интеграции ⁴⁴. В условиях полного равенства советских наций, в атмосфере дружбы и сотрудничества между ними, роста мобильности населения и урбанизации тенденция к заключению

межнациональных браков в СССР усиливается, что не может не влиять на сближение народов в культурно-бытовой сфере.

*

Все изложенное дает возможность сделать следующие выводы. Объективный процесс интернационализации общественной жизни обуславливает и духовное взаимодействие наций. Но культурная рецепция народов в условиях капитализма и социализма протекает неодинаково. Если империализм всячески препятствует свободному проявлению тенденции к сближению наций, то социализм открывает путь к ее широчайшему действию.

Как показывает опыт СССР, духовное взаимообобщение народов (в его развитых формах) несовместимо с национальным неравенством, пропагандой национализма. Тесное взаимодействие народов, в том числе в области духовной культуры, предполагает высокий уровень развития их экономики и культуры, фактическое равенство во всех сферах общественной жизни, утверждение межнационального доверия, дружбы и сотрудничества.

На этапе зрелого социализма, когда все указанные факторы стали неотъемлемым свойством социалистического образа жизни, духовное взаимообобщение и взаимообогащение народов вступило в свою новую, более высокую стадию. Неуклонно возрастает культурный потенциал советского народа в целом и каждой из образующих его наций и народностей. Повсеместно увеличилась численность научных кадров, других отрядов творческой интеллигенции; еще более повысился уровень образованности советского общества. Следовательно, возможности наращивания производства и потребления духовных ценностей в настоящее время значительно расширились и расширяются. Этому способствует укрепление материальной базы культуры: увеличивается численность библиотек и их фондов, умножается сеть клубов, музеев, театров, необычайное развитие получили технические средства культурной коммуникации — кино, радио, телевидение, постоянно прогрессирует издательское дело. У нас стала реальностью социалистическая по содержанию, национальная по своим формам и интернационалистская по духу и характеру общесоветская социалистическая культура, которая представляет собой органический сплав культурных достижений всех народов СССР.

Мощным средством духовного взаимодействия советских наций и народностей является русский язык, которым свободно владеют более $\frac{4}{5}$ всего населения СССР. Широко распространившееся национально-русское двуязычие, развитие переводческого дела обеспечивают всем народам практическую доступность общесоветских культурных ценностей.

В СССР сформировалась система функционирования духовной культуры, которая характеризуется глубоким взаимопроникновением национальных культур. Функционирующий на русском языке слой общесоветской культуры включает в себя культурные дости-

жения не только русской, но и всех других наций. Будучи переведенными на русский язык, они становятся доступными всему сообществу советских народов. Это показывает полную несостоятельность тезиса буржуазной советологии о «русификации» национальных культур, ибо все эти культуры, развиваясь в национальных формах, активно участвуют в обогащении общесоветского культурного достояния. Общесоветская культура благодаря взаимобмену народов идеями, образами, творческим опытом приобретает общие черты, становится синтетической по своему характеру. Межэтническая система духовной культуры советского народа одинаково обслуживает все нации и народности СССР.

Непосредственно и активно взаимодействуют «неязыковые» сферы культур — музыка, хореография, изобразительное и прикладное искусство. Все более развиваются такие формы взаимодействия национальных культур, как межреспубликанские декады литературы и искусства, художественные выставки, фестивали искусств, гастрольные театральные коллективы и т. д. Общей областью духовного творчества советских народов стала наука. Утверждаются общие элементы советской обрядности. Благоприятную микросреду для духовной интеграции народов создает увеличение числа межнациональных браков, определяемое состоянием братских национальных отношений в социалистическом обществе, а также усилением подвижности и урбанизации населения.

Таким образом, прогрессирующее духовное взаимодействие и взаимообогащение советских народов — закономерность социализма, выражение их неуклонного расцвета и сближения.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 318.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 19—20.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 51.

⁴ См.: Правда, 1975, 2 авг.

⁵ См.: Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 5.

⁶ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 5.

⁷ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 4.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 175.

⁹ См.: Советский народ — новая историческая общность советских людей: (Становление и развитие). М., 1975, с. 23—45.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 318.

¹¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977, с. 4.

¹² Народное хозяйство СССР в 1980 г.: Стат. ежегодник. М., 1981, с. 95—96.

¹³ Народное хозяйство СССР в 1980 г., с. 96 (подсчитано автором).

¹⁴ Народное хозяйство СССР в 1980 г., с. 100—117.

¹⁵ Народное хозяйство СССР в 1980 г., с. 455.

¹⁶ Народное хозяйство СССР в 1980 г., с. 462.

¹⁷ Народное хозяйство СССР в 1980 г., с. 466—468, 472.

¹⁸ Народное хозяйство СССР в 1980 г., с. 473—475.

¹⁹ Народное хозяйство СССР в 1980 г., с. 478—480.

²⁰ Народное хозяйство СССР в 1980 г., с. 481—484.

²¹ Народное хозяйство СССР в 1980 г., с. 485—492.

²² Коммунист, 1982, № 4, с. 7.

²³ Население СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1980, с. 26—27.

²⁴ Население СССР, с. 23.

- ²⁵ Современные этнические процессы в СССР. 2-е изд. М., 1977, с. 315.
- ²⁶ Население СССР, с. 23—24, 27—30 (подсчитано автором).
- ²⁷ Современные этнические процессы в СССР, с. 281—283.
- ²⁸ Цит. по кн.: Нерушимая дружба украинского и молдавского народов в период социализма. Киев, 1980, с. 376—377.
- ²⁹ Современные этнические процессы в СССР, с. 373.
- ³⁰ Нерушимая дружба украинского и молдавского народов. . . , с. 373.
- ³¹ Современные этнические процессы в СССР, с. 378.
- ³² Народное хозяйство СССР в 1980 г., с. 480.
- ³³ Современные этнические процессы в СССР, с. 410.
- ³⁴ Нерушимая дружба украинского и молдавского народов. . . , с. 387.
- ³⁵ Алиев Г. А. Советский Азербайджан. М., 1981, с. 123—124.
- ³⁶ Кэбин И. Г. Советская Эстония. М., 1978, с. 112.
- ³⁷ Кэбин И. Г. Советская Эстония, с. 113.
- ³⁸ Нерушимая дружба украинского и белорусского народов в период социализма. Киев, 1978, с. 258—259.
- ³⁹ См.: Нерушимая дружба украинского и молдавского народов. . . , с. 355—368; Нерушимая дружба украинского и белорусского народов. . . , с. 256.
- ⁴⁰ Восс А. Э. Советская Латвия. М., 1978, с. 67—68.
- ⁴¹ Шеварнадзе Э. А. Советская Грузия. М., 1979, с. 77—78.
- ⁴² 60 лет советской автономии Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1981, с. 120—121.
- ⁴³ Число и состав семей в РСФСР. М., 1974, с. 7.
- ⁴⁴ Современные этнические процессы в СССР, с. 433, 460—483.

Т. М. Исламов, А. С. Мыльников, В. И. Фрейдзон

СОЦИАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЕ НАРОДОВ АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ЭПОХУ ПЕРЕХОДА ОТ ФЕОДАЛИЗМА К КАПИТАЛИЗМУ

Закономерный процесс формирования новых этносоциальных общностей — наций — в Центральной и Юго-Восточной Европе существенно осложнялся тем, что большинство народов ареала оказались к рассматриваемому времени лишенными независимости и входили в состав полиэтнических государств — монархии Габсбургов (чехи, словаки, венгры, поляки, западные украинцы, хорваты, словенцы, вlahи и др.), Османской империи, а отчасти — и в состав царской России, Пруссии и Саксонии.

Господство феодально-абсолютистских государств тормозило и осложняло процессы этносоциального развития. Неизбежным ответом на это явились национальные движения. Период перехода от феодализма к капитализму в Центральной и Юго-Восточной Европе был одновременно и периодом борьбы угнетенных народов за свое социальное и национальное освобождение. Для этой борьбы было характерно сочетание мирных и вооруженных форм движения, выработка национально-культурных и социально-

политических программ, создание системы национальной культуры, работа по обогащению и кодификации национальных литературных языков¹. Такое положение было типичным для эпохи перехода от феодализма к капитализму вообще.

Реализация общих культурно-языковых задач для народов, испытывающих иноземное угнетение и вынужденных отстаивать право на свое дальнейшее развитие, превращалась в дело первоочередной значимости. И передовые представители этих народов все более отдавали себе отчет в важности культурно-языковых требований (например, введения родного языка в школьное преподавание, создание национального театра и печати). И действительно, эти требования являлись звеном важнейшего процесса. В. И. Ленин, значительное внимание уделивший социальной обусловленности национальных движений, отмечал, что «пробуждение масс к обладанию родным языком и его литературой» есть «необходимое условие и спутник полного развития капитализма, полного проникновения обмена до последней крестьянской семьи»². Здесь существовала прямая зависимость, и процесс распространения буржуазных отношений шел тем успешнее, чем последовательнее реализовывались культурные, политические и социальные потребности формирующихся наций. Обращая внимание на наличие такой связи, В. И. Ленин объяснял ее экономической основой национальных движений, поскольку «для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе»³.

Методологические положения В. И. Ленина получили подтверждение и дальнейшее развитие в работах советских и ряда зарубежных исследователей, прежде всего ученых социалистических стран. Показано, что в основе социальных и национально-культурных установок освободительных движений в Центральной и Юго-Восточной Европе конца XVIII в. — 1870-х годов лежали формационные сдвиги, обусловленные генезисом капитализма и появлением социальных структур утверждавшегося буржуазного общества⁴. На той стадии, когда главная задача заключалась в ликвидации экономических, социальных и политических институтов феодализма и сопутствовавшей ему феодально-клерикальной идеологии, национально-освободительные движения играли исторически прогрессивную роль и имели общедемократический характер.

Таковы в наиболее общих чертах условия, в которых возникали и развивались в Центральной Европе и на Балканах национально-освободительные движения. Условия, существовавшие в пределах ареала и двух основных его регионов, приводили порой к весьма существенным отличиям, имеющим значение для понимания сложного комплекса взаимозависимости идейных постулатов и базисных сдвигов, соотношения социальных и национальных

аспектов в освободительных движениях. С этой точки зрения ситуация, сложившаяся в Австрийской империи на рубеже феодальной и капиталистической формаций, представляет исторический и теоретический интерес.

Рассматривая черты как общего (т. е. присущего всему ареалу и отдельным его регионам), так и особенного (т. е. характерного именно для освободительных движений в монархии Габсбургов), нужно четко представлять соотношение того и другого. «Особенное», о котором мы говорим, выступает не как иллюстративное дополнение «общего», а как его конкретизация и локализация. В самом деле, социальные и политические условия, в обстановке которых угнетенные народы вели борьбу за свои социальные и национальные права, говоря в самом общем смысле, были сходными, но многие параметры и механизм развития национально-освободительных движений народов Дунайского бассейна имели специфику, отличавшую их от аналогичных процессов в других зонах Центральной Европы и тем более Балкан.

Угнетенные Габсбургами народы проживали в пределах одного социально-государственного организма, воздействовавшего на этносоциальные процессы в целом. «Пока разные нации живут в одном государстве, — подчеркивал В. И. Ленин, — их связывают миллионы и миллиарды нитей экономического, правового и бытового характера»⁵. Отсюда следует, что освободительные движения народов Австрийской империи нужно рассматривать не как механическую сумму явлений, но в качестве взаимосвязанной функционирующей системы. Такой подход представляется плодотворным при изучении социальных и национальных аспектов этих движений, носивших не только антифеодальный, но и антигабсбургский характер.

В исторической перспективе здесь вырисовываются три основные фазы: от возникновения национальных движений в конце XVIII в. до кануна революции 1848—1849 гг., период революции и, наконец, последовавшие годы так называемого баховского абсолютизма 50-х годов и общественного подъема следующего десятилетия, завершившегося компромиссом австрийских и венгерских правящих кругов в 1867 г.

Первая фаза была, таким образом, одной из ранних стадий процессов формирования наций и складывания национальных культур. В эти десятилетия менялась социальная структура общества, закладывались идейные и организационные основы зарождавшихся национальных движений. Сложность их эволюции, географическая и хронологическая неравномерность их распространения во многом были обусловлены многослойностью и неоднозначностью этносоциальной ситуации монархии Габсбургов. По приблизительным данным, здесь из почти 36 миллионного населения к середине XIX в. на долю немецкоязычного этноса приходилось только 7 млн. 917 тыс. человек, или около 22,5%. Пестрота национального состава при отсутствии этнической доминанты и при том, что часть названных этнических общностей оставалась

за пределами Австрийской империи, предопределяла многие коллизии, которыми сопровождались процессы формирования наций.

Известно, что в отличие от стран Западной Европы, где становление наций в свое время в основном совпадало с образованием более или менее этнически однородных централизованных государств, на востоке континента формирование наций протекало уже после создания полиэтнических империй и до обретения многими из них государственности. Это делало национальный вопрос здесь, в том числе и в монархии Габсбургов, особенно острым и злободневным. Такое представление, в целом верное, нуждается, однако, в уточнениях. Скажем, во Франции государственная централизация вовлекла в свою орбиту не только близкую французам по языку и культуре провансальскую народность, но и часть весьма далекого от них кельтского этноса (Бретань). Впрочем, и провансальская народность, по словам Ф. Энгельса, «была не более родственна северофранцузской, чем теперь польская — русской»⁶. Следовательно, степень гомогенности этносоциального процесса становления французской нации не следует переоценивать. В частности, французский историк Р. Мартелли пришел к выводу, что во Франции государственное сплочение наметилось ранее возникновения нации и что государство «создало нацию, которая и существует поэтому лишь в форме национального государства»⁷. Великобритания — родина классического капитализма — никогда не была национально однородным государством, а ее составная часть — Шотландия, обладавшая сильной государственной традицией, всегда сохраняла свою обособленность. То же самое относится и к Испании, и к Нидерландам. Как видно из сказанного, механизм этнополитического развития на западе и востоке Европы не был разделен таким непроходимым барьером, как иногда принято считать. Но формирование французского государства сопровождалось массовой ассимиляцией нефранцузов, тогда как в Центральной Европе господствующие нации были не в состоянии достичь аналогичного результата.

Вызревание национального самосознания у проживающих здесь народов протекало относительно синхронно — приблизительно со второй половины XVIII в. В свете отмеченного централизаторские усилия в XVIII в. Марии-Терезии, а в еще большей мере — Иосифа II, главная цель которого, по определению К. Маркса, «состояла в централизации и полной германизации австрийской монархии»⁸, шли в конечном счете в русле европейских традиций политики феодальной централизации, хотя исторически опоздали. На фоне этого прогрессивный смысл национально-освободительных движений народов Австрийской империи проступает особенно отчетливо. При этом позитивную роль играли интеграционные тенденции, сопряженные с процессами складывания региональных (в какой-то мере и национальных) рынков, которые вели к объединению земель Дунайской монархии в единую систему имперского рынка. Однако само существование Ав-

стрии как феодально-абсолютистской империи было немыслимо без насилия, без подавления любых поползновений к общественной эмансипации, с какой бы стороны эти попытки не исходили. Как следствие этого, политика Вены усложняла и деформировала этносоциальное развитие поработенных ею народов.

Нация, как известно, является сложным этносоциальным организмом. Не удивительно поэтому, что собственно этнические аспекты в национально-освободительных движениях были теснейшим образом соединены с аспектами социальными. Более того, социальные аспекты оказывались в конечном счете ведущими, хотя в ряде случаев для современного той эпохе наблюдателя они и выступали в языковых, культурных или политических формах. Это во многом определялось различием социальных условий, под воздействием и в контексте которых у тех или иных народов Австрийской империи протекали процессы формирования наций, развивались те или иные формы освободительной борьбы. Вычленение и группировка отмеченных признаков открывают возможности для типологического осмысления этих движений. С одной стороны, это были движения народов, этносоциальное развитие которых происходило при наличии «своего» национально мыслящего феодального господствующего класса. В этом смысле сказывалось и влияние местных государственно-политических традиций, получавших модификацию в национальном направлении. Так обстояло дело у венгров, итальянцев, поляков и частично — у хорватов. С другой стороны, это были движения народов, этносоциальное развитие которых протекало при отсутствии «своего» господствующего класса: местное дворянство оказалось к тому времени либо полностью ассимилированным господствующей этнической общностью, либо по образу жизни и мышления приобрело космополитический характер, а нарождавшаяся торговая, денежная, а затем и промышленная буржуазия рекрутировалась первоначально из инонациональной среды. Обе эти силы не только не проявляли, если не говорить об отдельных исключениях, заинтересованности в национальных устремлениях соответствующих народов, но зачастую оказывались враждебными им. Такая ситуация, дополнявшаяся угнетательской политикой Вены и усугубленная административным разобщением поработенных народов, создавала для возникавших у них освободительных движений серьезные добавочные трудности. Так обстояло дело у чехов, словаков, словенцев и других народов Австрийской империи. Поэтому в самом общем виде национально-освободительные движения, которыми сопровождалось здесь формирование наций, могут быть разделены на два типа — на протекавшие в обстановке «полных» и в обстановке «неполных» социальных структур. Этот вывод получил отражение в советской, венгерской, чехословацкой и польской историко-славистических литературах.

Колоссальную важность для процесса формирования наций и развития национального движения имело наличие или отсутствие в прошлом национальной государственности, ее традиций и от-

дельных рудиментов. Эти остатки национальной государственности были более или менее значительными (например, у венгров или — в меньшей мере — у чехов).

Крупную роль в развитии освободительных движений играли политические институты местной автономии. Их наличие в одних случаях (например, существование в Венгерском королевстве комитатских собраний, не говоря уже о Государственном собрании, являвшимся высшим учреждением сословной представительности) или отсутствие в других не могло не оказывать воздействия на уровень национального самосознания и на степень организованности освободительных движений. О том, насколько велико было значение политических институтов, символизировавших местную автономию, можно судить на примере Чешских земель. Сохранившиеся здесь чешский и моравский сеймы, которые представляли собой сословные корпорации, находившиеся в руках опеченного или немецкого по происхождению «богемского» и «моравского» дворянства и, лишенные реального государственно-правового значения, в момент обострения борьбы против абсолютистской централизации превращались в инструмент антиправительственной фронды местной земельной аристократии. Позднее представители зарождавшейся национальной буржуазии стремились использовать сословные учреждения в интересах национального движения, чтобы превратить их в представительные учреждения чешской национальной буржуазии. Отсюда происходили лозунги возрождения и реформы сословно-представительных учреждений.

Здесь же отметим, что национальную государственность как фактор, способствующий развитию экономики и социальной структуры общества, нельзя абсолютизировать. Пример самостоятельных Испании и Португалии свидетельствует о том, что на «передовом» Западе существовали отсталые страны, что развитие тех или иных стран определялось глубокими внутренними причинами. Ряд стран Центральной Европы, в частности, входивших в состав монархии Габсбургов, к 1918 г. достиг значительно более высокого экономического уровня, чем балканские страны, которые приобрели самостоятельность в XIX в. Молодые балканские национальные государства в условиях мирового капиталистического рынка, а подчас и грубого давления «великих» держав были не в состоянии вырваться из отсталости — наследия османского господства. Тем не менее они уже использовали определенные рычаги в интересах своего развития (таможенные тарифы и др.). В этом сказалось реальное значение политического суверенитета. Но, в сущности, только на пути социалистического строительства они стали быстро преодолевать тяжелое наследие прошлого.

В истории почти всех национальных движений в Австрийской империи можно наметить два основных этапа, из которых первый носил преимущественно культурно-языковой, а второй — преимущественно политический характер. Мы подчеркиваем слово

«преимущественно», поскольку абсолютизация, а тем более противопоставление этих этапов друг другу невозможны. В целом, главным для первого этапа была выработка новой, по тому времени прогрессивной идеологии буржуазно-демократического типа. При этом у народов с «полными» социальными и более развитыми политическими структурами уже на этом этапе развитие шло быстрее и значение политических лозунгов и соответствующих форм движения было несравненно большим, чем у народов с «неполными» социальными структурами и особенно — при отсутствии политических институтов. Смысл второго этапа состоял прежде всего в создании программ, в которых социально-экономические и политические требования приобретали ведущее значение. Вместе с тем само движение приобретало широкую поддержку.

Важной научной проблемой является соотношение социальных и национальных моментов в освободительных движениях народов с «полной» и «неполной» социальной структурой. Дело в том, что ведущие силы общественных движений (дворянство) в первом случае стремились ограничить социальную направленность движения. Это отталкивало массу крестьян от национальных программ. На ранних стадиях движений лишь радикальные круги дворянства выдвигали программы глубоких социальных преобразований, обычно не получавшие сочувствия у феодального класса в целом. В дальнейшем, однако, в среде национального дворянства все большее распространение получили либеральные социальные концепции (Венгрия, Польша, Хорватия). Это было связано как с эволюцией самого дворянства, так и с обострением классовой борьбы крестьян. Указанные концепции уже оказывали определенное воздействие на национальную позицию крестьянства. Во втором случае (народы с «неполной» социальной структурой) радикальные социальные лозунги выдвигались не ранее (скорее, позднее), чем в первом, тем не менее распространению национальных идей в крестьянской среде способствовал уже сам факт совпадения классовой противоположности с национальной (помещик и крестьянин принадлежали к разным народам).

В этих условиях в плане *национальном* вплоть до революции 1848 г. революционным выступало дворянство (венгерское, польское), тогда как в плане *социальном* — крестьянство всех народов. Поэтому между национальным и социальными движениями одного и того же народа с «полной» структурой возникали коллизии и конфликты, а классовое движение крестьян народов с «неполной» структурой быстрее приобретало национальную окраску (даже при умеренности социальных требований мелкобуржуазных и интеллигентских кругов, возглавлявших национальное движение).

В 1848—1849 гг. назревшие социальные и национальные противоречия вылились в массовые революционные выступления и национально-освободительные войны. Сложная взаимосвязь социального и национального определяла характер и особенности революции в Центральной Европе. Главные задачи, выдвинутые

историей, здесь заключались в ликвидации абсолютистских режимов и власти феодально-помещичьего класса, освобождении крестьян от феодальной эксплуатации, устранении национального гнета. Ф. Энгельс поэтому писал о «двойственной», «либеральной» и «национальной», природе 1848 г.⁹ Освобождение угнетенных наций являлось органической частью последовательного антифеодального преобразования. В связи с этим В. И. Ленин отмечал, что «необходимость провозгласить и осуществить свободу *всех* угнетенных народов» была насущна для победы буржуазно-демократической революции в Германии в 1848 г.¹⁰

При многообразии конкретных форм революционного движения общей для них в первый период революции (март—август 1848 г.) была борьба против сил абсолютизма, феодализма и всех старых властей насильственными средствами: это восстания и иные массовые выступления в городах (Северная Италия, собственно Австрия (немецкая часть), Венгрия (как венгерские, так и сербские районы), Галиция, Чехия), выступления крестьянства против австрийской власти (Северная Италия) или против местных феодалов (мадьярская часть Венгрии, а также сербские районы Южной Венгрии, т. е. Воеводина, и румынские районы, т. е. большая часть Трансильвании, где класс помещиков был венгерским). Конкретная тенденция массовых выступлений была различной: народ Италии боролся за независимость от Габсбургов, чешский и словацкий народы — за равноправие и т. д.

Выступления масс переплетались с революционным движением имущих классов (дворянства и буржуазии), в которых с большей или меньшей последовательностью проявилось стремление к национальной независимости (Италия, Венгрия). В Северной Италии (Ломбардия, Венеция) враждебность обуржуазившегося итальянского дворянства и национальной буржуазии к социальным требованиям крестьян вскоре привела к спаду крестьянских выступлений против австрийцев. Страх перед народным движением побудил Савойскую династию вмешаться в борьбу, чтобы овладеть положением. Но правящие круги, опасавшиеся народной войны, привели армию Пьемонта к поражению (конец июля — начало августа 1848 г.).

В результате победы революции Венгрия уже в марте 1848 г. первой в империи ликвидировала основы феодальных отношений. Это было следствием экономических интересов либеральной части дворянства, давления крестьян, а также стремления помещиков смягчить социальные противоречия ввиду необходимости противостоять Габсбургам.

О том, что в Северной Италии и Венгрии речь шла не только о борьбе против феодализма и остатков абсолютизма, но также и о национальных целях, свидетельствует то обстоятельство, что половинчатые либеральные преобразования в Австрии не ослабили движения (хотя в Венгрии до сентября 1848 г. формально оно развивалось в «законных» рамках, так как Венгрия вырвала у монарха как «венгерского короля» подтверждение ее суверен-

ных прав). В Италии и Венгрии восходящая линия революции определялась прежде всего нарастанием борьбы за независимость.

Ситуация в Венгрии в 1848 г. характеризовалась сохранением власти в руках дворян-помещиков; демократическим силам удалось добиться выдвижения на политическую арену более последовательных сторонников борьбы с властью Габсбургов, но это привело лишь к некоторому углублению социальной политики национальной власти. Социальное содержание венгерской национально-буржуазной революции осталось ограниченным рамками, приемлемыми для либерального дворянства. Это определило характер всей ее политики, в том числе в жизненно важном для судьбы революции национальном вопросе. Это же, как и в Италии, ограничило активность крестьянства и, следовательно, силы венгерской и итальянской революции.

В северо-западной части империи (наиболее развиты в социально-экономическом отношении австро-немецкие и чешские области) поступательное развитие революции определялось прежде всего активностью городских плебейских масс Вены и Праги, а также (до мая 1848 г.) венской буржуазии. Массовая борьба в Вене в марте—мае 1848 г. привела к созданию либерального правительства, углублению демократических преобразований (введение всеобщего избирательного права). Однако в австрийской части империи контрреволюция нигде не была разбита и упорно восстанавливала свои позиции, где это было возможно. Уже 26 апреля войска подавили восстание в Кракове; поспешно провозгласив аграрную реформу в Галиции, австрийское правительство стало здесь хозяином положения. 12—17 июня было подавлено восстание в Праге, по своему социально-политическому содержанию одностороннее демократическим восстаниям в Вене. Разгром Праги поэтому являлся серьезным ударом по революции в империи в целом.

Таким образом, революционная борьба в самой Вене не привела к повсеместному переходу власти в руки революционных классов. Локальная раздробленность революционного движения была связана с крайней неровностью социальной структуры отдельных частей государства и его многонациональным составом (что определяло различие в конкретной ситуации и задачах).

Но и в Вене, где демократия располагала наиболее значительными силами, вплоть до октября 1848 г. власть оставалась в руках либерально-монархических кругов, не только ничего не сделавших для закрепления завоеваний народа, но разгромивших августовское выступление рабочих и фактически прикрывавших консолидацию контрреволюционных сил. Таким образом, в первый период революции, за частичным исключением Венеции и Милана, радикальная буржуазная демократия нигде не смогла прийти к власти. Революция осталась половинчатой, силы монархии и абсолютизма не были разгромлены, но лишь притаились. В Австрии сохранилась в неприкосновенности императорская армия под командой реакционных генералов. В австрийской части

империи вплоть до октябрьского (1848 г.) восстания в Вене революция ввиду позиции либеральной буржуазии не создала сколько-нибудь существенной вооруженной силы. Тем самым судьба основного вопроса революции (вопроса о власти) во многом зависела от степени консолидации абсолютистских сил. Реакция же терпела «власть» либералов, «чтобы удержать в повиновении революционные массы и чтобы затем, когда это будет сделано, выгнать . . . вон и либералов»¹¹.

В этих условиях крупные вооруженные силы, противостоящие габсбургской реакции, были созданы только итальянской и венгерской национальной революцией. Отсюда — в условиях половинчатости австрийской революции и слабости демократии в австро-немецких, чешских и тем более остальных областях — огромное значение борьбы Италии и особенно Венгрии для судьбы всей революции в Центральной Европе. Это значение было столь велико, что развитие борьбы в Венгрии сказалось на ходе революции в Австрийской империи в целом. Хотя переломные моменты революции в собственно Австрии (августовское поражение рабочих Вены) и в Венгрии (вторжение войск Елачича в сентябре 1848 г.) хронологически близки и связаны между собой (без подавления Вены контрреволюция не могла решиться на войну против Венгрии), тенденция событий различна: в Австрии определился нисходящий этап революции (переход к нему был связан также с ликвидацией в сентябре феодальных отношений в Австрии, что в значительной мере успокоило крестьянство, и с новой оккупацией императорской армией Ломбардии), тогда как начало венгерской войны обозначило новый подъем революции, приостановить который не могло даже наступление Виндишгреца в декабре 1848—январе 1849 г. Национальная война Венгрии вызвала октябрьское (1848 г.) восстание в Вене и переход власти в столице в руки мелкобуржуазной демократии, поддержанной трудовым населением. Таким образом, венгерская война явилась стимулом невиданного подъема классовой борьбы в Австрии, т. е. повернула ход событий австрийской революции. Зимой 1848/49 г. борьба Венгрии стимулировала сближение между немецкими и чешскими революционерами. Весной 1849 г. воспрянула духом рабочая Вена, ожидавшая подхода венгерских войск.

В этих событиях ярко сказалась взаимозависимость классовой и национальной освободительной борьбы против абсолютистской реакции. Объективно австрийские демократы и мадьяры являлись союзниками, хотя классовая природа венгерского дворянства проявилась в том, что оно без энтузиазма воспринимало эту объективную логику событий, не решаясь преступить границы мнимой законности.

Национальная программа румынских и славянских (кроме польских) либералов заключалась в преобразовании империи путем реформ в буржуазно-конституционное федеративное государство на началах национального равноправия. В отличие от либералов чешская радикальная демократия и некоторые близкие

ей югославянские радикалы стремились добиться демократического строя и равноправного союза народов габсбургской монархии революционным путем. Эту программу летом 1848 г. убежденно отстаивал русский эмигрант М. Бакунин. Однако эти демократические идеи и планы оказались нереальными, поскольку их сторонники были немногочисленны; надежды последних были похоронены с поражением пражского восстания.

После неудачи массовых движений на первый план политической арены в славянских областях, а с начала событий 1848 г. и в румынском движении в Трансильвании выдвинулись либералы. В большинстве своем (кроме поляков и хорватов) являясь представителями народов, не имевших феодального господствующего класса (чехи, словенцы, словаки, украинцы, сербы), они тем не менее признавали принцип выкупа феодальных повинностей, предлагая лишь некоторое углубление законодательства в пользу крестьян. Таким образом, в социальной сфере они шли ненамного дальше венгерского и австро-немецкого либерализма. Только румынская буржуазия Трансильвании требовала освобождения крестьян без выкупа, стремясь овладеть руководством крестьянской борьбой против венгерских помещиков, которая переросла в восстание. Но как румынские, так и славянские либералы, добиваясь федерализации монархии, были готовы идти на соглашение с династией и тем самым выхолащивали свою социальную программу, так как упрочение позиций двора (и вместе с ним — бюрократии, военщины, аристократии, верхов католической церкви) делало ее осуществление иллюзорным. А этому упрочению они объективно способствовали, борясь против стремления венгров и итальянцев к независимости.

И опять-таки здесь проявилось переплетение социального и национального аспектов борьбы в Австрийской империи. Не только развитие классовой борьбы, но даже ее политическое содержание и историческая роль в революционных событиях во многом определялись ее соотношением с венгерской войной. Значение более либеральной, чем венгерская (словаки), и даже более радикальной (румыны) аграрной программы тускнело, поскольку национальные буржуазные круги направляли крестьянское движение против венгерской революции, реально противостоявшей одному из главных оплотов абсолютизма в Европе. Это обстоятельство, однако, не должно закрывать от исследователя глубокие противоречия венгерской революции и социальную ограниченность ее ведущих сил.

Вспышка межнациональных противоречий в Австрийской империи в 1848—1849 гг. была связана с тем, что с программой национальной независимости выступил ряд народов с развитой („полной“) социальной структурой феодального общества (имевших класс дворянства) и соответственно более зрелых в национально-политическом отношении¹². Не только венгерское и польское имущее дворянство и австро-немецкая буржуазия, но и радикальные немецкие, венгерские и польские круги не признавали национальных прав

(даже самого существования как жизнеспособных наций) целого ряда народов именно ввиду их „плебейской“ социальной структуры. Немецкие либералы приветствовали подавление итальянцев и славян. Это способствовало консолидации лагеря контрреволюции.

Словаки, словенцы, сербы, румыны и даже чехи имели слабую или вообще незначительную национальную буржуазию и, будучи еще неуверенными в национально-политическом отношении, пока еще не ставили вопроса о государственной независимости. Задававшие тон в национальных движениях преимущественно мелкобуржуазно-либеральные круги опасались развала австрийского территориально-политического комплекса (а чешская буржуазия экономически была заинтересована в его сохранении). Хотя они являлись противниками феодализма, централистского и абсолютистского устройства, их национально-политическая ориентация, как отмечалось, объективно была выгодна контрреволюции в момент, когда самой страшной угрозой для Габсбургов была борьба немцев, венгров и итальянцев за создание независимых государств. Доктрина австрославизма и австрофедерализма не выдержала проверку в годы революции.

Таким образом, социальные и национальные противоречия в разгар революции сделали невозможным союз различных национальных сил, выступавших против феодализма и абсолютизма. В Трансильвании, например, румынское крестьянство благожелательно встретило войска Николая I, посланные для спасения трона Габсбургов, а венгеро-сербский конфликт в Воеводине привел к утверждению здесь власти императорских генералов.

В условиях господства идеологии национализма борьба за осуществление разных национальных программ приводила к взаимному отчуждению даже между радикально-демократическими силами немцев и чехов — убежденными противниками реакции. В начале революции Ф. Энгельс писал о «революционной партии от Неаполя, Праги, Парижа до Милана, Вены и Франкфурта»¹³, не делая различия между революционной борьбой итальянского, чешского и немецкого народов. Но уже весной 1848 г. «революционная партия» раскололась. Хотя рабочие — немцы и чехи — нередко выступали совместно, не они, а мелкобуржуазная демократия определяла идейно-политический облик «революционной партии».

Лишь после разгрома революционной Вены, т. е. с ноября 1848 г., и в связи с нападением войск Виндишгреца на Венгрию (декабрь 1848—январь 1849 г.) началось сближение между немецкими и чешскими революционерами. Ввиду угрозы реставрации абсолютизма и интервенции царизма наметилась также тенденция к соглашению между славянскими, венгерскими и частично немецкими либералами. Весной 1849 г. негодование политикой габсбургской контрреволюции и рост симпатий в Чехии, Воеводине и Хорватии к борющейся Венгрии неоднократно отмечала «Новая рейнская газета»¹⁴. В контакты с Л. Кошутом вступили румынские радикальные демократы (Н. Бэлческу), заключившие с венграми соглашение о примирении. В результате этого был

издан первый в истории Европы закон о правах национальностей в Венгрии.

В заключение следует подчеркнуть, что простой социальный анализ венгерской революции и ее ведущих сил, как свидетельствуют уже приведенные факты, недостаточен для объяснения ее вдохновляющей роли для многих борцов против реакции. Под революционным мадьярским знаменем дрались тысячи поляков, итальянцев, немцев, словаков, украинцев. Известно, каким почетом пользовались имена лидеров венгерского движения среди украинцев Галиции уже после поражения революции (здесь распространялись портреты Кошута, стихотворения Пётефи и др.).

В 50—60-х годах XIX в. интересы венгерских, а также польских помещиков, как и крупных торговцев хлебом и скотом, все более сближаются с интересами австрийского капитала. После поражения революции именно это обстоятельство явилось глубинной основой быстрого отказа их от какого-либо национально-политического радикализма. Стремление перейти к новому экономическому порядку в максимально благоприятных для себя условиях побудило помещиков до крайности ущемлять интересы крестьянства. Гарантировать это мог союз дворянства с Габсбургами. Данное обстоятельство, как и определенная внутренняя консолидация монархии в 50-х годах (ввиду того, что большая часть крестьянства получила землю), ее способность выстоять после военного поражения в 1859 г., далее, подавление восстания в Королевстве Польском (1863—1864 гг.), наконец, заинтересованность великих держав в сохранении Австрийской империи, — все это не благоприятствовало революционным тенденциям в среде имущих классов. Но возобладавшее в 50-х годах XIX в. в помещичьей среде стремление к соглашению с двором сопровождалось серьезными домогательствами дворянства, желавшего обеспечить за собой власть в своих странах.

Австро-венгерское соперничество и кризис неоабсолютизма завершились в 60-х годах австро-венгерским соглашением, дополненным колонизацией управления в Галиции и ограниченной автономией Хорватии—Славонии (т. е. части хорватской территории). Ввиду того что целью реформ были консервация социального строя и обеспечение власти крупного землевладения в союзе с крупным капиталом, стремление других народов к объединению национальной территории и автономии потерпело неудачу. Вновь классовые интересы определили «решение» национальной проблемы. Путь к национальному освобождению народов Австро-Венгрии могла открыть и в 1848 г. и позднее лишь победоносная демократическая революция, но она оказалась невозможной. Альтернативой поэтому стал распад монархии на независимые государства.

Таким образом, третья четверть XIX в. характеризуется началом весьма существенной перестройки социально-политических сил. В условиях утверждения капитализма возник блок либерально-консервативных кругов эксплуататорских классов ряда

наций, направленный против масс всех народов монархии, против национально-освободительных движений. Прошло время прогрессивных революционных выступлений имущего обуржуазившегося дворянства, поддержанного частью буржуазии. В 60-х годах XIX в. в качестве борцов за демократию все более энергично выступают трудовые массы всех народов, прежде всего рабочий класс. Часть мелкособственнических слоев, подвергшаяся ударам со стороны крупного капитала и землевладения, становится базой социальной и национальной радикальной оппозиции, у большинства народов пока что еще слабой.

¹ О значении единого национального языка для экономического и социального развития см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 258—259.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 89.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 258.

⁴ Сошлемся в качестве примера на выпускаемую издательством «Наука» серию монографий «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму: Проблемы истории и культуры», в том числе на сборник «Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (М., 1977) и двухтомную коллективную монографию «Освободительные движения народов Австрийской империи» — [т. I] Возникновение и развитие. Конец XVIII в. — 1849 г. (М., 1980) и [т. II] Период утверждения капитализма (М., 1981). Материалы последних двух трудов использованы в настоящем докладе.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 175.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 377—378.

⁷ Martelli R. La nation: Ethnics, formations sociales, traditions, luttes politiques en France. Paris, 1979, p. 25.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 10, с. 106.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 482.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 263.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 36, с. 217.

¹² Хорватия, небольшая страна со слабым дворянством, была в этом отношении исключением. Польские либералы формально поддерживали программу восстановления независимой Польши, но, опасаясь царизма, а также выступлений польского и украинского крестьянства Галиции, ограничивались призывами к двору способствовать осуществлению их программы, для начала создав в Галиции польские конституционные органы управления.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 5, с. 444.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 43, с. 110, 111, 115, 126, 236, 244, 245, 253, 260, 290. См. также с. 438—441.

В. Т. Папуто

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Древнерусские книжники в духе международной историографической традиции делили мир на три части — Азию (Асийскую страну¹), Африку (Африкию²) и Европу (Европию). О последней из славянского перевода «Хроники» Амартола они знали, что Агинор, пришедший царствовать в Финик, женился там на Тоур, которая родила ему дочь Европию. Ее «Тавр Крътянин, цесар-

ствовав, заблуждѣнно поим» и «к Фракии в свою страну приведе». Европия ему приглянулась — «девицы суть красне», и он «стави ю собе жене и нарече тыя страны въ имя ея Европию»³.

В соответствии с библейской концепцией, развитой Иосифом Флавием, Иеронимом и другими церковными авторитетами, народы Европы считались потомками Афета, сына Ноя⁴. И наш летописец держался этого взгляда, относя славянорусов и подвластные им народы к Афетовой «части» мира, включавшей «запад и полунощныя страны»⁵.

Этот взгляд разделяли и средневековые картографы. Рабан Мавр, следуя Исидору, писал, что Европа начинается «от реки Танаис [Дон] и простирается к западу через Северный океан вплоть до границ Испании»⁶. Это стало историко-географической традицией — на парижской карте XIII в. поверх Танаиса читается надпись: «Hic caput Europae. Tanais qui dividit Asiam et Europam»⁷. А Рожер Бэкон, английский философ и естествоиспытатель, в своем труде «Opus Majus» (Париж, 1265—1268 гг.) утверждал, что Танаис по ширине равен Секване [Сене] в Париже⁸.

Сами древнерусские государственные деятели тоже имели вполне реальное представление о континенте, на котором жили. Еще Святослав Игоревич выразил ромейским послам свое намерение изгнать византийцев из Европы⁹. Это известие выходит за пределы географии и ведет нас в историю международных отношений. Древняя Русь за три с половиной столетия своего независимого существования (вплоть до монголо-татарского нашествия) стала свидетельницей огромных перемен в тогдашнем мире. Возникли и пали созданные грозными викингскими скандинаво-английскими союзы, оставив неизгладимые следы в Англии, Северной Франции и Южной Италии; расцвела и распалась Византийская империя; арабское владычество, угрожавшее из Багдада и Кордовы Европе, рухнуло, и сам арабский мир стал жертвой крестовых походов; Германия перенесла свои границы с Эльбы на Одер, а затем, развивая «натиск на Восток», за Вислу, Неман и Западную Двину; волны кочевников — венгров, печенегов, тюрков, половцев — прошли по Причерноморью; возникли и окрепли славянские государства и среди них крупнейшее — Русь, которой принадлежала выдающаяся роль во всех этих событиях.

И сама Русь не оставалась неизменной. На первом, раннефеодальном этапе (до XII в.) политическое единство Руси, вышедшей на международную арену, еще только складывалось; Русь пересматривала разного рода политические и экономические обязательства тех восточнославянских земель, которые ею объединялись. Поэтому объединение земель Верхней (Новгородской) и Нижней (Киевской) Руси и формирование государственных границ происходили в острой борьбе с соседними государствами и землями. Установленным в ту пору границам было суждено пережить века, а в известной мере — дожить и до наших дней. Политику объединения осуществлял педший к власти феодальный класс. Это — время походов на соседние и отдаленные земли в по-

исках дачи, челяди и выгодных соглашений для сбыта мехов, воска, рабов, получения взамен предметов роскоши. Это время, когда правила «древнии князи и мужие их», которые «отбараху Руския земле и ины страны придаху под ся»¹⁰.

На втором этапе истории Руси (до середины XIII в.), с упрочением феодального общественного строя, складывается полицентрический статус власти крупнейших князей над Русью¹¹ и ее номинальной столицей — Киевом. Единству внешней политики наступил конец. К власти пришла та группа феодалов, которая искала источник обогащения в первую очередь внутри собственно Руси и в подвластной ей иноязычной сфере и не хотела отрывать своих смердов от пашни не только ради далеких походов, но иногда даже ради защиты страны от нашествий кочевников, если они прямо не задевали ее владений. Внешние походы затухают. Границы страны стабилизируются. В этих границах оказывается и свыше 20 подвластных Руси неславянских народов Прибалтики, Севера, Поволжья, Северного Кавказа, Степного и Прибрежного Причерноморья и Подунавья¹².

На Руси складываются противостоящие друг другу группировки князей, а также городов, которые завязывают внешнеполитические отношения с враждующими между собой иностранными державами, в свою очередь нередко раздираемыми междоусобной борьбой князей и их вассалов. Картина международных связей Руси делается весьма сложной, с трудом поддающейся анализу. Тем не менее заметны некоторые ставшие традиционными союзы, в целом враждебные экспансионистским устремлениям Византийской и Германской империй и папскому универсализму.

Летописи и другие источники не оставляют сомнений относительно того, что и во времена единства Древней Руси, и в период ее феодальной раздробленности (которая не была абсолютной) жители всех частей страны ясно осознавали свою принадлежность к русской, т. е. древнерусской, народности и осуждали любые попытки занять ее земли иностранцами. Этот вопрос достаточно изучен¹³. И древнерусские князья придерживались той мысли (или, говоря современно, доктрины), что занимать княжеские столы на Руси могут только члены русской правящей династии, что все они «одного деда внуки» и что вне Руси «ни в угах, ни в ляхох»¹⁴ им земли нет. Ведь не случайно же за все изучаемое время мы можем отметить лишь (и то показательно неудачные) единичные факты правления венгерского королевича в Галиче, добжинских рыцарей в Дорогичине, немецких фогтов в Пскове.

Дипломатия Древней Руси тоже делится на два периода. На первом — раннефеодальном — относительно единая дипломатия киевских «самовластцев», «царей», «каганов» приобретает две функции: внутреннюю, имперскую — для вассальной сферы неславянских народов и внешнюю, международную — для иностранных держав¹⁵. На втором этапе дипломатия усложнилась и сверх прежних двух функций приобрела третью — для межкняжеских сношений внутри Руси.

Монголо-татарское нашествие и оно существенно ослабили экономические основы страны, искусственно расчленили ее территорию и подорвали международное положение. Но древнерусская традиция не была забыта и сыграла важнейшую роль в последующей истории страны, когда процесс экономического возрождения и преодоления политической раздробленности былой «отчины» сосредоточился в Великороссии. Основные этапы его отмечены централизацией власти в руках московского правительства и постепенной унификацией дипломатической (внутриимперской, межкняжеской и международной) службы по мере узурпации ее у отдельных князей. Окончательным итогом процесса стало образование Русского централизованного государства и восстановление национальной независимости (1480 г.).

Мы не касаемся роли Руси в международной торговле, но отметим, что и здесь за долгие столетия наблюдались перемены. Наряду с русско-арабской торговлей (на дирхемы) — с Багдадским халифатом и государствами, возникшими после его распада, — развивалось все более тесное торговое общение Руси с державами Европы; оно отмечено активным торговым балансом и притоком иностранной валюты — динариев, брактеатов, наконец, серебряных слитков — марок (гривен).

После нумизматических и археологических исследований В. М. Потина, В. П. Даркевича и др. стало ясно, что ареал распространения монет и предметов ремесла, находимых на Руси, фактически охватывает все страны Европы и Передней Азии. Можно с уверенностью говорить о большом влиянии этой торговли на внешнюю политику. Русь умело использовала торговую заинтересованность других держав как фактор реализации своих политических целей. Достаточно сопоставить древнерусские договоры, заключенные из Киева с Византией (X—XI вв.), из Новгорода — со странами Севера (XII в.), из Смоленска — с городами Германии (XIII в.). Иностранные источники свидетельствуют, что по крайней мере 30 крупнейших городов Германии торговали с Русью. Русские купцы плыли из Новгорода в польское Поморье (до Волина) 14 дней, в Данию (при попутном ветре) — месяц, в Рим — полгода, на юг, из Киева — в Константинополь, — 11 дней, а на север, в Норвегию, по словам современника — англичанина Гервасия из Тильбери, морем было «добираться легко но долго». Русские купеческие подворья сложились в важных центрах Византии, Швеции, Германии; не только в Регенсбурге, но и в Ургенче была «Русская улица». С другой стороны, широкое участие в международной политике было неразрывно связано с защитой традиционных русских интересов на Балтийском, Черном, Каспийском и Средиземном морях. Нередко в княжеском купце можно узнать рулевого внешней политики.

Существенно и то, что традиционное представление о полном упадке Киева в результате перенесения торговых путей после крестовых походов оказалось на поверку несостоятельным¹⁶. Здесь, несмотря на все напасти, вплоть до монголо-татарского па-

шествия пребывали многочисленные иностранные купцы — «латина», «немци», «гости».

Международное культурное значение Руси год от года все глубже освещается нашей наукой. Особо отмечу значение трудов Я. Н. Щапова, по-новому оценившего место византийского правового наследия в становлении и развитии древнерусского права¹⁷. Славяно-скандинавский культурный симбиоз — новая тема, совместно разрабатываемая историками, филологами и археологами¹⁸. Не касаюсь работ по литературе и искусству (В. Н. Лазарева, А. И. Рогова, А. Н. Робинсона и др.).¹⁹

Ставя вопрос о международной роли Древней Руси в целом, мы выходим за рамки существующей историографии. Многоязычная историография представлена рядом ценных исследований о взаимоотношениях Руси с отдельными странами или группами стран Европы и Азии, однако она грешит либо хронологической узостью, либо национальным партикуляризмом, а главное, стремлением изучать внешнеполитические сношения Руси в отрыве от ее общественно-политической эволюции. Это относится и к работам о взаимоотношениях Руси с «Западом» (Т. Эдигер, С. Кросс, Ф. Дворник) и Византией (Д. Оболенский), и к трудам, касающимся общих проблем международной истории «Востока» (В. Ф. Минорский).

Наконец, надо отдавать себе ясный отчет в ограниченности и русских источников (летописей, актов, житий), и византийских придворных сочинений, и многочисленных епископских и вообще церковных хроник Люблина (Галл) и Кракова (Винцент Кадлубек), Мерзебурга (Титмар) и Бремена (Адам), Альтенбурга (Гельмольд) и Любека (Арнольд), Буды (Аноним) и Сплита (Фома), Роскильда (Саксон Грамматик) и Риги (Генрих), наконец, Лондона (Матвей Парижский) и многих других, для которых Русь была отнюдь не главным объектом далеко не беспристрастного наблюдения. Нечего говорить о тусклости сведений еще более отдаленных восточных информаторов, из которых ближе других подходили к границам Руси только арабский путешественник и писатель Ахмед Ибн Фадлан (921—922 гг.) и испано-арабский путешественник Ибрагим Ибн Якуб (966 г.), а из побывавших в ее пределах (1150—1153 гг.) оставил записки один лишь испано-арабский купец и путешественник Абу Хамид ал-Гарнати.

В связи с подготовкой свода «Древнейших источников по истории народов СССР» на передний план выдвигается изучение места нашей страны в истории древнего мира и раннего средневековья, что, в свою очередь, должно существенно углубить исторические традиции международных связей восточных славян и Древней Руси. Ставится и успешно решается, как свидетельствуют труды Е. А. Мельниковой, В. И. Матузовой, И. С. Чичурова, В. Л. Назаровой, В. М. Бибикова и др.²⁰, задача исследования иностранных источников на новом уровне: не удовлетворяться их сбором и сопоставлением с русскими (это в основном уже сделано), а предпринять широкие разыскания новых источников и попытаться

раскрыть пути проникновения самих сведений о нашей стране в иностранные хроники, акты, карты, трактаты, жития и т. п. Это задача не из легких, и отраднo, что за ее решение взялись молодые ученые-энтузиасты. Немало может дать сравнительно-историческое изучение славянских памятников, особенно правовых, в комплексе с непрерывно растущим материалом нумизматики, археологии-торевтики, сфрагистики, рунологии, берестологии и др.

Описываемые события отделены от нас многими столетиями, и мы подчас лишены возможности дать обоснованное истолкование каждого отдельного внешнеполитического акта Руси. Но совокупность актов, сопоставляемых с эволюцией общественного строя на Руси и переменами в международных отношениях тогдашнего мира, дает почву для определения тенденций внешней политики и в конечном счете позволяет (вопреки бытующему взгляду) заключить, что уже в средние века складывались относительно устойчивые системы межгосударственных союзов, часть которых пережила даже разрушительное монголо-татарское нашествие.

Начнем наш ограниченный рамками доклада обзор с Северной Европы.

Источники сохранили нам немало свидетельств о деятельности норманнских выходцев на Руси сначала в качестве неудачливых враждебных находчиков (до X в.), а затем — как наемников — князей, воинов, купцов, дипломатов, сыгравших наряду с тюркскими, прибалтийскими и другими конфедератами в общем положительную роль в строительстве славянской знатью огромного и многоязычного Древнерусского государства. Однако викинги встретили решительный отпор, когда попытались выйти из повиновения Руси. Удар, нанесенный норманнам на Руси, подорвал основу их имперских устремлений во всей Европе. Едва варяжский корпус, подвластный Владимиру Святославичу, потребовал в Киеве выкуп в размере по две гривны с жителя (явление в ту пору нередкое при набегах викингов на другие европейские столицы), как князь перебрал наемников, оставил себе наиболее надежных, а остальных отослал в Византию, предварив (как это предусматривалось со времен русско-византийского договора 944 г.) послами с письмом к императору Василию II. Из письма видно, что русские князья отлично знали, как управляться с норманнами: «Се идуť к тебе варязи. Не мози их держати в граде, оли то творять ти зло, яко и сде, но расточи и разно, а семо не пущай не единого»²¹. Как только варяжский отряд, служивший Новгороду по «уставу» Олега за скромный оклад в 300 гривен²² (напомним, что Новгород платил в Киев 2000 гривен, да 1000 гривен — за содержание русского княжеского гарнизона), попытался своевольничать (1015 г.), его судьба была решена Ярославом Мудрым.

Русь не только прибрала к рукам норманнских наемников, но и активно воздействовала на политику стран Северной Европы, противоборствуя завоевательным устремлениям викингов, под-

держивая Англию и Норвегию против Дании. Когда датский король Кнут Великий распространил свою власть на Англию (1016 г.) и Норвегию (около 1030 г.), Ярослав Мудрый поддержал его противников. На Руси (как выяснил М. П. Алексеев) нашли убежище сыновья разбитого Кнутом английского короля Эдмунда Железный бок²³; здесь укрывались и норвежские короли: из Руси ушел отвоевывать Норвегию Олав Харальдссон²⁴, из Руси же призвали норвежцы на престол его сына Магнуса Доброго (около 1035 г.), который позднее завоевал Данию²⁵; примечательно, что тогда же и англичане сбросили датскую власть, посадив на престол Эдуарда Исповедника (1042 г.). Славный норвежский викинг Харальд Грозный, муж Елизаветы Ярославны²⁶, тоже занял норвежский престол (около 1047 г.) после службы на Руси — участия в антивизантийском походе 1043 г.²⁷ Он погиб в Англии, вмешавшись в борьбу, охватившую ее после смерти Эдуарда. Сохранялась и дружба Руси со Швецией: Ярослав взял в жены Ингигерд—Ирину, дочь короля Олава Шведского²⁸.

Когда норманны Вильгельма Завоевателя подчинили Англию и королевская семья бежала в Данию, Русь вновь поддержала эмигрантов. К этому времени Русь уже наладила союз с Данией, король которой Свен (1047—1075 гг.) женился на овдовевшей Елизавете Ярославне. При их посредничестве английская принцесса Гита была просватана (около 1074—1075 гг.) за Владимира Всеволодовича²⁹. После завоевания Англии норманны еще более энергично устремились на Средиземное море. И здесь Русь противодействовала им. Русские и англосаксонские наемные отряды помогали Византии вести с ними борьбу в Южной Италии.

Скандинавские страны, охваченные феодальной раздробленностью, тяготели к союзу с сильной Русью. Вспомним, что Мстислав³⁰, сын Мономаха и Гиты, в конце XI в. женился на Христине, дочери шведского короля Инги Стейнкельсона³¹, датский король Эрик III Добрый накануне вступления на престол (около 1095 г.) побывал на Руси, видимо ища поддержки³². Дочь Мстислава Малфрид стала (1111 г.) женой норвежского короля Сигурда I, а овдовев, вышла замуж за сына Эрика III — датского короля Эрика Эмуна (1134—1137 гг.). Другая его дочь, Ингеборг Мстиславна, сделалась женой второго сына Эрика III бодрицкого короля Кнута Лавårда (1129—1131 гг.) и до последних его дней была с ним в Любеке³³.

Источники молчат о скрытом процессе русской и скандинавской встречной колонизации земель Лапландии (саамов), Финляндии и Карелии. Лишь после 1136 г., когда северная политика Руси перешла в руки правительства Новгородской боярской республики, местная летопись вводит нас в круг взаимных противоречивых отношений Руси со Швецией и Данией; государственное договорное русско-норвежское разграничение — дело более позднее (1254 г.). Русско-скандинавская торговля шла по средневековым понятиям нормально³⁴. Зоной русско-шведских столкновений

стала Финляндия, где один за другим погибали католические агенты упсальской церкви и где вооруженные конфликты вылились в шведский поход на Ладугу (1164 г.) и русско-карельский — на Сигтуну (1187 г.), приведший к разрушению этого крупного города. Решающие битвы были впереди.

Не менее видную роль сыграла Русь в истории Византийской империи. Не случайно появление Руси в качестве самостоятельного государства («нача ся прозывати Руска земля») летопись подкрепила ссылкой на упоминание ее в византийской хронике времен императора Михаила III (842—867 гг.): «Яко при сем цари приходиша Русь на Царьгород, яко же пишется в летописаньи гречьстемь»³⁵. Русский переводчик греческой хроники продолжателя Амартола имел все основания напомнить о страшном для Византии древнерусском походе 860 г., ясно отраженном и в других источниках³⁶.

Взаимоотношения с Византией, восходящие к седой старине, были важной составной частью внешней политики Руси. Древнерусское государство — это четко видно из летописи — складывалось, крепло, формировало границы, обеспечивало свои внешне-торговые права, наконец, добивалось суверенной христианизации, преодолевая упорное противодействие Византии и уже тем самым влияя на ее судьбы.

Византия, силой удерживая часть Причерноморья, земель Кавказа и дунайскую границу, стремилась ослабить Русь посредством своих союзов с ханами сменяющихся в южнорусской степи кочевых орд. Такова ее государственная доктрина, сформулированная Константином Багрянородным (945—959 гг.)³⁷. Она дополнялась системой разведки, основы которой изложены современником Василия II в трактате «De castrametatione»: «доместику и пограничным стратегам» вменялось в обязанность «иметь таких соглядатаев», чтобы «ведомы были все замыслы» Болгарии, Печенегии, Венгрии и Руси³⁸. Используя церковные связи с Русью (особенно с 988 г.), византийское правительство пыталось влиять на ее внешнеполитический курс и сеять (особенно после раскола 1054 г.) отчуждение между нею и враждебными империи католическими державами Европы. Ввиду этого взаимоотношения Руси с Византией были сложными, противоречивыми, не раз приводили к конфликтам, к войнам.

Но Русь стала великой христианской державой вовсе не для того, чтобы следовать внешнеполитическому курсу империи. Слов нет, в ту пору были сильны связи дипломатии и церкви, когда подчас трудно отличить монаха от посла, монастырь от консульства, церковь от пакгауза, сказанье пилигрима от депеши, паломника от резидента. . . Но это еще не дает оснований говорить о подчинении русской дипломатии видам церкви вообще и византийской патриархии в частности. Русские князья, используя церковников на дипломатической службе, руководствовались во внешней политике не узко церковными, а государственными интересами своего класса. Впрочем, той же линии вынуждены были держаться и сами

церковные иерархи там, где (например, в Новгороде, Полоцке, Пскове) они приобрели более заметное влияние на политику.

Скрепленные договорами политические, экономические и церковно-культурные связи с Византией умело использовались Русью. На Руси отлично понимали глубокую и постоянную заинтересованность непрочной и слабеющей, хотя богатой и политически искушенной Византии в безопасности ее крымских, кавказских, балканских владений, ее зависимость от пусть дорогой, но необходимой русской военной поддержки против арабов, турок и норманнов, ее корыстное стремление к доходам с русской митрополии.

Бросая в X—XI вв. свой шеститысячный секироносный корпус в походы против арабов и норманнов, угрожавших Византии, Русь укрепляла свое влияние не только на Кавказе, на Балканах (особенно в пору русско-болгарской войны с Византией), но и на Средиземном море — в Апулии и Калабрии, воздействуя на византийско-германскую борьбу за Италию. Впрочем, и торговые связи Руси с землями, некогда подвластными Багдаду, отнюдь не прервались.

Факты свидетельствуют, что Русь, оттеснив Византию, взяла в свои руки степную политику, превратив в конфедератов печенегов, торков и значительную часть половцев. Роковые страницы византийской истории писались на Руси, 1/15 часть которой, главным образом юго-восточная, страдала от разорительных набегов. После ряда совместных походов русских полков половецких ханов удалось одолеть, в немалой степени с помощью имперского использования против них ранее подчиненных хазар, печенегов, торков. С помощью военных усилий, раздачи земель, клятв, подкупа, пышных приемов послов половецкая степь была расколота на части. Немало половецких «хатуней», приняв православие, стало русскими княгинями. Русская победа над степью сделала Боняка и Тугоркана византийскими сенаторами и «союзниками отчаяния» в черный для империи 1091 г. Сто лет спустя императору Андронику Комнину пришлось через киевского митрополита уже «умолять» Русь о военной поддержке. Впрочем, русская победа над половцами (1202 г.) не надолго продлила дни угасавшей империи.

Взаимоотношения Руси с восточными соседями складывались благоприятно. Само образование Древнерусского государства шло рука об руку с освобождением части земель Нижней Руси (Полянской, Северской, Радимичской, Вятичской) из-под власти Хазарии. С укреплением же Руси Хазария, несмотря на ее попытки заручиться поддержкой Хорезма, Багдада и Константинополя, была разбита и подчинена в 60—80-е годы при Святославе Игоревиче (который стремился сокрушить всю систему причерноморских союзов Византии) и при Владимире. Подонские хазары перешли вследствие этого из внешнеполитических партнеров Руси в число ее вассалов.

Политика Руси в Дербенте, Алании, Гандже и Ширване свидетельствует о прочности занятых ею позиций на Северном Кавказе, притом источники подтвердили старую догадку В. В. Бар-

тогда о взаимосвязи кавказской (походы 909—910, 944, 987—988, 1013—1032 гг.) и византийской политики Руси³⁹. Далее отношения с восточными соседями характеризовались суздальско-булгарскими договорами (1120 г. и сл.), которые надолго определили границу, несмотря на конфликты (1164, 1173, 1183 гг.) и соперничество из-за сфер влияния в мордовских и других землях Поволжья. Но усиление мусульманского Булгарского государства сопровождалось заметным ослаблением позиций владими́ро-суздальских князей в землях мордвы, мари, буртасов. Пробирая половецкий заслон, суздальские и черниговские князья создали устойчивые связи с асскими князьями Северного Кавказа (брали в жены их дочерей, асская знать служила при русских дворах), а затем волынские и суздальские дворы установили тесные отношения и с Грузией, наиболее крупной державой Закавказья: царица Русудан стала женой волынского князя (1154 г.), царица Тамара — суздальского (1184 г.).

О сношениях с государствами Азии зримо свидетельствует собранный А. П. Новосельцевым материал, относящийся к торговле. Торговые пути и связи отмечены русскими поселениями в Итиле и Ургенче, заходом русских судов в Семендер, Дербент, Бердаа, Амоль и другие центры в Табаристане и Гургане, вывозом рабов, мехов (соболей, бобров, лисиц и др.), а в Хорезм — русского льна и пергамента («телятина»). Русские купцы достигали Багдада, а их товары — и Кабула и Хамадана. В Крыму у Керчи находился город Русийа, проживали русские и в Судакe. Мы не знаем, как они попали в Египет, но в XII в. встречаем их и в Александрии. Впрочем, и арабские выходцы жили не только в Булгаре, Итиле и Киеве. Русско-арабские связи — весьма перспективная тема, ожидающая исследователей.

Русь поддерживала широкие международные связи с католическими, мусульманскими и языческими державами, как дружественными, так и враждебными Византии. Из европейских стран особенно тесными были отношения Руси с соседними славянскими государствами. Это понятно ввиду их этнической близости, которую отмечали и иностранные наблюдатели. Например, Бартоломей Английский в своей энциклопедии (около 1240 г.) писал, что «славяны — это богемы, полоны, метаны, вандалы, рутены, далматы и харинти. Все они понимают друг друга и во многом схожи как в отношении языка, так и в отношении права, однако отличаются в отношении вероисповедания»⁴⁰.

После исследований В. Д. Королюка стала ясней роль Руси в раннефеодальной истории славянских стран⁴¹. Из межславянских связей, пожалуй, русско-польские отношения имели наибольшее значение для Европы⁴². Русь и Польша, несмотря на наличие сфер взаимных противоречий в Червенской и Прусской землях, довольно быстро прошли через испытания взаимного вмешательства в распри князей (польские походы на Русь в 1018, 1069 гг., русские — на Польшу в 1041, 1043, 1047 гг.) и участия во враждебных друг другу коалициях: они постепенно не только стабили-

зировали свою границу, но и пришли к тесному союзу (договоры 1042, 1074, 1077, 1099, 1103, 1145 и следующих годов). Этот союз поддерживался с русской стороны Киевом и Волынью, а с польской — Краковом и Плоцком. После торжества феодальной раздробленности Волынь, Смоленск и Чернигов, враждующая с Византией, оставались союзниками Польши и Венгрии, тогда как суздальские князья тяготели к сближению с Германией и Византией.

На Руси и в Польше не оказалось социальных групп, заинтересованных в широкой территориальной экспансии и способных ее осуществить. В то же время давние торговые связи, обширные зоны обоюдной этнической инфильтрации, общие интересы в колонизации Пруссии содействовали сближению. То одно, то другое правительство в соответствии с духом классовой солидарности феодальных династий, тесно связанных матримониальными союзами, по-соседски помогало упрочению княжеской власти.

Кризис Византийской империи в конце XII в. ознаменовался на Европейском континенте ее поражением в Италии и на Балканах. В освободительной борьбе обрела независимость Сербия под властью жупана Стефана Немани (1190—1196 гг.). С семьей Неманей имели связи волынские князья, а русский монах с Афона был наставником Растко, младшего сына Стефана, который стал архиепископом Саввой, основателем самостоятельной православной церкви в Сербии.

Когда наряду с сербским движением вспыхнуло освободительное восстание болгар и владхов, его руководители Петр и Асень получили (как некогда при Святославе) русскую и половецкую поддержку из-за Дуная. Естественно, что с победой над Византией связи Болгарии при Асене Старом (1187—1195 гг.) с Русью начали укрепляться.

История свидетельствует, что Германия в своем агрессивном наступлении за Одр придавала первостепенное значение разжиганию взаимных конфликтов между славянскими странами, стараясь втянуть в них также Венгрию, Австрию, Саксонию, Данию. Первое время это удавалось, особенно Генриху II (1002—1024 гг.), который таким образом пытался ослабить и польское сопротивление немецкому внедрению в славянском Поморье, и русское участие в германо-византийском конфликте в Италии. Но уже Ярослав Мудрый раскусил этот замысел: он пошел на союз с Казимиром Пястым (около 1042 г.), а на отказ Генриха III (1039—1056 гг.) поддержать Русь против Византии (1043 г.) ответил упрочением союзов с самой Византией (1046 г.), с Венгрией короля Андрея I (1046—1061 гг.), с Францией (1051 г.)

Последний союз сопровождался браком Анны Ярославны с королем Генрихом I. С его кончиной Анна стала регентшей Франции. Вообще, говоря о древнерусской дипломатии, надо учитывать роль матримониальных союзов, в которых блистали просвещенные княгини. Тому пример и брак внучки Мономаха Евпраксии Всеволодовны с германским императором Генрихом IV и ее пашумевшее участие в политической борьбе Вольфов со Штауффенами.

Немецкие хроники сохранили восторженное описание сопровождавшего ее пышного посольства с погруженными на верблюдах «роскошными одеждами, драгоценными камнями и вообще несметным богатством». Заметный след оставили русские княгини и в политической жизни Венгрии, Польши, Литвы.

Волинско-киевские князья, продолжая эту политику, развивали союз с Венгрией, которая в 1102 г. вышла к Адриатике и вступила в вековую борьбу с Византией. Последующие действия венгерско-сицилийско-волинского союза середины XII в. против Византии объясняют, почему после прекращения службы русского корпуса в Константинополе «русские [его] королевского величества» появились при Венгерском дворе Кальмана (1095—1116 гг.)⁴³. Примечательно и отсутствие религиозной нетерпимости в русско-венгерско-польской княжеской среде, как это видно из отрывка грамоты польско-венгерских союзников волинского князя Изяслава Мстиславича, посланной ими Юрию Долгорукому и его брату Вячеславу: «Вы нам есте в отца место. . . а мы есмы на бозе все крестяне (т. е. христиане. — *В. П.*) одна братья собе, а нам подобает всим быти съ собе»⁴⁴. Это особенно важно подчеркнуть, ибо со времени разделения церквей и Византия, и папство прилагали немало усилий к тому, чтобы посеять религиозную рознь между Русью и ее восточноевропейскими соседями.

Политика русско-польско-венгерского сближения позволила Польше отбить наступление Генриха V (1099—1111—1125 гг.) и избежать войны на два фронта во время разорительных вторжений (1157, 1172, 1184 гг.) Фридриха I Барбароссы (1152—1190 гг.)⁴⁵. В этих войнах Волянь постоянно поддерживала Польшу, и не случайно император называл в письме к Вибальду русских первыми среди своих неприятелей⁴⁶.

Между тем Русь и Германию связывали очень давние и взаимовыгодные торговые отношения. Былинный *Plaz von Reuzzen* в немецком эпосе — своего рода символ этих связей. Но Русь противодействовала захвату Германией славянских земель — переходу в немецкие руки торговых центров на Балтийском море, с глубокой древности входивших в сферу русских внешнеторговых интересов (следы которых уцелели в актах Любека, Новгорода и Смоленска).

Польша, утратив политическое единство, не смогла успешно противостоять Германии и ее союзникам в Славии (между Лабой и Одрой), не удалось ей защитить и Поморье. Тем не менее столетия антинемецкой борьбы не прошли даром — сложилась и окрепла польская народность. Упорное противодействие Польши и ее союзников немецкой экспансии в Прибалтике имело и то значение в истории Европы, что содействовало крушению имперских планов на Средиземном море. Эти два, казалось бы, столь отдаленных друг от друга узла мировой политики были тесно взаимосвязаны, как оказались взаимозависимыми и два направления крестовых походов, что отлично понимала папская курия.

Понимали это и на Руси, тесно связанной со многими из руко-

водителей походов. Первый крестовый поход (1096—1099 гг.) происходит в ту пору, когда Русь уже отозвала свой военный корпус из Византии. Тем не менее хронисты похода не раз упоминают Русь. Французский хронист Альберт из Экса утверждает, что венгерский король Кальман в страхе перед крестоносцами собирался бежать «*versum regnum Russiae*», а когда крестоносцы пришли в Малую Азию, то эмир Сулейман сетовал на то, что у него остался клочок земли на побережье «Русского моря»⁴⁷⁻⁴⁸. Русские летописи тоже знают о первом крестовом походе⁴⁹. В Иерусалиме, после его завоевания латинянами, существовал русский монастырь. Король Балдуин тепло принял побывавшего здесь в составе большой русской «дружины» черниговского игумена Даниила⁵⁰.

Во втором крестовом походе (1147—1149 гг.) русское войско вместе с поляками ходило в сторону прибалтийского Поморья⁵¹, но Русь была близкой и с другими участниками похода: французский король Людовик VII, проходя с войском через Венгрию, стал воспреемником первенца Ефросиньи Мстиславны, жены союзного Киеву короля Гезы II⁵², через Русь в 1148 г. возвращался из этого похода чешский король Владислав II⁵³.

В третьем крестовом походе (1189—1192) Русь не участвовала, но ее летописи отметили и падение Иерусалима (1187)⁵⁴, и выступление Фридриха I, сопроводив его рассуждением, уподоблявшим Германию Руси, а арабов — половцам⁵⁵. Это рассуждение позволяет понять, что именно натиск кочевников заставил Русь перенести борьбу из Поморья в Причерноморскую степь.

Четвертый крестовый поход (1203—1204) фактически, как и второй, был обращен в Переднюю Азию и Прибалтику, и сама Русь с подвластными ей неславянскими землями стала его целью. На этот раз ей надо было думать не о походах на мусульман-арабов или на язычников Прибалтики и Причерноморья, а о защите своих владений и собственной независимости.

Когда немецкие крестоносцы, поддержанные папством, уже овладев частью славянского Поморья, высадились на Двине и основали Ригу (1201 г.), а на Черном море их собратья захватили Константинополь (1204 г.), один из сильнейших русских князей, волыноско-киевский князь Роман Мстиславич, предпринял поход на Саксонию, видимо намереваясь подрубить основу немецкой экспансии на Балтике. Отсутствие единства между Русью и Польшей свело осуществление этого плана на нет⁵⁶.

Четвертый крестовый поход совпал с расстройством русско-польско-венгерского союза, чему немало содействовала папская курия, а также с резким ухудшением русско-скандинавских отношений. Сея смерть и разорение, немецкие рыцари завладели землями междуречья Вислы и Немана, захватили Подвинье. В ожесточенных сражениях, тяжелых поражениях от монголо-татар и блистательных победах в битвах с крестоносцами раскрылась с полной очевидностью роль Руси в истории тогдашнего мира. Истекая кровью в неравной борьбе, она предопределила крах монголо-

татарского нашествия на Европу, в то же время последовательно сократив крестоносцев Швеции (1240), Дании и Германии (1242). Польши и Венгрии (1245), она похоронила универсалистские претензии и империи, и папства.

Итак, Древняя Русь сыграла выдающуюся роль в формировании политической карты Европы: она деятельно участвовала в борьбе народов против арабского, византийского и германского владычества; она приняла на себя главный удар тюркских кочевников; наконец, победа Руси, русского народа в борьбе с крестовым походом шести держав (включая папство), совпавшим с монгольским нашествием, стала поворотным пунктом в исторических судьбах Европы.

¹ ПВЛ, ч. 1, с. 10.

² ПВЛ, ч. 1, с. 111, 198.

³ *Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1920, т. 1 (текст), с. 371—375.

⁴ *Grabski A. F.* Polska w opiniach obcych X—XIII w. Warszawa, 1964, s. 134.

⁵ ПВЛ, ч. 1, с. 10—11.

⁶ *Rabani Mauri de universo libri XII.* — In: *Patrologia latinae*. Paris, 1852, t. III, cap. 4, col. 347; *Дитмар А. Б.* К истории вопроса о границе между Европой и Азией. — Учен. зап. Ярослав. гос. пед. ин-та им. К. Д. Ушинского, 1958, вып. XX (XXX), ч. 1, География, с. 31—49.

⁷ *Marraemundi: Die ältesten Weltkarten*/Ed. K. Miller. Stuttgart, 1895, H. I, S. 48; H. II, Taf. 2.

⁸ *Bacon Roger.* *Opus Majus*/Ed. J. H. Bridges. Oxford, 1900, vol. I, p. 360.

⁹ *Diaconus Leo.* *Historia*, lib. VI, cap. 10.

¹⁰ НПЛ, с. 104.

¹¹ *Пашуто В. Т.* Общественно-политический строй Древнерусского государства. — В кн.: *Древнерусское государство и его международное значение*. М., 1965, с. 73.

¹² *Пашуто В. Т.* Общественно-политический строй. . . , с. 80.

¹³ *Черепнин Л. В.* Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. — В кн.: *Вопросы формирования русской народности и нации*. М., 1958, с. 25—80.

¹⁴ ПСРЛ, т. II, стб. 405.

¹⁵ Подробнее см.: *Сахаров А. Н.* *Дипломатия Древней Руси*. М., 1981.

¹⁶ *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т.* Внешняя торговля Древней Руси. — *История СССР*, 1968, № 3, с. 103—104.

¹⁷ *Шапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978.

¹⁸ *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я., Пушкина Т. А.* Культурно-исторические взаимосвязи Восточной Европы и Скандинавии в раннее средневековье. — *История СССР*, 1983, (в печати).

¹⁹ См.: *Итоги и задачи изучения внешней политики России*. М. 1981, с. 23.

²⁰ См.: *Мельникова Е. А., Юрасовский А. В.* Сектор истории древнейших государств на территории СССР Института истории СССР АН СССР в 1969—1973 гг. — В кн.: *Древнейшие государства на территории СССР 1979 г.* М., 1980, с. 219—233; *Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования 1980 г.* М., 1981, с. 218; *Koczy L.* *Polska i Skandynawia za pierwszych Piastów.* — *Prace Komisji Historycznej Pozn. Tow-wa Prz. Nauk*, 1934, t. VIII, zes. 3, s. 83, 232.

²¹ ПВЛ, ч. 1, с. 56 (под 980 г.).

²² ПВЛ, ч. 1, с. 20.

²³ *Adamus Bremensis*, lib. II, cap. 53.

²⁴ См.: *Джаксон Т. Н.* Скандинавский конунг на Руси (о методике сведений исландских королевских саг). — В кн.: *Восточная Европа в древности и средневековье: Сборник статей*. М., 1978, с. 282—288.

- ²⁵ Labuda G. Fragmenty dziejów słowiańszczyzny zachodniej. Poznań, 1964, s. 143.
- ²⁶ *Adamus Bremensis*, lib. III, cap. 13, schol. 62. Стансы Харальда в честь Елизаветы см.: *Antiquités russes/ Ed. C. C. Rafn. Copenhagen, 1852, v. II, p. 57—58* (исландский и латинский тексты).
- ²⁷ *Cedrenus Georgius*, т. II, p. 551₄₋₁₅; ПСРЛ, т. XXV, с. 376.
- ²⁸ Об этом браке Ярослава говорится в исландских сагах первой трети XIII в. (см.: *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о русско-скандинавских матримонимальных связях. — В кн.: Скандинавский сборник. Таллин, 1982, XXVII, с. 107—115) и в глоссе XIII в. к хронике Адама Бременского (*Adamus Bremensis*, lib. II, cap. 39).
- ²⁹ *Saxonis Gesta Danorum*, lib. XI, cap. 6.
- ³⁰ Исландские саги называют Мстислава Харальдом.
- ³¹ НПЛ, с. 24; этот король давно связан с Русью (*Adamus Bremensis*, lib. III, schol. 84).
- ³² *Saxonis Gesta Danorum*, lib. XII, cap. 71.
- ³³ О браках дочерей Мстислава сообщают исландские саги (см.: *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги...). О бодрицком короле Кнуге см.: *Helmold*, lib. I, cap. 50.
- ³⁴ *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т.* Внешняя торговля Древней Руси, с. 91, 94.
- ³⁵ ПВЛ, ч. 1, с. 17.
- ³⁶ ПВЛ, ч. 2, с. 247; *Photios. Epistolarum. Epist. III.* — PG, 1860, t. 102, col. 735—738; *Paphlago Nicetas. Vita Ignatii.* — PG, 1862, t. 105, col. 516; *Continuatus Theophanes*, lib. IV: De Michaelae Theophili filio, cap. 33.
- ³⁷ *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio/ Ed. G. Moravcsik. Budapest, 1949, p. 48—57.*
- ³⁸ *De castrametatione/ Ed. A. Marten. Paris, 1898, cap. XVIII, p. 38.*
- ³⁹ См. написанные А. П. Новосельцевым разделы в кн.: *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
- ⁴⁰ *Матузова В. И.* Английские средневековые источники: Тексты, пер., коммент. М., 1979, с. 85—86.
- ⁴¹ *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964.
- ⁴² *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси, с. 31, 151.
- ⁴³ *Пашуто В. Т.* Древняя Русь и Венгрия. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 345—350. *Он же.* Древняя Русь и Австрия. — In: *Ost-West Begegnung in Österreich. Innsbruck, 1976, S. 235—239.*
- ⁴⁴ ПСРЛ, т. II, стб. 387—388 (1149 г.).
- ⁴⁵ *Anonimus Gallus*, lib. III, cap. 2, 15—16; MGH SS, 1868, t. XX, p. 423 (1157 г.); 1861, t. XVII, p. 786 (1172 г.); 1859, t. XVI, p. 687 (1184 г.); t. XXIV, p. 38 (1183 г.); 1851, t. IX, p. 542; ПСРЛ, т. II, стб. 564 (1173); стб. 571 (1174); *Vincentii Chronicon Polonorum*, lib. IV, cap. 23.
- ⁴⁶ МРН, т. II, 1872, p. 21—22.
- ⁴⁷⁻⁴⁸ *Aquensis Albertus. Historia Hierosolymitana.* — In: *Recueil des Historiens des Croisades. Paris, 1879, t. IV, lib. I, cap. 29, p. 294; lib. IV, cap. 6, p. 393. Soloviev A. V. Mare Russiae. — Die Welt der Slaven, (Wiesbaden), 1959, Bd. IV, S. 5.*
- ⁴⁹ ПВЛ, ч. 1, с. 60.
- ⁵⁰ Путешествие игумена Даниила/ Изд. А. С. Норов. СПб., 1864, с. 139.
- ⁵¹ *Annales Magdeburgenses.* — MGH SS, 1859, t. XVI, p. 188.
- ⁵² *Scriptores Rerum Hungaricarum*, Budapest, 1937, v. I, p. 458.
- ⁵³ *Fontes Rerum Bohemicarum, Praha, 1874, t. II, p. 418.*
- ⁵⁴ ПСРЛ, т. II, стб. 656 (1187 г.); ср. стб. 700
- ⁵⁵ ПСРЛ, т. II, стб. 668 (под 1190 г.).
- ⁵⁶ MGH SS, 1874, t. XXIII, p. 885; ср. p. 116; ПСРЛ, т. I, стб. 425.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л.
 НПЛ — Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950.

ПВЛ — Повесть Временных лет. М., 1950.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М., 1951.
MGH SS — Monumenta Germaniae Historica, Scriptores. Hannoverae.
MPHs — Monumenta poloniae historica. Lwow.
PG — Patrologia Graecae. Paris.
SRD — Scriptores Rerum Danicarum medii aevi. Hafnia.

Г. Г. Литаврин

ДРЕВНЯЯ РУСЬ, БОЛГАРИЯ И ВИЗАНТИЯ В IX—X ВВ.

При всем постоянстве внимания, уделяемого в исторической литературе вопросам истории становления и развития Древнерусского государства в IX—X вв. и истории его внешнеполитических связей, именно для последних десятилетий характерен особенно глубокий интерес к этой проблематике и в отечественной и в зарубежной историографии¹. Новейшие исследования на эту тему, прежде всего марксистские, проникнуты стремлением к комплексному рассмотрению относящейся к нашему докладу проблематики в тесной связи с изучением факторов внутреннего социально-экономического, политического и культурного развития находящихся в непосредственном взаимодействии стран и народов, при опоре не только на письменные и археологические свидетельства, но и на данные смежных общественных наук.

Взаимоотношения Древней Руси, Болгарии и Византии изучаются ныне подавляющим большинством исследователей лишь как одно, хотя и важнейшее в IX—X столетиях, направление в сложной системе международных связей, охватывавших в ту эпоху множество государств и народов Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы, а также Кавказа, Ближнего Востока и Центральной Азии. Все более глубоко и всесторонне раскрывается воздействие на отношения трех названных стран происходивших в течение изучаемого двухсотлетия крупных перемен на международной арене (прежде всего это неуклонное возвышение Древнерусского государства, расцвет и последовавшее затем ослабление Первого Болгарского царства, постепенное нарастание сил Византийской империи, упадок Хазарского каганата, вторжение венгров в Центральную Европу, появление печенегов в Северном Причерноморье, распад Арабского халифата на независимые эмираты).

Широкое признание в мировой историографии нашел обоснованный главным образом в советской литературе вывод о настойчивом стремлении Древней Руси, отчетливо проявившемся со второй половины IX в., установить свое господство (в ущерб позициям Византии и Хазарского каганата) в Восточном, Северном и Северо-Западном Причерноморье, что привело в конечном итоге во второй-третьей четверти X столетия к смене русско-хазарского и бол-

горо-византийского конфликтов, определявших около века внешне-политическую ситуацию в Восточной и Юго-Восточной Европе, на конфликт русско-византийский.

В новейших исторических исследованиях высказано также немало иных оригинальных положений, тезисов, уточнений и гипотез, существенно расширяющих и обогащающих наши представления о ходе исторического процесса в рассматриваемом здесь ареале. Приходится, однако, констатировать, что, несмотря на значительное увеличение археологического материала и крупные успехи, достигнутые на пути тщательного учета, анализа и критики всего сохранившегося фонда письменных памятников, недостаток источников по-прежнему остается камнем преткновения при изучении проблем международных связей Руси, Болгарии и Византии. Выявление новых фактов и уточнение давно известных в науке, а также их убедительная интерпретация и определение места и значения каждого из них по-прежнему остаются, на наш взгляд, первостепенными задачами историков нашего времени. Поэтому в данном докладе мы ограничиваемся отчасти новой интерпретацией некоторых фактов и событий этой эпохи, отчасти — их уточнением, отчасти — обоснованием важности тех заключений наших предшественников, которые, по нашему мнению, не нашли в новейших специальных трудах должной оценки.

В соответствии с этим мы предлагаем здесь вниманию специалистов свое мнение по трем вопросам рассматриваемой темы: об условиях плавания и торговли русских в Западном Причерноморье и в Византии, о целях и результатах посольства княгини Ольги в Константинополь и о месте Болгарии в развитии связей Древней Руси и Византийской империи в IX—X вв.

I. Приступая к рассмотрению первого вопроса, мы останавливаем внимание на уже отмечавшемся, но, как нам представляется, недостаточно объясненном противоречии в показаниях Константина Багрянородного в его труде «Об управлении империей».

В заглавии к знаменитой 9-й главе и в 1-й строке самой главы, при описании путешествия русских купцов в Византию говорится, что русские отправляются на своих однодеревках (моносилах) в столицу империи и что эти моносилы прибывают в Константинополь². В прямом противоречии, на первый взгляд, с этим заявлением в конце той же главы царственный автор, назвав последнюю дневку (остановку) русского торгового каравана на болгарской земле (в устье р. Дичины — совр. Камчий), пишет, что «от Дичины они достигают района Месемврии, где завершается их мучительное и страшное, трудноодолимое и тяжелое плавание»³. Иными словами, здесь в качестве конечного пункта путешествия русских купцов назван не Константинополь, а город-крепость на восточнофракийском побережье (Месемврия — ныне Несебр), отстоящий от столицы империи по морю примерно на 180 км. И снова, как будто в полном согласии с этим последним указанием, в заключительных строках 9-й главы Константин пишет,

что с наступлением весны и лета русские вновь со своими моно-
кислами «отправляются в Романию» ⁴.

Бегло коснувшись этого противоречия Д. Оболенский заметил, что, по его мнению, Константин назвал здесь Месемврию лишь как пункт, чуть севернее которого русские пересекли границу империи с Болгарией: отсюда они могли никого не опасаться, так как их безопасность «четко гарантировалась» договором 911 г. ⁵ Объяснение, по-видимому, показалось вполне приемлемым. Действительно, сам Константин, как было показано выше, ведет речь о ежегодном прибытии русских в Константинополь. В договорах 907 и 944 гг. в качестве места пребывания русских в империи назван пригород столицы на северо-восточном берегу Золотого Рога, в районе монастыря св. Маманта ⁶, да и русские летописи выразительно свидетельствуют, что Ольга при посещении Константинополя долго томилась на своем судне в этой константинопольской бухте («в Суду») ⁷. И договоры русских с греками, и византийские источники, повествующие о войне Руси и Византии в 1043 г., не оставляют сомнений в том, что русское купечество вело торг непосредственно на рынках Константинополя; мало того, еще до 1042 г. русские при их посещении столицы на Босфоре размещались уже не (или — не только) в квартале св. Маманта, но и внутри стен самого города ⁸.

И тем не менее объяснение Д. Оболенского нам не представляется убедительным. У Константина сказано, что в «районе Месемврии» кончаются не опасения русских, а их плавание (πλοῦς). Кроме того, этот же венценосный писатель в 9-й главе заявляет, что, начиная от рукава дельты Дуная Селины, русские достигают «земли Болгарии» и отсюда «не боятся никого» ⁹. Так что предполагаемая охрана их каравана со стороны имперских властей, начиная от Месемврии, в данном случае неприменима.

Однако, прежде чем истолковать иначе отмеченное противоречие в 9-й главе, необходимо коротко остановиться на некоторых других обстоятельствах пребывания русских в столице империи, а именно на вопросе о размерах торговых караванов, отправляющихся в весенне-летний сезон из Киева в Византию, об условиях постоя русских в квартале св. Маманта и о принципах организации их торговых операций в Константинополе.

Традиционными статьями русского вывоза в Византию были меха, кожи, воск, мед, лен, икра, рыба ¹⁰. Прибывавшие в Константинополь купцы представляли практически все наиболее крупные городские центры Древней Руси (а их в середине X в. было около 20—22) ¹¹. Князья и феодализирующаяся знать сбывала в империи собираемую с зависимого населения и с покоренных иноязычных племен дань, чтобы приобрести на рынках Византии необходимые товары и повышающие социальный престиж знатных лиц предметы роскоши.

Договоры русских с греками, свидетельства Константина Багрянородного о пути русских купцов в Византию и о приемах посольства Ольги позволяют судить о значительном размахе русско-

византийской торговли в X столетии. Согласно договорам 911 и 944 гг., плывущие к берегам империи грузовые торговые суда сопровождалась и послами тех знатных лиц Руси, от имени которых купцы вели торг в Константинополе¹². На приемах в императорском дворце вместе с Ольгой присутствовали 22 русских посла и 44 купца¹³.

Вряд ли мы ошибемся, предполагая, что каждый посол и каждый купец русского каравана отправлялся из Киева не с одной ладьей, груженной товаром, причем товаром (как видно из приведенного выше перечня) громоздким, требующим много места и обладающим значительным удельным весом. Это была торговля, регулярно организуемая государственной властью, игравшая важную роль в системе социально-экономической жизни раннефеодального Древнерусского государства. Торговля с Византией находилась под прямым протекторатом великокняжеской власти, ее условия защищали заключенные в результате ожесточенной вооруженной борьбы договоры. Торговые привилегии русских были оплачены серьезной воинской помощью со стороны Руси империи¹⁴.

Следовательно, каждую весну (каждое лето) из Киева вниз по Днепру отправлялась крупная флотилия, насчитывавшая не менее 100—200 ладей (моноксилы). Условия плавания по Днепру и Черному морю, как и опасности в пути от хищничества печенегов, предполагали не только значительный контингент гребцов, но и внушительный отряд профессиональных воинов. К ним нужно причислить штат помощников купцов, послов со свитой, слуг и рабов (о рабах и челядинцах, убежавших в империю от своих русских господ, специально говорится в договорах с Византией¹⁵. Иными словами, число русских, преодолевавших печенежские заслоны у днепровских порогов и доводивших вопреки всем тяготам пути караван до имперских берегов, никак не могло — при самых скромных подсчетах — быть меньше тысячи человек во время каждой экспедиции.

В свою очередь, прекрасно известно, сколь осторожны были византийцы и сколь недоверчиво относились они к иноземным купцам, готовым в те времена в любую минуту сменить весы и медь на меч и копьё. Особенно ярко эти опасения отражены в русско-византийских договорах, которые и заключены были лишь в результате предшествовавших им вооруженных нападений русских на столицу империи.

Источники не дают никаких оснований для делающегося ныне в историографии молчаливого допущения, что вся ежегодно прибывавшая русская торговая флотилия получала доступ в Босфор, что все русские ладьи имели причалы в бухте предместья св. Маманта или в Золотом Роге и что все прибывшие с караваном русские располагались в этом предместье в отведенных для них помещениях и получали обусловленное договорами бесплатное продуктовое довольствие. Нет данных также и для предположения, что именно здесь, близ стен столицы, в ее пригородах, многочис-

ленный персонал русских корабельщиков производил необходимый ремонт и осмолку своих судов перед обратной дорогой, оснащая их полученными от греков (в силу условий договора) новыми якорями, парусами и иными снастями.

По прибытии в империю послы и купцы Руси предъявляли полученные от киевского князя удостоверения (в начале X в. — печати, а с 40-х годов X в. — грамоты), дающие им право на пользование установленными по договорам льготами и служащие одновременно для имперских властей гарантией соблюдения русскими утвержденных норм их торговли и поведения на земле империи. Представитель епарха Константинополя (легатарий, или «наблюдатель за варварами», или подчиненный им чиновник ¹⁶) составлял список послов и купцов, после чего им предоставлялись «слебное» (посольское) и «месячина» (довольствие для купцов) на время пребывания в столице; имперские власти знали о числе русских судов (об этом сообщал киевский князь в своей грамоте) и, исходя из этого, производили опись — по ассортименту и количеству — доставленных русскими товаров и устанавливали место и сроки их продажи ¹⁷.

Согласно описаниям Константина приемов иноземных посольств (послов из Тарса и посольства Ольги), в отведенной для иноземцев резиденции в столице или близ нее располагалось одновременно не более 100—200 человек ¹⁸. Торговые караваны иноземных купцов, едва ступив на территорию империи или войдя в ее прибрежные воды, попадали под контроль имперских властей. Без уплаты торговых пошлин на таможенных заставах (и на суше и на море) эти караваны не могли пройти к тем рынкам, на которые они направлялись. Сами эти рынки для купечества каждой страны были строго определены (напомним, что перенесение болгарского рынка из Константинополя в Фессалонику царь Болгарии Симеон использовал в 893 г. для начала войны против империи ¹⁹). Закупка товара у иностранцев носила оптовый характер («каков бы он ни был и сколько бы его ни было»), и византийские торговые корпорации закупали его не на самом рынке в столице, а прямо в тех помещениях, где размещали иноземных торговцев ²⁰. Это правило применялось, несомненно, и при торговых сделках с русскими, тем более что среди привозимых с Руси товаров находились такие (меха, кожи, лен, воск, рыба, рабы), торговля которыми в Константинополе подлежала строжайшей регламентации, контроль при этом распространялся не только на продавцов, но и на покупателей ²¹.

Конечно, какую-то часть товаров и какие-то их виды русские, по всей вероятности, продавали на рынках самого Константинополя, но не лишено значения то обстоятельство, что в конкретных статьях договоров речь идет либо о «купле» (неопределенно), либо о покупках русскими византийских товаров, но не о продаже своих.

Месемврия была одной из важнейших с VII в. на фракийском побережье таможенных станций империи ²². Здесь находилась

«апофика» (αποφικη) — склад конфискованных и взимаемых натурой в качестве пошлин товаров²³. Важная таможенная застава находилась и у выхода из Черного моря в Босфор, где располагались и пограничный воинский гарнизон во главе со «стратигом Понта Эвксинского», и стоянка военных кораблей (эта стратегия, или морская фема, призванная защищать столицу от возможных нападений именно со стороны русского флота, была создана в X в.); войти в Босфор можно было только после контроля и получения разрешения имперских властей²⁴.

Разумеется, положение русских в империи можно расценивать как исключительное: они пользовались — прежде всего в самом Константинополе — экстраординарными торговыми и иными льготами. Следовательно, ни в Месемврии, ни при входе в Босфор, ни в самом Константинополе русские не платили торговых пошлин. Для нас важно, однако, показать, сколь тщательно в империи были разработаны разного рода правила и нормы, касающиеся организации торговли, и в особенности торговли с иностранцами. Имперское правительство стремилось, несомненно, избежать скопления множества русских судов с вооруженным экипажем непосредственно под стенами своей столицы. Даже 50 русских, одновременно допускаявшихся в город, должны были входить в него без оружия²⁵.

В договорах четко указывалось, что только внесенные поименно в список купцы и послы²⁶, имеющие княжеские удостоверения, имеют право на получение бесплатного довольствия и на посещение бань²⁷. Предместье св. Маманта не могло, разумеется, принять на постой одновременно тысячу человек²⁸.

Итак, мы заключаем, что в приведенных выше показаниях Константина опущены важные детали, но нет никакого противоречия. Для большинства русских (гребцов и воинов эскорта) и для значительной части однодеревков плавание действительно заканчивалось «в районе Месемврии». Здесь, в городе и его окрестностях, под наблюдением гарнизона крепости (чтобы не происходило «пакостей» в селах и в стране василевса²⁹) располагались русские до времени возвращения, вытащив на плоский берег ладьи и готовя их в обратный путь. Русские же ладьи с товаром в сопровождении купцов и послов либо отводились византийскими грузовыми судами к предместью св. Маманта, либо перегружались на эти суда (не исключено, впрочем, что товар мог доставляться в Константинополь и по суше: в XII в. на ярмарку в Фессалонику в день св. Димитрия 26 октября русские товары доставлялись от столицы империи на вьючных животных³⁰).

Если наша точка зрения покажется приемлемой, тогда, может быть, появятся новые возможности для истолкования дефектного текста Псевдо-Симеона, в котором содержится список городов Фракии и географических пунктов по соседству и который начинается с Месемврии, а завершается упоминанием о «руси, называемых дромитами», и о византийском флотоводце Радене³¹. Список связывают с событиями начала X в.³²

II. Рассмотрение второго вопроса (о целях и результатах посольства Ольги) мы начинаем с утверждения, что оно состоялось не в 957 г., как ныне признано в историографии, а в 946 г. Подробная аргументация новой датировки приведена нами в статье, опубликованной в журнале «История СССР»³³. Путешествие княгини Ольги в Константинополь оказывается, таким образом, в ином историческом контексте, и поэтому требуется иное осмысление причинно-следственных связей между событиями, предшествовавшими этому дипломатическому акту и последовавшими за ним.

В более тесную и непосредственную зависимость с поездкой русской княгини следует ставить теперь, по-видимому, такие события, как заключение договора 944 г., смерть Игоря, поход Руси на Бердаа в 945 г., с одной стороны, и свержение с престола сначала Романа I Лакапина, а затем его сыновей Стефана и Константина и усиление военной активности империи против арабов во второй половине 40-х годов X в. — с другой.

Как известно, в дипломатических отношениях Византии с соседними странами и народами установилась практика подтверждения силы ранее заключенных договоров в случае смерти или отстранения от власти хотя бы одного из утвердивших договор правителей³⁴. Следовательно, подтверждение договора 944 г. между Русью и Византией было тем более настоятельно, что уже менее чем через полгода после его заключения, в начале 945 г., ни на Руси, ни в Византии высшей властью не обладал ни один из государей, скреплявших это межгосударственное соглашение.

Игорь погиб, по всей вероятности, в ноябре 944 г. (именно в этом месяце, по свидетельству Константина, русская знать начинала объезд подвластных территорий с целью сбора дани³⁵). Роман I был низложен 16 декабря 944 г., а его сыновья Константин и Стефан (они, как сопроводители отца, также утверждали договор 944 г.³⁶) — 27 января 945 г. На Руси, в Киеве, вся полнота власти сосредоточилась в руках вдовы Игоря Ольги, в Византийской империи — в руках законного наследника, представителя Македонской династии Константина VII Багрянородного, который к концу 944 г. не обладал и тенью подобающей ему власти.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что одной из главных целей встречи правителей двух стран на Босфоре было подтверждение силы (может быть, с какими-то поправками и уточнениями) договора 944 г. Но процедура подтверждения отнюдь не обязательно предполагала личную встречу глав двух договаривающихся сторон: и самый договор 944 г. был заключен и утвержден без личной встречи Игоря с императором. Следовательно, имелись и иные основания для поездки княгини, которые представлялись чрезвычайно важными.

Трудно сказать, с чьей стороны в данном случае исходила инициатива. Восстание древлян осенью 944 г., необходимость их подчинения и отмщения за смерть мужа, забота о сохранении в своих руках высшей власти, само положение Ольги, женщины-государыни, не должно было, кажется, побуждать стареющую кня-

гинию первой искать встречи с императором, сопряженной с длительным отсутствием и далеким и нелегким путешествием³⁷. Однако сам факт ее поездки при подобных обстоятельствах оправдывает заключение о серьезной заинтересованности княгини в переговорах с Константином VII с глазу на глаз.

Император оповестил правителей всех государств, с которыми Византия поддерживала дипломатические отношения, о коронации 6 апреля 945 г. своего единственного сына, семилетнего Романа II, в качестве своего соправителя³⁸. До этой даты — в силу сезонных условий плавания по Черному морю — вряд ли византийское посольство было отправлено в Киев. Мы думаем, что это посольство выехало из Константинополя после 6 апреля, именно оно оповестило киевский двор и о свержении Лакипинидов, и о воцарении Романа II, и о необходимости нового утверждения договора 944 г. Эти же послы могли передать Ольге и приглашение в столицу империи (мы полагаем, что к этому времени в Константинополе уже знали о гибели Игоря: весть могла прийти и через Херсон и Аланию, и через печенегов и Болгарию).

Поездка в империю летом—осенью 945 г. была, однако, невозможной до взятия Искоростеня и подчинения древлян, тем более что на Руси к осени этого года ожидали также возвращения войска, ушедшего походом на Бердаа³⁹. Ольга лишь вела летом—осенью 945 г. переговоры с Константинополем, в ходе которых были детально согласованы многие вопросы о времени, составе и статусе того беспрецедентного в древнерусской и византийской дипломатической практике посольства, которое имело место в 946 г. Об иных важных целях встречи (помимо утверждения старого договора), преследуемых обеими сторонами, позволяют судить, как нам кажется, и русские, и византийские источники. Причем о расчетах императора свидетельствует русская летопись, а о надеждах княгини — известие самого Константина Багрянородного.

Мы считаем достоверным по существу (а не по форме) сообщение летописи, что Константин VII просил у Ольги «вой в помощь»⁴⁰, т. е. значительного увеличения численности тех воинских континентов, которые — в соответствии с условиями договора 944 г. — прибывали в империю для найма на военную службу у императора. Обретя, наконец, власть и упрочив свое положение на троне, Константин VII уже в это время планировал отвоевание Крита у арабов, зная, что подготовка к походу займет не один год (грандиозная, но неудачная экспедиция состоялась в 949 г.).

Что касается политических расчетов Ольги, то в связи с новой датировкой ее поездки особую важность, на наш взгляд, приобретает свидетельство Константина VII, что русские были в числе тех языческих «северных» народов, которые домогались получения от василевса инсигний императорской власти и вступления в родство с правящим в Византии домом; Константин VII рекомендовал своему наследнику отвечать в таком случае решительным отказом, ссылаясь на «заветы Константина Великого»⁴¹, т. е. откоро-

венно прибегая, по выражению Р. Дженкинза, к «дипломатической фикции» ⁴².

Династические браки в ту эпоху были важным политическим средством упрочения мира и военных союзов. Именно в этих целях Роман I выдал в 927 г. свою внучку за сына царя Болгарии Симеона Петра. В поисках союзников против западных арабов этот же император обручил в 944 г. своего шестилетнего внука Романа II (сына Константина VII) с дочерью Гуго Арльского Бертой—Евдокией. Резко ухудшились в 968 г. отношения Византии с Германской империей Оттона I после отказа Никифора II Фоки обручить с Оттоном II дочь Романа II Анну (она, как известно, стала в 989 г. женой Владимира Святославича). В 969 г., во время походов Святослава на Балканы, тот же Фока планировал брак сыновей Романа II (Василия и Константина) с болгарскими принцессами (венчанию помешало убийство Фоки в декабре 969 г.). Таким образом, династические браки византийского двора в X в. находились, так сказать, в «контексте эпохи». Возможно, что уже от Игоря могли исходить предложения такого рода Константинополю. Но наиболее вероятно, по нашему мнению, что предложение обручить 5—7-летнего Святослава с одной из дочерей Константина VII (у него их было пять) сделала Ольга, как на этом недавно — с серьезными к тому основаниями — настаивали советские исследователи В. Т. Пашуто ⁴³ и А. Н. Сахаров ⁴⁴.

Авторы лондонского комментария к труду Константина Багрянородного «Об управлении империей» еще раз убедительно показали, что император редактировал и частично сочинял оригинальный текст этого труда в 949—952 гг. ⁴⁵, т. е., согласно нашей датировке поездки Ольги, уже после посещения ею Константинополя, а не до этого, как полагали ранее, относя путешествие Ольги к 957 г. Именно это обстоятельство и дает нам основания для более уверенного заключения, что, говоря о предложениях со стороны русских династического брака с императорским домом, Константин Багрянородный имеет в виду свои личные встречи в Ольгой в сентябре и октябре 946 г.

Русская княгиня, конечно, не могла не знать, что ее проект нереален, пока она сама и Святослав остаются язычниками. Но субъективно Ольга, вынашивавшая план принятия христианства, могла не рассматривать это препятствие как неодолимое. В случае осуществления брачного союза, существенно возвышавшего престиж Древнерусского государства, княгиня и ее ближайшее окружение могли надеяться сломить сопротивление знатных приверженцев язычества на Руси.

Обстоятельства второго приема Ольги во дворце (18 октября), как они описаны Константином VII, и показания русской летописи, сколь они ни расцвечены сказочно-фантастическими деталями ⁴⁶, позволяют сделать вывод о том, что личная встреча не дала тех результатов, на которые надеялись обе стороны. Размеры воинской помощи империи со стороны Руси властная княгиня должна была, несомненно, поставить в непосредствен-

ную зависимость от принятия ее предложения брачного союза и предоставления связанных с этим регалий власти (титул, корона и т. п.). Отказ Константина VII с неизбежностью повлек отказ и Ольги. Договор 944 г. сохранил силу, получив новое подтверждение, как об этом свидетельствует 9-я глава труда «Об управлении империей». Но в главном вопросе переговоры в Константинополе закончились неудачей для обеих сторон: чувство взаимного недовольства сквозит и в русских и в византийских памятниках. Как убедительно показал еще М. В. Левченко⁴⁷, Константин VII неизменно выдерживает неприятельский тон в отношении Руси в своем сочинении, за которое он взялся вскоре после посещения Ольги, а уже через 20 лет с небольшим дело дойдет до открытого военного столкновения Древней Руси и Византии.

III. Трактуя третий вопрос — о месте Болгарии в системе русско-болгаро-византийских отношений, мы также не столько выдвигаем новый тезис, сколько стремимся подкрепить новыми соображениями давно выдвигавшуюся в отечественной и болгарской научной литературе гипотезу. Гипотеза эта заключается в утверждении, что роль Болгарии в упомянутой системе международных связей была чрезвычайно серьезной и плодотворной. Без учета этой роли не могут найти удовлетворительного объяснения такие, например, кардинальной важности события в истории Древней Руси, как значительное распространение на Руси христианства уже в первой половине IX в., задолго до официального крещения, и практически одновременный с этим переход к литургии на славянском языке, что представляет собой своего рода исключение в славянском мире.

Здесь не место для приведения многочисленных и выверенных фактов о проникновении славянской письменности на Русь уже в начале X в. и о роли в этом процессе болгарской книжности и литературы эпохи правления Симеона (893—927 гг.). Письменность служила не только потребностям отправления христианского культа — в ней остро нуждалась крепнущая государственная власть на Руси (свидетельство тому — договоры русских с греками, грамоты Игоря для послов и купцов, отправлявшихся в империю, их завещания на чужбине). По-славянски грамотные люди из Болгарии могли находить благосклонный прием на Руси не только для христианской проповеди и службы, но и для использования их знаний в аппарате государственной власти. То обстоятельство, что Русь в это время была языческой, а Болгария — христианской, в данном случае не могло являться препятствием; мы полагаем, что уже тогда письменность проникала из Болгарии не только по неофициальным (как, например, из моравских земель)⁴⁸, но и по официальным каналам. Регулярные в X в. отношения Древней Руси с Византией предполагали установление регулярных, как мы надеемся показать, связей и с Болгарией.

Не затрагивая этой большой и сложной проблемы в целом, мы остановимся в связи с третьим вопросом доклада на трех обстоятельствах, давно привлекавших внимание в литературе, но,

по нашему мнению, не оцененных во всей их значимости в новейших исследованиях. Это, во-первых, данные русских летописей о том, что походы против империи в 907 и 944 гг. были предприняты одновременно и по морю и по суше. В нужной нам связи мы можем оставить в стороне поход 944 г.: Игорь мог рассчитывать легко преодолеть сопротивление ослабленной социальным и политическим кризисом Болгарии, если бы она, как союзница империи, попыталась бы помешать прохождению ее территории русской конницы (ему не могло не быть известно, что венгров в их набегах на империю болгары в 934 г. остановить не сумели), да и самый поход был прерван на Дунае. Встреченный византийскими посланцами, Игорь был удовлетворен достигнутым соглашением и отказался от продолжения похода. Иное дело — поход 907 г., когда Болгария находилась в зените своей военной мощи и в то же время сохраняла мир с империей. Мы полагаем в связи с этим, что глубоко правы те историки, которые приходили к выводу о негласном соглашении Олега с Симеоном о проходе русской конницы по территории Болгарии⁴⁹. Без такого соглашения комбинированный поход на Константинополь представляется нереальным.

Во-вторых, это — продвижение русских морских торговых караванов вдоль западночерноморского (болгарского) побережья, начиная от устья рукава Дуная (Селины) и кончая устьем р. Камчи (Дичины), лежавшей на расстоянии менее одного перехода от границы Болгарии с Византией. Согласно описанию Константина Багрянородного, на протяжении этого более чем 300-километрового пути тяжело груженых (а значит, тихоходных) судов русские делали пять или шесть (в рукописи есть лакуна) остановок для отдыха на болгарском берегу: в устье Дуная, у Конопа, у Констанцы, у Варны и в устье Камчи. При этом царственный автор подчеркнул, что русские, достигнув Болгарии, от Селины «не бояться никого», в том числе или прежде всего, разумеется, во время отдыха на берегу, устраиваемого практически, видимо, после каждого дневного перехода по морю⁵⁰.

Конечно, сил русских торговцев, экипажа и воинского эскорта было бы совершенно недостаточно, если бы отдыхающие подверглись атаке болгарского войска не только в правление Симеона, но и в царствование его слабого преемника Петра. Объяснение безопасности русских караванов на болгарском побережье, данные Д. Оболенским, нам представляется недостаточным. По его мнению, болгары не смели обижать русских, потому что сами являлись союзниками империи, а русские были ее торговыми партнерами⁵¹. В Киеве, безусловно, были хорошо осведомлены о характере отношений Болгарии и Византии и в IX в., и в правление Симеона и не могли ставить в прямую зависимость от перемен в болгаро-византийских отношениях судьбу своих ежегодных торговых экспедиций в Византию. Единственное решение вопроса мы усматриваем здесь в существовании на этот счет специальных соглашений между Древней Русью и Болгарией.

Остановки в пути русского торгового каравана устраивались,

по нашему мнению, не только для отдыха и ремонта ладей, но и с торговыми целями. Мы думаем, что и на острове св. Эферия русские занимались как переоснасткой судов для морского плавания⁵², так и пополнением ассортимента своих товаров для вывоза в империю, прежде всего за счет вяленой и соленой рыбы и икры. Именно в мае осетровые мечут икру в устьях рек, в том числе в Днепре⁵³. Как пишет Константин, в бухтах и лиманах между устьем Днепра и Херсоном херсониты добывали соль⁵⁴ — продукт, столь необходимый для приготовления упомянутого товара. В устье Днепра, согласно договору 944 г., как раз в «Белобережани, у святого Елеуферья», херсониты и рыбу ловили. Причем, видимо, не только одни они: по условиям договора, русские не должны были причинять здесь херсонитам ущерб и по наступлении осени должны были покидать устье Днепра, не оставаясь здесь на зиму⁵⁵. Мы полагаем, что эти русские — не вооруженные ватаги вольницы, вившие здесь «гнезда» как опорные пункты для грабительских набегов, и не воинские контингенты киевского князя, а прибывавшие сюда с весны до осени по Днепру русские люди для занятий тем же трудом, что и херсониты, т. е. для ловли и засолки рыбы и икры, с тем чтобы выгодно и удобно сбыть ее русским купцам-гречникам при проходе каравана у острова св. Эферия (Березани).

Выбор места стоянок на болгарской земле (устье Дуная, важные городские центры Констанция и Варна), длительность отдыха (два—три дня^{55а}) ведут к заключению, что и здесь целью остановок русских торговых караванов были также транзитные торговые операции. Достаточно в связи с этим напомнить заявление Святослава, которое летопись ему приписывает, о торговом значении лежащего близ устья Дуная Переяславца⁵⁶. А именно здесь, в Северо-Западном Причерноморье, завершали свой путь такие важные в то время торговые артерии, как Днестр и особенно Дунай. Достаточно напомнить также и о том, что болгары с 893 г. не имели доступа на константинопольский рынок либо же не имели там таких торговых привилегий, которыми обладали русские. Иными словами, торговые сделки с болгарскими торговцами русские купцы могли совершать и на пути в империю, и по возвращении из нее. В связи со всем этим мы приходим к выводу, что реализация торговых статей договоров Руси с греками от 907, 911 и 944 гг. была опосредствована серией специальных соглашений на этот счет между Древней Русью и Болгарией.

И в-третьих, наконец, мы считаем, что отправлению посольства Ольги в империю предшествовали дипломатические переговоры Руси с Болгарией — видимо, также в 945 г., одновременно с переговорами с Константинополем и через тех же послов.

Как известно, отношения Руси и Болгарии были омрачены летом 944 г.: болгары известили Константинополь о приближении рати Игоря⁵⁷, а сам князь, повернув от Дуная, побудил союзных себе печенегов вторгнуться в Болгарию⁵⁸. При таких обстоятельствах огромное русское посольство во главе с княгиней могло

встретиться во время неизбежных дневок на болгарской земле по крайней мере с определенными неудобствами. Урегулирование отношений с преславским двором было бы в этих условиях, кажется, наиболее надежным выходом из положения. Не исключено, что на обратном пути в конце октября—начале ноября, когда штормы уже начинают бушевать у западного берега Черного моря⁵⁹, Ольга часть путешествия совершила по суше, в том числе и по болгарской земле. Однако это — только догадка.

Итак, заключая наш доклад, выразим надежду, что нам в какой-то мере удалось показать русско-болгарско-византийские отношения в IX—X вв. как сложившуюся систему международных связей. Однако немало существенных звеньев ее нуждаются в более глубоком и всестороннем изучении.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См., например: Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963; Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Шапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965; Новосельцев А. П., Пашуто В. Т. Внешняя торговля Древней Руси. — История СССР, 1967, № 3; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968; Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969; Каштанов С. М. О процедуре заключения договоров между Византией и Русью в X в. — В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972; Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977; Брайчевский М. Ю. О первых договорах Руси с греками. — В кн.: Советский ежегодник международного права. М., 1980; Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси, IX—первая половина X в. М., 1980; Литаврин Г. Г. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь: Проблема источников. — Византийский временник, 1981, т. 42; и др. См. также: Miller D. A. Byzantine Treaties and Treaty-Making. 500—1025. — Byzantinoslavica, 1971, t. 32/1; Ahrweiler H. Les relations entre les Byzantins et les Russes au IX siècle. — Bulletin d'information et de cooperation, 1971, N 5; Lowmianski H. Poczatki Polski. Warszawa, 1973. T. V; Obolensky D. The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe. 500—1453. London, 1974; Shepard J. Some Problems of Russo-Byzantine Relations c. 860—c. 1050. — The Slavonic and East European Review, 1974, v. 52, n. 126; Понна А. В. О причине похода Владимира Святославича на Корсунь в 988—989 гг. — Вестн. МГУ. Сер. 8, История, 1978, № 2; Ариньон Ж.-П. Международные отношения Киевской Руси в середине X в. и крещение княгини Ольги. — Византийский временник, 1980, т. 41; и др.
- ² Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Ed. G. Moravcsik. Budapest, 1949, p. 56. 1—4.
- ³ Constantine Porphyrogenitus. De administrando. . . , p. 62. 101—104.
- ⁴ Constantine Porphyrogenitus. De administrando. . . , p. 62. 109—113.
- ⁵ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. London, 1962, vol. II. Commentary, p. 58.
- ⁶ Памятники права Киевского государства / Сост. А. А. Змийн. М., 1952, с. 7, 26.
- ⁷ ПВЛ, ч. 1, с. 46.
- ⁸ См.: Литаврин Г. Г. Пселл о причинах последнего похода русских на Константинополь. — Византийский временник, 1967, т. 27. с. 71—86; Он же. Война Руси против Византии в 1043 г. — В кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов: Эпоха средневековья. Киевская Русь и ее славянские соседи. М., 1972, с. 204 сл.
- ⁹ Constantine Porphyrogenitus. De administrando. . . , vol. I, p. 62. 94—98.

- ¹⁰ The Proceedings of the XIII-th International Congress of Byzantine Studies. London, 1976, p. 72—73.
- ¹¹ Литаерин Г. Г. Состав посольства Ольги в Константинополь и дары императора. — В кн.: Византийские очерки. М., 1982.
- ¹² Памятники права. . . , с. 6, 25.
- ¹³ *Constantinus Porphyrogenitus. De cerimoniis aulae Byzantinae.* Bonnae, 1829, v. I, p. 597, 12; 598. 10—11.
- ¹⁴ Пашуто В. Т. Внешняя политика. . . , с. 62 сл.; Сахаров А. Н. Дипломатия. . . , с. 131 сл.
- ¹⁵ Памятники права. . . , с. 8, 27.
- ¹⁶ Византийская книга эпарха / Вступит. ст., пер., коммент. М. Я. Сюзюмова. М., 1962, с. 68, 249—251 (далее — книга эпарха); Литаерин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв.: Проблемы истории одного столетия: 976—1084 гг. М., 1977, с. 147.
- ¹⁷ ПВЛ, ч. 1, с. 36; Книга эпарха, с. 68.
- ¹⁸ *Constantinus Porphyrogenitus. De cerimoniis.* . . , v. II, p. 592. 8—13. См.: Литаерин Г. Г. Путешествие. . . , с. 44—47.
- ¹⁹ Златарски В. История на Българската държава през средните векове. София, 1971, т. 1, ч. 2, с. 285 сл.
- ²⁰ Книга эпарха, с. 53—567.
- ²¹ Литаерин Г. Г. Византийское общество. . . , с. 127—155.
- ²² Сколь долго Месемврия во время царствования Симеона была в руках болгар и была ли вообще в их власти, остается спорным. Р. Броунинг (*Browning R. Byzantium and Bulgaria.* London, 1975, p. 98) полагает, что торговое значение города и его роль в качестве таможни, видимо, снизилась в IX—X вв., так как серия печатей коммеркиариев прервалась на VIII в. Однако известно, что Авидос оставался важнейшей таможенной станцией и в IX—XI вв., хотя печати коммеркиариев Авидоса этого времени не сохранились.
- ²³ *Antoniadis-Bibicou H. Recherches sur les Douanes à Byzance.* Paris, 1963, p. 188, 198.
- ²⁴ *Antoniadis-Bibicou H. Recherches.* . . , p. 73, 78—79.
- ²⁵ Памятники права. . . , с. 25.
- ²⁶ Памятники права. . . , с. 25.
- ²⁷ О предместье св. Маманта в IX—XI вв. см.: *Janin R. Constantinople Byzantine.* Paris, 1950, p. 376—377.
- ²⁸ Памятники права. . . , с. 25
- ²⁹ Памятники права. . . , с. 24—25.
- ³⁰ Timarion / Ed. A. Ellissen. — In: *Analekten der mittel- und neugriechischen Literatur.* Lipsiae, 1860, Th. IV, Abt. I, p. 46.
- ³¹ Symeon Magistri De Leone Basilii filio. — In: *Patrologiae cursus completus. Series Graeca.* Paris, 1864, t. 109, p. 767.
- ³² Jenkins R. J. H. The supposed russian attack on Constantinople in 907: evidence of the Pseudo-Symeon. — *Speculum*, July, 1949, p. 406.
- ³³ Литаерин Г. Г. О датировке посольства княгини Ольги в Константинополь. — История СССР, 1981, № 5.
- ³⁴ См.: Сахаров А. Н. Дипломатия. . . , с. 262 сл. (здесь и литература вопроса).
- ³⁵ *Constantinus Porphyrogenitus. De administrando.* . . , I, p. 62. 104—110.
- ³⁶ Памятники права. . . , с. 24. Мы считаем, что имя отодвинутого Лакипинидами в тень Константина VII в договоре даже не упомянуто.
- ³⁷ Замечание русской летописи о длительном и томительном ожидании Ольгой приема говорит как будто против того, что император сам пригласил княгиню в Константинополь. Но нам совершенно неизвестны причины промедления с приемом: трения по процедурным вопросам могли возникнуть уже в Константинополе.
- ³⁸ В качестве сопроводителя Роман II присутствовал на приемах Ольги. См.: Литаерин Г. Г. Путешествие. . . , 44—46.
- ³⁹ Мы сознательно оставляем в стороне вопрос о походе Руси на Бердаа вне рассмотрения, так как попытки установления связи этой военной

- акции русских с византийско-русскими отношениями, многократно принимавшиеся в историографии, нам кажутся весьма спорными.
- ⁴⁰ ПВЛ, ч. 1, с. 36.
- ⁴¹ *Constantinus Porfirogenitus. De administrando. . .*, I, p. 70. 106—72. 142.
- ⁴² *Constantinus Porfirogenitus. De administrando. . .*, II, p. 63.
- ⁴³ Пашуто В. Т. Внешняя политика. . ., с. 66 (мысль историка высказана, однако, очень осторожно).
- ⁴⁴ Сахаров А. Н. Дипломатия. . ., с. 291 сл.
- ⁴⁵ См.: *Constantinus Porfirogenitus. De administrando. . .*, II, p. 4—8; *Moravcsik G. Byzantinoturcica. Berlin, 1958, Vol. I, S, 364—365.*
- ⁴⁶ ПВЛ, ч. 1, с. 35—36. К такого рода деталям принадлежит прежде всего сцена сватовства императора к Ольге, которая, может быть, является искаженным отзвуком попытки Ольги сосватать сыну дочь Константина.
- ⁴⁷ Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 172—237.
- ⁴⁸ Ср. Пашуто В. Т. Внешняя политика. . ., с. 89.
- ⁴⁹ Тихомиров М. Н. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. — В кн.: Славянский сборник. М.; Л., 1945, с. 136—137.
- ⁵⁰ *Constantinus Porfirogenitus. De administrando. . .*, I, p. 62. 96—97.
- ⁵¹ *Constantinus Porfirogenitus. De administrando. . .*, II, p. 57.
- ⁵² *Constantinus Porfirogenitus. De administrando. . .*, I, p. 60. 82—62.86.
- ⁵³ БСЭ. М., 1950, т. 4, «белуга».
- ⁵⁴ *Constantinus Porfirogenitus. De administrando. . .*, I, p. 184.66—186.71.
- ⁵⁵ Памятники права. . ., с. 26.
- ^{55a} *Constantinus Porfirogenitus. De administrando. . .*, I, p. 60.83—84.
- ⁵⁶ ПВЛ, ч. 1, с. 44—45.
- ⁵⁷ ПВЛ, ч. 1, с. 34.
- ⁵⁸ ПВЛ, ч. 1, с. 34.
- ⁵⁹ *Constantinus Porfirogenitus. De administrando. . .*, II, p. 23 sq.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ПВЛ — Повесть Временных лет. М., 1950, ч. 1.

В. В. Зеленин

ЮРИЙ КРИЖАНИЧ В КОНТЕКСТЕ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Вот уже более ста лет сложные перипетии судьбы и труды хорватского писателя и мыслителя XVII в. Юрия Крижанича привлекают внимание исследователей — историков и экономистов, литературоведов и лингвистов, философов и историков церкви, музыковедов и политологов. Зародившись в середине XIX в. в России — первое (по порядку публикации) сочинение Крижанича «Грамматично изказание об русском езику попа Юрка Крижанищца» было издано О. Бодянским по частям в «Чтениях Общества истории и древностей российских» в 1848 и 1859 гг., — «крижаничеведение» сегодня чрезвычайно расширило свои границы. Наследие ученого хорвата с самых различных точек зрения иссле-

дуются не только в нашей стране и на его родине — в Югославии, но и в Польше, и в Чехословакии, в Германской Демократической Республике и Федеративной Республике Германии, Италии и Франции, Голландии и Австрии, Англии и Соединенных Штатах Америки. И по-видимому, не будет большой ошибкой утверждать, что этот интерес не иссякнет еще долгие годы — столь разнообразны и богаты по содержанию труды Крижанича, столько еще «белых пятен» в его необычной судьбе, наконец, не размысканы и не исследованы важные документы, способные пролить свет на ключевые моменты формирования его мировоззрения, и в первую очередь на истоки сверхзадачи его жизни — через Россию проложить путь к освобождению славянских народов от чужеземного ига и объединить их всех в лоно «истинной (католической) веры». Вряд ли кто из его современников имел столь грандиозные планы. А Крижанич не только поставил перед собой эти две беспримерные по масштабам цели, осуществление которых должно было, как он полагал, благотворно изменить судьбы народов Юго-Восточной и Восточной Европы, но и посвятил этому всю свою жизнь.

Жизненный путь Юрия Крижанича достаточно хорошо известен. Известны и его сочинения (хотя еще далеко не все они исследованы *в комплексе*, что, безусловно, необходимо для глубокого научного понимания его идеологических и политических взглядов) *. И тем не менее вновь и вновь возникает вопрос: какие внутренние побуждения или внешние силы сформировали у молодого католического богослова из обедневшей хорватской дворянской семьи столь неодолимое стремление отправиться в далекую православную Россию, чтобы — ни много ни мало — вырвать ее из тьмы вековой отсталости и таким образом подвести к исправлению роковой исторической ошибки — возвращению в лоно «истинной веры», подвинуть великое независимое славянское государство на борьбу с турецкими завоевателями во имя освобождения поработченных славянских народов?

Думается, что ответы на эти вопросы следует искать в жизненном пути Юрия Крижанича в тесном соотношении его с политическими, национальными, религиозными и культурными реалиями XVII в., в первую очередь того обширного региона, где ему довелось жить и творить. В настоящем тексте мы попытаемся в самых общих чертах рассмотреть деятельность и мировоззрение Крижанича в контексте его времени.

Юрий Крижанич родился в 1617 или 1618 г. в Хорватии в самую тяжелую в ее историю пору, когда одна ее часть была либо захвачена Османской империей, либо подвергалась опустошительным набегам ее орд, другая находилась под властью Венецианской республики и, наконец, третья, с центром в Загребе, вошедшая

* Важной ступенью к достижению этой цели явится издание полного собрания сочинений Ю. Крижанича, предпринимаемое в настоящее время Югославинской академией наук и искусств под руководством академика В. Стипетича.

в историю под названием «остатки остатков», отдалась под сюзеренитет Габсбургов. В последней, в местечке Озаль, что в двух десятках километров западнее Карловаца, выстроенного незадолго до этого как пограничная крепость в целях предотвращения дальнейшего продвижения завоевателей на запад, проживала семья обедневшего хорватского мелкого «племича» Гашпара Крижанича.

С 1629 по 1635 г. Ю. Крижанич обучался в иезуитской гимназии в Загребе, а с 1635 по 1638 г. — в лицее «Фердинандеум» в Граце, дополнительно слушая лекции по философии в местном университете, руководимом иезуитами. По окончании «Фердинандеума» ему было присвоено звание магистра философии. Здесь же он проявил большой интерес к музыке. Нет нужды напоминать, что преподавание во всех учебных заведениях велось на латинском языке и было выдержано в строгих правилах религиозного (католического) мировоззрения.

Свое теологическое образование Юрий Крижанич продолжил в иллирийско-венгерском университете в Болонье, где он приступил к занятиям осенью 1638 г. Однако в 1640 г. он прерывает учение в Болонье и переезжает в Рим, где добивается поступления в греческую коллегию св. Афанасия, для чего понадобилось разрешение самого папы, поскольку туда принимались только греки. Обучение же в коллегии св. Афанасия было нужно Крижаничу в связи с тем, что к этому времени у него созрела мысль о его будущем призвании — миссионерской деятельности в далекой России, жители которой не знают «истинной веры».

Просьба Крижанича направить его в Россию с миссионерскими задачами была встречена руководящими кругами Конгрегации пропаганды веры с одобрением. Однако по окончании им коллегии в 1642 г. и после присвоения ему степени доктора богословия ватиканские власти направили его на родину, в Хорватию, назначив ему трехлетний «испытательный срок» миссионерской деятельности среди православных влахов.

Три года, проведенные на родине в должности приходского священника сначала в Неделище, затем в Вараждине, были последними. Больше он ее не увидел. После настоятельных требований Крижанича направить его в Московию ватиканские власти переместили его в Смоленск (бывший в то время в составе Речи Посполитой) с обещанием, что при удобном случае его направят в Россию. В Смоленске Юрий Крижанич продолжает изучать Россию, читает книги о ней, делает выписки, беседует с местным православным духовенством, пишет некоторые свои труды. Осенью 1647 г. с польским посольством ему удастся в первый раз посетить Москву, где он пробыл с 25 октября по 19 декабря. По возвращении в Смоленск он пишет в Рим письмо, в котором описывает состояние «церковного раскола» в России (подразумевая под «расколом» особенности православия).

В 1651 г. Крижаничу довелось посетить Константинополь, и в том же году он возвратился в Рим, где получил пост каноника при швейцарской гвардии; он посвящает все свое время подготовке

к изданию богословских сочинений, в первую очередь опровержению православных догм. Этот труд остался незаконченным, так как в 1658 г. Крижаничу наконец представилась возможность осуществить свое главное желание — он отправляется в Москву.

Путь в столицу далекой Московии лежал через Вену, Львов, Лишанку, Нежин. Отсюда вместе с нежинской депутацией во главе со сторонником воссоединения Украины с Россией протопопом Максимом Филимоновичем Крижанич прибыл в стан русских войск в Путивле, где в то время находились воевода князь Трубецкой и боярин Матвеев, которые отправили Крижанича в Москву, куда он и прибыл 17 сентября 1659 г. На беседе в Посольском приказе Крижанич назвался Юрием, сыном Ивановым Билишем из города Бихача, по национальности сербом. В представленной им десять дней спустя записке он изъявлял свою готовность быть официальным историографом и написать историю России, служить царским библиотекарем, подготовить новый перевод Библии под своей редакцией, создать славянскую грамматику и лексикон. Ему было поручено заняться грамматикой.

Однако в Москве он прожил недолго: в 1660 г. последовал царский указ, согласно которому «послан в Сибирь в Тобольск иноземец Юрай сын Иванов сербин»; решением царя ему было велено жить в Тобольске и заниматься царскими делами, кои были ему в Москве назначены; определено ему было очень высокое по тем временам содержание. В Тобольске, куда он прибыл 8 марта 1661 г., Юрий Крижанич прожил до 5 марта 1676 г., т. е. чуть ли не день в день 15 лет. Здесь им было написано большое число сочинений самого разнообразного характера.

В Москву Юрий Крижанич вернулся немощным и больным. Ему было уже без малого 60 лет. Здесь он впервые открыл московским властям, что он не серб, а хорват, католический священник. Отказавшись от предложенной ему службы в Посольском приказе в качестве переводчика, Юрий Крижанич просил отпустить его из России. В 1677 г. такое разрешение было дано, и 9 октября в свите датского посла фон Габеля он навсегда покинул Россию.

Путь миссии Габеля лежал через Псков и Ливонию, и Крижанич первоначально собирался следовать с нею, чтобы оттуда направиться в Вену и далее в Рим. Но из пограничного Пскова Юрий Крижанич не поехал дальше, в Данию, а, распростившись с Габелем, отправился в Вильно, где он вступил в доминиканский монастырь, приняв имя Августина. Попытки его отправиться оттуда в Рим не принесли успеха.

В Вильно Крижанич написал «Историю о Сибири», там же он закончил и свой труд, посвященный опровержению православных богословских догм, первая часть которого была им написана во время пребывания в Риме в 50-х годах. Здесь, как видно из его письма в Конгрегацию пропаганды веры, он написал и известие о его пребывании в России. Ватиканские власти и папский нунций в Варшаве неоднократно требовали послать Крижанича в Рим с его сочинениями, но монастырские власти чинили отъезду Кри-

жанича всевозможные препятствия. Наконец, в 1682 г. Крижанич самовольно покинул Вильно. Но до Рима он не добрался. В 1683 г. во время осады Вены турками он погиб, будучи капелланом в войсках Яна Собеского.

Как уже говорилось выше, творческое наследие Юрия Крижанича весьма разнообразно и, говоря современным языком, принадлежит к большому числу различных научных дисциплин. Перечислим их в хронологическом порядке их написания *.

1. *Asserta musicalia nova prorsus omnia et a nullo antehac prodita: In academico congressu propugnanda a Gregorio Crisanio. Romae, 1656.*
2. *Novum instrumentum ad cantus mira facilitate componendos. [Romae, 1656].*
3. *Bibliotheca schismaticorum universa omnes schismaticorum libros, haetenus impressos, duobis tomis comprehendens. . . A Georgio Crisanio. . . Romae, 1656.* (Рукопись из Ватиканского архива. На обложке надпись: *Georgii Crisanii Bibliotheca Schismaticorum et Historiae Dogmaticae Dissertaciones.* Обнаружена И. Голубом в 1969 г.)
4. Сочинение о происхождении св. Иеронима (в связи со спорами в Ватикане об определении состава так называемой «Иллирийской провинции»). 1651—1659. (Не разыскано).
5. Путное описание от Левова до Москвы. 1659 г.
6. Беседа ко Черкасом. 1659 г.
7. Объяснение виводно о письме словенском. 1659—1661 гг.
8. Грамматично изказание об руском езику. 1665 г.
9. Разговори об владательству (и другие сочинения, известные под названием «Политика»). 1663—1666 г.
10. *De Providentia Dei sive de causis victoriarum et cladum, hoc est de prospero et de Infelici statu Reipublicae.* 1666—1667 гг. (Имеются два варианта рукописи с существенными различиями между ними).
11. Об светом крещению. 1667 г.
12. Толкование исторических пророчеств. 1674 г.
13. Обличение на соловечскую челобитну. 1675 г.
14. О преверстве беседа. 1675 г.
15. Смертный разряд. 1675 г.
16. О Китайском торгу. 1675 г. (Не разыскано.)
17. Приветствие царю Федору Алексеевичу. 1676 г.
18. *Historia de Sibiria.* 1677—1680.

Кроме того, сохранился ряд записок, докладов, писем и челобитных Крижанича, разъясняющих важные факты его биографии, говорящих о его планах и замыслах, а также выписки из прочитанных им книг, переводы, заметки. Попытаемся теперь соотнести важнейшие факты жизненного пути ученого-хорвата XVII в. с основными направлениями его многообразного творческого наследия, чтобы, так сказать, «нащупать», какие из реалий современной

* Лишь № 1, 2 опубликованы, в № 3—18 указаны годы написания.

Крижаничу жизни побуждали его к тому или иному поступку, вдохновляли на написание того или иного сочинения.

Важнейшей, стержневой основой мировоззрения Юрия Крижанича является идеология католицизма. И это неудивительно. К началу XVII в. в западных югославянских землях окончательно и бесповоротно победила контрреформация. Созданный в первой половине XVI в. орден иезуитов не только вел решительную и беспощадную борьбу с еретиками, но и в значительной степени взял в свои руки дело образования. В иезуитских школах и университетах использовались научные достижения эпохи Возрождения, впервые в мировой практике в учебные программы был введен эксперимент, выпускники получали обширные знания. Такое образование получил и юный Крижанич, несомненно обладавший незаурядными способностями и очень широкими интересами. Так, уже в «Фердинандеуме» в Граце он серьезно занялся изучением родного языка, видя себя способным принести пользу своему народу на этом поприще, поскольку политическая раздробленность, частые миграции населения, сильное чужеземное (иноязычное) влияние препятствовали образованию литературного хорватского языка. Крижанич резко осуждал своих соотечественников, стыдившихся родного языка, гордившихся тем, что они позабыли славянский язык.

Стремясь способствовать образованию родного народа, молодой ученый составил на славянском языке грамматику и арифметику без единого латинского либо другого иностранного слова. Так реальные обстоятельства языковой ситуации его родного края побудили Юрия Крижанича к лингвистическим занятиям, причем не в абстрактно-научных целях, а с определенной просветительской задачей — дать народу необходимые пособия. Эта просветительская черта получит дальнейшее развитие.

Не могли пройти мимо наблюдательного взгляда Крижанича и особенности религиозной обстановки в его родном крае в связи с появлением в хорватских областях значительных масс православных сербов, заселявших Военную границу, создававшуюся Габсбургами в качестве заслона против дальнейших вторжений османских орд. Взаимная нетерпимость католического духовенства во главе с загребскими епископами по отношению к православным граничарам и сербского клира по отношению к хорватскому католическому населению заставляла будущего богослова задуматься над путями преодоления разделения родственных народов по признаку веры.

Наконец, как патриота своей страны, как хорвата, Юрия Крижанича не могло не волновать крайне тяжелое положение его родины, разорванной на части завоевателями. При этом, разумеется, наибольшую тревогу вызывала угроза со стороны османских полчищ, затопивших все страны Балканского полуострова, Венгрию и уже не раз, правда пока безуспешно, осаждавших Вену. Вместе с тем он разделял и принявшую широкие размеры на его родине ненависть к немцам, заведшим суровый режим военного

управления в хорватских землях, отошедших под власть Габсбургов. При этом само понятие «немец» у ревностных католиков неизменно ассоциировалось с «лютеровой ересью».

Суммируя все сказанное, мы вправе сделать заключение, что хорватская действительность первой половины XVII в. поставила перед пытливым умом и горячим сердцем блестяще образованного молодого хорватского «племяча», начинающего ученого и пламенного патриота обширный круг проблем, получивших в дальнейшем в его творчестве самое широкое и полное развитие.

С 1638 г. Юрий Крижанич продолжил свое образование в илирийско-венгерской коллегии университета в Болонье, изучая богословие. Решающим событием в его жизни стало знакомство с книгой А. Поссевина, посланного папой Григорием VII к Ивану Васильевичу Грозному с целью склонить русскую православную церковь на унию с католической. Из книги Поссевина он узнает, что многие славянские народы, и среди них великий народ далекой Московии, «отравлены» «схизмой», и у молодого богослова появляется горячее желание отправиться к «князю Московскому» (в то время во многих западных странах еще не признавали царского титула русских государей), дабы там служить великому делу — преодолению разъединения церквей. Эта мысль, как мы отмечали выше, побудила Крижанича добиваться разрешения на поступление в греческую коллегию св. Афанасия в Риме.

Подробно свои планы и намерения Юрий Крижанич изложил в «Ноте», направленной им в 1641 г. в Конгрегацию пропаганды веры. «Нота» — это план будущей деятельности молодого миссионера в России. При этом Крижанич не собирается проповедовать «правую веру» в народных массах. Он видит свою задачу действовать при дворе русского государя, занимаясь культурно-просветительной и писательской деятельностью. Лишь по прошествии ряда лет, завоевав доверие царя, побудить его к войне против Турции, уверив при этом, что для того, чтобы эта война была успешной, ему надо вступить в лигу с католическими государствами. Для создания же такой лиги необходимо установление церковного единства России с католической церковью. При этом Крижанич уверен, что угнетенные народы Балканского полуострова поднимутся на борьбу против турок «из любви к государю единого с ними языка и народа».

При внимательном соотнесении идей «Ноты» с предшествующими занятиями и первыми, пока еще смутными планами Крижанича видно, что в основном, в главном «Нота» развивает их: и там, и тут важное место занимает просветительская деятельность, а патриотическая задача — борьба против Турции — поднимается на высшую ступень. Новое — это Россия, а ключом ко всему является идея ликвидации разъединения церквей, уже знакомая Крижаничу по его родному краю. Правда, уже на этой стадии Крижанич проявляет самостоятельность мышления в вопросе о церковной унии: он считает русских не еретиками и раскольниками, а заблуждающимися христианами, и основная задача — просве-

тить их. Поэтому Крижанич полагает, что основным его занятием в Москве будет деятельность по исправлению церковных книг. Так просветительская задача тесно сливалась в представлении Крижанича с великой религиозной миссией и патриотической целью — разгромом Османской империи и освобождением родного и других славянских народов.

Как мы видели, в Россию Юрию Крижаничу удалось отправиться только в 1659 г., и хотя он до этого прочитал практически все, что написали европейские авторы об этой стране, еще на пути в Москву он столкнулся с рядом явлений, которых ему не могло дать книжное знание этой страны. Так, проезжая по Украине, Крижанич стал свидетелем ожесточенной борьбы за реализацию решений о воссоединении Украины с Россией — боевых действий русского войска с войсками гетмана Выговского. И он без колебаний занял совершенно определенную позицию по отношению к вопросу о том, с кем быть Украине — с Россией или с Польшей. В письме-памфлете «Бесида ко Черкасом», обращенном к украинцам, Крижанич отстаивал целесообразность присоединения Украины к России. В написанном в том же году «Путном описанье от Лёвова до Москвы», он, отстаивая эти же взгляды, советовал русскому правительству пойти на определенные уступки украинцам, чтобы тем самым еще больше привязать их к Москве.

Естественно возникает вопрос: почему католик Крижанич, ехавший в Москву с задачей ратовать за унию, в вопросах политических взаимоотношений России, Украины и Польши не встал на позицию присоединения униатской Украины к католической Польше? Ответ может быть один, и он содержится на многих страницах «Политики», раскрывающих резко отрицательное отношение сторонника просвещенной абсолютной монархии Крижанича к феодальной анархии, царившей в современной ему Польше, к духу «чужебесия» (преклонения перед всем иностранным), охватившему эту страну (а точнее, ее высшие классы). Видя в России единственную могучую славянскую страну, призванную способствовать освобождению всех славянских народов, Юрий Крижанич в украинском вопросе соображения патриотические, политические, не колеблясь, поставил выше узкопонимаемых религиозных вопросов (например, вопрос об унии).

Следует добавить, что такое отношение к вопросу Россия — Украина — Польша, несомненно, созрело у Крижанича задолго до его вступления на украинскую землю как под воздействием личных наблюдений над ситуацией в Речи Посполитой во время его пребывания в Смоленске, Варшаве и других городах, так и в связи с хорошим значением польской истории. «Бесида ко Черкасом» и «Путно описанье от Лёвова до Москвы» — яркие примеры живого отклика поборника славянского единства Ю. Крижанича на острый политический вопрос, затрагивавший судьбы славянских народов Восточной Европы.

Важным событием в духовной жизни России, по отношению к которому Юрий Крижанич должен был занять четкую позицию,

явился раскол в русской церкви, ставший реальностью после церковной реформы патриарха Никона, закрепленной на церковных соборах 1654, 1655 и 1656 гг. Крижанич приехал в Москву в разгар конфликта между царем и патриархом Никоном. Во время собора 1666—1667 гг., осудившего Никона, Крижанич уже шесть лет как проживал в Тобольске. Как же и когда он сформулировал свое мнение о русском расколе? Как мы видели выше, в первые годы своего пребывания в России (в Москве и Тобольске) Крижанич выполнял поручение царя о написании грамматики: в 1659—1661 гг. им написано «Объяснение виводно о письме словенском», в 1665 г. он закончил «Грамматично изказание об русском езику». Еще в апреле 1663 г. он принялся за свое главное научно-политическое сочинение — «Политику», отвечавшее поставленной им перед собой просветительской цели: дать русскому царю и его ближайшему окружению свод знаний по важнейшим вопросам истории, философии, управления государством и хозяйством и т. д. В круг проблем, рассматривавшихся в «Политике», Крижанич не включил вопроса об унии, не высказал он и своего отношения к расколу.

Впервые вопрос об унии появляется в сочинении «De providentia Dei» (известном в русских изданиях под названием «Об божьем смотреию» или «О промысле»), написанном в двух вариантах. Разделяя «промысел» на два вида — «низший» (человеческая деятельность) и «высший» («божественный промысел»), Крижанич в изложении первого вида «промысла» уделяет много внимания вопросам военной истории (начиная со времен Древней Греции и Древнего Рима), военному искусству. В конце сочинения, явно не законченного, он лишь намечает переход к «конечной причине причин» — «божественному промыслу». Этот сюжет он подробно развивает во втором варианте сочинения и проводит мысль о том, что победы и поражения в войнах зависят исключительно от «божественного промысла», от «выспей причины» явлений; делая, таким образом, вывод о необходимости уничтожения «схизмы», ликвидации разделения церквей.

На наш взгляд, сочинение «De providentia Dei» отражает следующий (после просветительского) этап сверхзадачи Крижанича: вооружить русские верхи передовой военной наукой (для войны с Турцией, хотя об этом открыто и не сказано) и подвести их к осознанию необходимости унии (на втором варианте рукописи есть посвящение: первоначально она была адресована царевичу Алексею Алексеевичу, а затем это посвящение было Крижаничем зачеркнуто и написано новое — князю И. Б. Репнину).

К 1666—1667 гг. Юрий Крижанич, несомненно, уже накопил достаточно материала о религиозной ситуации в России, и не только о раскольниках и их догмах, но и о решениях церковного собора 1666—1667 гг., на котором, помимо осуждения Никона, было принято решение о запрещении перекрещивания католиков, принимавших православие. Рассматривая этот факт как шаг на пути сближения церквей, Крижанич резко осудил раскольников, от-

далявших русскую церковь от возможного ее сближения с католической.

Полемiku с раскольниками Крижанич продолжил в сочинениях «О превержестве беседа» и «Обличение на соловечскую челобитну», написанных в 1674—1675 гг.; при этом со свойственным ему научным подходом к любому вопросу он вначале излагает доводы раскольников, а затем опровергает их. Так хорватский богослов-католик волею обстоятельств оказался вовлеченным в бурные перипетии русской церковной жизни XVII в. и в соответствии со своими убеждениями, не только религиозными, но и просветительскими, принял сторону, отражавшую прогрессивную тенденцию.

Вопросы борьбы против экспансии Турецкой империи Крижанич затронул и в сочинении «Толкование исторических пророчеств», проищательно указывая, что «Турецкому царству не расписания, но скончания время пришло», хотя в это время в Tobольске было уже известно об успехах турецких войск на Правобережной Украине. Напомним, что десять лет спустя Крижанич окончил свой многотрудный жизненный путь именно под стенами Вены, откуда началось пусть медленное, но неуклонное вытеснение турецких завоевателей из Европы!

Небезынтересно отметить любопытный исторический парадокс: Юрий Крижанич, приехавший в 1659 г. в Москву с далеко идущими задачами, одной из которых было по прошествии ряда лет подвигнуть Россию на союз с католическими державами и папством для изгнания из Европы османских завоевателей, находясь в первой половине 1670-х годов в далеком Tobольске, не знал о том, что русская дипломатия развила большую активность по сколачиванию... антитурецкого союза, что русские посольства были разосланы во многие страны Европы: к курфюрсту Бранденбургскому, в Вену, Венецию и к папе (генерал Менезий), во Францию и Испанию (Андрей Виниус), в Швецию и Голландию (Емельян Украинцев), дабы побудить их выступить на помощь Польше против Турции.

Юрий Крижанич был сыном XVII века, и в его обширном и разнообразном творчестве тесно переплелись и сплелись воедино насущные потребности его родины — маленькой, но гордой Хорватии, глобальные замыслы и планы папского Рима, претендовавшего на души и кошельки большей части тогдашнего цивилизованного мира, и сложные проблемы России, выходившей на трудную дорогу новой истории.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Крижанич Ю. Собр. соч. М., 1891—1893. Вып. 1—3.

Записка Ю. Крижанича о миссии в Москву 1641 г. / Изд. П. Пирлингом. М., 1901.

Русское государство в половине XVII в. / Изд. П. А. Бессонов. М., 1859—1860. Т. 1—2.

Крижанич Ю. Политика / Подгот. к печати В. В. Зеленин; Пер. и коммент. А. Л. Гольдберга; Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1965.

Гольдберг А. Л. Юрий Крижанич о русском обществе середины XVII в. — История СССР, 1960, № 6.

Гольдберг А. Л. Работа Юрия Крижанича над русской летописью. — Труды / Отдел древнерусской литературы. М., 1957. XIV.

Goldberg A. L. Juraj Križanić: Rusija. — Historijski zbornik, Zagreb, 1968 / 1969. XXI/XXII.

Život i djelo Jurja Križanića: Zbornik radova. Biblioteka Politička misao. Zagreb, 1974.

А. А. Медынцева

НАЧАЛО ПИСЬМЕННОСТИ НА РУСИ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Эпиграфические материалы давно уже стали не только равноправными, но иногда и первостепенными источниками по истории письменности на Руси. В первую очередь это справедливо для древнейшего периода, так как самые старшие известные до сего времени датированные рукописи относятся ко второй половине XI в. В то же время надписи на многочисленных монетах Владимира Святославича, древнейших печатях и некоторых предметах, отдельные граффити на стенах Киевского Софийского собора дают первые конкретные представления о письменности конца X—первой половины XI в. Если этот период представлен сравнительно немногочисленными материалами, то предшествующий ему, дохристианский (IX—X вв.), не обладает и такими источниками. Между тем многие летописные данные, свидетельства восточных авторов, соображения общего характера позволили многим ученым предположить, что письменность на Руси появилась задолго до официального принятия христианства. При полном отсутствии или фрагментарности эпиграфического материала того времени эти общие (и правильные) положения создают условия для возникновения романтических, но совершенно не выдерживающих критики гипотез об «оригинальном» письме на Руси дохристианского периода. В качестве такого письма предлагались и оригинальные «черты и резы» — знаки на археологических предметах, причерноморские знаки, особое «докирилловское» письмо и такие откровенные подделки, как «Велесова» книга. Несостоятельность и скороспелость таких гипотез подрывают доверие не только к существованию оригинальной письменности, но и вообще к возможности использования письменности на Руси в дохристианскую эпоху.

Таким образом, вопрос о письменности на Руси IX—X вв. не выходит за пределы известных многие годы свидетельств и в последние годы почти не обсуждается на страницах специальных изданий. Это, конечно, объясняется недостатком фактического

материала и в первую очередь таких прямых свидетельств, как памятники эпиграфики. Трудно ожидать, что такие находки будут многочисленны, так как хорошо известно, что письменность должна получить достаточно широкое распространение среди различных слоев населения, для того чтобы надписи на предметах стали обыкновенным явлением.

Между тем в последние десятилетия в качестве материала для изучения распространения письменности успешно используются не только прямые свидетельства — надписи, но и косвенные, такие, как орудия письма — стили, или «писала», как они называются в древнерусских источниках. Долгое время их функциональное назначение было неясным: археологи называли их «булавками», «проколками», «ложечками для причастия». Определение их как орудий для письма, стилей на древнерусском материале впервые дал Б. А. Тимошук¹, а позднее А. Ф. Медведев систематизировал их находки, дал классификацию и хронологию². Оказалось, что древнейшие стили относятся ко второй половине X в., т. е. они почти на 100 лет старше первых берестяных грамот. Большинство писал сделаны из металла и имеют две рабочие поверхности: острое для прочерчивания букв и лопаточку для заглаживания написанного. Нужно отметить, что металлические писала предназначались не для письма по бересте, а для письма на восковых дощечках. А. В. Арциховский в первые годы после открытия берестяных грамот писал, что буквы на них нанесены костяными орудиями, так как железные были бы слишком остры, а деревянные недостаточно прочны. В этой же работе он определял как орудие для письма по бересте заостренный изогнутый костяной стержень, отполированный до блеска, с отверстием для подвешивания к поясу. Эксперимент использования его для письма по современной бересте подтвердил правильность предположения А. В. Арциховского³. И другие исследователи — Ян Жак, А. Ф. Медведев — предполагали, что для письма по бересте могли использоваться костяные острия⁴. Костяные острия разнообразных форм и, видимо, разного назначения являются одной из самых массовых находок начиная с неолита. Очевидно, невозможно выделить все орудия письма среди массы таких предметов, какие археологи называют «кочедыки», иглы, проколки и т. д. Однако есть определенная и сравнительно немногочисленная категория костяных предметов, типологически и хронологически очень четко выделяющаяся из общей массы находок. Речь идет о так называемых зооморфных остриях — предметах, изготовленных из рогов различных животных, утолщенный конец которых обработан в виде головы какого-нибудь животного: фантастического дракона или реального зверя — бобра, медведя, волка и т. д. Об их назначении до сих пор нет определенного мнения. Одни исследователи считали их предметом женского быта, иглоками для плетения сетей⁵ или лаптей, другие, исходя из наличия трех отверстий, — предметами специального назначения, предназначенными для наматывания ниток на иглицу для

плетения сетей ⁶. Наконец, находки их в погребальных комплексах вместе с глиняными лапами бобра или медведя явились причиной, по которой некоторые исследователи считают зооморфные острия предметами, связанными с языческим культом ⁷. Между тем уже давно отмечалось, что ни одно из объяснений не является удовлетворительным и предназначение зооморфных острий остается неизвестным ⁸. Вероятно, необходимо заново рассмотреть их рабочее назначение, условия находки, сопровождающие вещи, датировку и географическое распределение, чтобы высказывать определенное мнение об их предназначении.

Острия обычно гладко отполированы, что достигается не специальной обработкой, а долгим употреблением, так как кость хорошо полируется от держания в руке. На утолщенном конце почти всегда имеется сквозное отверстие (при наличии естественной пустоты внутри рога, из которого сделан предмет, получается три отверстия). Иногда через них продевалось железное кольцо. Известно несколько находок, где сохранились остатки кольца, продетого в отверстия. Очевидно, за железное кольцо ручки привязывались ремешком к поясу. Иногда ремешок просто обвязывали вокруг предмета, для чего утолщенный конец снабжался специальным выступом, чтобы ремешок не соскальзывал. В двух случаях (предметы, найденные в Киеве и на поселении Гнездово) отверстия вообще отсутствуют. Таким образом, можно утверждать, что наличие двух или трех отверстий не входило в функциональное назначение предметов. Находки зооморфных острий при трупоположениях подтверждают эти наблюдения: обычно они лежат с правого боку погребенного, рядом с остатками сумки. Находят зооморфные острия либо в мужских, либо в смешанных погребениях. Это отмечено Д. И. Блifelъдом на материале Шестовицкого курганного могильника ⁹. Анализ дальнейших находок в некрополях Киева, Гнездова, Ярославских курганов подтверждает это наблюдение. Только в двух случаях эти «проколки» найдены в женских погребениях (по сообщениям в литературе) ¹⁰. Можно считать доказанным, что эти предметы носили мужчины на поясе с правой стороны, привязанными на ремешке, иногда ремешок продевался в специальное железное кольцо. Отсутствие отверстий у некоторых острий наводит на мысль, что иногда их носили либо в сумке, либо в специальном чехле.

Очевидно, рабочей поверхностью следует считать острый конец. В то же время значительная толщина рога не позволяет использовать эти предметы как шило, а наличие колец мешает применению острий в качестве игл для плетения сетей или лаптей. В некоторых случаях в погребальных комплексах вместе с такими зооморфными остриями найдены и настоящие железные пилы. При хорошей сохранности острий часто можно проследить следы специального заострения рога, в одном случае можно рассмотреть на зачищенном конце стертую грань, как это бывает на современных карандашах. По стертости орнамента на боковых поверх-

ностях некоторых острий можно определить, что их держали в руке, сжимая двумя пальцами. Таким образом, вышеуказанные обстоятельства, сама форма предмета, чрезвычайно удобная для письма, анализ рабочих функций, изысканное оформление позволяют определить зооморфные острия как орудия письма, стили, или писала. Пробы использования хорошо сохранившихся предметов для письма показали, что ими одинаково удобно писать и по бересте, и по воску. Причем оказалось, что естественная изогнутость рога делает их удобными для заглаживания текста, написанного по восковой поверхности. Но употребление восковых дощечек на Руси этого времени не подтверждено фактическими данными, в то время как на использование бересты для письма указывают как свидетельства некоторых восточных авторов, так и широкое распространение грамот в более позднее время. Куски бересты — частые находки среди погребального инвентаря.

Определение отдельных находок зооморфных проколов как орудий для письма уже давно встречалось в литературе. В 1961 г. А. Ф. Медведев определил как писало предмет, сделанный из рога животного, со скульптурным изображением фантастического дракона на тупом конце; также было объяснено назначение другого предмета, найденного на киевском Подоле¹¹. Правда, эти определения были сделаны относительно острий, найденных в сравнительно поздних слоях (находка в Новгороде датирована по орнаменту XII—XIV вв., а киевская, по условиям стратиграфии, — концом X—началом XI в.). Но очевидно, что наблюдение, справедливое для отдельных находок, может быть распространено на всю категорию, географически и хронологически более широко распространенную.

К настоящему времени известно более двадцати пунктов находок таких писал, сделанных как на поселениях, так и в некрополях, многие из находок еще не опубликованы¹². Среди поселений — такие крупнейшие древние города, как Старая Ладога, Киев, Новгород, Минск. Известны такие писала и на поселении Гнездово. Несколько экземпляров найдено на роменско-боршевских городищах, таких, как Гочево, Гарналь, Петровское-на-Дону, Переверзевское. Эти городища являлись племенными центрами с развитыми ремеслами и торговлей, а поселение типа Гнездова исследователи характеризуют как протогород, со многими, присущими этому образованию чертами¹³. Остальные находки относятся к некрополям, связанным с древнейшими городами и протогородами. Среди них — курганы Приладожья, крупнейшие некрополи Гнездова, Шестовицы, Ярославские курганы, некрополь в городской черте Киева и др. Таким образом, география находок этих писал свидетельствует о том, что они связаны с древнейшими административными центрами, центрами ремесел и торговли. Погребения, где встречаются зооморфные писала, — чаще всего не рядовые, с богатым инвентарем и оружием, а иногда и с предметами специального торгового предназначения — гирьками и весами. Это прослежено на погребе-

ниях Шестовицкого могильника¹⁴, Ярославских курганов и Гнездовского некрополя¹⁵. Таким образом, география распространения древнейших костяных писал и сопровождающий их инвентарь погребальных комплексов указывают, что их находки, а следовательно, и древнейшие пункты, где использовалась письменность, относятся к древнейшим торговым центрам, а в их владельцах мы чаще всего должны видеть купцов-воинов. Но среди погребений встречаются и княжеские и, возможно, жреческие, а также такие, где социальную принадлежность погребенных определить трудно.

Датируются зооморфные писала по погребальному инвентарю и данным археологической стратиграфии, поэтому датировка их довольно широкая — IX—X вв. В тех случаях, когда возможна более ограниченная датировка, комплексы относятся к X в. или ко второй его половине. На поселениях они датируются приблизительно тем же временем — IX—X вв., на городищах Гарналь, Переверзевское — 60-ми годами X в., в Новгороде — концом X, рубежом X—XI вв. Очевидно, эти предметы появляются на рубеже IX—X вв., получают более широкое распространение в X в., особенно во второй его половине, и доживают до конца X—начала XI в. Проверка этой датировки будет возможна после полной публикации погребальных комплексов, но уже сейчас ясно, что ими пользовались задолго до принятия христианства и государственной письменности.

Труднее всего определить этническую принадлежность владельцев этих стилей, так как зооморфные острия встречены не только на территории Древней Руси, но и в Северной Европе, Хазарии, Болгарии и т. д. Наиболее показательны в этническом отношении находки в некрополях. Однако даже целые погребальные комплексы не дают ясной картины, так как большинство курганных групп, где обнаруживаются писала (зооморфные острия) принадлежат к «дружинной» аристократической культуре, для которой характерны смешение и гибридизация различных по происхождению культурных элементов. В 30-е годы т. Арне решительно высказывался за несомненно скандинавское происхождение зооморфных острий¹⁶. В наши дни Т. А. Пушкина сопоставляет гнездовские находки зооморфных острий с северными древностями. По ее мнению, по крайней мере часть этих предметов производилась на месте, но скандинавскими ремесленниками¹⁷. Напротив, Д. И. Блифельд, исследовавший Шестовицкий курганный комплекс и посвятивший специальный очерк «загадочным» предметам — рожкам, высказывает мысль, что они прямых аналогий в искусстве Скандинавии не имеют, считая, что такие предметы были распространены у различных народов, в том числе и на Руси¹⁸. В Ярославских курганах большинство комплексов с этими предметами определено как финские (семь) и по одному — как славянский и скандинавский.

В настоящее время, основываясь на обряде погребения и сопровождающих вещах, довольно трудно определить этническую

принадлежность каждого отдельного погребения. Но уже сейчас ясно, что курганные могильники, где находятся зооморфные писала, оставлены смешанным в этническом отношении населением. Соотношение этноса в разных курганных группах могло быть неодинаковым. В то же время география находок зооморфных стилей, как отмечал и Д. И. Блифельд, говорит о достаточно широком их распространении в разных странах и памятниках, не имевших выраженных связей со скандинавским миром. Особенно показательны (на территории Древней Руси) в этом отношении находки на роменско-боршевских городищах, а также в ранних городах Юго-Западной Руси: Волковыске, Галиче, Коршеве и т. д. Несомненно, что перечисленные пункты имеют мало общего со скандинавским миром в отличие от таких городов и курганных комплексов, как Старая Ладога, Новгород, Киев и Гнездово. Известны такие писала (рожки) в Хазарии — на городище Саркел и в Багаевском могильнике¹⁹, в Болгарии²⁰. Более того, зооморфные острия очень близки к предметам загадочного назначения из кочевнических комплексов евразийских степей. Таким образом, в настоящее время нельзя достоверно проследить генетическую преемственность с какой-либо одной этнической общностью. В то же время их находки дают первые конкретные представления об ареале распространения письменности на Руси и той социальной среде, где она использовалась. На основании имеющихся данных мы вправе уже сейчас связывать появление письменности и ее использование в «деловых» целях в дохристианское время с населением древнейших городов, племенных центров и открытых поселений торгово-ремесленного типа, находившихся на важных перекрестках торговых путей.

*

Анализ находок древнейших орудий письма, к сожалению, не дает ответа на такой важный вопрос: какая письменная система применялась в это время, и лишь в самых общих чертах определяет этническую принадлежность ее первых носителей. Ответ на эти вопросы могут дать только прямые источники — письменные, в данном случае эпиграфические. Между тем памятники эпиграфики IX—X вв. крайне немногочисленны, по большей части фрагментарны и до конца не расшифрованы. Однако без их комплексного рассмотрения невозможно даже наметить решение важного вопроса о типе письменности, использовавшейся на Руси в дохристианское время. Поэтому необходимо вновь остановиться на этих, по большей части давно открытых, находках.

Известные до сего времени памятники эпиграфики IX—X вв. принадлежат к различным письменным системам. В первую очередь необходимо отметить находки нескольких рунических надписей, из них две датируются интересующим нас временем. Обе они найдены в Старой Ладоге²¹. Одна из надписей, начерченная на обломке круглой деревянной палочки, на основании данных

рунологии и археологической стратиграфии датируется первой половиной IX в. Надпись окончательно не расшифрована; по предположению специалистов, представляет написанное «рёкскими» рунами магическое заклинание на древке стрелы²².

Вторая надпись найдена там же, в Старой Ладоге, на раскопе, расположенном близ древней Варяжской улицы, в слоях второй половины X в. Она начерчена на тонкой медной пластинке с ушком для привешивания. По заключению рунологов, большинство рун этой надписи не совсем обычны, и чтение ее не бесспорно. Е. А. Мельникова предполагает, что надпись представляет магическое заклинание на амулете. При чтении получают отдельные допустимые скандинавские слова и их сочетания, но полное смысловое толкование надписи пока невозможно. Все же, как отмечает Е. А. Мельникова, амулет с магическими рунами мог иметь значение только для скандинава²³. В последние годы, помимо этих двух надписей, стали известны отдельные знаки на восточных монетах, которые исследователи считают возможным истолковать как рунические²⁴. Большая часть монет депаспортизована, поэтому места их находок остаются неизвестными, но четыре монеты с руническими знаками (из двенадцати) происходят из клада, зарытого в конце IX в. на поселении близ Тимиревского могильника²⁵, где найдено и несколько зооморфных стилей.

Таким образом, есть малочисленные, но определенные сведения об использовании в IX—X вв. на территории Руси рунической письменности. Сложность чтения и интерпретации рунических надписей, тем более отдельных рун, оставляет много вопросов относительно их назначения, датировки и языка, на котором они написаны. Логичнее всего эти рунические надписи связывать со скандинавским населением, жившим в это время на территории Древней Руси, о чем свидетельствует и география их находок.

К IX—X вв. специалисты относят арабскую куфическую надпись, вырезанную на боковой поверхности литейной формочки. Формочка найдена на территории киевского Подола в слоях X в., в мастерской литейщика. Она вырезана из местного овручского шифера, а бляшки, которые в ней отливались, хотя и известны на территории всей Восточной Европы, предназначались в первую очередь для киевского рынка. Арабская куфическая надпись на формочке ставит ряд вопросов об этническом происхождении ее владельца. К сожалению, надпись коротка и читается исследователями по-разному. Большинство из них считают, что на формочке написано имя. По предположению Б. И. Маршака, надпись означает «турк», т. е. представитель племени торков²⁶. Как бы ни читали исследователи эту надпись, перед нами прямое свидетельство использования в Киеве X в. куфического письма, вероятно, тюркоязычным населением.

Таким образом, констатируя употребление рунического (на севере) и куфического письма (на юге) на территории Древней Руси IX—X вв., мы, естественно, должны связывать его употреб-

ление с неславянским населением древнерусских городов и торгово-ремесленных поселений. Однако в рамках данного доклада нас интересует письменность, использовавшаяся именно славянским населением. Поэтому в первую очередь мы должны вспомнить известную гнездовскую надпись. Она была найдена в 1951 г. в одном из курганов (№ 13) крупнейшего некрополя возле с. Гнездово. По погребальному инвентарю, среди которого найдено и несколько монет, надпись датируется началом X в. Позднее ее первооткрыватель — Д. А. Авдусин — пересмотрел датировку комплекса и счел возможным датировать его серединой X в.²⁷, но в любом случае надпись не выходит за пределы первой половины — середины X в. и до сих пор является древнейшей славянской надписью, найденной на территории Древней Руси. Несмотря на большой интерес ученых разных стран, который вызвала надпись, и относительно хорошую сохранность, нельзя сказать, что прочтение ее и интерпретация удовлетворительны. Существуют несколько вариантов прочтения: *гороуѡца*, *гороуѡина*, *гороуѡ ѡа гороуѡ'а*, *гороуѡица* (*горѡица*). Различное прочтение предполагает и различное толкование надписи: как содержимое сосуда — горчичное семя или горчичное масло, нефть (*горючее*) — или как имя владельца корчаги. В настоящем докладе нет возможности подробно останавливаться на каждом варианте расшифровки. Можно сослаться на работу И. Еленского, где он рассматривает все эти варианты прочтения и приходит к выводу, что мы еще очень далеки от окончательной расшифровки надписи, так как все предложенные чтения не удовлетворительны по причинам лингвистического или графического характера²⁸.

К приведенным в этой статье вариантам прочтения можно добавить еще один, при котором шестой знак также расшифровывается как лигатура, но не *нѡѡ* и не *шѡн*, а *нѡш*, соответственно порядку начертания букв. При таком прочтении получаем имя с окончанием на *-ша* — *гороуѡиша*, производное от имени «Горун». Имя «Горун» засвидетельствовано письменными источниками, а имена с окончанием на *-ша* (Ратьша, Путьша) встречаются уже в древнейших летописных текстах. Такое прочтение допустимо по графике и смыслу, но не может считаться удовлетворительным по тем же причинам, что и чтение «*гороуѡица*»: мы должны признать наличие лигатуры и пропуск *ь*, что невозможно предположить для X в.

Нетрудно заметить, что разночтения вызывает истолкование шестого знака: одни исследователи предполагают читать его как лигатуру двух букв, другие считают, что сочетание: *оу* плюс этот знак — передает декомпонованный носовой звук, третьи — как букву со знаком мягкости, четвертые — как ошибочное написание. И все варианты расшифровки предполагают либо пропуск глухого и наличие лигатуры и необычного графического знака, либо передачу носового звука не специально предназначенной в кириллице буквой, а сочетанием, причем графически

необычным. Бесспорным остается лишь положение, что надпись славянская, представляющая производное от глагола «гортѣти». Возможные допуски при расшифровке касаются пропуска или обозначения специфически славянских звуков: пропуска глухих, передачи носового (за исключением чтения *горуѣна* — предполагающего обозначение мягкости вместо *горуѣна*). Учитывая эти обстоятельства, выглядит логичным предположение, что Гнездовская надпись представляет собой вариант «неустроенного» славянского письма, где для передачи славянских звуков использовалось письмо или греческое, или вариант кириллицы, где уже был знак *ѡ* или *ш*, но отсутствовали глухие или носовые. К сожалению, это предположение до тех пор, пока не будут найдены другие надписи этого типа, фактически лишено подтверждения. Единственным таким подтверждением (вариант кириллицы без обозначения глухих или носовых) в настоящее время является азбука на стене Киевского Софийского собора, обнаруженная С. А. Высоцким. В этой азбуке, датированной XI в., нет знаков *ѡ*, *ѣ*, носовых, но есть *Б*, *Ж*, *Ш*, *ѡ*. С. А. Высоцкий предположил, что открытая им азбука является каким-то вариантом письменности, употреблявшейся в IX—начале X столетия христианской общиной Киева²⁹. Конечно, это предположение не бесспорно и самым главным возражением является то, что сама азбука на стене Софийского собора начерчена по крайней мере на сто лет позже гнездовской надписи. Однако отсутствие глухих или носовых, наличие *ѡ* или *Ш* в обеих — факт, заслуживающий внимания. Так или иначе, до тех пор пока не появились новые данные, нужно констатировать факт, что гнездовская надпись — славянская и написана в X в. письмом с определенными графическими особенностями, не находящими в настоящее время однозначного объяснения.

Помимо гнездовской надписи, к X в. относится еще несколько фрагментарных надписей, выполненных греко-кирилловским письмом. На городище Гарналь, там же, где и зооморфное писало, найден астрагал, на котором прочерчены несколько букв³⁰. Удается различить *Н С О*. Фрагментарность надписи оставляет открытым вопрос, какой из алфавитов использован — греческий или кирилловский, но факт использования букв, общих этим двум алфавитам, засвидетельствован на памятнике роменской культуры второй половины X в.

К дохристианскому времени, а именно к эпохе Святослава, исследователи относят печать с изображением княжеских знаков на обеих ее сторонах. Отсутствие христианских символов на печати, форма знака, имеющая аналогии со знаком на костяной пластинке из слоев Саркела (Белой Вежи) X в., дают основания для такого предположения. К сожалению, надпись по краю печати неразборчива. В свое время Н. П. Лихачев, не предпринимая при этом попыток атрибутировать печать, прочел остатки букв *СТЛ*³¹. В настоящее время оригинал печати утрачен, поэтому приходится пользоваться зарисовкой Н. П. Лихачева. Но если чте-

ние самой надписи предположительно, то ее наличие сомнений вызывает. К сожалению, и в этом случае плохая сохранность и фрагментарность сохранившихся букв не позволяют понять, греческую или кирилловскую легенду несла на себе древнейшая русская печать.

При раскопках древней Тмутаракани в слоях X в. найден кувшин, на котором начерчена разграфленная сетка, заполненная записями. Б. А. Рыбаков предположил, что в левой части, отделенной вертикальной линией, отмечены лица, обозначенные по большей части тамгообразными знаками. Среди знаков на первом месте — буквенное обозначение *кат*, — очевидно, какое-то сокращение. Горизонтальные строчки напротив каждой тамги содержат разнообразные буквы-цифры от 50 до 286 ³². Трудно определить этническую принадлежность этих записей, найденных в средневековом городе, где Русь тесно соприкасалась с византийским миром и Хазарией. Однако комплекс данных, связанных с историей создания славянской азбуки, указывает на то, что еще до изобретения специальной азбуки у славян существовала устойчивая традиция употребления греческого алфавита для записи чисел ³³. Поэтому не исключено, что эта «бухгалтерия» из средневековой Тмутаракани использовалась и славянским населением.

Таковы немногочисленные и фрагментарные эпиграфические данные, относящиеся в основном к X в. К сожалению, их малочисленность и плохая сохранность не позволяют в настоящее время различить греческую и кирилловскую систему письма. Однако комплекс имеющихся данных (находки писал и фрагменты надписей) уже сейчас позволяет сделать некоторые выводы о первом этапе развития письменности на Руси. Очевидно, появление письменности следует отнести к дохристианской эпохе. Широкие даты археологических комплексов не позволяют точно датировать этот процесс. По-видимому, хотя находки некоторых орудий письма можно отнести к IX, рубежу IX—X вв., более широкое использование письма, судя по находкам стилей и надписей, относится к X в., к середине и второй его половине. Именно к этому времени относятся и фрагменты греко-кирилловских надписей. Появление их связано не с распространением христианства, а с использованием письма в первую очередь в деловых целях, вероятно, для разного рода торговых и хозяйственных записей, хотя это и не исключало использование его в религиозных и государственных целях. Но именно многоэтничное население древнейших городов и протогородов с их развитыми ремеслами и торговлей, с постоянными торговыми и культурными контактами со Скандинавией и Хазарией, с Византией и Болгарией — это та среда, где письменность получила первое стихийное распространение.

Особенностью развития письменности у восточных славян по сравнению с южными было то обстоятельство, что процесс «неустроенного» использования письменности протекал у них значительно позднее, когда, помимо византийской письменной си-

стемы, были в употреблении и кириллица, и глаголица, специально приспособленные для звуков славянской речи. Мы можем предполагать, что в этот период стихийно использовались, помимо греческого письма, какие-то варианты кириллицы. Более детальные ответы на многие вопросы, связанные с первыми опытами использования письменности в деловых целях, могут дать лишь дальнейшие археологические и эпиграфические находки.

- ¹ Тимошук Б. А. Об инструментах для письма (стилях). — КСИИМК, 1965, вып. 62, с. 155—159.
- ² Медведев А. Ф. Древнерусские писала X—XV вв. — СА, 1960, № 2, с. 61—88.
- ³ Арциховский А. В. Новые открытия в Новгороде. — ВИ, 1951, № 12, с. 79.
- ⁴ Zak J. Z dziejów znajomości pisma w Polsce. — Slavica Antiqua, (Poznań), T. V, 1954/1956, 1956, s. 385; Медведев А. Ф. Древнерусские писала. . ., с. 79.
- ⁵ Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии. — МАР, 1902, т. 28, с. 55.
- ⁶ Штыков Г. В. Города Полоцкой земли. Минск, 1978, с. 24, рис. 7, 2, с. 24, 69.
- ⁷ Фезнер М. В. Предметы языческого культа. — В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 87.
- ⁸ Каргер М. К. Древний Киев. Киев. М.; Л., 1958, т. 1, с. 158—159; Блѣфельд Д. Г. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977, с. 86—87.
- ⁹ Блѣфельд Д. Г. Давньоруські пам'ятки. . ., с. 87.
- ¹⁰ Arne T. J. Das Bootgräberfeld von Tuna in Alsike. Stockholm, 1934, S. 70—71; Каргер М. К. Древний Киев, с. 158—159.
- ¹¹ Гупало К., Ивакин Г. Писало для берестяной грамоты. — Україна, 1976, № 42, с. 10.
- ¹² Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность всем археологам, предоставившим мне свои материалы А. В. Кузе, Т. А. Пушкиной, П. П. Толочко, А. А. Узянову и др.
- ¹³ Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Булкин В. А., Дубов В. И., Назаренко В. А. Русско-скандинавские связи в IX—XI вв. на современном этапе археологического изучения. — В кн.: Тезисы докладов на VIII всесоюзной конференции по изучению истории, экономики скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск, 1979, с. 173—175; Авдусин Д. А. Гнездово как источник по истории русского феодализма. — Там же, с. 168—170.
- ¹⁴ Блѣфельд Д. Г. Давньоруські пам'ятки. . ., с. 87.
- ¹⁵ Устное сообщение Т. А. Пушкиной.
- ¹⁶ Arne T. J. Das Bootgräberfeld. . ., S. 158—159.
- ¹⁷ Пушкина Т. А. Резная кость из Гнездова. — В кн.: Тезисы докладов на VIII всесоюзной конференции. . ., с. 172—173.
- ¹⁸ Блѣфельд Д. Г. Давньоруські пам'ятки. . ., с. 86.
- ¹⁹ Плетьева С. А. От кочевий к городам. М., 1967, с. 150.
- ²⁰ Михайлов Ст. Археологически материалы от Плиска. — Изв. на археологический ин-т БАН, 1955, с. 66—71.
- ²¹ Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. М., 1977, с. 158—169.
- ²² Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи, с. 158—162.
- ²³ Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи, с. 163—169.
- ²⁴ Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Рунические граффиты на восточных монетах. — В кн.: Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи, с. 142—152.
- ²⁵ Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Рунические граффиты. . ., с. 142—143.
- ²⁶ Гупало К. М., Ивакин Г. Ю., Сагайдак М. А. Дослідження Київського Подолу (1974—1975 р.р.). — В кн.: Археологія Києва. Київ, 1979, с. 49.
- ²⁷ Авдусин Д. А., Тихомиров М. Н. Древнейшая русская надпись. — Вестн. АН СССР, 1950, № 4, с. 71—79; Авдусин Д. А. Гнездовская корчага. — В кн.: Древние славяне и их соседи. М., 1970, с. 110.

- ²⁸ Еленский И. Расшифрована ли Гнездовская надпись? — Болгарская рустика, 1975, 5, с. 24—29.
- ²⁹ Висоцкий С. О. Азбука з Софійського собору в Києві та деякі питання походження кирилиці. — Мовознавство, 1976, № 4, с. 74—83.
- ³⁰ Надпись не опубликована. Раскопки проводились под руководством А. В. Кузы.
- ³¹ Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв. М., 1970, т. 1, с. 38—41.
- ³² Рыбаков Б. А. Русская эпиграфика X—XIV вв. — В кн.: История, фольклор, искусство славянских народов: Доклады советской делегации на V Международном съезде славистов. М., 1963, с. 57.
- ³³ Жуковская Л. П. К истории буквенной цифири у славян. — В кн.: Источниковедение и история русского языка. М., 1964, с. 37—43; Симонов Р. А. О некоторых особенностях нумерации, употреблявшейся в кириллице. — Там же, с. 16—33.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВИ — Вопросы истории.

КСИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.

МАР — Материалы по археологии России. СПб.

СА — Советская археология.

В. В. Седов

СЛАВЯНЕ И КЕЛЬТЫ

(по данным археологии)

Соседи ли в древности славяне и кельты, а в случае положительного ответа, где и когда имел место контакт между этими этноязыковыми группировками индоевропейцев — вопросы, весьма существенные для выяснения многих сторон ранней истории славянства, в попытках разрешения часто встречаются непреодолимые трудности. Сложность при исследовании древнекельтского влияния на праславянскую речь обусловлена прежде всего тем, что от кельтских языков Средней Европы не осталось почти никаких следов, а западнокельтские диалекты, заметно отличные от восточных, не дают неоспоримых материалов для утверждения непосредственных контактов славян с кельтами. В лингвистической литературе распространено представление о том, что славяне никогда не были соседями кельтов, они были разделены территориями, занятыми германскими и иллирийскими племенами¹. Правда, имеются и гипотезы о славяно-кельтских языковых взаимодействиях, но обычно они встречаются весьма критически.

Специально славяно-кельтским контактам посвящены две работы А. А. Шахматова². Согласно построениям этого исследователя, славяне первоначально занимали земли юго-восточной Прибалтики между нижними течениями Немана и Западной

Двины, соприкасаясь вплотную на востоке с балтами, которым принадлежали верхние течения этих рек. Юго-западными соседями славян были кельты, известные древним писателям под именем венетов (венедов) и заселявшие Повисленье. А. А. Шахматов приводит значительный перечень предполагаемых лексических заимствований в славянском языке из кельтского, в котором видное место принадлежит общественным, военным и хозяйственным терминам. Исследователь предполагал также, что часть германизмов проникла в славянский язык через посредство кельтов. Тесные кельто-славянские взаимоотношения способствовали распространению этнонима «венеды» на славян.

Концепция А. А. Шахматова не была поддержана учеными. Она подверглась критике К. Бугой, М. Фасмером и другими, отметившими, что никаких следов пребывания кельтов в географических названиях юго-восточной Прибалтики нет, а в целом возможные языковые контакты славян с кельтами рассматривались А. А. Шахматовым методически неверно, через призму одного хронологического периода³.

Негативное отношение к гипотезе А. А. Шахматова не исключает наличия кельто-славянских языковых сходжений. Ю. Покорный, отметив целый ряд достоверных кельто-славянских лексических сходжений, а также выявляемые Х. Педерсеном некоторые грамматические параллели между древнеирландским и славянскими языками, предложил объяснять это не непосредственными контактами славян с кельтами, а посредничеством иллирийцев⁴. Однако при учете фактов, которыми располагает современная наука, это объяснение не может быть целиком принято. Исследование лексического сходства между кельтскими и славянскими языками показывает, что древнекельтское влияние на праславянский язык было более глубоким, чем казалось до недавнего времени⁵. В праславянском языке имеются слова, занимающие изолированное положение и хорошо этимологизируемые на основе кельтских языков. В перечне славяно-кельтских сходжений, приведенном К. Траймером, насчитывается около 40 лексем, в том числе относящихся к социальной, ботанической и сельскохозяйственной терминологии, а также к области материальной культуры⁶, но кажется, что при специальных изысканиях их выявится больше.

Т. Лер-Сплавинский предпринял попытку объяснить кельтским воздействием на славянский язык и некоторые фонетические явления — возникновение польского мазурения⁷, что, однако, не было признано убедительным⁸. Интересными и важными представляются наблюдения О. Н. Трубачева по взаимоотношению этнонимии древних европейских этноязыковых группировок⁹. Исследователь устанавливает, что в плане словообразовательной типологии славянская этнонимия весьма далека от типа балтских и германских этнонимов, она ближе к кельтской и особенно к иллирийской и фракийской этнонимии. «У кельтов, как и у славян, бросается в глаза наличие „речных“ этнонимов... У кельтов эт-

нонимия заметно более словообразовательная по своему характеру, что сближает ее скорее со славянской этнонимией. При этом намечаются любопытные сходства префиксальных моделей... и суффиксальных моделей... У кельтов, как у славян, есть общий этноним для всей совокупности кельтских племен»¹⁰. Поскольку анализируемые О. Н. Трубачевым этнонимы являются порождением уже обособленных этноязыковых группировок индоевропейцев, то сходжения в этнонимии обусловлены не генетическим происхождением, а непосредственными контактами славян с кельтами, иллирийцами и фракийцами.

Кроме языковых материалов, имеются и некоторые свидетельства археологии, позволяющие предполагать, что в древности славяне жили в непосредственных и тесных контактах с кельтами. Как известно, кельты внесли исключительный вклад в европейскую металлургию и металлообработку. Железоделательный процесс состоял в прямом восстановлении железа из руд (лимонита, гематита или болотных) с древесным углем в специальных редуцированных печах. Техника и технология кельтского кузнечного ремесла ныне достаточно хорошо изучены на основе огромного количества разнообразных железных изделий и кузнечного инструментария. Кельты в совершенстве владели всеми приемами кузнечнойковки, знали цементацию и термическую обработку, широко применяли наварку стальных лезвий на железную основу. Кузнечный инструментарий кельтских ремесленников насчитывал более 70 видов¹¹.

Широкие исследования последних десятилетий показали, что славянское кузнечное ремесло в I тысячелетии н. э. по своим особенностям и технологической культуре было наиболее близко к металлообрабатывающему производству кельтов и провинций Римской империи, которые продолжали и развивали традиции кельтской культуры. Это касается не только нынешних западно-славянских областей¹², но и славянских племен Восточной Европы. Казалось бы, что зарубинецкие и черняховские племена, среди которых, несомненно, были и славяне, должны являться преемниками высокого мастерства скифских ремесленников по обработке черного металла. Но оказывается, что техника обработки железа у этих племен не базировалась на опыте кузнецов Скифии, а развивалась на кельтских традициях¹³.

Кельты оказали заметное воздействие и на развитие гончарного ремесла населения Средней и Юго-Восточной Европы. Гончарные печи кельтского типа широко известны на пшеворских поселениях Польши, выявлены они и на памятниках черняховской культуры, в частности на селище Лука-Врублевецкая в среднем течении Днестра¹⁴. В археологической литературе высказывалась мысль о том, что развитие гончарной техники в первой половине I тысячелетия н. э. отражает возрождение кельтских традиций в римских провинциях¹⁵. Не исключено что потомки кельтов принесли в провинциально-римскую культуру и некоторые способы украшения посуды¹⁶.

В средневековых хрониках (XI—XII вв.), написанных представителями христианской верхушки, в землях северо-западных (балтийских) славян нередко упоминаются и описываются языческие храмы-святилища, сооруженные из дерева и часто богато оформленные. В других частях обширной славянской территории раннего средневековья подобные храмы не известны ни по письменным источникам, ни по археологическим материалам. Наоборот, археологическими изысканиями установлено, что славяне-язычники обычно не строили храмов, а устраивали открытые святилища ¹⁷.

Исследователи языческих храмовых построек северо-западных славян, известных по описаниям средневековых авторов, склонялись к мысли, что их возникновение или связано со скандинавским влиянием, или обусловлено христианским воздействием, шедшим сюда из германских областей. Новейшие археологические раскопки на территории ГДР показали ошибочность таких представлений. В результате раскопочных работ на городище VIII—X вв. в Гросс Радене (Шверинский округ) были исследованы остатки храмового строения, существовавшего, по всей вероятности, в ранний период жизни поселения ¹⁸. В плане храм имел четырехугольную форму, размеры его — 12,5×7 м. Стены его состояли из вертикально поставленных бревен, которые с наружной стороны были закрыты орнаментальными уплощенными брусками. Последние сверху имели схематически вырезанные изображения голов. Над входом висел череп зубра — символ силы и благополучия.

Еще в 1968 г. при раскопках в Фельдберге (округ Нейбранденбург) были выявлены остатки подобного храмового строения, относящегося к VII—VIII вв., но тогда особенности конструкции его остались непонятыми ¹⁹. Теперь, после открытий в Гросс Радене, можно утверждать, что в Фельдберге имелась аналогичная культовая постройка.

Таким образом, оказалось, что храмовые сооружения северо-западных славян значительно древнее скандинавского и германского влияний. Вероятно, они восходят к более древним временам. И. Геррманн убедительно показал, что внешний облик храма в Гросс Радене сходен с кельтскими культовыми строениями, а деревянные стилизованные фигуры из этого храма находят параллели в искусстве кельтов. С храмами кельтов сопоставимо также знаменитое святилище в Арконе на о-ве Рюгене, известное по описанию датского хрониста Саксона Грамматика ²⁰. По-видимому, полагает этот исследователь, культовые постройки северо-западных славян раннего средневековья ведут происхождение от храмового строительства кельтов Средней Европы. Более того, И. Геррманн в культовых деревянных фигурках славян, обнаруженных при раскопках в ряде пунктов ГДР, видит кельтские традиции ²¹. Все это заставляет полагать, что в какое-то время славяне были непосредственными соседями кельтов и находились с ними в тесных культурных взаимоотношениях.

Где же и когда имело место славяно-кельтское взаимодействие? Археология и культура кельтов к настоящему времени достаточно хорошо исследованы²². Некоторые трудности вызывает вопрос о происхождении кельтов. Ряд исследователей (Н. Боп-Гимпера, И. Неустунный, А. Варапьяк и др.) придерживались мнения о кельтской (протокельтской) принадлежности культуры полей погребальных урн, характерной для Средней Европы конца бронзового и самого начала железного века. Я. Филип полагал, что сложение протокельтской культуры является результатом взаимодействия части племен культуры погребальных урн с носителями культуры курганных погребений. Более реальной представляется мысль В. Киммнга о соответствии культуры полей погребальных урн древнеевропейской языковой общности, получившей характеристику в трудах немецкого лингвиста Х. Крае. Культурная общность полей погребальных урн послужила основой сложения культур пракекльтов в бассейне верхнего Рейна, праиталиков (Приальпийский регион), иллирийцев (на юго-востоке), прагерманцев (в низовьях Эльбы и Одры) и славян (Верхнее Повисленье)²³.

В гальштатское время (VII—VI вв. до н. э.) складывается собственно кельтская культура. Это — завершение процесса формирования и кристаллизации кельтов как этноса, который происходил в областях верхних течений Рейна и Дуная. Около 400 г. до н. э. начинается широкое расселение кельтов; в результате территория их в период расцвета культуры охватывала значительные части Европы — от Британских островов и Пиренейского полуострова на западе до Карпат на востоке, включая современные Францию, Южную Германию, Северную Италию, Австрию, Чехословакию, Венгрию, Южную Польшу. Выходили кельты к берегам Черного моря и даже проникали в Малую Азию.

Славяне во второй половине I тысячелетия до н. э. были сравнительно небольшой европейской этногруппировкой, оставались неизвестными греко-римским историкам и географам, и, очевидно, не имели такой яркой культуры, как кельты. Поэтому выделение славянских древностей этой поры связано со многими трудностями. Наиболее надежным в изучении генезиса и истории древних этносов на основе археологических материалов является ретроспективный метод, заключающийся в поэтапном прослеживании истоков важнейших элементов археологических культур, идя от культур относительно поздних, достоверно определенных в этноязыковом отношении, в глубь веков и тысячелетий.

Материалы археологии, препарированные ретроспективным методом от эпохи раннего средневековья, от бесспорно славянских культур, относительно хорошо исследованных на широкой территории от Эльбы до Днепра и от южного побережья Балтики до Пелопоннеса, показывают, что наиболее ранней культурой славян была культура подклошковых погребений (400—100 гг. до н. э.). Территориально памятники этой культуры охватывают бассейн средней и верхней Вислы, достигая на западе среднего

течения Одры, а на юго-востоке — окраин Припятского Полесья и Волыни²⁴. На северо-востоке славяне — носители культуры подклошевых погребений — вплотную соприкасались с западно-балтскими племенами и находились с ними в тесных контактах. Северо-западными соседями славян в это время были германские племена (ясторфская культура), а с юга к ним примыкало поздне-лужицкое население, принадлежавшее, по-видимому, иллирийцам²⁵.

На рубеже IV—III вв. до н. э. кельты заселяют наиболее плодородные земли Силезии²⁶. Их памятниками здесь являются грунтовые могильники с захоронениями по обряду трупоположения, основная часть которых датируется III—II вв. до н. э. Исследовались и поселения кельтов. Они неукрепленные, жилищами служили небольшие прямоугольные срубные постройки с обмазанными глиной стенами, которые иногда раскрашивались белыми и красными полосами.

Во II в. до н. э. другая группа кельтов переходит Карпаты и оседает на верхней Висле в Малопольше. Следями пребывания кельтов здесь являются немногочисленные могильники и большое количество поселений. В отличие от Силезии, где кельты в течение двух-трех столетий жили самобытной жизнью и сохраняли свою культуру, в Малопольше они, очевидно, сразу же стали смешиваться с местным населением, в результате здесь кельтские древности обычно встречаются вместе с местными находками на одних поселениях. В конце концов на верхней Висле складывается смешанная кельто- пшеворская культура или, точнее, кельто- пшеворский вариант пшеворской культуры.

Расселившиеся в Силезии и Малопольше кельты стали непосредственными соседями славян — племен культуры подклошевых погребений. Между ними налаживаются тесные культурные взаимодействия. II в. до н. э. в истории кельтов характеризуется значительным ростом ремесленной деятельности, начинается выпуск массовой продукции, в этой связи в археологических материалах фиксируется скачок в развитии кельтской торговли.

Во II в. до н. э. культура подклошевых погребений сменяется пшеворской, просуществовавшей до начала V в. н. э. В погребальной обрядности, в керамических и иных материалах прослеживается преемственность этих культур. Вместе с тем в формировании пшеворской культуры, очевидно, участвовали не только племена культуры подклошевых погребений. Однако доля участия иных компонентов, по-видимому, была сравнительно небольшой, и можно полагать, что основную часть населения в ареале пшеворской культуры составляли славяне²⁷.

О значительности кельтского влияния на славян свидетельствует прежде всего большое количество кельтских вещевых находок в погребениях и на поселениях культур подклошевых погребений и пшеворской. Наиболее ранние кельтские вещи вне региона расселения кельтов на территории Польши относятся к IV—III вв. до н. э. Наибольшая концентрация их наблю-

дается в бассейне среднего течения Одры и на верхней Варте, но отдельные кельтские предметы встречены и в различных местах Повисленья. Это прежде всего бронзовые фибулы, в том числе духцовского и мюнсингенского типов, весьма характерные для кельтского мира, а также бронзовые браслеты с полшаровидными утолщениями, браслеты, украшенные с внешней стороны тройными шишечками, поясные принадлежности, железный топор с четырехгранной втулкой, наконечники копий латенского облика. Встречены эти вещи как на поселениях, так и в могильниках. Например, все копыя обнаружены в могильниках культуры подклошовых погребений. В одном из захоронений могильника Варшава-Жеранка этой культуры найден кельтский меч, относящийся ко II в. до н. э. К III—II вв. до н. э. относятся и ранние кельтские золотые и серебряные монеты в ареале культуры подклошовых погребений ²⁸.

Кельтские находки IV—III вв. до н. э. в Висло-Одранском междуречье свидетельствуют о культурно-торговых контактах кельтов со славянами. Эти контакты еще не были значительными. По существу, только регион среднего течения Одры находился в сфере заметного кельтского воздействия.

Ситуация резко меняется во II в. н. э., когда, как отмечалось выше, имел место резкий рост ремесленной деятельности кельтского мира. Начиная с конца II в. до н. э. в памятниках пшеворской культуры в значительном количестве встречаются различные вещи кельтских типов, кельтские монеты, а также выявляются иные элементы кельтского воздействия, свидетельствующие о формировании и эволюции этой культуры под сильным влиянием латенской и римской (через посредничество кельтов) культур.

На пшеворских памятниках в значительном количестве встречены латенские фибулы с ножкой, отогнутой наружу и соединенной со спинкой (лучковой, прямоугольной или трапециевидной). Они становятся обязательной частью костюма местного населения, целиком вытесняя употреблявшиеся ранее одежные булавки. Какая-то часть этих фибул поступила от кельтов, но их не всегда можно выделить, так как основная масса фибул пшеворской культуры была изготовлена местными мастерами по кельтским прототипам.

На раннем этапе пшеворской культуры, очевидно под кельтским влиянием, распространяются новые формы глиняной посуды — сосуды в виде перевернутой груши (обычно называемые обратногогрушевидными), с цилиндрической шейкой и одним-двумя ушками. Прототипами их, по-видимому, были импортируемые кельтами бронзовые сосуды. Влияние кельтов на изготовление глиняной посуды пшеворских племен еще далеко не исследовано. Можно утверждать, что целый ряд форм сосудов пшеворской культуры появился целиком или частично под кельтским влиянием. Наследием кельтского ремесла, как полагают исследователи, является гончарное производство, исследованное в Малопольше, в районе Кракова ²⁹. Здесь в нескольких пунктах (Иго-

ломья, Зофиполе, Тропишов) открыты десятки горнов для обжига керамики, сходные по своей конструкции с кельтскими. Отсюда горшки поступали во многие районы Повисленья.

Среди изделий из металла наряду с вещами, наследующими местные формы предшествующего времени, в пшеворской культуре появляются новые, возникшие под кельтским влиянием. Таковы предметы вооружения — двулезвийные мечи, наконечники копий с волнистым краем, полусферические умбоны щитов. От кельтов к племенам пшеворской культуры проникли также пружинные ножницы, шпory, ключи и замки, скобели, молотки, клещи, напильники.

Выше говорилось, что славянские железоделательные и железообрабатывающие ремесла развивались под сильным влиянием кельтского производства. Об этом свидетельствуют, в частности, пшеворские материалы. В ареале этой культуры выявлены и исследованы крупные центры, выплавлявшие железо для целой округи. Наиболее значительный центр открыт в регионе Свентокрыжских гор, недалеко от г. Кельце. Здесь польским археологом К. Белениным на площади 800 кв. м изучено 120 поселений со следами металлургического производства и около 30 000 железоплавильных печей латенского и римского времени. Железо делалось из гематитовой руды с примесью фосфора или из лимонита. Вся техника железоделательного производства — кельтская ³⁰. Е. Пяковский полагает в этой связи, что основателями Свентокрыжского центра металлургии были котіны — одно из кельтских племен.

Не исключено кельтское влияние и на сельскохозяйственную деятельность населения пшеворской культуры. Однако эта тема остается полностью не изученной. Можно отметить только, что чересло — характерная часть пахотных орудий многих местностей, заселенных кельтами, — появляется в римское время только в южных районах пшеворской культуры (Зофиполе, Пемпици) ³¹.

Значительное место в пшеворских древостоях принадлежит и собственно кельтским изделиям, привезенным сюда из областей расселения кельтов. К кельтскому импорту относятся некоторые типы металлических браслетов, стеклянные браслеты и бусы, расписная керамика, ведрообразные сосуды, железные ножи с изогнутым черешком, завернутым на конце кольцеобразно, топоры с четырехгранной втулкой, клармы с копскими головами, серебряная головка быка из Санне и др. О значительности торговых связей свидетельствуют и находки кельтских монет в памятниках пшеворской культуры ³².

Все эти открытия и находки являются яркими свидетельствами значительного культурного влияния кельтов на население пшеворской культуры. Наряду с этим можно говорить о некоторой инфильтрации кельтов в среду пшеворского населения. Некоторые польские исследователи полагают, что кельтам, проникшими в глубь пшеворского ареала, оставлены отдельные захоронения пшеворских могильников, содержащие в большем или меньшем

числе изделия кельтских типов. Другие археологи оспаривают эту мысль, утверждая, что распространение таких предметов является результатом культурно-торговых связей, а не переселения самих кельтов. Однако о проникновении кельтов в среду пшеворского населения со всей очевидностью свидетельствует погребальная обрядность. Как известно, пшеворская, как и предшествующая ей культура подклошовых погребений, характеризуется распространением обряда кремации умерших. Однако уже в ранних пшеворских могильниках наряду с трупосожжениями появляются немногочисленные, часто единичные трупоположения.

Первые пшеворские захоронения по обряду ингумации (I в. до н. э.) локализуются в Силезии как раз в том регионе, где известны собственно кельтские памятники III—II вв. до н. э., а также в Куявии (междуречье среднего течения Варты и Вислы). Поскольку погребальный обряд кельтов характеризуется исключительно трупоположениями, в польской литературе укоренилось мнение, что обряд ингумации в пшеворской культуре является результатом воздействия кельтских племен, считается, что трупоположения оставлены собственно кельтами, поселившимися в среде пшеворского населения³³. С этим нельзя не согласиться, поскольку по всем деталям обрядности пшеворские трупоположения полностью сопоставимы с кельтскими³⁴.

В римское время (начало н. э.—375 г. н. э.) в пшеворских могильниках по-прежнему встречаются единичные трупоположения, но теперь они известны более широко, почти по всему ареалу этой культуры. Однако основная часть пшеворских трупоположений все же сконцентрирована в Силезии и Малопольше, т. е. в тех регионах, где имела место встреча кельтов с племенами пшеворской культуры. Собственно кельтские поселения и могильники в Силезии просуществовали до I в. до н. э. Как и в Малопольше, здесь кельты смешались с племенами пшеворской культуры и, очевидно, постепенно были ассимилированы ими. Таким образом, кельты не только оказали значительное воздействие на развитие материальной культуры и хозяйственной деятельности славян — носителей пшеворской культуры, но и регионально приняли участие в их этногенетическом процессе. В этой связи можно полагать, что кельтское влияние затронуло и некоторые стороны духовной культуры какой-то части славян.

¹ *Hirt H.* Die Indogermanen: Ihre Verbreitung, ihre Urheimat und ihre Kultur. Strassburg, 1905; *Vasmer M.* Die Urheimat der Slaven. — In: Der ostdeutsche Volksboden. Breslau, 1926; *Филин Ф. П.* Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962.

² *Schachmatov A.* Zu den ältesten slavisch-keltischen Beziehungen. — Archiv für slavische Philologie, 1911, Bd. 33, S. 51—99; *Шахматов А. А.* К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях. — Bulletin de l'Académie des Sciences de St.-Petersburg, 1911, N 6, с. 707—704, 791—812.

³ *Büga K.* Kann man Kelten Spuren auf baltischem Gebiet nachweisen? — Rocznik slawistyczny, 1913, VI, s. 1—38; *Vasmer M.* Kritisches und Antikritisches zur neueren slavischen Etymologie. — Ibid., s. 172—214.

⁴ *Pokorny J.* Zur Urgeschichte der Kelten und Illyrier. Halle, 1938.

- ⁵ Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, с. 94—95.
- ⁶ Treimer K. Ethnogenese der Slawen. Wien, 1954, S. 32—34.
- ⁷ Lech-Spławinski T. Kilka uwag o stosunkach językowych celtycko-prasłowiańskich. — Rocznik sławistyczny, 1956, XVIII—1.
- ⁸ Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики. . . , с. 95.
- ⁹ Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян. — ВЯ, 1974, № 6, с. 54—60.
- ¹⁰ Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы. . . , с. 58.
- ¹¹ Pleiner R. Staré evropské kovárství. Praha, 1962.
- ¹² Pleiner R. Základy slovanského železářského hutnictví v Českých zemích. Praha, 1958; *Idem*. Staré evropské kovárství; Piaskowski Y. Technologia zelaza na ziemiach Polskich w okresie od I do V wieku naszej ery. — Wiadomości hutnicze, 1963, 12.
- ¹³ Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Е. Н. Металл черняховской культуры. М., 1972, с. 27—32.
- ¹⁴ Тиханова М. А. Кельтская проблема в современной археологии. — В кн.: Кельты и кельтские языки. М., 1974, с. 11—13.
- ¹⁵ Svoboda V. Čechy v době stěhování národů. Praha, 1965, s. 84—98.
- ¹⁶ Сымонович Э. А. Орнаментация черняховской керамики. — МИА, 1964, 116, с. 353.
- ¹⁷ Седов В. В. Древнерусское языческое святилище в Перыни. — КСИА, 1953, 50, с. 92—103; Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958, т. 1, с. 105—112; Москаленко А. Н. Святилище на реке Воргол. — СА, 1966, № 2, с. 203—209; Куза А. В., Соловьева Г. Ф. Языческое святилище в земле радимичей. — СА, 1972, № 1, с. 146—154; Sedov V. V. Pagan sanctuaries and idols of the Eastern Slavs. — Slavica Gandensia, 1980/1981, 7—8, p. 69—85.
- ¹⁸ Schuldt E. Der altslawische Tempel von Groß Raden. Schwerin, 1976.
- ¹⁹ Herrmann J. Feldberg, Rethra and das Problem der wilzischen Höhenburgen. — Slavia antiqua, 1970, 16, S. 33—69.
- ²⁰ Herrmann J. Zu den kulturgeschichtlichen Wurzeln und zur historischen Rolle nordwestslawischer Tempel des frühen Mittelalters. — Slovenská archeologia, 1978, 1, S. 19—27.
- ²¹ Некоторые исследователи склонны видеть первооснову известному Збручскому идолу в кельтских древностях. См.: Rosen-Przeworska J. Tradycje celtyckie w obrzędowości protosłowian. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1964, s. 210—229.
- ²² Bosch-Gimpera P. Les Mouvements Celtiques: Essai de Reconstitution. — Études Celtiques. Paris, 1950/1951; Hubert H. Les Celtes depuis l'époque de la Tène. Paris, 1950; *Idem*. Les Celtes et l'expansion celtique. Paris, 1950; Lantier R. Die Kelten. München, 1954; Moreau J. Die Welt der Kelten. Stuttgart, 1958; Powel T. G. E. The Celts. London, 1958; Filip J. Keltové v střední Evropě. Praha, 1956; *Idem*. Die keltische Zivilisation und ihr Erbe. Prag., 1961; Woźniak Z. Wschodnie pogranicze kultury lateńskiej. Wrocław, 1974; Herm H. Die Kelten. Düsseldorf; Wien, 1975; Schlette F. Kelten zwischen Alesia und Pergamon. Leipzig; Jena; Berlin, 1980.
- ²³ Kimmig W. Seevölkerbewegung und Urnenfelderkultur: Ein archäologisch-historischer Versuch. — In: Studien aus Alteuropa. I. Köln, 1964, S. 220—283; Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979, с. 44, 45.
- ²⁴ Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян, с. 44—52.
- ²⁵ Malinowski T. Problem poganicza prasłowiańsko-prailiryskiego. — Slavia antiqua, 1975, XXI, с. 5—46.

Б. А. Рыбаков предлагает считать славянскими те ранние археологические культуры, ареалы которых вписываются в территорию славянской культуры VI—VII вв., занимавшей пространство от Днепра до Одры. Объяснение причин прерывистости в эволюции и отсутствия преемственности этих археологических культур составляет вторую часть концепции этого исследователя. (См.: Рыбаков Б. А. Исторические судьбы праславян. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1978, с. 182—196; *Он же*. Язычество древних славян. М.,

- 1981, с. 220—230). Такой метод изучения этногенеза славян, как и германцев, кельтов, иранцев и других этноязыковых группировок, на мой взгляд, неприменим по многим соображениям. Однако пшеворскую культуру — основной объект славяно-кельтских контактов — Б. А. Рыбаков относит к числу славянских.
- ²⁶ *Woźniak Z. Osadnictwo celtyckie w Polsce.* Wrocław; Warszawa; Kraków, 1970; *Hensel W. Polska starożytna.* Wrocław.; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1980, s. 371—406.
 - ²⁷ *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян, с. 53—74.
 - ²⁸ Сведения о кельтских находках на территории Польши собраны в книге: *Woźniak Z. Osadnictwo celtyckie w Polsce.*
 - ²⁹ *Rosen-Przeworska J. Spadek po Celtach.* Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979, s. 127—131.
 - ³⁰ *Bielenin K. Starożytne górnictwo i hutnictwo w Górach Świętokrzyskich.* Warszawa; Kraków, 1974.
 - ³¹ *Wielowiejski J.* Development of agriculture in Polish territories at the period of contacts with the Celtic and Roman culture. — *Ergon*, 1960, 2, p. 297; *Idem.* Przemiany gospodarczo-społeczne u ludności południowej Polski w okresie późnolateńskim i rzymskim. — *Materiały starożytne*, 1960, 6, s. 145.
 - ³² *Woźniak Z. Monety celtyckie z ziem polskich.* — *Wiadomości numizmatyczne*, 1967, II, s. 201—231.
 - ³³ *Jahn M.* Die Kelten in Schlesien. Leipzig, 1931; *Zaki A.* Les Celtes sur les terres de Pologne. — In: Bericht über den V. Internationalen Kongress für Vor- und Frühgeschichte. Berlin, 1961, S. 869—873; *Woźniak Z.* Osadnictwo celtyckie w Polsce, mapa 7.
 - ³⁴ Г. Ф. Никитина не соглашается с этим, полагая, что между кельтским и пшеворским типами труположений имеются различия: 1) для кельтов характерны вытянутые на спине труположения, а в пшеворских памятниках захоронения скорченные; 2) пшеворские и кельтские труположения отличаются по ориентировке — для кельтов характерна северная ориентация умерших, а среди пшеворских преобладает южная. (См.: *Никитина Г. Ф.* Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тысячелетии до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. — В кн.: *Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э.* М., 1974, с. 68—71). Однако Г. Ф. Никитина сопоставляла пшеворские труположения только с кельтскими захоронениями Силезии. Между тем в могильниках кельтов на широкой территории их расселения не было полного единообразия. Так, кельты, заселявшие Моравию, хоронили умерших головами к северу, а в Словакии скелеты на кельтских кладбищах обычно ориентированы головами к югу. Кроме вытянутого труположения, в кельтских могильниках встречаются погребения в скорченном положении, а в моравско-карпатском регионе скорченные захоронения являются обычным явлением. Поэтому подобные захоронения, как и труположения с южной ориентировкой в пшеворских могильниках, нужно полагать, отражают воздействие кельтского мира с широкой придунайской территории, а не только из региона Силезии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВЯ — Вопросы языкознания

КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

СА — Советская археология

М. М. Громыко

ПРОБЛЕМЫ, МЕТОДЫ И ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН (XVIII — XIX ВВ.)

Современное состояние историко-этнографических и этносоциологических исследований подводит нас к изучению этических традиций как одного из компонентов духовной культуры народа. Термин «этика» употребляется в данной связи для обозначения системы норм поведения. Традиционные устойчивые нормы поведения, передававшиеся из поколения в поколение, касались самых различных сторон социальной жизни. Речь идет о нормах поведения, регулировавшихся не юридическими установлениями, а почти исключительно общественным мнением. Нарушение их не влекло наказаний по государственному и даже — в значительной части — по общинному праву.

Выделение этических традиций как особого предмета исследований позволяет раскрыть ряд таких сторон общественного быта и общественного сознания, которые нередко выпадают из поля зрения этнографа, а также увидеть в новом аспекте уже достаточно известные явления, включив их в систему нравственно-этических представлений и норм поведения.

При изучении этических традиций необходимо сочетание социального и этнического аспектов. Классы, социальные слои и даже отдельные социальные группы имели свои традиционные нормы поведения, реализовывавшиеся в рамках специфики конкретного этноса, а иногда и получавшие окраску особенностей отдельных этнических групп. В данном докладе проблемы, методы и источники исследования этических традиций русских, украинцев и белорусов рассматриваются преимущественно на материале крестьянства XVIII—XIX вв. Автор исходит из того, что крестьянство, выделяемое нами из структуры общества по социальному признаку и включавшее в рассматриваемый период подавляющую часть трудового населения, составляло в то же время большинство нации.

Изучение этических традиций можно условно разграничить на следующие разделы: 1) этика труда (сюда входят особенности поведения во время различных сельскохозяйственных работ, этический аспект распределения трудовых обязанностей в семье, формы взаимопомощи и трудовой благотворительности и т. д.); 2) этика досуга будней и праздника (включает нормы поведения на молодежных посиделках, в хороводах, на женских и девичьих праздниках, в совместных увеселениях разных возрастов и полов и пр.; соответственно в этом разделе рассматривается соотношение обрядов и этических традиций, вопросы гостеприимства, этики засто-

ля и т. п.); 3) этика взаимоотношения поколений (вопросы авторитета стариков в семье и общине в связи с ролью обычая в общественной жизни деревни, возрастной дифференциации форм приветствий и других норм поведения и пр.); 4) этика семейных отношений.

Этот перечень прежде всего вызывает вопрос: возможно ли в принципе реконструировать крестьянскую этику прошлого с учетом ее этнических особенностей? На каких источниках может основываться подобное историко-этнографическое исследование? Мы отвечаем на этот вопрос утвердительно: намеченный круг тем обеспечен достаточно солидной источниковой базой. Письменные источники по этическим традициям восточнославянского крестьянства можно по характеру происхождения разделить на две группы. Первая группа включает описания наблюдателей, возникшие в результате постановки определенных задач научного или государственного обследования. В России уже в XVIII в. Академией наук, Вольным Экономическим Обществом, правительственными учреждениями проводились сборы материалов на местах по единой программе, включавшей прямо или косвенно этнографические вопросы¹. Полученные сведения лишь частично тогда же были использованы в трудах С. П. Крашенинникова, И. К. Кирилова, В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, М. Д. Чулкова и др., в большей же степени отложились в архивах и до настоящего времени мало привлекались этнографами.

Среди этих материалов выделим топографические и статистические описания последней трети XVIII в.—начала XIX в., охватывающие многие губернии с русским, украинским и белорусским населением (они хранятся в фондах РОГБЛ, ЦГВИА, ГИМ, АЛОИИ и др. архивохранилищах) и содержащие нередко сведения об общественном и семейном быте крестьянства.

В XIX в. составление, распространение программ и сбор сведений о самых различных сторонах народной жизни получают широкий размах. В результате деятельности многочисленных научных обществ в их архивах и в личных фондах отдельных собирателей отложился богатейший материал, часть которого вошла в публикации этих обществ, но в значительной мере не введена еще в научный оборот и в наши дни. Наиболее известны среди этнографов (в значительной мере благодаря обзору Д. К. Зеленина²) фонды АГО, но и в них подавляющая часть материалов не разрабатывалась в рассматриваемом нами аспекте. Исключительную ценность в этом отношении представляет фонд Этнографического Бюро В. Н. Тенишева (РОГМЭ, ф. 7), рукописи которого дают подробные ответы по многим вопросам программы, непосредственно касающимся крестьянской этики³.

В некоторых личных фондах собирателей сосредоточены фрагментарные материалы по всем трем восточнославянским народам или двум из них⁴, в других — обильно представлены этнографические и фольклорные записи одного этноса, часто регионально ограниченные⁵. Такого же характера материалы — записи этно-

графических наблюдений и фольклора — есть в фондах губернских Статистических комитетов и местных отделений Географического общества, сохранившихся во многих областных архивах РСФСР, Украины и Белоруссии.

Вторая группа — источники, исходящие из самой деревни, возникшие в процессе повседневной жизни (без специальной задачи сбора сведений) и отражающие прямо или косвенно этические традиции. Такие документы редко используются этнографами, между тем они содержат достоверную информацию, позволяющую проверить или дополнить источники первой группы. Ко второй группе мы относим приговоры крестьянской общины (на языке самих документов они назывались общественными или мирскими приговорами) — письменные решения сходки; выборы — частный случай приговоров, оформляющий избрание должностных лиц; доверенности (фиксация факта доверия данному лицу выступать от имени общины по конкретному вопросу, а также, как правило, и изложение существа дела); челобитные от отдельных лиц и общин в целом — прошения по самым различным вопросам; аттестаты, выдаваемые выборным должностным лицам после окончания сроков их полномочий; одобрение на получение крестьянином покровительного паспорта (выдавалось общиной); изветы (словесные предъявления) — писарские записи первичного устного сообщения о каком-либо происшествии.

Источники такого типа сосредоточены главным образом в многочисленных волостных и вотчинных фондах центральных и местных архивов. Но многие из них сохранились в государственных и церковных учреждениях разного уровня (в связи с продвижением общинного приговора, доверенности или личного прошения по инстанциям). Кроме того, во время ревизий усиливался поток челобитных и приговоров в адрес ревизующих инстанций⁶.

Вторая группа источников используется обычно историками с целью изучения социально-экономического развития. Обращение же к ним с задачами этнографического исследования вообще и выделенного нами предмета в частности нуждается в разъяснении. Поэтому, характеризуя ниже отдельные проблемы, мы будем попутно отмечать, какие именно источники могут содержать информацию для их освещения.

В рамках доклада возможно, разумеется, кратко осветить лишь некоторые из проблем, возникающих при изучении очерченного выше тематического круга, и наметить их связи с отдельными аспектами историко-этнографических, фольклористских и социологических исследований в области славистики.

Между жителями одного селения складывались тесные взаимоотношения, основаниями которых служили хозяйственные дела, родственные связи, соседские контакты, дружеские симпатии и пр. В повседневной жизни разные виды отношений накладывались друг на друга, совпадали, пересекались, иногда вступали в противоречие. Один вид их мог служить причиной для вступления в другие и, в свою очередь, укрепляться

и поддерживаться этими новыми отношениями, сохраняя при этом особенности многих иных линий связей. Тем не менее сами крестьяне, как правило, достаточно четко осознавали, каким именно видам отношений соответствуют те или иные нормы поведения. Перед исследователем крестьянской этики стоит задача максимальной дифференциации типов, видов отношений для выявления оснований этических представлений и форм поведения. Выделив определенный вид, мы рассматриваем его в аспекте соответствующих ему этических норм.

Первый комплекс отношений — родственные, куда входят: внутрисемейные; между отдельными семьями близкого родства, больших групп родственных семей — фамильных гнезд. Отношения свойства тесно связаны с родственными и, по существу, могут быть включены в этот же комплекс.

Второй комплекс отношений (порядок нумерации не имеет в виду иерархию по значимости явления) — соседские. Они включают: взаимоотношения всех жителей данного селения; отношения между жителями территориальных частей селения — «концов», «кутов» и пр.; отношения непосредственных (ближних) соседей, или собственно соседские (в узком смысле слова).

В третий комплекс выделяем отношения в группах, связанных с хозяйственными задачами: взаимоотношения членов поземельной общины как таковых (община могла совпадать или не совпадать с селением); членов артелей (артель обладала всеми признаками социальной группы, но, создаваемая обычно на время, она функционировала чаще всего вне общины, хотя и сохраняла тесную связь с ней, и может быть включена в постоянную структуру общины лишь условно. Однако этические нормы артели оказывали заметное влияние на другие формы этики, и потому артельные отношения должны учитываться в системе внутриобщинных отношений); членов долевых (на паях) объединений по совместному владению недвижимостью (землей, овином, мельницей, рыболовным участком) или движимым имуществом (упряжкой волов, неводом и пр.).

Четвертый комплекс внутриобщинных отношений дают половозрастные группы: свои отношения складывались у холостой молодежи, посещавшей постоянно хороводы и вечорки; у мужчин и женщин среднего поколения; у стариков. Сюда же включаем межпоколенные отношения (в их обобщенном, а не личностном варианте), например отношение молодежь — старики.

Пятый комплекс составляют неродственные, но близкие к ним отношения, существенным условием возникновения которых является обряд: только после него вступают в силу соответствующие этические нормы. Сюда относим: кумовство, побратимство и посестримство (посестрие). В жизни деревни видное место занимали отношения кумовства. Отношения же побратимства и посестримства в рассматриваемый период были мало распространены; однако в некоторых специфических условиях они выходили едва ли не на первый план и им соответствовали четкие нормы поведения. Самый

выбор кума, кумы, побратима, крестовой сестры мог определяться другими видами отношений (соседскими, дружескими, хозяйственно-деловыми и пр.), но после обряда они переходили в новое качество со всем своим этническим комплексом. Объединяет и те и другие их подобие родственными отношениям: это как бы искусственно создаваемые — через свободный выбор и определенный обряд — отношения родства. В самих обрядах, связанных с кумовством и побратимством (посестримством), ряд элементов перекликался, обнаруживая некоторое генетическое единство. И наконец, сходство в ряде этических норм, действовавших в этих отношениях, определяет рассмотрение их в едином комплексе.

Членение видов отношений тесно связано с выделением социальных групп в деревне, с применением некоторых конкретно-социологических методов к решению рассматриваемых нами историко-этнографических проблем.

Необходимость взаимного использования результатов и методов в обеих науках признается ныне всеми исследователями. Изучение социологами современной деревни, в частности проблем соотношения традиционной сельской культуры и урбанизации, социальной мобильности, динамики, структуры и функций семьи и др., нуждается в таких результатах исторических и историко-этнографических исследований, которые соответствовали бы системе понятий, принятых в социологии, были бы сопоставимы с результатами современного конкретно-социологического обследования. Попытки наложения понятий, которыми оперируют в конкретно-социологических исследованиях, на разработанный уже исторический материал мало эффективны. Необходимо при решении соответствующей задачи применять социологический подход у самых истоков историко-этнографического исследования — при членении объекта. Применительно к дореволюционной восточнославянской деревне речь может идти, в частности, о выделении таких социальных групп, как семья, семейное гнездо, конец (в некоторых случаях концы и семейные гнезда совпадали), сельская община и др. Задачи выделения группобразующих признаков, изучения структуры и функций названных групп определяют круг источников, программу сбора материала, применение тех или иных методик анализа источника. При этом социологические проблемы неизбежно смыкаются с методами и традиционными методиками истории, этнографии и специальных исторических дисциплин ⁷.

Одна из проблем, вытекающих из подхода к сельской крестьянской общине как социальной группе, — выявление механизма хранения ею традиции. Такие средства, как коллективный контроль во время общих работ и общих праздников, авторитет стариков, мнение соседей ⁸ и пр., могут быть прослежены по материалам общинных приговоров, решений волостных судов, записей наблюдателей, крестьянских прошений, фольклору и другим источникам. Обычай — один из рычагов социального контроля. Он действует не только внутри общины — как средство конфор-

мирующего давления на ее членов в интересах всей социальной группы, но и во вне — как одно из средств защиты классовых интересов крестьянства против тенденций роста эксплуатации⁹.

Изучение норм поведения во время трудовой деятельности выявляет огромную роль определенного трудового ритма в достижении производственных результатов. Имеется в виду ритм в широком значении термина, включающем соотношение сезонных работ, режим дня, согласованность отдельных этапов трудового процесса и пр. Устойчивый трудовой ритм был закреплен длительной традицией, находил идеологическое обоснование в крестьянском мировоззрении, контролировался семьей (в данной связи семья выступает как первичный трудовой коллектив), артелью, общиной. Оптимальный для данных природно-хозяйственных, этнических и социальных условий трудовой ритм в сочетании с детальным эмпирическим коллективным знанием особенностей региона давал возможность даже при примитивных орудиях труда достигать необходимых производственных результатов. Внутрисемейные и общинные этические представления и нормы, связанные взаимоотношениями и поведением в сфере хозяйственной деятельности, во многом были подчинены этому ритму, задаче его соблюдения, сохранения.

Крестьянская взаимопомощь в трудовых процессах играла существенную роль как в самом производстве, так и в общественном быту восточнославянской деревни. Трудовая взаимопомощь должна быть четко отграничена от найма в любых его проявлениях. В условиях позднефеодальных и капиталистических отношений наемный труд в деревне принимал нередко скрытые формы. Изучение обычаев взаимопомощи дает возможность четко разделить явления, отличающиеся по своей социальной сути.

С другой стороны, помощь, основанную на взаимности, гарантируемую традиционными этическими нормами, следует отличать от односторонней помощи благотворительного характера. Некоторые виды крестьянской благотворительности были тесно связаны с трудовой взаимопомощью, так как в конечном счете обеспечивались трудом на взаимных основаниях. Таковы, например, выделения пая больным, увечным и семьям умерших в артелях, общинная опека сирот. Качественно отлична от них милостыня, с которой был связан иной круг этических традиций. И те и другие виды односторонней помощи могли выражаться и в труде (вспахать поле вдовы, вывезти лес погорельцу и пр.).

Среди форм крестьянской взаимопомощи у восточных славян наиболее определенно сохраняет традиционные черты в течение рассматриваемого периода обычай помочи (талака)¹⁰. Косвенное отражение помочи находят в разнообразных видах источников, касающихся жизни деревни: прошениях крестьян, общинных приговорах, рапортах волостных правлений, судебно-следственных материалах (например, в протоколах «повальных обысков») и др. В этих источниках, как правило, помочи лишь упоминаются. Например, говорится, что истец шел «со оной помочи в ношное

время в десятом часу ночи», когда случилась происшествие, или что хищение произошло, когда истец был «на помочех» у такого-то крестьянина¹¹. Подобные свидетельства представляют несомненную ценность для выяснения территории и степени интенсивности бытования обычая. Тем более что упоминаются они в таких документах, как явление обычное и всем понятное. В некоторых случаях указывается вид сельскохозяйственных работ («будучи на сенокосных помочах»), часто упоминается вечернее угощение, завершающее помочи, и даже иногда предметом разбирательства становятся темы разговоров во время этого застолья¹². Праздничное завершение помочей и вид работ, в каких они были применены, нашли отражение также в явочных таможенных книгах, где указывалось, когда и кому «дано пива сварить на четь» и по какому поводу: «ко крещению», «к именинам», «на помочи хлеб возить» и т. д. Для выявления характера взаимопомощи материал содержится в описаниях наблюдателей (исследователей, местных жителей, откликнувшихся на запрос научного общества, путешественников и др.).

Если за основание классификации помочей взять именно характер взаимной помощи (другие классификации могут быть проведены по видам сельскохозяйственных работ, по способам организации помочей, по характеру угощения и развлечений после работы и пр.), то всю массу проявлений обычая можно разделить на две группы.

В одну группу войдут поочередные помочи, т. е. такие, которые производятся последовательно у всех участников по какому-либо виду работ: сначала у одного, потом у другого, третьего и т. д. Они могут охватывать всех жителей данного селения или часть их, но та совокупность крестьян, которая участвует в таких поочередных помочах, работает по принципу «все у всех», т. е. каждый помочанин является непременно и хозяином, принимающим у себя помочь. Поочередные помочи были достаточно широко распространены у русских, белорусов и украинцев в вывозке навоза на поля (охватывали почти всю общину), в молотье (охватывали отдельные группы крестьян, пользующихся одной ригью), в размивании пеньки, рубке капусты и пр.

Пригласивший помогать обязан, по местным обычаям, являться в свою очередь на помочь к каждому у него работавшему и, как говорится в ответах волостного правления, «отрабатывать им по очереди на подобных же помочах». Термин «отрабатывать» относился именно к поочередным помочам. Иногда он заменялся названием конкретного вида работ, но с тем же оттенком обязательной отдачи (отмолачивать, отнаваживать, отминать)¹³. Его следует различать с отработками за долги, за орудия труда, лошадь, семена и пр., т. е. с формами кабального найма. Поочередные помочи — это одна из форм крестьянской взаимопомощи, отношения здесь строятся на основе взаимности, без эксплуатации одним крестьянином другого.

Помочи второй группы, организуемые отдельным хозяином по

личному почину, не связанные с очередностью, но предполагающие неперенное ответное участие хозяина в работах помочан, тоже представляет собой одну из форм взаимопомощи. На поочередных помочах выдавалось хозяином какое-либо угощение. Но особенного размаха оно достигало на помочах второй группы, затеваемых по инициативе отдельного крестьянина (назовем их одно-разовыми в отличие от поочередных, где отдельные помочи входили в целую систему, заранее предусмотренную). Если в данной местности хозяин, выставивший обильное угощение, мог, по общему мнению, не считать себя обязанным впоследствии откликнуться на приглашения помочан на работу, то взаимность помощи выражалась лишь опосредованно, как и в случае организации общиной или группой крестьян помочи для кого-либо, попавшего в исключительные обстоятельства: вдове, сиротам, погорельцам, больному и т. п.¹⁴

Рассмотрение норм поведения тесно связано с анализом регуляторов этических традиций, и прежде всего общественного мнения. Регулирующая роль общественного мнения в сохранении этических традиций наиболее конкретно может быть выявлена в связи с вопросом об индивидуальной репутации. Что становилось предметом осуждения, а что вызывало одобрение и даже восхищение в своей этнической и социальной среде? При исследовании этого вопроса необходимо сочетание источников, отражавших идеалы крестьянства (преимущественно фольклор), с очень конкретными документами (волостные материалы, некоторые дела консисторий и приказов, общинные приговоры, краеведческие корреспонденции с мест), дающими достаточно репрезентативный набор разнотипных крестьянских репутаций.

Общественное мнение, регулировавшее сохранение и развитие этических традиций, формировалось в первую очередь в рамках общины. Мнение семьи, родственников за пределами семьи, ближайших соседей, деревни в целом и комплекса близлежащих деревень — все это также были регуляторы поведения, оказывавшие постоянное непосредственное воздействие на формирование и сохранение этических воззрений и соблюдение этических норм. Разумеется, конкретный комплекс деревень входил при этом в крупные социальные и этнические общности, являвшиеся создателями и носителями определенных взглядов и норм. Речь идет о социально-психологических механизмах, непосредственно воздействовавших на каждого крестьянина. В повседневном общении, во время коллективных работ и коллективных праздников регулярно и естественно демонстрировались нормы поведения, осуждались или подвергались коррективке отклонения от них, исподволь вызревали изменения. В этом смысле община имела отношение ко всем без исключения этическим традициям крестьянства. Но сверх этого существовал еще определенный круг этических и религиозно-этических вопросов, регулируемых специально принятыми решениями общины; существовали формы и нормы поведения, в которых община, выступая в качестве определенного

социального института, была в то же время непосредственным носителем этических норм.

Решение ряда вопросов на сходке общины зависело от репутации крестьянина. В таких случаях обычно скрытый механизм воздействия общественного мнения выступал в обнаженном виде, как и при обсуждении проступков общинников на сходке. Так, при назначении опекуна сиротам возникал вопрос о нравственном облике претендента. Выбор опекуна всецело зависел от общины. «Мир имеет право устранить от опеки не только близких родственников, но даже и мать, когда мать или родственники «ненадежные» или «непутевые» люди», — писал, например, корреспондент из Вяземского у. Та же оценка общины звучит в информации из Понехонского у.: если есть ближайший родственник, но «он человек неблагонадежный», то могут назначить опекуном постороннего — «по распоряжению общества и волостного правления». Бедняков избирают на сельском сходе опекунами, «если общество уверено в их неподкупной честности», — сообщал информатор из Вологодского у. В. В. Тенишев, обобщивший сведения об опеке, поступившие в Бюро, отмечал значение в глазах общины нравственного облика лиц, выбираемых опекунами¹⁵. Вор, неопытный и совершивший преступление под влиянием другого человека, встречал снисходительное отношение крестьян. Более того, отношение к пострадавшему тоже во многом зависело от его репутации в деревне.

Мнение, которое открыто и определенно проявлялось на сходке, складывалось в общине постепенно. Повседневная жизнь мира в достаточном количестве давала материал для формирования суждений соседей. Община являлась в этом отношении, по-видимому, достаточно гибким механизмом: репутация, даже документально зафиксированная на сходе, могла измениться. «Если бы заметили, что опекун чем-либо пользуется от имени, то донесли бы обществу, которое высаживает тотчас его и выбирает нового опекуна»¹⁶.

Изменения сложившейся в общине репутации отразились также в приговорах сходов, связанных со смещением ранее выбранных лиц. Избрание любого должностного лица или группы лиц сопровождалось составлением приговора, включавшего мотивацию выбора — положительную характеристику избранного, своего рода формулу доверия¹⁷. Понятие «формула» здесь уместно в виду повторяемости этих характеристик, кочевавших из одного документа в другой, их стереотипности. В силу условности формул доверия они не дают сведений об истинных причинах предпочтения, отданного тому или иному крестьянину. Но и они представляют определенный интерес как обобщенное выражение качеств, считающихся существенными для выборного должностного лица: «Поведения хорошего, в домашнем хозяйстве искусной, в штрафах и наказаниях не бывал и возлагаемую на него должность исправлять, без сомнения, может»; «вполне хорошего и трезвого поведения, под судом не состоявший»; «не моложе 25 лет и вполне честный, под судом и следствием не состоял»¹⁸ и т. п.,

Каждое выборное лицо получало формулу доверия подобного рода, но при смещении некоторых из них (например, смещение старост было явлением нередким) оказывалось, что община вынуждена проводить досрочные выборы «по неблагонадежности» прежде избранного лица, или «неспособности» к управлению, или из-за «бездеятельности по службе» и пр. Речь идет уже о недостатках, проявившихся во время исполнения выборной должности, на них и реагирует община. «Разумеется, эти мотивировки не всегда раскрывают истинные причины перевыборов, однако их широкое распространение позволяет говорить об определенной традиции»¹⁹.

Значение общественного мнения четко осознавалось крестьянами. Вынесение безнравственных поступков на суд мира осуществлялось не только разбирательством их на сходке, но и в других формах апелляции к соседям. По существу, любое сколько-нибудь широкое сборище в деревне (от крестин до поминок и от хоровода до помочей) могло послужить ареной для апелляции к общественному мнению. При этом широко использовались художественные формы для выражения претензии. Приходило на помощь то обстоятельство, что крестьяне в массе своей свободно владели множеством фольклорных форм, умели импровизировать в рамках структуры данного жанра. Претензия, выраженная в традиционной фольклорной форме, соответствующей обстоятельствам, считалась уместной там, где был бы совершенно невозможен прямой выпад «на людях».

Большой интерес в этом отношении представляют материалы, связанные с «вытьем» по покойнику. «Выли» (причитали) не только родственники, но и соседи. «Вытье» считалось данью уважения и любви к покойнику. По числу «воющих» женщин (не родственников) можно было определить, каковы были отношения умершего с соседями «Бывают случаи, что „воет“ вся деревня, но случается и то, что никто и рта не открое»²⁰.

Но не только проявление давно сформировавшейся и уже завершенной репутации имело место на похоронах; возможно, было и активное воздействие на общественное мнение в отношении живых. «Иногда вытье по покойнику служит предлогом для того, чтобы разнести „при народе“ своих недругов, особенно часто пользуются этим молодые быбы, терпице действительные или мнимые обиды в семье от мужа, свекрови и др. Придет такая, станет около покойника, пригорюнится, соберется с духом, да как „учнет“ выкладывать перед всем крещеным миром (нужно иметь в виду, что изба полна народу) в присутствии врагов своих все, что у ней накопилось, так те только корчатся от злости, молча проглатывая горькие пилюли». Корреспондент приводит текст причитания такого характера. Примечательно, что явление это отмечено наблюдателем как частое²¹.

Наряду с репутацией отдельного лица в общине, а отчасти и за ее пределами формировалась и довольно устойчиво сохранялась репутация семей, переходившая нередко из поколения в по-

коление. Наконец, и сама община имела определенную репутацию среди окружающих селений. Характеристики типа: «лучше мешковоского крестьянина никто не угостит» или «с вашими мужиками и заговорить-то страшно, стоят в церкви, точно купцы какие», — подмечали отдельные специфические черты традиций конкретного селения. Но, кроме того, существовала оценка селения в целом по общепринятой шкале нравственных ценностей, и о ней-то нередко проявляла озабоченность община в ходе обсуждения на сходке тех или иных вопросов. Характерен в этом отношении довод, приводившийся при увещевании сходом родителей девицы зазорного поведения: страдает репутация других девушек селения²².

Поведение на общем собрании членов общины (сходка, громада) не имело четкой традиционной регламентации, было достаточно произвольным для каждого крестьянина в отдельности и многообразным по стилю в целом — в зависимости от местной социально-психологической ситуации и характера обсуждаемых вопросов. Стиль поведения на сходке тесно связан с вопросом о степени демократичности этого органа, с конкретной расстановкой сил в данной общине на определенном этапе — соотношение влияния выборных лиц, зажиточной части крестьянства, основной массы общинников и их активных представителей. Следует иметь в виду также динамику этого соотношения в течение рассматриваемого периода.

Если сходка разбирала случай мелкой кражи, побоев или какой-либо другой обиды и виновный был уличен, то он, как правило, должен был просить прощения у стариков и особенно — у обиженного. Крестьяне придавали большое значение этому акту. Только после этого на него накладывался штраф: отсутствие чистосердечного раскаяния перед лицом мира существенно меняло решение сходки. Селенные сходы занимались иногда увещанием некоторых своих однодеревенцев. Если мир считал, что поступки кого-либо запятнали или могут запятнать репутацию всего селения, но в то же время они не считались крестьянами преступлением, то прибегали к публичному увещанию на сходке. Так делалось в случаях мелкой кражи у проезжих, пьянства и буйства, зазорного поведения девицы. В последнем случае «увещали» не самую девушку, а отца или мать, призывая их постричь свою дочь и поучить. Вопросы, связанные с честью девушки, могли по желанию обиженной рассматривать на сходке общины²³.

Исследование обычаев XVIII—XIX вв., связанных с непосредственным контролем общины за исполнением норм поведения (хозяйственные обычаи и обряды в начале и в конце сельскохозяйственных работ, братчины-кануны и пр.), показывает, что они осязались идеологией позднефеодального общества, испытывающего воздействие развивающихся капиталистических отношений. Это соответствует сущности общины в рассматриваемый период как органичного звена феодальной социально-экономической структуры, трансформирующейся по мере развития новых отношений. За глубокой традиционностью некоторых форм, элементов,

терминов в обычаях стоит конкретное историческое содержание (тоже традиция, но более позднего этапа общественного развития).

В силу специфики крестьянской этики представляется наиболее целесообразным строить изучение норм поведения данной возрастной или половозрастной страты в органичной связи с конкретными формами коллективного общения. Нормы поведения молодежи, например, определялись традициями, сохранявшимися и развивавшимися в рамках этнической и социальной общностей в целом; возрастная специфика вносила коррективы и дополнения в общую систему этических взглядов и норм поведения; зависимость от того, в ходе трудовых процессов или на досуге происходит общение, включала новые самостоятельные системы, воздействующие на поведение личности и коллектива (так, применительно к досугу включаются правила игры, закономерности художественного жанра, структура и семантика обряда и пр.). Учесть действие всех этих факторов в единой системе возможно, лишь воспроизводя конкретные формы общения. Например, хоровод в данной связи рассматривается как форма общения: его состав; сезонные, ритуальные, локальные изменения в составе; репутация и хоровод; половозрастные и социальные различия в нормах поведения в хороводе и пр. Такой подход позволяет, в частности, полнее выявить зависимости между определенными типами поведения и устойчивыми, повторяющимися социальными ситуациями.

Употребление термина «хоровод» в фольклористике, этнографии, искусствоведении и других науках многозначно. При исследовании этических традиций под этим термином подразумевается прежде всего один из видов общения крестьянской молодежи в свободное от работы время преимущественно под открытым небом (на деревенской улице, у околицы, в поле, на лугу и пр.), в специально для этого предназначенном или произвольно выбранном месте; это общение включает не только художественно-игровую форму главного движения по кругу с песнями, а иногда и сценическими действиями (т. е. хоровод в узком смысле слова), но и весь комплекс отношений непосредственных и косвенных участников этого собрания.

В самом широком своем значении термин «хоровод» может служить синонимом крестьянского понятия «улица» (ходить на улицу, ходить в хоровод; не пускать кого-либо на улицу, не пускать в хоровод и пр.), т. е. обозначать весь весенне-летний клуб, все весенне-летнее времяпрепровождение деревенской молодежи в разных его проявлениях. В источниках — как исходящих от самих крестьян, так и в описаниях наблюдателей — понятие хоровод (карагод, круг, танок) тоже встречается в узком, более широком и самом широком смысле.

Определенный круг традиционных этических представлений и норм был связан с составом хоровода. Девушки участвовали в хороводе всюду, повсеместно составляя его основу. Начинали ходить в хоровод с 12—13 лет, в других местах с 14—15. В иных местах ходить в хоровод начинали рано, но полноправными

участницами считались только с 16 лет. Для конкретной крестьянской девушки вопрос о посещении хоровода не всегда решался однозначно. В семьях, где росло двое или больше сестер, при решении этого вопроса вступали в силу представления о преимуществе старшей дочери в выборе жиниха и выходе замуж и оборачивались рядом ограничений для младших сестер. Сама молодежь звала в «игрицы» старшую дочь. Днем в хороводы старшая ходила в праздничной одежде, младшая — в будней. Иногда последняя и совсем не выходила днем в хоровод, особенно если была красивее старшей (в этих нормах следует обратить внимание также на различия в этике дневного и вечернего хороводов, имевших свои особенности). Если сестры бывали в хороводе вместе, то младшая (или младшие) не должна была разговаривать с парнями, играть или шутить с ними, ей полагалось молчать²⁴. Следовательно, модель поведения в хороводе не была одинаковой для всех девушек, даже в пределах одной и той же деревни. Она зависела в значительной мере от того, на выданье ли девушка или нет.

Молодые женщины почти всюду ходили в хороводы, но их выход в хоровод в особенно большой степени зависел от отношения к этому в их семье — мужа, свекра, свекрови и др. Не случайно эта тема постоянно обыгрывалась в песнях и пантомимах самого хоровода²⁵. Парни принимались в летний «клуб» молодежи в одних местах с 13, в других — лишь с 17—18 лет. И в том и в другом варианте возрастной ценз для мальчиков был несколько выше, чем для девочек. Имела значение не только местная возрастная традиция — сам характер участия в одном и том же селении в зависимости от возраста был различным. Подростки (как мальчики так и девочки) лишь допускались в хоровод; они должны были вечером рано уходить домой и участвовали далеко не во всех увеселениях молодежи. Более взрослые парни (как и девушки) были полноправными членами хоровода. Участие женатых молодых мужчин в хороводе не возбранялось крестьянской этикой, но отношение к их участию и соответствующие возрастные и прочие нормы имели много локальных оттенков. При всем многообразии в каждом конкретном месте представления о возможности участия той или иной группы были достаточно четкими. Парни из других селений в хоровод допускались, но не всегда и на разных условиях — в зависимости от характера посещения ими данной деревни или села. Если парень приехал в гости к родственникам (на храмовый праздник или какое-либо другое торжество), то он ходил и в хоровод, и на вечеринки без всякого выкупа. На храмовые (престольные) праздники такой «чужой» молодежи бывало в хороводе немало. Но парни, пришедшие из соседних деревень не в гости, а только погулять в хороводе, в особенности же в кругу, должны были дать выкуп местным ребятам²⁶.

Некоторые лица из «своей» молодежи, однодеревенские, не должны были ходить в хоровод в течение определенного времени в силу существовавших запретов нравственного и судебного характера. В крестьянской среде бытовало представление, что после при-

нения причастия человек не должен петь, выходить на «улицу» и плевать. Молодежь стремилась причаститься на первой неделе великого поста, чтобы на пасхальной неделе принять участие в хороводах и играх. Кроме того, некоторым лицам за безнравственные поступки запрещалось показываться в хороводе по специальному приговору общины или по существовавшему обычаю. Старшее поколение присутствовало около хоровода в качестве зрителей, особенно во время праздничного хоровода — на храмовый праздник, когда в деревне было много гостей. В будний день зрителей было меньше. Чинный стиль вокруг хоровода соблюдался преимущественно на дневных хороводах. Около вечернего хоровода мог быть «крик, шум, гам», допускались вольности. Наблюдатели не были пассивным фоном хоровода²⁷. Мы имеем в виду не только и не столько отдельные случаи активного вмешательства (например, в случае драки в хороводе «окружающие мужики» наводили порядок) — это исключительная ситуация, сколько влияние мнения старших зрителей. Здесь они представляли общественное мнение мира. Оно проявлялось и в непосредственных реакциях, поощрениях, например, лихих плясунов и плясуний, и в последующих «пересудах» — репутация девушки или парня формировалась, разумеется, не только в кругу молодежи.

Мы проиллюстрировали лишь некоторые возможности историко-этнографического исследования этических традиций, выделив вопросы из разных сфер общественного быта. Основной круг проблем, методы и типы источников для такого исследования сходны для всех трех восточнославянских народов в силу их этнической близости и общности социально-экономического и политического развития. Это не снимает, разумеется, задачи выявления этнической, локальной и социальной специфики конкретных этических традиций.

При всей устойчивости традиционных норм поведения исследование их предполагает анализ динамики, и в этом отношении выделенный период благоприятен как по обеспеченности разновременными источниками, так и по сути социальных процессов.

¹ Отдельные собиратели материала по анкете В. Н. Татищева в 30—40-х годах XVIII в. сочетали изучение документации воеводских канцелярий с непосредственным наблюдением и опросом местных жителей, при этом имена некоторых информаторов указывались в описании. См.: *Миненко Н. А.* «Описания» Томского и Кузнецкого уездов геодезиста Ивана Шишкова как историко-этнографический источник. — В кн.: *Сибирское источниковедение и археология*. Новосибирск, 1980, с. 73—80.

² *Зеленин Д. К.* Описание рукописей ученого архива Русского Географического общества. Пг., 1914—1916. Вып. I—III.

³ *Тенишев В. Н.* Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России. Смоленск, 1897; *Начинкин Н.* Материалы этнографического бюро В. Н. Тенишева в научном архиве Государственного музея этнографии народов СССР. — СЭ, 1955, № 1, с. 159—163; *Громыко М. М.* Этические традиции русских крестьян XIX в.: Проблемы и источники исследования. — СЭ, 1979, № 5, с. 43—45.

⁴ ПГАЛИ, ф. 1235 — И. С. Абрамова; ГЛМ, ф. 14 п 21 — Лебедевой Н. И.; ГПБАН УССР, ф. Петрушевича А. С.

- ⁵ Филиал ЦГИА УССР в Харькове, ф. 794 — Н. Ф. Сумцова; ГПБ АН УССР, ф. Я. П. Новицкого и К. М. Сементовского; ГЛМ, ф. 13 — Д. П. Ознобшина; ИРЛИ, ф. 213 — Д. П. Ознобшина.
- ⁶ Так, например, в период подготовки и проведения реформы П. Д. Киселева большое количество приговоров было собрано в ходе ревизии государственных имуществ. См.: ЦГИА, ф. 1589 — V отделение С. Е. И. В. К.; 383 — Первый департамент Министерства Государственных имуществ; ЦГИА УССР, ф. Киевской и Подольской палат земледелия и государственных имуществ; ЦГИА БССР, ф. Могилево-Черниговского управления земледелия и государственных имуществ и др.
- ⁷ Так, исследование больших крестьянских семей и семейных гнезд как социальных групп, а также изучение социальных функций родственных отношений требует использования генеалогического материала, применения методик именных картотек и генеалогических схем (см.: *Громыко М. М.* Социально-экономические аспекты изучения генеалогии непривилегированных сословий феодальной Сибири. — В кн.: История и генеалогия. М., 1977, с. 197—236). Изучение семьи как общности, обладающей чертами формальной и неформальной групп, нуждается в привлечении в качестве источника обычного права и применении разработанных в истории и источниковедении методов и методик анализа. См.: *Александров В. А.* Семейно-имущественные отношения по обычному праву в русской крепостной деревне XVIII—начала XIX в. — История СССР, 1979, № 6, с. 37—54.
- ⁸ Среди этих средств выявляется и устойчивая персонификация в деревне ролей ведущих исполнителей обрядового фольклора. Например, одни и те же лица постоянно бывали дружкой, свахой жениха, свахой невесты и т. п. Такие крестьяне, обладающие необходимым набором сведений, — носители традиции, хранители эталонов, блюстители обычая, представляющие общину в семейных событиях. Нередко также персонифицированы были и роли в некоторых календарных обрядах — «русалки», «масленица» и пр.
- ⁹ *Сказкин С. Д.* Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968, с. 110—111, 127.
- ¹⁰ *Сергпутовский А.* Очерки Белоруссии. — Живая старина, 1907, вып. 3/4, с. 210—211; *Рыльский Ф. Р.* К изучению украинского народного мировоззрения (экономические отношения). — Киевская старина, 1903, № 5; Нежинский уезд: Статистико-экономическое описание с проектами оценки недвижимых имуществ уезда. Киев, 1980, с. 107—108; *Громыко М. М.* Обычай помочей у русских крестьян в XIX в.: (К проблеме комплексного исследования трудовых традиций). — СЭ, 1981, № 4, с. 26—38; № 5, с. 32—46.
- ¹¹ ГАНО, ф. 105 — Чаусский острог, оп. 1, д. 2, л. 264; ГААК, ф. 1 — Канцелярия Кольвано-Воскресенского горного начальства, оп. 1, д. 224, л. 318.
- ¹² ЦГАДА, ф. 517 — Кузнецкая воеводская канцелярия, оп. 1, ч. 1, до 691, л. 1—46.
- ¹³ ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 9, л. 16, д. 1564, л. 18; д. 1177, л. 12; ЦГИА, ф. 91, оп. 2, д. 776, д. 20—22.
- ¹⁴ ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 5, л. 13—14; д. 399, л. 17—18; д. 510, л. 4; д. 1101, л. 1; д. 643, л. 1—3, д. 928, л. 15—17; д. 1736, л. 19—20; д. 1740, л. 5; д. 1444, л. 19; ЦГИА, ф. 381, оп. 47, д. 1475, л. 92.
- ¹⁵ ПМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 1533, л. 4; д. 1762, л. 1; д. 121, л. 2; *Тенишев В. В.* Правосудие в русском крестьянском быту: Свод данных, добытых этнографическими материалами покойного князя В. Н. Тенишева. Брянск, 1907, с. 56—57.
- ¹⁶ ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 121, л. 6; д. 1533, л. 2 и др.
- ¹⁷ *Громыко М. М.* Территориальная крестьянская община Сибири (30-е годы XVIII—60-е годы XIX в.). — В кн.: Крестьянская община в Сибири XVIII—начала XX в. Новосибирск, 1977, с. 35—36.
- ¹⁸ ГАТО, ф. 56 — Бийское волостное правление, оп. 1, д. 16, л. 15—16, 18—19 об.; *Алексейченко Г. А.* Приговоры сельских сходок как источник

по истории крестьянской общины в России второй половины XIX в. — История СССР, 1981, № 6, с. 121.

¹⁹ Алексеевченко Г. А. Приговоры. . ., с. 121.

²⁰ ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 1549, л. 9.

²¹ ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 1549.

²² ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 911, л. 25; д. 1045, л. 7; д. 1809, л. 4—5.

²³ АГО, разр. 9 — Воронежская губ., оп. 1, д. 9, л. 26—26 об.; ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 1101, л. 1; д. 1809, л. 4—5; д. 1103, л. 19—21; д. 1109, л. 1.

²⁴ ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 1735, л. 4; д. 1451, л. 45; д. 526, л. 8—9; д. 1086, л. 5.

²⁵ АГО, разр. 9, оп. 1, д. 4, л. 7; разр. 15 — Калужская губ., оп. 1, д. 21, л. 21; д. 46, л. 10; ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 986; л. 10; д. 1431, л. 7—9; д. 1057, л. 1.

²⁶ ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 8, л. 16—17 об.; д. 11, л. 3; д. 18, л. 17; д. 634, л. 39; д. 1057, л. 1; д. 1088, л. 12; д. 1431, л. 22. Заслуживает внимания понятие «первая пара хоровода», которое связывается с ролью вожака в молодежной компании. Хоровод жил своей сложной внутренней жизнью, в которой, естественно, проявлялись взаимоотношения, выходявшие далеко за пределы однодневного увеселения.

²⁷ АГО, разр. 9, оп. 1, д. 4, л. 18 об.; ГМЭ, ф. 7, оп. 1, д. 1109, л. 1; д. 11, л. 3—3 об.

С. Б. Рождественская

ПРОЯВЛЕНИЕ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В СОВРЕМЕННОМ НАРОДНОМ ИСКУССТВЕ

Генетическая общность художественной культуры восточных славян проявляется в современном народном искусстве одними и теми же образами и стилистическим сходством их воплощения, близостью форм многих бытовых предметов и предпочтительностью определенных цветовых сочетаний, а также одинаковыми техническими приемами изготовления художественных изделий.

Эта общность проявляется как в изделиях художественных промыслов (развитие народного искусства в организованной форме под направляющим воздействием художников-профессионалов), так и кустарного производства, а также в народном зодчестве, где мастера работают без руководства художников или искусствоведов. Так, в украшениях жилища русских, украинцев и белорусов присутствуют солярные розетки, выполненные идентичным способом и имеющие сходные места размещения на домах, ромбы, S-образные завитки, «червонки», известные еще по византийским иконам, элементы растительного орнамента (побеги с листьями, цветы) с включением зооморфных изображений.

Если обратиться к современным керамическим промыслам, то проявится схожесть форм сосудов, а в отдельных центрах — и их декорировки. Столь же ярко в текстильных промыслах (ткачество, вышивка) проявляется общность цветовой гаммы и рисунков, в одних случаях наблюдается чередование широких и узких

полос, в других — развитие ромбического орнамента. Например, узоры гуцульских килимов (лижников из Косова Ивано-Франковской обл. с геометрическим орнаментом, включающих «ромб с крючками», или из с. Глиняны Львовской обл.) с полосой идентичны узорам русского ручного ткачества. Сходны и способы использования «традиционного текстиля» в современной одежде в России, на Украине и в Белоруссии.

Если обратиться к современному промыслу украшения деревянных изделий резьбой, то розеточный и ромбический орнаменты (древнейшие по образному строю) будут сходны у всех восточных славян, несмотря на наличие других мотивов орнамента и особых технических приемов его воплощения, развившихся лишь в отдельности у каждого из трех народов (гуцульская ювелирно-тонкая резьба на тарелках, бочонках, шкатулках или абрамцево-кудринская плоскорельефная (заоваленная) резьба на подобных предметах).

Отдельные современные промыслы по разнообразию изделий и технических приемов их изготовления являются более развитыми у одного и менее — у двух других народов (как это было и в XIX в.). Например, использование соломы в качестве материала при изготовлении игрушек и бытовых предметов или для инкрустации по дереву более всего развито в Белоруссии и менее — в России. Белорусские изделия из соломы (фигурки женщин, коней, петухов, инкрустированные шкатулки) сейчас всемирно известны. Лаконизм фигурок, разнообразная сложная техника плетения, а в инкрустации — эффектное сочетание золотого цвета соломы с темно-коричневым (тонируемым) цветом дерева обеспечивают тот уровень художественности, который вызывает спрос и создает им популярность. У русских Новгородской и Вологодской губерний инкрустация соломкой использовалась во второй половине XIX — начале XX в. при украшении прялок, называемых «золотянками». В Вятской же губернии было развито производство коробочек для рукоделия и разных шкатулок из колотой и крученой соломы. Как ранее, так и в наши дни в Кировской обл. и в Белоруссии выпускают инкрустированные шкатулки со сходным геометрическим орнаментом, восходящим к древности. Но более высокий уровень художественности этого белорусского промысла связан с его непрерывным длительным развитием, о чем говорит, в частности, наличие такого шедевра, как врата XVIII в. из крученой соломы, которые хранятся сейчас в Гродненском музее, или тот факт, что в XIX — начале XX в. существовал обычай изготавливать к зимнему солнцевороту «павуков» — изображения солнца из соломы, которое подвешивалось к потолку дома в эти дни.

Были ли в древности у восточных славян изделия из соломы — неизвестно. Однако образный строй современных соломенных объемных изделий, как и орнамент инкрустированных, — архаичны и сходны у русских и белорусов. Проявление общности художественной культуры восточных славян, восходящей к древ-

ности, в наши дни выступает в народном искусстве со всей очевидностью. Вместе с тем исследование этого явления представляется достаточно сложной задачей, ибо требует вычленения из инноваций разных периодов, появившихся в результате взаимовлияний народного искусства русских, украинцев и белорусов, общности, идущей из древности (эпохи Киевской Руси).

Вопросы декоративного искусства Киевской Руси разработаны учеными в разных аспектах. Однако все же полной картины художественной культуры древнерусского государства у нас пока нет и, очевидно, ее и невозможно воссоздать из-за объема и характера источников, которыми мы располагаем. Широко изучены отличия городского и сельского производства художественных изделий Древней Руси с особенностями эстетической значимости их, определены районы локальных художественных культур как вариантов древнерусской культуры и отмечены те изделия (или общие черты в декоре разных изделий), которые обнаружены у отдельных групп славян, проживающих в разных, далеко друг от друга отстоящих регионах. И все же эти данные, как и все материалы по средневековой, фрагментарны, и, только прибегая к интерполяции, мы можем сопоставлять их с традиционной художественной культурой восточных славян второй половины XIX — начала XX в. и с современным народным искусством.

Таким образом, ограниченность источников по древнему периоду — это первое препятствие, создающее сложность рассмотрения проявлений генетической общности художественной культуры восточных славян в современном народном искусстве. Второе препятствие — недостаточная изученность этнических и культурно-бытовых процессов, определявших развитие народного искусства в каждом из периодов истории народа. Без конкретного знания того, как протекали эти процессы, мы не можем с научной достоверностью судить о том, что является в народной художественной культуре наших дней результатом сохранения и длительного внутреннего развития народного изобразительного творчества Древней Руси, что привнесено в него из других сфер (профессионального искусства и искусства других народов) и, главное, что внедряется в него ныне массой художников-профессионалов и искусствоведов, создающих для мастеров промыслов образцы изделий. Здесь может проявиться как нарочитое, искусственное создание элементов, общих для всех восточных славян, так и элементов, отображающих обособленность путей развития художественной культуры того или другого из восточнославянских народов.

Художественная культура органически входит в единый культурно-бытовой комплекс, который формируется в определенных экологических условиях, под влиянием этнических, исторических, социально-экономических и идеологических факторов. Каждый из этих факторов может прямо воздействовать на отдельные элементы культурно-бытового комплекса: на хозяйственные занятия, традиционные социальные институты, мировоззрение, материальную культуру, бытовой уклад и т. д. Но в связи с тем, что все

элементы материальной и духовной культуры определенной этнической общности взаимосвязаны друг с другом, т. е. представляют определенную систему, изменение одного из элементов влечет за собой изменение остальных и всей структуры культурно-бытового комплекса в целом, вплоть до изменения всего образа жизни этнической общности, что отражается в художественной культуре.

Влияние одних и тех же факторов, действующих в разных этнических средах и культурно-хозяйственных зонах, неодинаково. Так, у восточных славян-земледельцев в период феодализма сложился определенный образ жизни, связанный с замкнутым натуральным хозяйством, развитием в нем домашних промыслов и ремесел. В связи с этим культура и быт народов имели ярко выраженные локальные черты этнического своеобразия и внутри крупных этносов, поэтому многие этнографические группы имели своеобразную художественную культуру. Развитие капитализма с появлением промышленного производства товаров и постепенным проникновением капиталистических отношений из городов и центральных областей в периферийные районы в одном и том же направлении влияло на их культуру и быт. Однако под воздействием социально-экономических процессов изменения сложившихся форм культуры и быта приводили к появлению новых, но не единообразных форм культуры и быта, так как капитализм трансформировал не единый материал.

Конкретный материал по генетической общности современного народного искусства восточных славян, очевидно, следует рассматривать в свете специфики собственно этнических процессов и широких культурно-бытовых, социально-экономических и многих других. Вместе с тем изменения форм культуры и быта народов при всем их многообразии можно разделить на две группы. Одни изменения определяются развитием этноса как определенной общности или этническими взаимовлияниями; другие — историческими и конкретно-экономическими факторами, действующими в определенном направлении на все этносы в рамках социально-экономических формаций (с особенностями соотношения разных факторов на различных стадиях развития каждой формации). Таким образом, этнические и культурно-бытовые процессы как бы «накладываются друг на друга», «перекрывают» друг друга, причем в одном случае этнические процессы могут быть шире культурно-бытовых, в другом, наоборот, культурно-бытовые — шире этнических.

Это можно рассмотреть на материале судеб народного зодчества. Среди культурно-бытовых процессов, влияющих на декор современного жилища, можно выделить те, которые обусловлены традиционными и новыми взаимовлияниями художественных традиций, и те, которые стимулируются факторами, влияющими в одном направлении на все этнические художественные традиции народов нашей страны. В 1920—1930-х годах влияние социально-экономической перестройки общества проявлялось в изменении

приемов декора и в известной трансформации традиционного орнамента.

На развитии декора жилища сказалось состояние экономики страны, возрождавшейся в первое десятилетие после разрухи, а затем прошедшей столь важный период коллективизации и индустриализации. Важным для судеб традиций в архитектуре было то обстоятельство, что промыслы, изделия которых шли на экспорт и удовлетворяли бытовые потребности населения в первое десятилетие Советской власти, успешно развивались, ибо со стороны государства им оказывалась большая поддержка. Сохранение всего комплекса народной художественной традиции в промыслах благотворно влияло на декор в архитектуре, ибо народные зодчие жили в среде единой художественной культуры (изделия промыслов, орнаментально украшенные жилища второй половины XIX — начала XX в.).

На декор современного русского жилища влияет массовое жилищное строительство, в том числе и индивидуальных домов. Влияет также новое отношение трудящихся деревни и города к народной художественной культуре, бережное отношение к художественному наследию, новый духовный облик нашего современника. Этим обусловлено как развитие народной художественной традиции в декоре индивидуального жилища вне зависимости от того, строится ли оно по канонам народного зодчества или по профессиональным проектам, так и широкое использование элементов народной художественной традиции при сооружении некоторых типов зданий общественного назначения (вторичная жизнь традиции).

Анализ современной художественной традиции в архитектуре показывает, что природный фактор, действуя прямо, определяет материал, из которого создается жилище. Действуя опосредованно, через восприятие творцов и носителей традиций, фактор «природная среда» определяет образный и колористический строй художественных произведений. Материал, из которого строится жилище, определяет технические приемы. Природный фактор во взаимодействии с социальным определяет развитие народной художественной культуры. Так, например, сначала на Украине, а затем и в южнорусском регионе истребление лесов, повлекшее нехватку привычного для восточных славян материала, употребляемого для постройки жилища, сказалось на появлении в народной архитектуре новых материалов и соответственно не только новых приемов, но и новых видов и принципов украшения жилища — кирпичных домов, орнаментированных поребриком, фигурным кирпичом, лепниной, а в настоящее время — штамповкой по сырой штукатурке (симптоматично, что иногда в штампованных узорах появляются «копии» деревянных наличников. Например, дом Саяпиных в с. Кулеветово Сосновского р-на).

В деревянном жилище, которое реже «обновлялось» (заменялось), сохранялись более архаичные формы орнамента — ромбический в первую очередь. Нехватка необходимого по качеству

леса для изготовления украшений ограничивала творческие поиски мастеров декора.

В то же время в северном, северо-западном и северо-восточном регионах, где народные традиции в художественной культуре населения сохранились полнее (из-за более раннего заселения края и меньшей подвижности населения), чем в южнорусском регионе, геометрического, скупого, архаического элемента в образном строе украшений рядового крестьянского жилища не прослеживается; обилие леса вело к интенсивному развитию зодчества с выбором наиболее эффектных, затейливых образов, корни которых восходят к эпохе расселения славян на этой территории.

Социально-экономический фактор влиял на развитие традиции в народной архитектуре постоянно, прямо и опосредованно. Так, например, постоянно в дореволюционном прошлом русских, украинских и белорусских крестьян формы зависимости (крепостной: барщинные или оброчные повинности, или экономического закабаления) дифференцированно влияли на регламентацию сельского быта в целом, на их творчество в области развития народных традиций.

Прямое воздействие этого фактора выражалось в том, что при «непосредственной близости» владельца к крестьянину первый определял через своих управляющих отпуск леса на строительство и отведение места под усадьбу; община черносошных и оброчных крестьян сама решала эти вопросы.

Опосредованно этот фактор влиял на степень духовного угнетения крестьян, ибо барщинные в отличие от оброчных были в более униженном положении, причем все их время практически распределялось управляющим аппаратом владельца (или им самим) в интересах помещичьего хозяйства.

У крестьян, относившихся к разным разрядам и принадлежавших помещикам, монастырям, государству, были различные возможности украшения своего жилища как по соответствию материальному уровню, так и по времени, которое они могли этому уделить. Внутри разрядов крестьян были различия такого же рода. Так, среди помещичьих (частновладельческих) оброчные крестьяне имели гораздо больше возможностей распределять свое время и средства по сравнению с барщинными крестьянами, что, бесспорно, влияло на развитие украшений их жилища. На творчество крестьян в зодчестве влияла и бытовая сфера — вся духовная, материальная и социальная традиционная культура. По принципу обратной связи мир художественной культуры, созданный крестьянами, влиял на их дальнейшее художественное творчество, что привело к сложению единой в ее многовариантности художественной культуры в сфере зодчества.

В современном обществе с усложнившейся социальной жизнью большое количество самых разнообразных факторов постоянно и одновременно, прямо и опосредованно влияет на развитие народной архитектуры, на изменение всех элементов жилого комплекса индивидуального жилища. Это проявляется как в большей

его комфортабельности, так и в развитии художественных традиций, идущих издревле. Один из постоянно действующих факторов — повышение материального благосостояния населения, проживающего в сельской местности; другой фактор — развитие промышленности, производящей строительные материалы, и улучшение снабжения ими сельского населения.

На судьбы народной художественной традиции в зодчестве восточных славян трагически повлияла Великая Отечественная война и, как следствие, — уничтожение большей части жилищного фонда в Белоруссии, на Украине и в западной части России (как в сельской, так и в городской местности). Все это привело к тому, что среда бытования традиции была разрушена. Не только экономические трудности послевоенного времени, связанные с восстановлением народного хозяйства и гибелью на фронтах войны большого числа мастеров-умельцев, являвшихся носителями народной художественной культуры, но и разрушение на большой территории домов, относившихся по времени строительства к разным периодам, декор которых был объединен локальными традициями, ликвидировало естественную среду, формирующую у населения критерии красоты в украшении жилища.

Хотя государство вложило огромные средства в восстановление жилого фонда на территориях, временно оккупированных фашистами, однако утраты, понесенные художественной традицией, невозможно было восполнить.

В настоящее время уровень материального благосостояния приводит к тому, что декору жилища население придает большое значение, уже проявляется интерес к локальным, региональным традициям, что выражается в предпочтении мастеров, владеющих этими традициями.

Опосредованно социально-экономический фактор многообразно влияет на развитие традиции в зодчестве. Повышение культурного уровня населения с приобщением ко всем видам профессионального искусства обуславливает иное отношение народных мастеров к традиции по сравнению с мастерами прошлого. Существует мнение, что традиция хранится лишь в среде мастеров старшего поколения (того возраста, представители которого насчитываются единицами, — из тех, кто родился и жил в начале XX в. в глухих селениях, сохранявших традиционный бытовой уклад со всем комплексом традиционной художественной культуры), т. е. в среде стариков-плотников и резчиков старше 80 лет. Однако, как показали собранные в экспедициях по России и Украине и в командировках в Белоруссию материалы, от мастеров этого поколения современные мастера воспринимали и сохраняют традиции уже сознательно, как ценное наследие. Мастера более молодых возрастов, живущие в сельской местности в среде традиционно украшенного жилища, в живой преемственности от поколения к поколению хранят и развивают художественную культуру. В настоящее время средний возраст мастеров, украшающих жилище традиционным декором, — тридцать—сорок лет.

Современные мастера, получившие образование, имеющие в большинстве профессиональную подготовку в областях прямо не связанных с их творческой деятельностью в зодчестве, относятся к народной художественной традиции, как к сокровищнице, из которой они черпают, собирая лучшие традиционные образцы украшений, овладевая «секретами» мастерства, совершенствуя инструменты, изобретая приспособления — «малую механизацию».

Состояние народной художественной традиции в зодчестве показывает, что при противоречиво влияющих на искусство архитектурного декора факторах равнодействующая всех влияний способствует поступательному развитию традиции в зодчестве, что народная художественная культура в архитектуре интенсивно развивается.

Можно также рассмотреть проявления генетической общности художественной культуры восточных славян в промыслах и творчестве кустарей. Однако это, как и выше приведенный материал по отдельным этнокультурным процессам и их воздействию на народную архитектуру, лишь тогда даст научно обоснованные выводы, когда будут полно разработаны этнокультурные процессы. В настоящее время очень важно глубоко исследовать все виды современного народного искусства восточных славян с целью выявления факторов, способствующих развитию в нем традиций, идущих издревле, и факторов, тормозящих его развитие или фальсифицирующих подлинные ценности народной художественной культуры — наследство всей истории развития восточных славян.

В. Е. Гусев

ФОЛЬКЛОР КАК ФАКТОР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОВРЕМЕННЫХ КУЛЬТУР ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Проблема взаимосвязей в фольклоре восточнославянских народов неоднократно обсуждалась в советской науке. При этом отмечалась характерная для современности тенденция — усиление взаимодействия и сближение национальных традиций¹. Более того, некоторые фольклористы приходят к выводу, что в развитии социалистической культуры фольклор выполняет интеграционную функцию². Современная фольклористика, на наш взгляд, не может довольствоваться широкими обобщениями в масштабах национальных культур в целом и нуждается в конкретных исследованиях отмеченных процессов, в установлении не только общих, но и специфических закономерностей, с учетом региональных и локальных особенностей.

Внимание фольклористов славянских стран все больше при-

влекает народная культура так называемых лимитрофных этнических областей, т. е. районов, пограничных между различными народами, где разнородные в лингвистическом отношении группы населения находятся в непосредственном соприкосновении, вступают в постоянные культурные контакты³. Особый интерес при этом вызывают процессы в культуре этнически родственных народов. Генетическая общность и сходство исторических судеб, длительные контакты и взаимодействие культур в районах непосредственного соседства этих народов создавали и создают благоприятные условия для образования прочных межэтнических связей в их фольклоре, общего или сходного репертуара и в конечном счете — для формирования своеобразной художественной целостности. Однако этот процесс оказывается более сложным, чем он может представляться на первый взгляд. Поэтому необходимы тщательные исследования на материале разных лимитрофных этнических областей. Настоящий доклад является лишь одним из первых шагов в этом направлении.

Предмет нашего исследования — современное состояние песенного фольклора белорусского, русского и украинского народов в смежных районах их современных этнических территорий, причем изучались не только традиционные формы бытования фольклора, но и освоение его художественной самостоятельностью, а также включение его в сферу средств массовой коммуникации.

Приоритет в постановке проблемы на материале песенного фольклора этого региона принадлежит белорусскому фольклористу-музыковеду В. И. Елатову, который, однако, смог охватить сравнительно небольшое количество населенных пунктов и ограничился лишь традиционным фольклором⁴. Кроме В. И. Елатова, обследование отдельных районов региона ГБЧ производили многие фольклористы, хотя и без единой научной программы⁵. Нами учитывались как печатные источники, так и материалы некоторых экспедиций, а также велись собственные полевые наблюдения и сбор материалов⁶.

*

Регион ГБЧ охватывает восточную, периферийную, часть более обширной области — Полесья и прилегающие к ней западную часть Брянщины и северо-западную часть Черниговщины, т. е. Правобережье и Левобережье Днепра от впадения в него Березины до Припяти, нижнее течение Сожа и его притоков Ипути и Беседи, среднее течение Десны и бассейн ее северного притока Снова⁷. В этногенетическом отношении коренное население этого региона восходит к племенным союзам дреговичей, радимичей и северян (в области их соприкосновения и смешения), в историческом отношении — к той части древнерусской народности, которая консолидировалась в пределах Черниговского, Новгород-Северского и Стародубского княжеств Киевской Руси. Процесс дифференциации древнерусской народности протекал здесь в слож-

ных и неблагоприятных исторических условиях, что, с одной стороны, способствовало сохранности в культуре местного населения некоторых исконных элементов, а с другой (вследствие неоднократных перемен в государственной и административной принадлежности отдельных районов) — периодическому преобладанию воздействия на местную традицию то литовской, то польской, то белорусской, то украинской, то русской национальных культур. Все это обусловило весьма сложное соотношение различных этнических элементов и традиций в современном фольклоре местного населения.

В. И. Елатов, сопоставляя исследованные им фольклорные явления, пришел к заключению, что если раннетрадиционные песни населения региона в большей степени соответствуют аналогичным жанрам белорусского фольклора, то позднетрадиционные песни (лирика, баллада, солдатские песни) ближе русской и украинской песенным культурам⁸. Наряду с общими для всего региона песнями автор выделяет песни «сугубо местного репертуара, отличающиеся как своеобразными сюжетами, так и оригинальным мелодическим содержанием»⁹. Эти выводы подтверждают основной тезис, высказанный в предисловии, где регион ГВЧ характеризуется как зона «совместного творчества, конкретный национальный приоритет которого определить бывает порой почти невозможно»¹⁰.

Своеобразие местного фольклора, особенно в календарно-обрядовых и семейно-обрядовых песнях, отмечают и другие белорусские фольклористы — Г. А. Барташевич, Л. Л. Демяней, В. А. Захарова, К. П. Кабашников, Р. М. Ковалева, Р. И. Ярославцева¹¹. Специальные исследования украинских фольклористов позволили авторам коллективной монографии дать следующую общую характеристику современного народного творчества в интересующем нас регионе: «Население городов и сел, граничащих с РСФСР, использует во всем жанровом разнообразии традиционные и современные украинские и русские народно-поэтические и литературные произведения. В соседних с Белорусской ССР селах <...> одинаково бытуют украинские и белорусские песни» (при этом признается условность такого различия, поскольку песни исполняются «на своеобразном местном говоре как теми, кто считает себя украинцами, так и теми, что называют себя белорусами») ¹².

Опубликованные и архивные материалы, а также наши полевые наблюдения позволяют утверждать, что в регионе ГВЧ сложилась жанровая система песенного фольклора, в целом не отличающаяся от жанровой системы национального фольклора белорусского, русского и украинского народов: здесь представлены все циклы календарно-обрядовой и семейно-обрядовой песенности, баллады, традиционная и более поздняя лирика, романсы, частушки (припевки). Однако соотношение отдельных видов различно в разных зонах и даже регионах, а современное состояние фольклорной традиции отражает разрушение этой системы, выпадение некоторых ее составных частей, неравномерную сохранность

отдельных жанров и составляющих их произведений. Бытование лишь немногих жанров поддерживается традицией пародной обрядности (колядование, свадьба, похороны). Вместе с тем в регионе почти полностью отсутствуют или очень редко встречаются некоторые песенные виды и произведения, характерные для того или иного национального фольклора в целом. Так, в белорусской зоне региона собиратели не зафиксировали воловьи песни, редко удаётся услышать купальские, осенние (конопельные), родинные; в русской зоне слабо сохраняются или вовсе забыты масленичные или покосные песни¹³.

Тем большего внимания заслуживает хорошая сохранность некоторых произведений в песенном репертуаре местного населения. До сих пор сохраняются в памяти старшего и отчасти среднего поколений песни зимней календарной обрядности (их знают и исполняют также дети), весенние «заклички», хороводные, жнивные, свадебные песни, баллады, традиционная лирика, особенно популярны поздняя лирика и романсы. В обследованных нами местах всегда удавалось записать колядки и «щодры», веснянки, русальные («грянё») и жнивные песни, баллады, особенно много хороводных песен. Из распространенных в регионе песен назовем*: святочную «Што у на́шага <. . .> (имя. — В. Г.) вумная жа́на», закличку «Ой, вясна́, вясна́ вясёлая», весеннюю лирическую «Чаго́, вясна́, на н́из пашла́», игровую «Дрэ́мля дра́ма над кужэ́лей сё́дзячы», хороводную «А ў крыво́га танка́ хто не вы́ведзе венка́», русальную «Вы́яду руса́лку у цёмны бор», жнивную «Пара́, ма́ці, жы́та жа́ці»¹⁴, как покосную — «У чы́стам по́лі, у шырба́м раздо́бллі» (в разных диалектных вариантах)¹⁵.

Большую историко-культурную и художественную ценность представляют хороводные песни. Во многих местах региона вождение хороводов бытовало вплоть до Великой Отечественной войны. Особенно хорошо цикл весенних хороводных песен сохранился в селах Ветковского и Лоевского районов Гомельской обл., Красногорского и Стародубского районов Брянской обл. РСФСР, Городнянского и Семеновского районов Черниговской обл. СССР¹⁶. Хороводам на праздник вознесения («Уцёсце») предшествовало массовое шествие молодежи по улицам села рядами («шарункамі») под песню «Пу́щу стрелу́ по́ всему́ селу́» («Як пу́щу́ стралу́ да ўда́ль сяла́», «Як пу́щу́ стралу́ ды па ўсяму́ сялу́», «Як пу́щу́ стралу́ удо́ль па ў́лицы», «Ой, ишла́ стрэ́ла у кане́ц селá», «Хоть ишла́ стрэ́ла са все́го селá», «Да ле́ці, стрелá, да и вдо́ль селá», «Лі́тіла стры́ла у коне́ц селá» и т. п.). Поэтому и само шествие и последующие действия и хороводы называются здесь «водить стрелу»¹⁷.

Репертуар хороводных («карагодных») песен в регионе весьма разнообразен: «Вдо́ль па мо́рью, мо́рью с́інему», «Не жа́р за́гаряе, не жа́р за́гаряе, Па́н па ры́нку хо́дзі, па́ню выби́рае», Я учо́ра

* Здесь и далее местный говор воспроизводится в упрощенной транскрипции. Редукция гласных в песенных текстах не отмечается, поскольку при распеве она утрачивается. Звук «г» всюду фрикативный.

з вячора немношка гуляла», «А у майго татки да жыць харашо», «А сечі дэревце, калі хіліца», «Ой, шла малодка сы гасцей», «На ўлице дэвки гулялі, гулялі», «На рэчке, на рэчке там дзеўка гуляла», «Што па траве, па траве, зялёнай мураве», «Што и на нашай ўлицы, на зялёнай муравце», «Ой, я по лугу хажу, я каліначку ламлю», «А як жа мне, мамачка, старога любіць», «Ой, павейце ка, ветры буйныя» («Ой, не вейтеся, ветры буйныя»), «Шнуры май, шнуры май на Дунаечку плылі», «Ой, хаділа дэвачка ой на даліначке», «Ой, ты саду, ты мой саду, винаграду», «Па гарэ хажу, я рамён сажу», «Ой, лука май, лука зялёная, трава шелковая», «А идіте, дэвачкі, памалюсеньку», «На Янкавай пашні дзеўка траву жала», «Што у нашаго Трыфана сёмеро дзей», «Калі саду зялёнага», «На калінушке салов'юшка сидіть» и др.¹⁸

Наряду с хороводными к наиболее характерным для традиционного фольклора, повсеместно бытующего в регионе, относятся баллады — лирико-эпические песни драматического содержания. Уступая по многообразию сюжетов всему фонду, вошедшему в сводные тома белорусского фольклора, а также записанным в последние годы в центральном и западном Полесье¹⁹, собранные в регионе тексты позволяют судить о местном сюжетном составе этого жанра: «Жылі-былі нявёрныя людзі» («Юрий и цмок»), «Цечэ рэчанька невелічанька» (замужняя дочь прилетает домой кукушкой), «Як па траўцы, па мураўцы» (молодец загадывает девушке три загадки), «У калодзеzi дзеўка воду брала» (девушка тонет, но не соглашается выйти замуж за нелюбимого), «Зялёны дубчык на гай похилився» (влюбленные не могут жениться, превращаются: он — в терн, она — в калину), «Ёхали салдаты са службы дадому» (заманили девушку и сожгли ее), «Как пайдў я в лёс па дрёвы» (мать узнает по завядшей ветви о смерти дочери на чужой стороне), «А у полі берэза, а у полі кудрява» (мать отравила невестку и сына), «Выпраўляла маці сына у салдаты» (свекровь закликает невестку стать тополиной), «Паня пана неўзлюбіла» (жена погубила нелюбимого мужа), «А в полі азёрушка, там плавала суденышка» (казак любит замужнюю женщину, тонет в Дунае), «Ой, па рэчушкі па Вёлги» (вариант сюжета «Черноморец тонет» — муж тонет, жена не может его спасти), «Як з пад каменя каменястага» (ревнивый муж губит жену), «Ёхал мйлай ой с Дону дадому» (муж хоронит жену и разговаривает с ней на могиле)²⁰. Как следует из этого перечня, преобладают бытовые (новеллистические) баллады.

Определение этнической принадлежности традиционных песен в регионе представляет весьма сложную проблему. Сами исполнители на вопрос собирателя обычно отвечали: «Ўсе ані перамешаліся», «То ўсе пёсны нашы, а то неважна, што беларускіе или украинские», «Мы спяваем, а не знаём, якія рускія, а якія беларускія», «А нашы пёсны и рускіе, и украинские, и беларускіе» и т. п. Если собиратель относит какую-нибудь песню в фонд того или иного народа, исполнитель обычно отвечает: «Не ведаю, можа и так», «Нехай буде» (русская, белорусская, украинская. — В. Г.).

Наряду с этим зафиксированы случаи, когда русскую песню называют белорусской (например, «Вечерком поздно девицы за грибами в лес пошли») или украинской (например, «У меня под окном расцветала сирень» — в последнем случае потому, что ее «привезли дзеўчата з Украіны»). И наоборот, некоторые белорусские и украинские песни воспринимаются как русские. Объективный анализ песенного репертуара позволяет присоединиться к вышеприведенному выводу В. И. Елатова с некоторой, однако, поправкой: раннетрадиционные жанры (календарно-обрядовые) составляют в целом общий, в сущности недифференцированный пласт и могут быть отнесены к исконному общевосточнославянскому фонду, сохраняют архаические черты, восходящие к межплеменному единству — их генетическая общность не вызывает сомнения. Относительно большее соответствие этих жанров собственно белорусской традиции указывает, на наш взгляд, не на преобладание в регионе этой традиции, а на значительную сохранность в национальном белорусском фольклоре исконных общевосточнославянских элементов.

Труднее объяснить сходство хороводных песен и особенно баллад. Дialeктные различия в них проявляются относительно яснее, но эти различия не настолько значительны, чтобы безоговорочно относить ту или иную хороводную песню к определенной национальной традиции, тем более что в одной и той же зоне обнаруживаются локальные различия, совпадающие с некоторыми особенностями в других зонах. Характерно, что Ю. И. Смирнов, последовательно фиксировавший в записях 1974 г. национальную принадлежность (происхождение) того или иного балладного сюжета, в результате последующего сбора материала признался: «С увеличением числа записываемых сюжетов мы ощущаем все большие трудности в том, чтобы различать белорусские, украинские и собственно полесские песенные формы. В ряде случаев, по-видимому, просто невозможны категорические суждения, учитывая постоянную миграцию текстов из одной этнической среды в другую»²¹. То же самое, пожалуй, в еще большей степени относится к балладам, бытующим в районе ГБЧ, — «чистая» национальная форма здесь практически не существует. Думается, что это результат не только постоянной миграции текстов: корни этой общности, во всяком случае в балладах с мифологическими и легендарными мотивами, уходят в эпоху древнерусской народности и общность эта — также генетического характера. Лишь в позднейших балладах (бытовых и новеллистических) отмечается большая дифференциация и следы заимствований (в репертуаре одной национальной зоны — от другой). Особенно этот процесс взаимодействия ощущается в лирике, в романах, в частушках. При этом воздействие русской традиции является преобладающим в жанрах солдатских песен, романсов, песен гражданской и Великой Отечественной войн, современных частушек; воздействие украинской традиции — в казачьих и чумацких песнях, в поздней лирике; белорусской традиции — в балладах. Однако отражается это главным образом

в репертуаре, а не в языке и поэтике песен; в процессе длительного бытования в той или иной зоне региона национальная специфика песни проявляется в «стертой» форме, и в конечном счете песня приобретает тот своеобразный местный колорит, который осознается самими исполнителями. Та же общность отмечается исследователями и в области музыкального стиля ²².

Эта общая закономерность осложняется явлениями, происходящими в тех местах региона, где среди исконного населения оказались компактные группы переселенцев из других мест — России, Польши, Украины. В соответствии с проблемой настоящего доклада мы исследовали два таких района — один, заселенный в конце XVII — первой четверти XVIII в. искавшими спасения от преследований властей и официальной церкви русскими старообрядцами, другой — заселенный выходцами с Украины, запорожскими казаками (в XVII в.).

Ветка — своеобразный «русский остров» на Соже, образуемый его рукавом, ныне районный центр Гомельской обл.; в самой Ветке и в ее окрестностях (радиусом до 30 км) к середине XVIII в. образовалось около двадцати старообрядческих слобод с населением около тридцати тысяч человек — выходцев в основном, по данным диалектологии, из южной России (Курско-Орловская зона), а также из Москвы, Нижегородского края, с Дона и других мест ²³. Во многих из этих бывших слобод и поныне преобладают русские. В отличие от русского населения сопредельных с Белоруссией районов, непосредственно связанного с белорусами общим происхождением и культурными традициями, русские старообрядцы оказались не только в иноэтническом, хотя и родственном, окружении, но и в существенно иных культурных условиях; отличия усиливались также различными конфессиональными традициями. Известная замкнутость жизни старообрядческого населения способствовала отчасти сохранению некоторых русских национальных элементов быта и духовной культуры, в том числе и фольклора; в то же время суровые правила, предписанные верой, имели следствием выпадение из жанровой системы русского песенного фольклора некоторых его видов или обеднение репертуара светских песен и насыщение его, особенно в период постов, песнями религиозного содержания (псалмами, духовными стихами). В обследованных нами пунктах (Ветка, Тарасовка, Борьба — бывшая Романовка), например, беднее представлен весенний цикл, а некоторые хороводные песни исполнялись на святки («У кляды вóдять кѣрагòд»): «Вдòль па марjó, вдòль па марjó, марjó», «Велíк, велíк тумán па далíне», «Я пасéю василéчик у садòчку». На это же время были перенесены некоторые масленичные обряды — разведение костра, сжигание чучела «Старого года» («На ўлицы агòнь запáлим, вакрúг агня бéгаем, паём»; «На старý нòвы гòд па́рами хòдять вакрúг кастрòф да пòлночи пад пéсни»). Этот обычай жив до сих пор, но теперь преобладает пение частушек под «Страдание», «Барыню», «Семеповну», «Сербияночку», «Светит месяц» и др. наигрыши на гармошке (раньше — на ба-

лалайке). Вообще святочный фольклор бытует здесь хорошо и полно (колядки, гадания). Весенние хороводы («карагоды») водили лишь в бывшей Романовке под песни «Уточка луговая», «Научи, милый, как дамой хадить», «Ой, пад дубам, пад дубком стайть дёвка с маладцом», «Вдоль па марю, да вдоль па морю». Но «стрелу» нигде не водили, и обычай этот известен лишь понаслышке, воспринимается как белорусский. Репертуар хороводных песен, таким образом, беднее, чем в районах с коренным населением (в том числе и в русской зоне региона), и отчасти отличается от местного. Свадебный обряд был строже, но песенный репертуар свадьбы богат, лирика разнообразна, баллады очень редки. Вместе с тем, даже несмотря на особенности быта и традиции, взаимодействие русского песенного фольклора и местного наблюдается. Русскому населению бывших слобод известны популярные в регионе «Пара, мати, жыта жати», «Как пайду я в лес па дровы», «Зелёная вишня с пад кореня вышла» и многие лирические песни. В настоящее время в бывших слободах за столом встречаются и поют совместно русские и белорусы. Так, в с. Борьба мы записывали песни от группы женщин, среди которых была и белоруска Н. М. Ващенко, приехавшая из Гродненской обл. При этом она заметила, что некоторые песни в белорусских селах поют иначе и продемонстрировала это на примере песни «Ой, бóжа, бóжа, ци скóра вéчар бóдзя» после хорового ее исполнения. В целом можно сказать, что если в области обрядовых, хороводных и старых лирических песен заимствования редки, то в области позднетрадиционной лирики, солдатских песен, романсов и частушек взаимодействие песенных культур автохтонного населения и русских переселенцев интенсивнее и заметнее.

Несколько иная картина предстает в районе с бывшим казачьим населением на севере того же Ветковского р-на, в селах по нижнему течению Беседи, пограничных с Брянской областью (Казацкие Болсуны, Победа, Большие Немки и др.). По местным устным преданиям, казаки здесь обосновались около трехсот лет назад, поселились в куренях и сохранили формы воинского быта Запорожской Сечи. Местные крестьяне принадлежали польским помещикам, казаки были свободны, вступали в конфликты с «панями», защищали от их произвола мужиков, но сами жили богато²⁴. Несмотря на, казалось бы, благоприятные условия для сохранения традиционной украинско-казачьей культуры и на то, что заселенный казаками район долгое время в административном отношении входил в состав Черниговской губ., в фольклоре переселенцев не удалось обнаружить преобладания украинской фольклорной традиции. Длительная жизнь среди местного населения привела к нивелировке обычаев, говора, песенного репертуара. В основном здесь зафиксированы те же обрядовые песни, что и в белорусской зоне региона: коляды, сопровождавшие вождение «козы», щодры, веснянки («На вулицы кажную вясну паём»), купальские и живинные песни с «гуканьем», обычай «ховать стрелу» (в с. Большие Немки — без хороводов, в с. Казацкие

Болсуны — с полным циклом хороводных песен). Состав лирических песен не отличается от песенного репертуара окружающих мест. Наряду с этим, естественно, поются и казачьи песни (баллада «У вóзерье, у вазéрушки там пла́вала судéнышка», лирические «В агарóде вёрба рýсна», «Ой ма́точка ро́дна», «Ой, заку́ривсь силён дроб́ны до́жжык», «Кукава́ла зезю́лечка», шуточная «Га́ні, ма́ты, кавалы́ с ха́ты»), и русские («Через Пи́тер гародбóчки», «Ой, па Во́лге-реке́ лёгка ло́дка плывё́», Дёвачки-падру́жэчки, ой како́й жа нóнче свéт»), и белорусские (диапазон их велик — от развернутого сюжета «Ю́рый и цмок» до современной баллады «Ой вы, дзе́вачки белару́скія»). Однако тексты всех этих песен исполняются на местном диалекте, отличающемся и от русского, и от белорусского, и от украинского литературных языков ²⁵. Самым оригинальным видом местного фольклора оказался свадебный песенный цикл: так, из записанных нами в с. Казацкие Болсуны двадцати с лишним текстов только три совпали с репертуаром свадебных песен из соседних западных районов Брянской обл. («На па́рог дёвачка ступа́е», «Загребáй, ма́мка, жа́р, жа́р», «Ай до́бры де́нь, лю́ди до́брыя») и одна припевка — «А у на́шага сва́та некрýтая ха́та» — соответствует брянским («У нашего свата за череп бере», «У нашего дружка лыса голова», «У нашего дружка сорок аршин кила») по своему типу ²⁶. Наряду со свадебными песнями бытуют похоронные и поминальные причитания; мы были свидетелями похорон на сельском кладбище. В течение всего времени, пока процессия шла по селу, и у могилы над гробом с телом покойницы причитали женщины (поодиночке или группой); одновременно одна могила неподалеку была покрыта скатертями, и собравшиеся вокруг нее поминали родственника на сороковой день после его смерти, над могилой тоже причитали женщины ²⁷.

Рассмотренные исключения, думается, не опровергают общего вывода, сделанного выше, но вносят в него существенное дополнение: несмотря на некоторые отличия от песенного творчества автохтонного населения, песенный фольклор и русских, и особенно украинских переселенцев оказался втянутым в общий процесс взаимодействия фольклорных традиций региона, усилив тенденции наслоения на генетическую общность элементов межэтнической общности.

В современных условиях культурного развития народных масс невозможно ограничиться исследованием лишь традиционных форм бытования фольклора. Внимание фольклористов все больше привлекает процесс адаптации и трансформации фольклора в характерных для нашей эпохи формах общественного быта, культуры, искусства — процесс, известный под названием фольклоризма. Не касаясь сейчас всей проблемы в целом, поскольку этому был посвящен наш доклад на VIII Международном съезде славистов ²⁸, охарактеризуем особенности этого процесса в сфере, непосредственно соприкасающейся с бытом сельского населения, а именно переход фольклора в местную художественную самодеятельность, его место и функции в области культурных взаимо-

связей между населением трех братских республик. Это тем более необходимо сделать, что по установившейся научной традиции фольклорные экспедиции не уделяют этому процессу внимания даже в тех случаях, когда записывают произведения в исполнении местных фольклорных ансамблей, выступающих на клубной сцене или на смотре художественной самодеятельности.

Наши непосредственные наблюдения и собранный материал (репертуарные списки фольклорных ансамблей, программы районных и зональных смотров художественной самодеятельности, интервью с руководителями фольклорных ансамблей, с заведующими сельскими клубами и районными домами культуры, программы и сценарии радио- и телепередач, посвященных выступлениям фольклорных ансамблей, информации и статьи в районной и областной прессе) позволяют признать, что освоение фольклора современной художественной самодеятельностью приобрело характер широкого социокультурного движения. Оно проявляется по инициативе самого населения, поддерживается и организуется работниками культпросветучреждений, стимулируется интересом общественности, регулярным и повсеместным проведением смотров художественной самодеятельности и специализированных фольклорных фестивалей, пропагандируется средствами массовой информации.

При большинстве домов культуры и сельских клубов региона наряду с народными хорами обычного типа (которые исполняют произведения профессиональных авторов и народные песни в обработке композиторов) организованы и функционируют коллективы, официально называемые фольклорными ансамблями, которые в основном ориентируются на исполнение традиционных песен, но иногда включают в свои программы и инсценировки эпизодов свадебного обряда и хороводов, реже — произведения инструментальной музыки. Состав этих ансамблей обычно невелик, в них преобладают женщины среднего и старшего возрастов, руководителем их чаще всего является один из участников ансамбля²⁹. В тех же случаях, когда им руководит заведующий клубом, его роль (если он сам не поет и не играет) ограничивается обычно организаторскими функциями. Репертуар таких ансамблей обычно складывается из произведений, любимых его участниками. Однако, когда ансамбль готовится к выступлению на районном и особенно областном смотре, вступает в силу редакторская и режиссерская воля методистов домов культуры и научно-методических центров народного творчества. В этом случае характер программы и даже судьба ансамблей во многом зависит от профессиональной подготовки и вкуса методиста. На этой стадии проявляются противоречивые тенденции и возможны конфликты, что далеко не всегда способствует объективному отражению реальных возможностей ансамбля и выявлению подлинных художественных ценностей местного фольклора. Наряду с чутким и тактичным отношением к ансамблям и квалифицированной помощью им наблюдается и произвольное навязывание стиля

и манеры исполнения, чуждых местной и вообще подлинно фольклорной традиции.

Сопоставление программ фольклорных ансамблей с местной фольклорной традицией обнаружило следующие тенденции. Репертуар ансамблей включает лишь небольшую часть известных их участникам и местному населению песен, однако характерно, что преобладает реконструкция редко исполняемых или не бытующих уже песен (обрядовых, игровых, хороводных). При отборе коллективов для участия в районных и особенно областных смотрах количество исполняемых произведений сокращается до минимума (в среднем три—пять песен), причем предпочтение отдается исполнению песен в музыкальном сопровождении и сценически выразительным произведениям (игровым, хореографическим). Самым же существенным принципом, которым руководствуются организаторы смотров и фестивалей, является стремление, с одной стороны, выявить определенную национальную традицию в той или иной зоне (при этом в программы включаются произведения не только местного, но и общенационального репертуара), а с другой — представить и произведения фольклора соседнего народа (известные исполнителям или разучиваемые по сборникам). Это особенно характерно для выступлений при выездах коллективов в соседнюю республику (обмен концертами между соседними районами разных республик происходит регулярно) и на ставших традиционными праздниках дружбы, которые проводятся в месте, где сходятся границы трех республик.

Таким образом, в сфере художественной самодеятельности, в отличие от традиционного бытования фольклора усиливается процесс дифференциации местной фольклорной традиции, тенденция выявления национальных особенностей народной культуры каждой зоны, а вместе с тем национальный фольклор соседних республик приобретает функцию средства интернационального воспитания местного населения. Этот диалектический и целенаправленный процесс придает взаимодействию фольклорных традиций качественно иной характер и привносит в объективно развивающиеся межэтнические связи населения лимитрофного региона новое идейно-художественное содержание, вследствие чего фольклорная традиция приобретает новые черты подлинно интернациональной общности.

Наши выводы, хотя они и основаны на анализе максимально доступного автору материала (который не мог быть продемонстрирован вследствие ограниченного объема доклада), имеют предварительный характер. Следовало бы провести сплошное исследование региона, картографировать все факты, собранные по единой научной методике полевой работы, и обобщить затем их в специальной коллективной монографии.

При изучении фольклорного процесса в лимитрофной этнической области особенно остро ощущается все еще недостаточная разработанность методологии сравнительно-исторических исследований, необходимость сочетания генетического («ретроспектив-

ного») и типологического методов и метода изучения контактных связей («заимствований»). Важно различать такие понятия, как общность фольклорных явлений и тип их сходства. При этом нуждается в дифференциации как понятие общности (по историческим уровням и этногеографическим ареалам), так и понятие сходства (в сюжетах и мотивах, в поэтике, мелодике, языке и т. п.). Лишь соотнося исторические уровни общности и типы сходства, можно будет представить динамику фольклорного процесса в регионе во всей его полноте и раскрыть значение этого явления для изучения этногенеза восточных славян и развития их культуры.

- ¹ *Захарова В. А., Равіцкі В. В.* 3 жыватворных крыніц. Мінск, 1970; *Юзвенко В. А.* Ідейно-художнє взаємозбагачення в сучасній пісенності слов'янського населення УРСР. — Народна творчість та етнографія, 1976, № 5; Інтернаціональне та національне в сучасному слов'янському фольклорі (на матеріалах Української РСР). Київ, 1977; Регіональні традиції ва усходнеславянських мовах, літературах і фольклорі. Тезиси докладаў II республіканскай навуковай канферэнцыі. Гомель, 1980; *Кабашинікаў К. П.* Беларускі фальклор у параўнальным асвятленні. Мінск, 1981, гл. III.
- ² *Дей О. І.* Питання фольклору в світлі положення про нову історичну спільність. — Народна творчість та етнографія, 1973, № 5.
- ³ Особенно широко эта проблема обсуждалась на XVIII конгрессе фольклористов Югославии. См.: Rad XVIII: Kongresa Saveza udruženja folklorista Jugoslavije (Bovec, 1971). Ljubljana, 1973.
- ⁴ *Елатов В. И.* Песни восточнославянской общности. Минск, 1977. (Далее: *Елатов*). Там же см. карту региона (с. 84). Автор ввел сокращение обозначения региона — ГБЧ (по заглавным буквам трех смежных областей — Гомельской, Брянской, Черниговской). Это сокращение принимается и в настоящем докладе. Кроме обозначенных В. И. Елатовым районов, мы включаем в регион Лоевский р-н Гомельской обл. и Репкинский р-н Черниговской обл.
- ⁵ Полевую работу вели: Институт мистецтвознавства, фольклору та етнографії АН УРСР (далее: *ІМФЕ*), Інститут мистецтвознаўства, этнаграфії і фальклору АН БССР (далее: *ІМЭФ*), Минский и Гомельский университеты, Московская и Минская консерватории, Брянский, Гомельский и Черниговский педагогические институты, Минский институт культуры. Особое значение имеют совместные экспедиции *ІМФЕ* и *ІМЭФ* 1979 и 1980 гг. в пограничные районы Черниговской и Гомельской областей. См.: *Кабашиников К. П., Шумада Н. С., Юзвенко В. А.* Сучасний фольклор українсько-білоруського пограниччя — Народна творчість та етнографія, 1981, № 4, с. 64—62.
- ⁶ В 1975, 1976, 1980 (совместно с экспедицией *ІМЭФ* под руководством К. П. Кабашиникова) и в 1981 гг. (совместно с музыковедом Ю. И. Марченко, сотрудником Фонограммархива Института русской литературы АН СССР; далее ссылки на материалы этой экспедиции — *ФА-ІРЛИ*).
- ⁷ См.: Полесье: (Лингвистика, Археология, Топонимика), М., 1968; *Елатов*, с. 9—19.
- ⁸ *Елатов*, с. 52.
- ⁹ *Елатов*, с. 52.
- ¹⁰ *Елатов*, с. 3.
- ¹¹ См.: Регіональні традиції ва усходнеславянських мовах, літературах і фальклорі. Гомель, 1980, с. 154—178.
- ¹² Інтернаціональне та національне в сучасному слов'янському фольклорі. Київ, 1977, с. 44. Эти тезисы в монографии не иллюстрируются, однако подтверждаются материалами экспедиций.
- ¹³ *Елатов*, с. 19. Относительно украинской зоны автор, отмечая отсутствие «некоторых жанров», называет лишь думы. Материалы экспедиций в пограничные районы Украины содержат записи всех песенных жанров,

- хотя отдельные произведения обрядового фольклора бытуют здесь в меньшей степени или с другой функцией, чем в белорусской зоне (*Кабашников К. П., Шумада Н. С., Юзвенко В. А.* Сучасний фольклор. . . , с. 68).
- 14 Все эти песни записаны К. П. Кабашниковым и нами в Лоевском р-оне Гомельской обл. в августе 1980 г. (*ІМЭФ*, ф. 20, оп. 80, мг 26, № 7, 14, 15, 17; мг 27, № 1, 3, 4) и представлены вариантами в записях из других районов БССР, Брянской и Черниговской областей. Ср.: *Елатов, № 18, 20, 22, 33, 45, 46, 47, 57; Свитова К.* Народные песни Брянской области. М., 1966, № 6, 9, 10, 11, 43, 44, 58. (Далее: *Свитова*); *Кабашников К. П., Шумада Н. С., Юзвенко В. А.* Сучасний фольклор. . . , с. 68.
 - 15 Записана Г. А. Барташевич и нами в д. Карповка Гомельской обл. 26 августа 1980 г. Одна из наиболее широко распространенных песен во всем регионе и за его пределами. (См.: *Эвальд З. В.* Песни белорусского Полесья. М., 1979, № 51) Забвение традиционной приуроченности песен проявляется в том, что некоторые лирические песни и баллады исполнители определяют как «живные» или «покосные». В русской зоне лирические (беседные) песни часто называют «масленичными», «осенними», «прополочными» и т. п.
 - 16 Записи экспедиции Кабинета народной музыки при Московской консерватории 1970 г. под руководством Н. М. Савельевой (далее: *МК*), записи экспедиций *ІМФЕ* и *ІМЭФ* 1979—1980 гг.; записи В. Е. Гусева и Ю. И. Марченко в селах Ветковского р-на Гомельской обл. См. также: *Свитова, с. 10—12; Елатов, с. 32—33.*
 - 17 См.: *Гусев В. Е.* На окраине белорусского Полесья. — СЭ, 1982, № 5.
 - 18 *МК*, инв. 126. фонограмма № 1259; инв. 216; фонограммы № 1205, 1206 и др.; *ФА—ІРЛИ, ЭР—1981—Г, № 11, 14, 15, 60, 66, 86, 126, 194, 195, 197.* Ср.: *Свитова, № 12—23, 76—88; Елатов, с. 115—138.* Включенные в эти сборники песни наш перечень не содержит, однако их варианты записаны нами и другими экспедициями.
 - 19 Баллады: У дзвюх кнігах. Мінск, 1977, Кн. 1; 1978. Кн. 2; *Смирнов Ю. И.* Эпика Полесья. — В кн.: Славянский и балканский фольклор: Генезис, архаика, традиции. М., 1978, с. 219—269; *Он же.* Эпика Полесья (по записям 1975 г.) — В кн.: Славянский и балканский фольклор: Обряд, текст. М., 1981, с. 224—264.
 - 20 *ІМЭФ*, ф. 20, оп. 80, мг 26, № 6, 15; мг 41, № 38; мг 42, №№ 31, 36, 38; мг 56, № 2, 5, 7; *ФА—ІРЛИ, ЭР—1981—Г, № 14, 15, 42, 116, 233, 247.* Ср.: *Елатов, с. 224—237* (некоторые баллады составитель отнес к поздней лирике — № 106, 113, 128).
 - 21 *Смирнов Ю. И.* Эпика Полесья (по записям 1975 г.), с. 225. Ср.: *Смирнов Ю. И.* Эпика Полесья, с. 221—223.
 - 22 См.: *Свитова, с. 8—9; Елатов, с. 13.* Сложные процессы взаимодействия белорусской и украинской фольклорных традиций проиллюстрированы в статье: *Кабашников К. П., Шумада Н. С., Юзвенко В. А.* Сучасний фольклор. . .
 - 23 См.: *Лилев М. И.* Из истории раскола на Ветке и в Стародубе XVII—XVIII вв. Киев, 1895. Вып. 1; *Он же.* Новые материалы по истории раскола на Ветке и в Стародубе. Киев, 1895; *Абрамов И.* Старообрядцы на Ветке. СПб., 1907; *Макаенкова А. Ф.* Русско-белорусские языковые отношения. Минск, 1978.
 - 24 Запись устных преданий произведена учащимися старших классов школы в с. Казацкие Болсуны в 1975 г. по заданию учителя истории Н. М. Шевчука (хранятся в школе, копии некоторых — в архиве автора). До сих пор по традиции одна часть села называется мужицкой или панской, другая — казацкой. Фамилии жителей заметно различаются. Казацкими фамилиями считаются Болсун, Голда, Суднеко, Вересовой, Феськов (Хвеськов).
 - 25 Ср.: *Свитова, № 95, 113, 119.* Материалы экспедиций Московской консерватории в соседний Красногорский р-н не содержат совпадающих текстов.
 - 26 Ср.: *Свитова, № 104, 105, 106; МК*, инв. 213, фонограмма 1198 («У дружка короткая ножка», «У нашего свашки медведь около ляшки»). Соотношение русских свадебных песен с песенным репертуаром белорусских и украинских свадеб нуждается в специальном исследовании. Материалы экспед-

ций в белорусско-украинское пограничье свидетельствуют об общности свадебной поэзии местного населения. См.: Кабашников К. П., Шумада Н. С. Юзвенко В. А. Сучасний фольклор. . . , с. 69.

²⁷ См.: Гусев В. Е. Фольклор в системе современной культуры славянских народов. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VIII Международный съезд славистов. Загреб—Люблина, сентябрь 1978 г. Доклады советской делегации. М., 1978, с. 283—298.

²⁸ Среди ансамблей, с историей и деятельностью которых мы ознакомились, встречаются и большие коллективы смешанного состава, существующие многие годы под руководством признанного организатора и знатока местной фольклорной традиции, например ансамбль в с. Деражичи Лоевского р-на (руководитель В. К. Скидан). Мужские ансамбли — большая редкость (например, в с. Мохов Гомельской обл.). Известностью, выходящей далеко за пределы района и даже республики, пользуется большой ансамбль в с. Бартоломеевка Гомельской обл., существующий с 1960 г. и выступавший в Москве, на Украине, в Литве, Ленинграде (руководитель В. З. Старовойтов).

²⁹ Подробнее см.: Гусев В. Е. Взаимодействие фольклорных традиций в художественной самодеятельности. — Народна творчість та етнографія, 1982, № 2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СЭ — Советская этнография

К. В. Чистов

ВАРИАТИВНОСТЬ И ПОЭТИКА ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА

Фольклорный текст в процессе многократного устного воспроизведения варьируется. Эта идея стала в международной фольклористике «школьной». Однако она может представляться парадоксальной в свете другой, тоже «школьной» идеи — о единстве и неразрывности содержания и формы художественного произведения. Парадоксальной она может показаться даже и с точки зрения более совершенных представлений о творческом процессе, согласно которым писатель (художник) ищет максимально точного или даже единственно возможного словесного выражения своего состояния, своего понимания действительности.

Писатель, как мы это знаем по сохранившимся черновикам, обычно тщательно перебирает все возможные варианты, чтобы остановиться на наиболее удачном. Он отвергает варианты, которые представляются ему менее удачными или даже просто ошибочными (как писал П. Антокольский, «черновик, черный хлеб моего естества, перечеркнутый накрест и брошенный на пол»). Вероятно, значительная часть этого процесса остается незафиксированной — она развивается в сознании писателя («И долго ходит, разомлев от брожения, и тихо барахтается в тиле сердца глупая вооб-

ражения» — В. Маяковский). Литературоведы-текстологи стремятся к тому, чтобы издаваемый текст отражал «последнюю волю автора»; они считают, что последняя редакция отменяет все предыдущие и только ее следует предлагать читателю. Это, разумеется, не исключает вариативности восприятия текста — явление, которое изучено еще мало¹. Однако сам текст остается неизменным вне зависимости от количества и «качества» прочтения. Этому способствует не только способ тиражирования литературного текста, при котором все экземпляры одного «завода» оказываются идеально идентичными, но и развитые традиции авторского права, т. е. право только автора определять все детали и особенности текста.

В сфере традиционного фольклора такого права не существовало. Это не значит, что каждый исполнитель творил с любым текстом, что хотел. Он всегда был под двойным контролем традиции, которую усвоил и он сам, и его слушатели. Если он уклонялся от предписаний традиции и это уклонение не было санкционировано коллективным сознанием его слушателей, то его текст из фольклорного (т. е. традиционного) превращался в одноразовый, а он сам — в индивидуального исполнителя индивидуального текста.

Итак, вариативность под контролем традиции. Что же она означает, какова ее природа и каков ее механизм, как согласовать с ней некоторые традиционные представления поэтики?

Мы не будем в настоящем докладе повторять сказанное в нашей статье «Вариативность как проблема теории фольклора»². Из многочисленных вопросов, которые связаны с этой фундаментальной фольклористической проблемой, мы остановимся только на некоторых, имеющих отношение к теоретической поэтике фольклора, особенно к поэтике фольклорного текста. Не будем при этом касаться проблемы фольклорного текста как такового. Несмотря на то что некоторые современные исследователи отрицают существование «текстов» в сфере устной коммуникации. По их мнению, о «тексте» можно говорить только в случае закрепления речи на письме³. Однако с 60—70-х годов нашего века признание за «устным текстом» статуса «текста» вошло в обиход советской текстологии⁴. При этом различается «запись», т. е. фиксация единичного конкретного акта исполнения, и «текст», понимаемый как совокупность вариантов словесного воплощения того или иного фольклорного произведения. Обнаруживая дословно совпадающие записи, мы привыкли подозревать перепечатку или даже фальсификацию⁵.

Является ли варьирование фольклорного текста целенаправленным (сознательным или интуитивным) селективным процессом или, если вспомнить терминологию, популярную в советской фольклористике 30-х годов, процессом «шлифовки» (улучшения), который представлялся непрерывным?

Концепция «шлифовки» в каком-то смысле сыграла положительную роль. Она противопоставлялась воззрениям так называе-

мой финской школы, которая понимала бытование фольклора как процесс его деградации (или деградации с временным возвращением к «нормальной» форме — *Selbstberichtigung*)⁶. Сравнительно недавно И. Г. Левиным была предпринята попытка восстановления понятия «нормальной» формы, вокруг которой будто бы осциллируют (колеблются, вращаются) варианты⁷. В обширной вводной статье к тому I «Свода таджикского фольклора» он повторяет сходную идею: «В фольклоре. . . перед нами не сами уникальные произведения, а многочисленные, разновременные их пересказы»⁸. Варианты здесь снисходительно называются «пересказами», «которые более или менее близко отражают исходное произведение»⁹. В действительности весь опыт современной фольклористики приводит к позитивному отношению к вариантам фольклорных произведений, известных нам в записях XIX—XX вв., к доверию к ним: они не могут оцениваться по степени близости к некоему неизвестному и теоретически проблематичному «исходному произведению». Варианты принципиально равноценны, и вне их нет никакого «уникального произведения», которое можно было бы реконструировать. Текст фольклорного произведения динамичен. Словесные воплощения, в которых он воспроизводится исполнителями, варьируют по отношению друг к другу, а не к какому-то вымышленному «исходному» или «нормальному» тексту¹⁰.

«Вариант» вместе с тем не является антонимом термина «инвариант». Это термины разного уровня. Методически столь же важно четко различать два значения слова «текст» — филологическое и теоретико-информационное. Здесь мы имеем в виду только первое значение, т. е. словесный текст (как его понимает также современная «лингвистика текста»). Текст в этом смысле — единая структура (в фольклорном случае — органически включающая также несловесные, или паравербальные, элементы), а не конгломерат системных и несистемных элементов, последние из которых будто бы и варьируют. Если иметь в виду уровень словесного текста, то, пользуясь лингвистическими понятиями, инвариантом следовало бы считать «глубинную», а не «поверхностную» структуру текста. Отношение к варьируемым элементам как к внесистемным приводит к стремлению избавиться от них как от чего-то лишнего, избыточного, находящегося вне основной структуры, как от информационного «шума»¹¹. Между тем представление о инварианте мы можем получить, выделяя не только относительно стабильные элементы (стабильны обычно не столько какие-то сегменты текста, сколько их модели), но и относительно варьируемые (в пределах того, что мы предлагали назвать «зонами варьирования»¹². Вариативность — форма функционирования фольклорного текста (и фольклорной традиции в целом), вне которой он никогда не существовал и существовать не мог.

В последние годы и в советской и в зарубежной славистике появился целый ряд работ, в которых содержится вполне конкретный анализ отдельных аспектов варьирования¹³. Очень важно, что при этом используются весьма разнообразные и в большинстве

случаев современные методы экспериментального характера. Методика, предлагаемая авторами, требует сопоставления и оценки. Однако дело не в частностях, а в общих теоретических предпосылках и выводах, следующих из этой серии работ.

Не ставя перед собой задач охватить весь комплекс вопросов, связанных с теорией вариативности, отметим в интересах дальнейшего изложения, что в методической перспективе вырисовываются две основные плоскости исследования: 1) расчленение процесса варьирования по уровням: закономерности построения сюжетов отдельных жанров и межжанровая диффузия сюжетов, композиция (состав и взаимное расположение эпизодов или других повествовательных единиц), мотивировки сюжетных ходов, обратимые замены однофункциональных эпизодов (мотивов) и, наконец, словесный уровень текста (его словесная ткань)¹⁴; 2) выделение (на уровне текста) единиц варьирования, разных по объему, и выяснение закономерностей их варьирования; выяснение соотношения предикативных единиц и формального членения текста (строка, строфа, абзац и т. д.) в их варьировании, выяснение закономерностей соотношения формульных и неформульных сегментов текста в разных жанрах, различий варьирования закрытых и открытых структур, структур с доминантой эстетической или иной функции.

Варьирование на каждом уровне, видимо, имеет свои причины и свой механизм. Если говорить о варьировании словесной ткани произведения, то предварительно следует упомянуть: а) приспособление формульных сегментов к воспроизводимому тексту (лексическое, синтаксическое, ритмическое, орфоэпическое и т. д.); б) внутренние перестановки в неформульных сегментах текста (порядок слов, синтаксические и морфологические связи); в) редукция (сжатие) и амплификация (развертывание), в том числе при помощи синтаксических параллелизмов. Когда все эти аспекты станут яснее, вероятно, можно будет перейти к рассмотрению межуровневых зависимостей (соотношение «глубинных» и «поверхностных» структур, стабильность каких-то элементов на более «высоком» уровне и варьирование их на более «низком» и т. д.).

Мы назвали некоторые методические аспекты проблемы, зная их неполноту, чтобы представить себе место и роль среди них двух типов варьирования, на которых мы остановимся дальше, и, наконец, чтобы выяснить их соотношение с некоторыми вопросами поэтики фольклорного текста. Мы имеем в виду варьирование при повторном исполнении одним и тем же певцом или рассказчиком в форме так называемых синонимических замен и внутритекстовое варьирование структурного характера.

Не подлежит сомнению, что варьирование на любом из названных уровней нельзя объяснять несовершенством человеческой памяти, как это было привычно для фольклористики XIX — начала XX в., хотя, разумеется, некоторые расхождения и могут так объясняться¹⁵. Между двумя актами исполнения текст фольк-

лорного произведения существует именно в памяти. Что с ним в это время происходит и каков механизм усвоения памятью и извлечения из нее, мы не знаем. Современная психология не отвечает на этот вопрос¹⁶. Поэтому совершенно отвергать воздействие этого механизма на процесс варьирования было бы поспешным. Это могло бы привести к другой крайности¹⁷. Вместе с тем мы знаем, что память фольклорного исполнителя способна удержать тысячи стихов или длиннейший прозаический текст (ср., например, эпические тексты тюркских народов)¹⁸.

Несомненно, что варьирование как явление не обуславливается только целенаправленной селективной ориентацией исполнителя, о которой мы уже упоминали, хотя и этот фактор — пусть преимущественно стихийный — все же имеет место. В фольклоре, так же как и в других сферах традиционной культуры, выработка определенных примеров, навыков, опыта, видимо, осуществлялась так называемым методом проб и ошибок или была связана со стремлением эмпирическим путем приспособить уже выработанный стереотип к меняющимся (хотя и медленно) обстоятельствам. Однако, признавая это, мы еще не объяснили сути варьирования как нормального явления. У нас нет доказательств того, что преобладал именно целенаправленный отбор. Повторные записи былин, сказок, песен и т. д. в XIX — начале XX в. от русских исполнителей фольклора, записи от учителей и учеников, от исполнителей, которые знали и слышали друг друга, не дают оснований считать, что каждое последующее исполнение было лучше предыдущего¹⁹. Следует при этом иметь в виду, что фольклорная традиция в основных районах расселения русских была еще достаточно сильна.

Теория «шлифовки» утверждала творческое начало в фольклорном процессе. Но, как это ни парадоксально, она как бы молча исходила из представления о том, что отдельный исполнитель, даже опираясь на традицию, не способен создать совершенного текста — таковой может будто бы возникнуть только в процессе многовековой коллективной шлифовки. В этом, несомненно, давало себя знать наследство теории элитарного происхождения фольклора.

Нам уже приходилось писать о том, что в советской фольклористике, как, впрочем, и в фольклористике других стран, термин «вариант» употребляется в разном значении. Этим термином обычно обозначается соотношение разных записей одного фольклорного произведения, в которых имеются какие-либо различия (сюжетные, композиционные, текстуальные и т. д.). Однако так называются как записи одного и того же фольклорного произведения от одного исполнителя в разное время, так и записи от других исполнителей в иных районах страны. Между тем механизм варьирования в этих двух случаях далеко не одинаков, различен и запас варьлируемых деталей, нет прямой связи между текстами и т. д.²⁰ Поэтому важно каждый раз оговаривать, о каких именно «вариантах» идет речь.

Трудность теоретического изучения проблемы варьирования заключается, помимо всего прочего, в неразработанности методов различения изменений, вызванных переосмыслением текста в ходе исторического развития фольклора и вариантов, для которых характерны частичные изменения обратимого характера, т. е. то, что мы уже предлагали называть вибрацией текста²¹. Нам представляется, что без изучения и того и другого процесса нельзя выработать достаточно адекватную методику изучения исторических изменений. По крайней мере уже сейчас ясно, что исторически значимые изменения происходят на фоне постоянной вибрации текста. Если прибегнуть к биологической метафоре, вибрация текста можно уподобить мутациям фенотипа. Биологи знают, что мутации довольно редко закрепляются наследственно, т. е. в генетической традиции.

Вариативность у нас довольно долго противопоставлялась традиции. Большинство различий (замен) представлялось новациями, которые подчас приписывались исполнителю. Сравнительно недавно В. М. Гацак убедительно доказал, что надо весьма осмотрительно приписывать те или иные изменения «личному почину» исполнителя. Часто оказывается, что это только обратимая замена или сюжетный ход, мотив, фразеологическое сочетание, уже имевшиеся в резерве традиции²².

Возникает вопрос: намеренные это или непроизвольные изменения? Вопрос этот тоже мало разработан и достаточно сложен. Ограничимся пока общим предположением, что намеренные изменения, которые, разумеется, имеют место, развиваются на общем фоне непроизвольной вибрации текста, которая нас будет прежде всего занимать в настоящем докладе²³.

Напомним о свидетельствах (правда, сравнительно редких) того, как сами исполнители оценивали это явление, неизменно подчеркивая свою приверженность традиции. Еще П. Н. Рыбников отмечал, что сказители часто усваивали былинку не от одного, а от нескольких учителей. Это могло быть причиной того, что певец поет былинку один раз по одному «варианту, другой раз — по другому»²⁴. Однако различия в разновременных и особенно в близких по времени записи вариантах далеко не всегда отражают намеренный выбор. Именно такие случаи важны для понимания поэтики фольклорного текста. В январе 1921 г. потомок Т. Г. Рябинина Иван Герасимович Рябинин-Андреев приезжал в Петроград по приглашению Института живого слова. В. Н. Всеволодский-Гернгросс наблюдал в эти дни повторные исполнения одних и тех же былин и записывал некоторые из них по нескольку раз. Когда он обратил внимание И. Г. Рябинина на разночтения, тот сказал ему: «А все равно, как хочешь, так и пиши!»²⁵. Примерно то же самое говорил мне И. Т. Фофанов в 1939 г. В очерке о нем в книге «Русские сказители Карелии» в этой связи сообщается: «Иван Терентьевич не мог понять, зачем я каждый раз, когда он поет, что-то пишу. Ведь былина была записана еще дома»²⁶. Что это? Назойливая проверка? Ожидание, что он ошибется? Это даже раз-

дражало его, хоть он старался мне это не высказывать. . . Ценности варьирования, повторной записи и сопоставления отдельных актов исполнения он не понимал. Для него все исполнения были одинаково „правильные“²⁷. По существу, о том же говорил известный сказочник Ф. П. Господарев Н. В. Новикову: «Тебя зовут Николаем, а можно сказать Костя, меня Филипп, а можно назвать по-другому, — так же и в сказках. Есть Иван-царевич, а можно назвать Иван-кузнецкий сын»²⁸. Здесь ясно выражена идея синонимических и обратимых замен.

Приведем примеры, которые мы будем черпать преимущественно из сборников русских былин, так как, с одной стороны, в истории изучения русского эпоса особенно много случаев повторных записей или записей от учителей и учеников (только такие мы и будем цитировать, чтобы не прибегать к примерам разномастного варьирования) и, с другой стороны, методика сопоставления былинных текстов проще и яснее, чем, например, сказочных. Однако следует сказать, что о варьировании былинных текстов на уровне сюжета, композиции, состава повествовательных эпизодов, мотивировок, о различиях в интерпретации образов богатырей писалось значительно больше, чем о варьировании словесного текста («словесной ткани») ²⁹.

До сих пор продолжает распространяться мнение о полной стабильности («окаменелости») «общих мест» (формул) в былинах ³⁰ и почти полной свободе варьирования неформульных строк («мест переходных»), как об этом писал еще А. Ф. Гильфердинг ³¹. Выделение им «общих мест» как стабилизаторов текста, возможно, было направлено против популярной тогда концепции Г. Штейнтала о непрерывной и безудержной подвижности текста народной песни ³².

П. Д. Ухов, показав варьирование формул в масштабах школ сказителей былин, стремился продемонстрировать их неподвижность у отдельных исполнителей. Как уже отмечалось, в его концепции были известные преувеличения, отчасти связанные с тем, что он не учел манеру записи А. Ф. Гильфердинга — механическое перенесение «общих мест» из одной части былины в другую ³³. Изучение сказочных формул Н. М. Герасимовой показало, что различие формульных и неформульных сегментов текста заключается в диапазоне варьирования, а не в «окаменелости» формул и «полной свободе» остального текста ³⁴. Несомненно, что эта же закономерность может быть распространена и на былины ³⁵. Ниже мы продемонстрируем примеры обратимых синонимических замен в былинах без специального разграничения формульных и неформульных фрагментов текста.

Простейший случай такого варьирования — замены так называемых вставных частиц. Он настолько известен и ясен, что мы позволим себе сослаться только на один пример. В примечании к былине № 241 («Добрыня и змей») в томе III сборника Гильфердинга (М., 1940, изд. 4-е, с. 593—594) отмечено тринадцать случаев расхождения начальных частиц при повторном прослушива-

нии. В других примерах мы используем материалы повторных прослушиваний или сопоставлений записей от учителей и учеников из трехтомника А. Ф. Гильфердинга, из сборника М. Д. Криволеновой³⁶, вышеупомянутой статьи Ю. А. Новикова, книги В. И. Чичерова «Школы сказителей Заонежья»³⁷, сборника А. М. Астаховой «Былины Севера», ее же статьи «Былины в Заонежье»³⁸ и сборника Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова «Былины пудожского края», который тоже уже упоминался. При этом было учтено более 100 примеров синонимических замен слов и словосочетаний или, может быть, только более 100, так как основная масса различий падает на синтаксические и морфологические трансформы (т. е. перестановки, смену времени и залога, морфологические и фонетические варианты и т. д.) или на замены слов, не несущих основной смысловой нагрузки (не опорных слов)³⁹.

Примеры, собранные нами, довольно четко разделяются на две группы — собственно синонимические и замены (тоже синонимические), которые можно было бы назвать контекстуальными, т. е. ведущими себя как синонимы, только в определенном контексте.

І. а) Среди синонимов можно встретить слова с очень близкими значениями, но образованные от разных основ, а также фразеологизмы или словосочетания с близкими значениями.

Из сборника А. Ф. Гильфердинга, т. І:

- работник — нанёмник (с. 101, 706)⁴⁰
- неподб́льну — непомёрну (104, 707)
- вино → водка (122, 708)⁴¹
- поддельные [мосточки] — фальшивые (414, 722)
- пошел — сходил (571, 727)

т. ІІ:

- устрашишася — во страхе бысть великоем (703, 576)
- сохраняйте — берегайте (613, 705)

т. ІІІ:

- поднять — приздынуть (6, 685)

Из сборника М. Д. Криволеновой:

- подевались — потерялись (48, 173)
- пристанище — прибежище лодейное, корабельное (69, 139)

Из книги В. И. Чичерова:

- долго просиживаешь — по́долгу долгаешься (44)
- [платье] мыли — кле́плют [платьице] (50)
- подстрелю — убью (100)
- спроговорит — провещал (104—105)
- заржал [его добрый конь] — скрычал по-звериному и засвистал по-змеиному (105)
- не спорил — не перечился (116)
- [шатры] расставляла — раздернула (132)
- сскрутите — облачайте — одевайте (139)
- ворона коня [взяла] — лошадь — добра коня (144—145)
- рассердился — распрогневался (145)

Из сборника «Крестыанское искусство Севера», т. І:

- [омешики] булатные — серебряные (93)

- повыдернуть — поднять (93)
- [а неделька за неделкой] быв трава растет — как метла метет (95)
- стал покрикивать — сказал (96)
- к городам да за получкою — собирать казенных податей (98)
- выпрынул — выпрыгнул (100)

Из сборника *«Былины Севера», т. I:*

- лошадь — конь (714—715)

б) Синонимическое варьирование объясняет вовлечение в текст былины так называемых модернизмов, которые, как правило, режут глаз исследователя, но значительно меньше беспокоили исполнителей, даже тех, у которых было безусловно развитое чувство былинного стиля. Такие примеры встречаются во вступительных статьях ко многим старым сборникам былин. Как правило, при этом для сравнения привлекаются любые тексты. Начнем со случая, когда в одном тексте через несколько строк чередуются модернизмы с традиционной былинной лексикой.

- [написал] письмо на родину — скорописчату грамотку (Рыбников, II, 115)
- армия — силушка (Гильфердинг, II, 688, см. примечание о том, что Т. Г. Рябинин «поправился»)
- и тоже артикул да выкидывает — (строка была вычеркнута собирателем или издателем, несмотря на то что она была в парном сочетании со строкой «И палицей булатною поигрывает»)
- приказывала к себе да паликмахеров — обстригла русы долги волосы (Чичеров, 93, 94)
- пуля — стрелы (Парилова—Соймонов, 447)

II. Контекстуальные синонимы:

а) смена имен и географических названий. Нам уже приходилось писать о том, что при изучении исторических реалий эпоса необходимо с большой осторожностью отнестись к именам и названиям, которые варьируют (в отличие, например, от Киева, который заменяется исключительно редко)⁴². В просмотренном материале в текстовое варьирование (вибрирование) оказалось вовлечено только четыре имени (собственных).

- Волхов — Пучай-река (Касьяновы, 201)
- гора Окатова — поле чистое (Кривополенова, 40, 136)
- Мишка — Федька — Важенский — Вяземский (Чичеров, 134—135)
- Нева-река — Несей-река (Астахова, II, 356, 569)
- короля литовского — короля хоробровского (Гильфердинг, II, 88, 687)

б) встречаются замены чисел, которые показывают, что поэтический «смысл» в таких случаях связан не столько с эмпирическим количественным, сколько с качественным восприятием числа:

- пять лет — шесть лет (Крестьянское искусство Севера, т. 1, с. 96)
- тридцать кораблей — тридцать три корабля (Чичеров, 109).

Отметим, что в карельской и мордовской народной поэзии такая метаморфоза количества в качество — один из постоянных приемов внутритекстовой вариативности. В былинах подобные случаи редки.

в) подобное же приравнивание словарно различных слов или словосочетаний разных категорий дает наибольшее число примеров. Характер их различен, но контекст быliny придает им одинаковую (или сходную) художественную функцию и сходный смысл. Здесь и элементы изобразительного характера, и идеализирующие (подобно эпитетам) словосочетания. Приведем некоторые примеры:

- за горюшки высокие — за лесушки за темные (Чичеров, 35) ⁴³
- походка у ней часта и речь баска — у ней крови то в лица как у белого зайца (Там же, 38).
- [ай же ты волчья сыть], медвежья шерсть — травяной мешок (Там же, 64)
- палаты — подворье — гнездышко (Там же, 66)
- пропил я свою буйну головушку — а я заложил буйну голову (104—105)
- [ай же вы] дружинушки — приказчики мои — слуги мои, вы приказчики (108)
- испроговорит [Садко] — приказал (108)
- [лисица] сибирская — заморская
- питвица медвяное — пиво пьяное (116)
- Потанюшка сподлбья выглядывает — на небо поглядывает (118)
- не крянется — не стряхнется (118)
- из платьев вытряхнул — кожа-то лопнула (134)
- [столики] порассыпались — в щепь прикололись (138)
- крыльца-перильца покосились — а окошечки в стенах все покосились (138)
- отпустите в земли святорусские — отправляйте вы во Киев-град (139)
- ворона [коня] — добра (144—145)
- [пьют воду] руковицей — шеломом — почерпушкам (Касьяновы, 201)
- целовальники — бояре толстобрюхие (Астахова, I, 83)
- маленькие камешки все в стороны валит — а и крупные камешки все в борозду валит (Астахова, II, 713, Рябинины).

Ср.: — а большие то каменья в борозду валит — а крупные каменья в кучи кладет ⁴⁴ (Крестьянское искусство Севера, 100; Касьяновы).

- на глубоких морях — по глубоким озерам (Там же, 100)
- лапоточки шелковые — сафьяновы сапожки (Пудожск, 235)
- село — город (Там же, 478)
- холсты — белье (Кривополенова, 40, 136)
- навязываться — насватываться (Там же, 69, 139)
- [узоры] хитры мудры — заморские — хорошие (Там же, 64, 138)
- причудилось — объявилось (Гильфердинг, I; 104, 707)

- повыиграл он полцарства-полимянитства заморского — повыиграл он да дани-выходы (Гильфердинг, I, 164, 711)
- [солнце светит] на ту ли землю свято-русскую — на тое ли небо на ясное (Гильфердинг, III, 60, 587)
- конь под Ильей да на коленци пал — конь под Ильей да спотыкается (Гильфердинг, III, 386—600)

г) формальную разновидность составляют замены, которые можно было бы назвать контекстуально-метонимическими синонимами.

- шахматы — пешки (Астахова, II, 578)
- повелась у них тут свадьбка — а венцами они повенчались / А перстнями они поменялись (Кривополенова, 70, 139)
- золотой казны-денег (Там же, 108)
- захватила [в смысле «спрятала»] Василья в соболиную шубоньку —хватила под правую пазуху (Там же, 118)
- косы русые — долги волосы (Там же, 93—94)

Многие из приведенных примеров кажутся заимствованными из одного текста (одной записи), между тем все они — из повторных записей или записей от учеников и учителей. Это не должно удивлять, потому что и в том и в другом случае действовал схожий механизм: синонимические параллели как прием развертывания текста и варьирование слов, словосочетаний, строк и т. д. при разных исполнениях. Особенно интересно в этом смысле приравнивание, как сказали бы в XVIII в., «далековатых понятий», превращение их в изофункциональные и равнозначные по смыслу контекстуальные синонимы. В «клеточном» виде эти варианты напоминают известные в русском фольклоре контекстуально-синонимические пары «калина—малина», «гуси—лебеди», «ельник—березник» и т. д.⁴⁵ Вместе с тем обратим внимание на то, что это тоже не тавтологические сочетания, но и не синонимы в словарном смысле. Они становятся синонимами, потому что выполняют сходную поэтическую функцию, варьируют ее словесное воплощение. Это как бы асимметричные синонимы, уподобленные и одновременно расподобленные. В словах или словосочетаниях, способных заменять друг друга, выделяется какое-то качество или семантическая особенность, которые их сближают. Поэтическая же их функция в контексте, как правило, не изображать, а обозначать нечто при помощи сопоставления этих выделенных качеств⁴⁶. Так, лексемы «калина» и «малина» в парном сочетании превращаются в обобщенную сему — в эротический символ при помощи выделенного в них общего качества — красного цвета; «гуси» и «лебеди» обозначают птиц вообще, полет и т. д., «ельник» и «березник» — общую идею леса, растительности, зарослей⁴⁷. Различие в том, что контекстуально-синонимические пары или словосочетания, стоящие в одном тексте рядом, обозначают «средний смысл» (семантический вектор), если же они употреблены в «родственных» вариантах, то это означает вибрацию текста. Во втором случае они не формируют смысл текста, но исследователю они могут показать тот действительный «смысл» варьируе-

мых элементов в системе изучаемого текста, который им реально приписывала традиция.

Несомненно, что сходный механизм варьирования действует и на других уровнях. Однофункциональные элементы могут заменять друг друга не только на словесном уровне (формульные и не формульные сегменты), но и на уровне мотивов-эпизодов, действующих лиц и т. д. В этом свете представляются тщетными попытки установить, в составе какого именно былинного сюжета возник тот или иной мотив (эпизод). Большинство подобных мотивов, вероятно, принадлежит к общеэпическому резерву варьирования («эпическое знание» по другой терминологии), который мог пополняться различными способами (анalogии, парафразы, новации и т. д.) при исполнении былин со сходными повествовательными ситуациями.

Как это давно уже установлено лингвистами, в традиции (языке) закрепляется то, что рождается в процессе функционирования (в речи), и наоборот, вариационная природа функционирования связана с возможностями, накопленными традицией. В этом процессе, видимо, значительную роль играл закон асимметричной контекстуальной синонимии, действующий на разных уровнях фольклорного процесса — от словесного до сюжетного. Но пока это в большей мере предположение, которое еще предстоит доказать.

Представление о том, что обратимые замены в «родственных» текстах показывают подлинное значение варьируемых элементов, могло бы лечь в основу вариационного метода изучения семантики фольклорных текстов. По недостатку места мы не можем охарактеризовать этот метод подробнее. Придется позже обратиться к этому вопросу специально.

Обозревая приведенные примеры, можно сказать, что значительная часть синонимов принадлежит не специальной былинной, а общефольклорной (горы—леса, меды сладкие, пиво пьяное и т. д.) или даже общезыковой традиции. Однако, видимо, не все.

Итак, варьирование — естественный способ существования традиции. В такой же мере естественны обратимые словесные замены при разных актах исполнения. Каждое различие невозможно приписывать «личному почину» исполнителя, хотя, разумеется, он не исключается вовсе. Этот почин выражает или, точнее, выражался в варьировании за счет резервов, созданных традицией, и реже — в новациях в собственном смысле этого слова. И наоборот, варьирование на разных уровнях (не только на уровне текста) — органическое свойство былинной (и шире — фольклорной) поэтики и один из важнейших способов накопления резервов традиции, владение которой облегчало исполнителю воспроизведение текста. И еще один вывод: в основе варьирования текста, видимо, обычно была не слабость памяти, а определенные правила запоминания и воспроизведения текста. «Точное» воспроизведение, к которому стремились исполнители, не означало дословного повторения, а допускало определенный диапазон колебаний (вибрацию словесной ткани текста), вариативное вос-

произведение того, что, пользуясь лингвистической терминологией, можно назвать «глубинной структурой» (сюжет, композиция, набор и состав мотивов, образы богатырей и т. д.). Характерно, что, выявляя механизм варьирования (вибрирования) текстов, мы вместе с тем обнаруживаем и его стабилизаторы (на уровне текста — тот «средний смысл», семантическую равнодействующую, обобщенную поэтическую функцию, о которых мы говорили). Варьируемые элементы на каждом уровне, вероятно, связаны со стабилизаторами на более высоком уровне. Это тоже проблема, которая требует специального рассмотрения.

Сказанное о правилах запоминания и воспроизведения текста, по-видимому, можно распространить на все жанры фольклора, но только в принципе, только *mutatis mutandis*. Уже приходилось писать о том, что дифференциация жанров могла бы быть осуществлена (кроме других критериев) по характерному для каждого из них способу запоминания и воспроизведения текстов ⁴⁸.

*

Обратимые синонимические замены, когда они демонстрируются рядом, производят впечатление цитат из одной записи. Мы узнаем в них нечто сходное с обычными для русских фольклорных текстов синонимическими парами, или синтаксическими параллелизмами, которые в русской и славянской фольклористике изучаются давно. Накоплен большой опыт по их обобщению. Из работ послевоенных лет следует упомянуть серию статей И. А. Оссоветского 50—60-х годов, книгу А. П. Евгеньевой «Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XIX вв.», опубликованную сравнительно недавно книгу Е. Б. Артеменко «Синтаксический строй русской народной лирической песни в аспекте ее художественной организации» (Воронеж, 1977), а также серию статей Т. А. Хроленко о паратаксисе ⁴⁹ в русском фольклоре.

Успехи в изучении синонимических параллелизмов, повторов и паратактических конструкций особенно значительны в сфере лирической песни. Они широко известны. Это освобождает нас от необходимости излагать результаты, добытые специалистами — лингвистами и фольклористами ⁵⁰, и дает возможность сосредоточиться на вопросах внутритекстовой вариативности в связи с проблемами теоретической поэтики фольклорного текста, также преимущественно на материале русской народной лирической песни.

Вопрос о вибрации словесной ткани как особенности поэтики фольклора, о которой шла речь в предыдущей главе, было целесообразно рассматривать на примере жанра нарративного (повествовательного) и вместе с тем стихотворного, так как такое сочетание обеспечивает максимальную устойчивость «глубинной структуры» текста (например, по сравнению со сказкой). Кроме того, былина — жанр с ярко выраженной эстетической доминан-

той — дает образцы значительного развития дополнительной сети внутритекстовых связей, которые надстраиваются над собственно языковой структурой текста. И наконец, тексты былин являются закрытыми системами (по сравнению, например, с причитаниями, преданиями, быличками и т. д.)⁵¹.

Для изучения внутритекстового варьирования целесообразно обратиться к лирической песне архаического типа. Текст ее не регулируется сюжетом, и поэтому легче обнаруживаются собственно текстовые закономерности. Для того чтобы уяснить общие отличия построения фольклорного и литературного текстов, следует исходить из их фундаментальных отличий в теоретико-коммуникативном плане. Фольклорный текст — это текст устный, т. е. произносимый исполнителем и воспринимаемый на слух; литературный — зафиксированный, читаемый и воспринимаемый в процессе чтения⁵². Это предопределяет различие процесса развертывания структуры литературного и фольклорного текста.

После того как было осуществлено систематическое изучение русской разговорной речи и устных форм литературного языка, яснее стали подлинные отличия языка фольклора и вместе с тем фольклорной речи как особой разновидности устной речи.

Исполнение (воспроизведение) фольклорного текста (пение, речитатив, рассказывание) предстает как процесс выявления его структуры и синтеза его смысла. И то и другое совершается в процессе развертывания текста как линейного словоряда с его специфической логикой, грамматическими формами и внутритекстовыми связями эстетического характера.

В отличие от письменного (печатного) текста «перечитывание» устного текста невозможно. Именно поэтому в устной речи вообще и в фольклорной в особенности вырабатывается (и наоборот, в литературном языке по мере его развития теряется) целая система приемов. Они помогают так называемой оперативной памяти удерживать в сознании воспринимающего уже произнесенные отрезки текста и актуализировать те его элементы, которые по мере развертывания текста вовлекаются в разнообразные внутритекстовые связи. Поэтому для понимания самых общих законов фольклорного текста очень важно выяснить хотя бы некоторые закономерности процесса структурирования текста в ходе его произнесения. Проблема эта весьма сложна. С одной стороны, необходимы эмпирические исследования отдельных жанров и отдельных текстов русского фольклора и фольклора других народов (так как конкретные формы этого процесса находятся в прямой зависимости от грамматического строя языка, его акцентологии, звукового состава, системы лексики и т. д.), с другой — осмысление современной теории устной речи⁵³ и лингвистики текста⁵⁴ в приложении к фольклору. В настоящем докладе мы предпринимаем такую попытку, но только в свете теории вариативности текста как проблемы поэтики.

Устная речь в процессе ее произнесения обычно в большей мере, чем текст письменный и предназначенный для чтения (если

не иметь в виду средневековые тексты), расчленяется на относительно небольшие структурные единицы-звенья. Каждое такое звено сцепляется с последующим и предыдущим различными связями⁵⁵ синтаксического, логического, ассоциативного и др. характера. Более того, даже отдельные предложения в потоке устной речи тяготеют к внутреннему синтаксическому расчленению. Даже относительно элементарные предикативные единицы могут включать так называемые перебивы, сочетания «именительного темы» со следующим за ним синтаксическим сегментом, содержащим повтор либо заместитель подлежащего (местоимения и др.), и сказуемое. Все это приводит к тому, что по сравнению с письменной речью синтаксические связи в масштабах обычного предложения кажутся распадающимися, «правильные» конструкции заменяются «неправильными» и т. д. С этим впечатлением исследователей, воспитанных на литературной речи в ее письменной «урегулированной» форме, связана тенденция объяснять подобные явления исключительно (или с некоторыми оговорками) неподготовленностью, спонтанностью, импровизированностью устной речи. Все это должно в равной степени объяснять также и моменты, свидетельствующие о синтаксической «неполноте», и элементы синтаксической «избыточности» устной речи. Разумеется, и то и другое уже давно не трактуются как недостаток. Обо всем этом говорят как об особенностях устной речи, связанных с ситуативностью, интенсивной коммуникативностью, диалогичностью и непосредственным присутствием партнера, вовлечением в речь паравербальных элементов и т. д.

Изучение языка фольклора показывает, что он не только обладает сходными особенностями, но и демонстрирует их наиболее яркие и особенно интенсивные формы. И все же очевидно, что фольклорную речь (разумеется, если иметь в виду жанры с доминирующей эстетической функцией) ни в коем случае нельзя считать речью неподготовленной, спонтанной, неурегулированной и т. д. За ее плечами многолетняя, порою многовековая традиция. Или, может быть, точнее: жанры фольклора располагаются широким спектром между речью действительно спонтанной и речью интенсивно отрегулированной. При этом так называемые импровизационные жанры далеко не всегда наименее урегулированные. Так, например, причитания импровизировались, однако по относительно жестким правилам и при наличии большого, накопленного традицией запаса стереотипных формул.

Современная лингвистика выработала максимально обобщенные варианты формализованных моделей связного текста. С некоторыми различиями они показывают принципиальную логическую расчлененность и вместе с тем цепьевидность, кумулятивность глубинной структуры каждого текста — письменного, устного, разговорного, делового, художественного и т. д. Различия заключаются главным образом в степени трансформированности цепочки, с которой встречается исследователь, обращаясь к словесной ткани (словесному воплощению) этой модели. В наиболее

сложных письменных текстах (художественная проза) модель глубинной структуры может быть выявлена только путем значительных исследовательских усилий и, как правило, только на обобщенно-логическом (гносеологическом) уровне. И членение текста на логические звенья, и основные регуляторы (актуализаторы) внутритекстовой связи («когезии» по терминологии лингвистики текста) в наиболее сложных и отработанных разновидностях (жанрах) письменной речи выступают, как правило, в трансформированных, завуалированных, тонких формах. Когда же мы обращаемся к фольклорной речи, мы снова сталкиваемся с теоретическим парадоксом. Фольклорный текст с доминантной эстетической функцией на фоне разговорной речи в ее «неурегулированных» формах выглядит как максимально урегулированный. По сравнению же с письменной художественной речью он, с одной стороны, столь же урегулирован, но, с другой стороны, в своих словесных формах с большей отчетливостью отражает абстрактную и формализованную модель. И наконец, на фоне разговорной и фольклорной речи литературная речь выглядит как максимально удаленная как от естественной формы, так и от абстрактной глубинной модели.

Сложная группировка «непосредственных составляющих» и синтагм, расхождение так называемого актуального членения предложения с его логической и грамматической структурой, формирование сложных подчинительных связей, дистанционный разрыв подлежащего и сказуемого, развертывание определительных и обстоятельных словогрупп — все это и многое другое приводит к сложному синтаксическому синтезу. Восприятие усложненной литературной речи требует подчас значительного напряжения воображения и оперативной памяти. Для того чтобы воспринимать текст, читатель должен аналитически расчлнить его, соотнести взаимозависимые слова, синтагмы, фрагменты речи друг с другом и потом вторично синтезировать их. Этот синтаксический и логический механизм, как и способность его восприятия, — несомненное достижение человеческой культуры, позволяющее выражать самые сложные оттенки мысли и чувства.

Естественно, что устная речь и восприятие ее на слух не могут основываться на столь сложном механизме. Поэтому она всегда четко расчленена. Говорящий избегает усложнений. Устная речь — это речь аналитическая, стремящаяся путем повторов, употребления различного рода «актуализаторов», создания поля синтаксического напряжения на коротких отрезках текста превратить каждое высказывание в максимально выразительный и наилучшим образом воспринимаемый акт.

Обратимся к одной из наиболее авторитетных формализованных моделей связанного текста, предложенной Ф. Данешом⁵⁶. Она основана на выявлении типичного движения «тем» (*datum*) и «рем» (*novum*)⁵⁷ или так называемой рема-тематической прогрессии или, проще: эта модель базируется на понимании любого высказывания как предикативности, а текста — как цепочки взаимосвязанных предикативных ячеек, т. е. связанная речь мыслится

как нанизывание предикативных единиц, логически вытекающих друг из друга. Это обеспечивает постепенную, расчлененную, ступенчатую (или «пошаговую») подачу того, что составляет суть сообщаемой информации.

Текст по этой модели представляется в виде тема-рематической цепочки, в которой тема каждого звена оказывается трансформированной ремой предыдущего звена. Эта схема хорошо согласуется с самым общим представлением теории информации, по которому информация есть всегда сообщение нового по связи с известным. В модели элементарного предложения это реализуется в виде предикации, т. е. сообщения чего-то о подлежащем при помощи сказуемого:

$$T \rightarrow R,$$

где T — тема, а R — рема.

Выделяются три типа таких цепочек ⁵⁸.

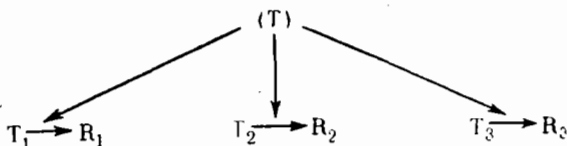
I тип. Простая линейная прогрессия:

$$\begin{array}{c} T \rightarrow R \\ \downarrow \\ T_1 (=R) \rightarrow R_1 \\ \downarrow \\ T_2 (=R_1) \text{ и т. д.} \end{array}$$

II тип. Со сквозной темой:

$$\begin{array}{c} T_1 \rightarrow R \\ \downarrow \\ T_1 - R_1 \\ \downarrow \\ T_1 - R_2 \end{array}$$

III тип. Производные темы, вытекающие из общей темы:

Формально трансформация ремы в тему и связь между отдельными звеньями логической цепочки, лежащей в основе структуры текста, могут быть выражены (актуализированы) через местоимения-заменители, показатели времени и модальности, повторы, параллелизмы и т. д. ⁵⁹

Чем поэтически насыщеннее и эстетически отработаннее язык фольклорного произведения, чем четче его членение на элементарные единицы-синтагмы и тем выраженнее внешне показатели связи между этими примыкающими друг к другу и, на первый взгляд, автономными единицами. Как хорошо показала Е. Б. Артеменко, в русской песне подобные предикативные единицы часто совпадают со строкой или распределяются по соседним строкам.

В сказке текст членится на семантически равновеликие сегменты-блоки текста, часто с анафорическими актуализаторами («вот», «тогда», «тут он» и т. д.). Линейно расчлененный фольклорный текст, как это уже было показано нами, насыщается сетью нелнейных связей, надстраивающихся над обычной сетью линейных связей (возвраты, вертикальные связи между строками, параллелизмы и т. д.).

Мы не можем углубляться в эти сложные и интереснейшие вопросы. Важно, что отдельные звенья речи (тем более — устной и тем более — фольклорной) в линейном движении приравняются, вытекают друг из друга и (или, точнее, тем самым) как бы повторяют друг друга. Совершается это только в каких-то определенных аспектах, таким образом, они не только уподобляются, но одновременно и обязательно расподобляются. Они представляют собой не тавтологические единицы текста, а вариационно уподобленные звенья, как бы асимметричные синонимические конструкции, которые, следуя друг за другом и аналитически расчленяя речь, одновременно обеспечивают возможность ее линейного движения и постепенного, но неуклонного синтезирования.

Таким образом, «поверхностная структура» фольклорного текста (его словесные воплощения), как это неудивительно, максимально близка к абстрактной модели текста вообще. Это объясняется не только тем, что далекие корни фольклорной поэтики восходят к ранней стадии развития человеческой речи. На всех последующих стадиях фольклорная речь также оставалась устной и тоже отличалась расчлененностью, наличием возвратов и явных актуализаторов, хотя и в значительно менее интенсивной форме. Именно поэтому язык предания и былички, которые рассказываются прозой и относительно слабо выделены из потока разговорной речи, выглядит значительно проще, менее отрегулированным по сравнению, например, с языком сказки и особенно архаического слоя традиционной фольклорной песни, приближающимся к прямому осуществлению абстрактной модели текста.

Характерно, что архаическая фольклорная песня дает нам великолепные примеры максимально медленного движения текста при его оптимальной ясности. Это достигается вариационным развитием расчлененных и вместе с тем контактных единиц текста, следующих друг за другом. Приравнение, о котором мы говорили, может осуществляться синтаксическим параллелизмом строк, их ритмической и семантической равноценностью, их мелодическим расчленением, лексической синонимичностью, децентрализацией сказуемых, относящихся к одному подлежащему, введением слов или имен-заместителей, возвращающих к предыдущим (или предыдущим) синтагмам и т. д.

Образцы наиболее ясного цепьевидного построения можно найти среди так пазываемых кумулятивных песен. Они по своему характеру весьма близки к кумулятивным сказкам или, может быть, наоборот, — отчетливость их цепьевидной композиции, построенной на повторениях подобных эпизодов, производит на че-

ловека, привыкшего к сложной композиции текста современной художественной прозы, песенное впечатление. Таковы известные всем с детства сказки «Колобок», «Репка» и др. со схемой $A + A_1 + A_2 + A_3$ и т. д., отражающей, видимо, наиболее архаичский из возможных видов повествовательного сюжета ⁶⁰.

Наиболее элементарную стихотворную конструкцию с темарематической прогрессией (Ф. Данеш, тип I) можно проиллюстрировать не менее известной стихотворной сказкой «Коза»: (ATh 2015)

$T \rightarrow R$	Нет козы с орехами,
$\downarrow$	
$T_1(=R) \rightarrow R_1$	Нет козы с калеными!
$R_1(=T)$	Добро же коза! Пошлю на тя волки.
$\downarrow$	Волки нейдут козы гнать:
$T_2(=R_1)$	Нет козы с орехами,
$\rightarrow R_2$	Нет козы с калеными!
$R_2(=T)$	Добро же волки! Пошлю на вас медведь.
$\downarrow$	Медведь нейдет волков гнать.
$T_3(=R_2)$	Нет козы с орехами,
$\rightarrow R_3$	Нет козы с калеными!
	Добро же медведь! Пошлю на тя людь ⁶¹ .

На «людь» хотят послать «дубье», на «дубье» — топор, на топор — камень и т. д. и т. п. В заключение посылается буря и вся цепочка повторяется в обратном порядке. Здесь структура не только обнажена, она нарочито обыгрывается, членение подчеркнуто рефреном, а сама цепьевидность — зеркальной композицией (обратимостью цепочки).

Приведем примеры словесной реализации модели 1-го типа по схеме Ф. Данеша из русских лирических песен:

$T \rightarrow R$	По горенке похожу, в окошечко погляжу,
$T_1(=R) \rightarrow R_1$	В окошечко погляжу, по миленьком потужу,
$T_2(=R_1) \rightarrow R_2$	Тужила я, плакала, заливалась слезами,
$T_3(=R_2) \rightarrow R_3$	Заливала я, девушка, все дорожки и лужки,
$T_4(=R_3) \rightarrow R_4$	Все дорожки и лужки, славны круты бережки,
$T_5(=R_4) \rightarrow R_5$	За этим за бережком бежит речка, не шумит.
$T_6(=R_5) \rightarrow R_6$	За этой за реченькой тут зеленый сад стоит,
$T_7(=R_6) \rightarrow R_7$	В этом во садике соловейка поет.
$T_8(=R_7) \rightarrow R_8$	Ты не пой соловушко, не пой громко во саду и т. д. ⁶²
	<i>Свадебная:</i>
$T \rightarrow R$	Не ясен ли сокол, да сокол по горам летал,
$T(=R) \rightarrow R_1$	Он летал-то он ли, летал, да сокол лебедей искал,
$\downarrow$	
R_1	Ой, все лебедушек искал,
$T_2(=R_1) \rightarrow R_2$	Он нашел-то ли стадо, ой, стадо на крутой горе,
$\downarrow$	
R_2	Ой, все на крутенькой горе
$T_3(=R_2) \rightarrow R_3$	Тут лебедушки сидят, ой, сидят все то белешеньки,
$\downarrow$	
R_3	Ой, все белешеньки сидят.
$T_4(=R_3) \rightarrow R_4$	Что одна то ли лебедь, ой, да лебедь поболее всех.
$\downarrow$	
R_4	Ой, поболее-то лебедь всех,
$T_5(=R_4) \rightarrow R_5$	Понарядливее лебедь, всех, ой, да лебедь понарядливее
$\downarrow$	
R_5	Понарядливее лебедь, всех, ой, да лебедь подогадливее ⁶³

Солдатская:

T	Братцы мои, товарищи,
↓	
R	Вы не киньте меня,
T ₁ (=R)	Не киньте, не бросьте
↓	
R ₁	На чужой дальней стороне!
↓	
T ₂ (=R ₁)	На чужой дальней сторонushке
↓	
R ₂	Меня сон склонит,
T ₂ (=R ₁)	Скрозь мою головушку
↓	
R _{2a}	Руда потекла,
↓	
T ₂ (=R ₁)	Скрозь мою сердечышку
↓	
R _{2б}	Трава проросла,
T ₃ (=R _{2б})	Травушка-муравушка
↓	
R ₃	Зеленый лужок и т. д. ⁶⁴

Итак, в самой общей форме можно сказать, что фольклорный текст представляет собой цепочку расчлененных и примыкающих друг другу относительно автономных единиц, уравненных в своей логической структуре. Линейное движение такой цепочки обеспечивается вариационным повторением однородных элементарных структур, асимметричной синонимией рядом стоящих единиц по отношению друг к другу.

Когда мы говорили об «обнаженности» абстрагированной схемы в фольклорном тексте, особенно в тексте лирических песен, мы, разумеется, не отрицали различного рода усложнений, однако относительно простых по своему характеру по сравнению со стилизованными трансформациями в литературном тексте. В приведенных примерах мы уже встречались с подобными усложнениями. Так, в первом примере рема-тематическое движение усложнено рефреном, повторяющимся Т, однако соотношенным с очередной ремой (нет козы с орехами, так как не идут волки, так как не идут медведи, так как не идут люди и т. д.).

Второй пример — образец четкого членения и ступенчатого тема-ремного перелива. В третьем примере рема каждый раз повторяется, и это также обеспечивает плавность и четкость метаморфоз $R=T$. В четвертом примере — усложнение иного характера. Предикативная единица $T_2(=R) \rightarrow R_2$ подвергается вариативному утроению.

Наши примеры не претендуют на типологию словесного воплощения «глубинной структуры», которая на максимально абстрагированном уровне аналогична логической предикативной цепочке Данеша. Мы хотели только показать, что такая проблема может быть поставлена. Мы цитировали только начальные фрагменты песен. Некоторые из них построены целиком именно так. Однако, как показывает просмотр текстов песен по классическим сборникам, многие из них дают примеры различного сочетания

трех основных типов схемы Данеша, которые сопровождаются не только усложнениями (о некоторых из них мы уже говорили), но и различного рода развертываниями, преимущественно тоже расчлененного характера (повторами, параллелизмами и т. д.). В нашем четвертом примере утроение R_2 можно также толковать как гипертему с тремя подтемами, каждая из которых оснащена своим предикатом. В песне «Ах, ты день ли мой денечек» из сборника Н. Львова и Прача (№ 47) после двух номинативных синтаксических единиц-строк, которые могут быть истолкованы и как своеобразные предикации («прекрасный вечерок!»), следуют два нормальных звена, потом — вариационно утроенная рема, потом — тема с двойной предикацией, утроение этой же темы и снова нормальная цепочка⁶⁵. В песне под № 54 «Я по светлице хожу» из того же сборника за конструкцией из темы с удвоенной подтемой следует утроение и затем — нормальная цепочка. Такая разросшаяся строфа здесь повторяется трижды. Вариационные повторения обеспечивают вместе с тем «движение» поэтической темы.

Широко известны композиции, построенные на развернутом психологическом (и синтаксическом) параллелизме. О них много писалось. Известно, что они составляют одну из важных особенностей русской лирической песни⁶⁶. Принципы подобного построения особенно основательно обследованы в книге Е. Б. Артеменко «Синтаксический строй русской народной лирической песни в аспекте художественной организации» (1977) и в серии работ А. Т. Хроленко о паратаксисе в русской лирической песне, которые мы уже упоминали и к которым мы отсылаем читателя. Весьма интересные наблюдения о соотношении структуры текста и структуры напева содержатся в книге И. И. Земцовского «Русская протяжная песня» (Л., 1967)⁶⁷.

Мы уже говорили, что движение тем и рем в цепочке Ф. Данеша можно интерпретировать в свете теории вариативности как нанизывание и одновременно варьирование внутритекстовых асимметричных и в то же время изоморфных (структурно подобных) единиц. Или, иначе, движение осуществляется посредством вариационного сочетания старого с новым. Это напоминает обычную асимметричную синонимию в ее самом общем виде. Как мы стремились показать, все это имеет для поэтики русской народной лирической песни не только абстрактно-теоретическое, но и вполне реальное значение. Словесная ткань русской лирической песни демонстрирует в минимально усложненном варианте почти обнаженное и прямое воспроизведение абстрактной модели связного текста.

Мы предполагаем, что этот вывод можно перенести и на другие, по крайней мере архаические, жанры фольклора (в русском фольклоре — на старшие исторические песни, баллады, сказки, календарно-обрядовые песни, причитания и т. п.). Наблюдения Б. Н. Путилова (былины и исторические песни), Д. М. Балашова (баллады), наши (причитания) подтверждают это⁶⁸. Сходные суждения о строении текста сказки народов Европы можно найти в целом ряде работ известного швейцарского сказковеда М. Люти,

особенно в его монографии «Сказка как художественное произведение». Здесь в главе «Повторы и вариативность» он пишет об «оргии повторов» (*Orgie der Wiederholungen*) и вместе с тем говорит, что «вариативность в сказке... представляет собой не что иное, как модифицирование повторов»⁶⁹, причем относит и повторы и вариативность не к закономерностям порождения связного текста, а к закономерностям самой действительности. Это заставляет предположить, что изучение словесной структуры текста сказок может привести к весьма близким результатам.

Тип вариативности, о котором мы говорили в этом разделе доклада, можно обозначить как внутритекстовую структурную вариативность. Видимо, она является одним из важнейших принципов развертывания фольклорного текста вообще и песенного в особенности. Вместе с тем она, вероятно, один из наиболее общих принципов поэтики фольклорного текста, дающих ключ к пониманию многих его особенностей и эволюции.

Сказанное ведет к следующему выводу: фольклорная поэтика, особенно поэтика фольклорного текста, должна изучаться, кроме других возможных аспектов, как преимущественно *вариационная* поэтика. Изучая процесс формирования и воспроизводства словесных структур, именуемых фольклорными, мы должны учитывать, что вариативность является структурообразующим принципом и вместе с тем формой существования этих структур. Это, однако, не должно вести к преувеличению значения вариативности, некоему «панвариатизму», который был, например, свойствен музыкаведческой концепции Б. Соболя, о чем недавно напомнил И. И. Земцовский⁷⁰. Всякое изучение механизма варьирования предполагает одновременное изучение стабилизаторов текста. Мы можем еще раз повторить то, что уже однажды писали: вариативность есть способ существования традиции. Изучение проблемы вариативности должно вестись на разных уровнях, и оно не исключает, а, наоборот, предполагает тесную связь этой проблемы с проблемами генезиса, истории, исторической и структурной типологии, семиотики и т. п. фольклора.

¹ См.: Смысловое восприятие речевого сообщения: (в условиях массовой коммуникации). М., 1976; *Сорокин Ю. А.* Смысловое восприятие текста и биопсихология. — В кн.: Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Шахнарович А. М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М., 1979, с. 234—287 (библиография на с. 313—323).

² *Чистов К. В.* Вариативность как проблема теории фольклора: (Тезисы). — In: *Interetnické vzťahy vo folklóre karpatskej oblasti*. Bratislava, 1980, s. 21—34; см. также: *Čistov K. V.* Variabilität als theoretische Problem der Folkloristik. — *Lêtopis*, Bautzen, 1976, Reihe C, N 19; *Чистов К. В.* Вариативность као проблем теорије фолклора. — Народно стваралаштво, 1976/1977; св. 57—61; *Чистов К. В.* Традиция, «традиционные общества» и проблема варьирования. — СЭ, 1981, № 2, с. 105—107. Ср. опубликованную в 1980 г. и написанную параллельно с моими «тезисами», очень близкую по оценке значения вариативности и пониманию ее природы статью И. И. Земцовского «Проблема варианта в свете музыкальной типологии (опыт музыкаведческой постановки вопроса)» (Актуальные проблемы современной фольклористики: Сборник статей и материалов. Л., 1970, с. 36—

- 50). Естественно, что И. И. Земцовский рассматривает проблему вариативности (у него — «вариантности») с позиции музыкально-фольклористической теории. См. также его статью «Введение в вероятностный мир фольклора: (к проблеме этномусиковедческой методологии)» [в печати].
- ³ *Галлерин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981, с. 5, 15, 18 и др. Здесь же (с. 18) см. обзор некоторых определений текста (Э. Косериу, М. Хэллiday, А. Греймас и др.). См. также: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. VIII. Лингвистика текста.
- ⁴ Ср. статью А. Л. Гришунина «Текстология» в «Краткой Литературной Энциклопедии» (т. 7, стб. 444—453) или Б. Н. Путилова «Вопросы текстологии произведений русского фольклора». — В кн.: Издание классической литературы: Из опыта «Библиотеки поэта». Л., 1963, с. 17—58; *Путилов Б. Н.* Современная фольклористика и проблемы текстологии. — Рус. лит., 1963, № 4; *Чистов К. В.* Современные проблемы текстологии русского фольклора: Доклад на заседании Э디션но-текстологической комиссии V Международного съезда славистов. М., 1963, а также последующие издания, особенно сборники «Принципы текстологического изучения фольклора» (Л., 1966) и «Текстологическое изучение эпоса» (М., 1971).
- ⁵ См., например: *Путилов Б. Н.* К вопросу о составе разноречного песенного цикла (былина о Соколе-корабле) — В кн.: Русский фольклор. М. Л., 1961, вып. IV, с. 306—308. «В природе, — пишет Путилов, — просто не существует таких вариантов одной песни, которые, будучи наложены друг на друга, не показали бы различий по строкам» (с. 307).
- ⁶ *Lüthi M.* Urform und Zielform in Sage und Märchen. — *Fabula*, 1967, Bd. 9, H. 1/3, p. 13—40. *Korompay B.* Zur finnischen Methode: Gedanken eines Zeitgenossen. Helsinki, 1978.
- ⁷ Свод таджикского фольклора: Проспект. Рубан. Четверостишия. Душанбе, 1970.
- ⁸ Свод таджикского фольклора. М., 1981, т. 1, с. 12.
- ⁹ Свод таджикского фольклора, с. 11.
- ¹⁰ Прав И. И. Земцовский, заявляя: «Единственная принципиальная реальность в фольклоре — это вариантыные взаимоотношения схожих произведений, которые соотносятся между собой, однако, не по принципу первичности и вторичности, а как более или менее равноправные „вариации“ на несуществующую „тему“. Они вариантыны лишь по отношению друг к другу. . .» (*Земцовский И. И.* Проблема варианта. . ., с. 38).
- ¹¹ *Левинтон Г. А.* К проблеме изучения повествовательного фольклора. — В кн.: Типологические исследования по фольклору. М., 1975, с. 304. См. также: *Чистов К. В.* Вариативность как проблема теории фольклора. — В кн.: Краткое изложение докладов на научных сессиях 1974—1976 гг. Института этнографии АН СССР. Л., 1977, с. 28—30.
- ¹² *Чистов К. В.* Вариативность как проблема теории фольклора, с. 30. Интересные наблюдения над неформальными сегментами текста сказки см. в статье: *Адлейбы Д. Я.* Неформально-повествовательные стереотипы в волшебной сказке. — В кн.: Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР: Поэтика и стилистика. М., Наука, 1980, с. 139—159.
- ¹³ *Богатырев П. Г.* Импровизация и нормы художественных приемов на материале повестей XVIII века, надписей на лубочных картинках, сказок и песен о Ереме и Фоме. — В кн.: Вопросы теории искусства. М., 1971, с. 401—421; *Колпакова Н. П.* Варианты песенных зачинов. — В кн.: Принципы текстологического изучения фольклора. Л., 1966, с. 187—219; *Путилов Б. Н.* Искусство былинного певца: (Из текстологических наблюдений над былинами). — Там же, с. 220—259; *Гацак В. М.* Эпический певец и его текст. — В кн.: Текстологическое изучение эпоса. М., 1971, с. 7—46; *Кирдан Б. П.* Варьирование кобзарем М. Кравченко думы «Бедная вдова и три сына». — Там же, с. 47—63; *Гацак В. М.* Сказочник и его текст. — В кн.: Проблемы фольклора. М., 1975, с. 44—53; *Он же.* Поэтика эпического историзма во времени. — В кн.: Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР: Поэтика и стилистика. М., 1980, с. 8—47; *Черняева Н. Г.* Опыт изучения эпической памяти. — Там же, с. 101—134; *Новиков Ю. А.* Еще раз об источниках былин И. Касьянова: (тексто-

- логические заметки). — В кн.: Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981, с. 219—232; *Ведерникова Н. М.* Контаминация в русской волшебной сказке: Автореф. канд. дис. М., 1970; *Иванова Т. Г.* К вопросу о контаминации в волшебной сказке: (На материале беломорских сказок). — В кн.: Русский Север. . . , с. 233—247. Назовем также некоторые исследования зарубежных славистов: *Jech J.* Variabilität und Stabilität in den einzelnen Kategorien der Volksprosa. — *Fabula*, 1967, Bd. 9, H. 1/3, s. 55—62; *Sirovatká O.* Faktory, variabilního procesu v lidové písni. — *Narodopisný vestník československy*, 1967, N 2, s. 183—195 (см. библиографию); *Simonides D.* Mechanizm zycia opowiadań ludowych (na przykładzie szlaska). — In: *Między dawnymi a nowymi laty: Studia folklorystyczne*. Wrocław; Warszawa, 1970, s. 299—320; *Осинин Д.* Вариантите в творчески метод на народните певци. — В кн.: Проблеми на българския фолклор: Докл. и изслед. София, 1972, с. 81—93; *O živote pisne v lidové tradici Variabilní proces ve folkloru*. Brno, 1973; *Латковский В.* Народна книжечност. Београд, 1975, с. 15—19; *Парпулова Л.* Вариаентността във фолклора — социални и естетически аспекти. — В кн.: Фолклор и общество. София, 1977, с. 242—251; *Jagello J.* Model-wariant: (stare i zmienne ballady ludowe). — In: *Literatura ludowa i literatura chłopska*. Lublin, 1977, s. 15—29; *Кузманова В.* Коммуникативно поведение на изпълнители и контекст на общуване. — В кн.: Фолклор, език и народна съдба. София, 1979, т. IV, с. 89—96; *Słownik ludowych stereotypów językowych: Zeszyt próbny*, Wrocław, 1980, 275.
- ¹⁴ Иное расчленение по уровням, на наш взгляд отвлеченное от конкретной задачи, поставленной автором, см. в названной выше статье Н. Г. Черняевой. О расчленении на уровни, о единицах объема варьируемых элементов и типах варьирования см.: *Holy D.* Variabilní postupy v lidové písni a jejich proměnovan. — In: *O živote písné. . .*, s. 15—43).
- ¹⁵ Мы говорим об этом, так как до сих пор можно встретить утверждение, что память способна удержать сюжет, «смысл», «опорные вехи», и т. д., но не текст фольклорного произведения.
- ¹⁶ *Иванов-Муромский К. А.* Психофизиологические предпосылки к моделированию памяти человека: (Крат. обзор). — В кн.: Некоторые проблемы биокibernетики и применение электроники в биологии и медицине. Киев, 1966; *Соколов Е. Н.* Механизмы памяти: Опыт экспериментального исследования. М., 1969. Обзор литературы в применении к проблемам речевого общения см. в кн.: *Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Шапнарович А. М.* Теоретические и прикладные проблемы. . . , с. 213—233.
- ¹⁷ Ср. классическую формулу А. Аарне, основанную на характерной для «финской школы» концепции истории текста как истории его порчи: «Изменение текста сказки вызывается прежде всего таким фактором, как утрата памятью какого-нибудь элемента (действующего лица, предмета, события и т. д.)». См.: *Aarne A.* Leitfaden der vergleichenden Märchenforschung. — FFC, 1913, Nr 13 (Häminä), S. 23.
- ¹⁸ Среднеазиатские эпические поэмы насчитывают в среднем от 5000 до 15 000 стихов. См.: *Жирмунский В. М.* Народный героический эпос. Л., 1962, с. 254. Наиболее обширная версия «Манаса», записанная от С. Орозбекова, содержит около 250 000 стихов, т. е. «в два раза больше, чем „Шахнаме“ Фирдоуси, и в 16 раз больше „Илиады“ Гомера». См.: *Жирмунский В. М.* Введение в изучение «Манаса». — В кн.: Тюркский героический эпос. М., 1974, с. 25. Не меньше по объему «Семетей» и «Сейтек».
- ¹⁹ При этом остается неясным или по крайней мере субъективным сам критерий художественного качества вариантов.
- ²⁰ *Toncrová M.* Individualna a krajova variabilita v podání jihotešínské lidové tradici. — In: *Variabilní proces ve folkloru: Redigovával B. Beneš*. Brno, 1973, S. 105—120.
- ²¹ Этот вопрос рассматривается в моих работах «Современные проблемы текстологии русского фольклора» (М., 1963) и «Вариативность как проблема теории фольклора». Примерно в таком же смысле его употребляет

- В. М. Гацак. См.: *Гацак В. М.* Сказочник и его текст: (Проблемы фольклора). М., 1975, с. 48.
- ²² *Гацак В. М.* Эпический певец и его текст, с. 15, 16—18, 25 и др.
- ²³ И. И. Земцовский, например, упоминает о намеренных вариациях, которые практикуют народные музыканты. Можно было бы назвать также приговоры свадебного дружки, раешник и др., при исполнении которых намеренные изменения поощрялись традицией. По записям поздних по происхождению песен мы знаем множество документированных случаев так называемых перетекстов, т. е. намеренного приспособления песни (традиционной или профессиональной) к новым обстоятельствам, — явление, выходящее за пределы варьирования.
- ²⁴ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд./ Под. ред. А. Е. Грузинского. М., 1909, т. 1, с. XCIV.
- ²⁵ *Всеволодский-Гернгросс В.* Запись былин от И. Г. Рябинина в 1921 г. — В кн.: Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева. Петрозаводск, 1948, с. 39. Напомним, что И. Г. Рябинин характеризовался всеми, кто писал о нем, как исполнитель, стремящийся к точной передаче текстов, усвоенных от его отца — знаменитого Т. Г. Рябинина.
- ²⁶ Т. е. летом 1938 г. в д. Климовой Пудожского р-на КАССР, в которой жила И. Т. Фофанов.
- ²⁷ *Чистов К. В.* Русские сказители Карелии: Очерки и воспоминания. Петрозаводск, 1980, с. 250.
- ²⁸ Сказки Ф. П. Господарева/ Запись текста, вст. статья, примеч. Н. В. Новикова. Петрозаводск, 1941, с. 41.
- ²⁹ Отметим в связи с этим упоминавшиеся выше статьи Б. Н. Путилова, В. М. Гацака, Н. Г. Черняевой и на материале украинских дум — Б. П. Кирдана, а также комментарии к сборнику А. М. Астаховой «Былины Севера» (1939—1951. Т. I—II); *Парилова Г. Н., Соймонов А. Д.* Былины пудожского края. Петрозаводск, 1941 и др. Общий обзор работ по поэтическому стилю былин см. в кн.: *Астахова А. М.* Былины: Итоги изучения. М.; Л., 1968, с. 127—214.
- ³⁰ См., например; Русское народное поэтическое творчество: Учеб. пособие для филол. фак. пед. ин-тов/ Под. ред. проф. Н. И. Кравцова. М., 1971, с. 168.
- ³¹ *Гильфердинг А. Ф.* Олонецкая губерния и ее народные расказы. — В кн.: Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. 4-е изд. М.; Л., 1949, т. 1, с. 57—58.
- ³² *Steinthal H.* Das Epos. — Zeitschrift für Volkskunde und Sprachwissenschaft, Berlin, 1868, Bd. V, S. 6 ff. В этом же номере журнала был опубликован мало известный у нас обзор русского фольклора В. Бистрома. Еще в 1927 г. А. М. Смирнов-Кутачевский писал о «полной свободе» варьирования текста сказки. См.: *Смирнов-Кутачевский А. М.* Творчество слова в народной сказке. — В кн.: Художественный фольклор. М., 1927, т. II/III, с. 71—79.
- ³³ *Чистов К. В.* Современные проблемы текстологии... Так, П. А. Гильдебрандт и А. Ф. Гильфердинг механически вписали до 50 строк в текст одной былины. См.: *Путилов Б. Н.* Искусство былинного певца, с. 255—257.
- ³⁴ *Герасимова Н. М.* Формулы русской волшебной сказки: (К проблеме стереотипности и вариативности традиционной культуры). — СЭ, 1978, № 5.
- ³⁵ Это вытекает из исследования Н. Г. Черняевой, хотя в ее статье занимающая нас проблема специально не рассматривалась.
- ³⁶ *Кривошоломова М. Д.* Былины, скоморошины, сказки/ Под ред. А. А. Морозова. Архангельск, 1950.
- ³⁷ *Чичерова В. И.* Школы сказителей Заонежья. Петрозаводск, 1940.
- ³⁸ *Астахова А. М.* Былины в Заонежье. — В кн.: Крестьянское искусство в СССР. Л., 1927, т. 1, с. 77—103.
- ³⁹ О роли опорных слов в тексте, бедном формулами, см.: *Strobach H.* Bauernklagen. Berlin, 1964, S. 367—374. См. также: VIII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1969, т. VI, с. 246—251.

- ⁴⁰ Указывается страница основного текста и примечаний, в которых отмечены разночтения при повторных исполнениях.
- ⁴¹ В крестьянском быту Прионежья — синонимы для обозначения водки.
- ⁴² Чистов К. В. Вариативность как проблема теории фольклора, с. 31. Здесь в частности, говорится о значительном диапазоне вариативности названия города, который освобождается Ильей Муромцем в былине «Первая поездка Ильи Муромца», — от исторического Чернигова до легендарного Кидеша-Чивенца (=Китеж?). Топоним «Киев» очень устойчив, случаи замены его крайне редки, например Новгород (Былины Севера, т. 1, с. 213).
- ⁴³ Напомним еще раз, что речь идет не о внутритекстовых параллелизмах а о заменах, которые мы находим в разных записях в одной и той же позиции.
- ⁴⁴ В каменистом Прионежье каждая пахота была связана с очищением поля от камней, которые складывались на межах или по краям поля.
- ⁴⁵ О синонимических парах см.: *Евгеньева А. П.* Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв., М.; Л., 1963, с. 260—272.
- ⁴⁶ Отметим, что преобладание обозначения над изображением характерно вообще для всех форм словесного или изобразительного архаического искусства. Игнорирование этого приводит к явным преувеличениям, например к рассуждениям о «реалистичности» архаического искусства, снимающим проблему его условности, доминирующего характера обозначения.
- ⁴⁷ Ср. у В. В. Маяковского: «По длинному фронту *купе* и *кают* чиновник утлый движется». На чем же едет он: на поезде или пароходе? Видимо, так же как в народной песне, это неважно. Читателю сообщается общая идея — он куда-то едет.
- ⁴⁸ Чистов К. В. Вариативность как проблема теории фольклора, с. 26—27.
- ⁴⁹ Паратаксис — простое соположение (примыкание, нанизывание) формально независимых друг от друга слов, синтагм или предложений, объединенных вместе с тем определенными логическими отношениями. См., например: *Собинникова В. И.* Строение сложного предложения в народных говорах. Воронеж, 1958.
- ⁵⁰ *Колпакова Н. П.* Русская народная бытовая песня. М.; Л., 1962; *Лазутин С. Г.* Русские народные песни: Пособие для вузов. М., 1965; *Он же.* Поэтика русского фольклора. М., 1981, с. 51—74; *Акимов Т. М.* О поэтической природе народной лирической песни. Саратов, 1966; *Кравцов Н. И.* Поэтика русских народных лирических песен. М., 1974. Ч. 1; *Еремина В. И.* Поэтический строй русской народной лирики. Л., 1978; В связи с интересующей нас проблемой следует особенно отметить книгу А. И. Дея. См.: *Дей О. Г.* Поэтика української народної пісні. Київ, 1976.
- ⁵¹ Подробное см.: *Чистов В. К.* Поэтика фольклорного текста: Коммуникативный аспект. — В кн.: История, культура, этнография, фольклор славянских народов: VIII Международный съезд славистов. Загреб—Люблина, сентябрь 1978 г. М., 1978, с. 299—327.
- ⁵² Подробное см.: *Чистов К. В.* Специфика фольклора в свете теории информации. — В кн.: Типологические исследования по фольклору: Сборник статей памяти В. Я. Проппа (1895—1970). М., 1975, с. 26—43.
- ⁵³ См.: *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1969; *Земская Е. А.* Русская разговорная речь. М., 1968; *Она же.* Русская разговорная речь. — ВЯ, 1971, № 5; *Лаптева О. А.* Русский разговорный синтаксис. М., 1976; Русская разговорная речь. Саратов, 1970; Русская разговорная речь. М., 1973 и др.
- ⁵⁴ Обзор важнейших работ см.: *Гальперин И. Н.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981, с. 138; см. также: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978, вып. VIII, с. 480; *Dressler W. U., Schmidt S. J.* Textlinguistik. Kommentierte Bibliographie. München, 1973, 120. S.
- ⁵⁵ С. Г. Лазутин, рассуждая о «цепном» построении песни, при котором одна картина вытекает из другой, третья — из второй, четвертая — из третьей и т. д., пишет: «Образы такой песни как бы вырастают один из другого», т. е. сходное наблюдение делается на уровне «картин» и «образов» (*Лазутин С. Г.* Композиция русской народной лирической песни. — В кн.: Русский фольклор. М.; Л., 1960, т. V, с. 241). Ср. также: *Дей А. И.* Поев-

- тика української народної пісні. Київ, 1978, с. 109—122; *Добровольский Б. М.* Цепная строфика русских народных песен. — В кн.: *Русский фольклор*. М.; Л., 1965, т. X, с. 237—247.
- ⁵⁶ *Daneš F.* Syntaksický model a syntaksický vzorec. — In: *Československé přednášky pro V. Mezinárodní sjezd slavistů v Sofii*. Praha, 1963, s. 155 ff.; *Daneš F.* A threelevel approach to syntax. — In: *Travaux linguistiques de Prague*. Prague, 1966, t. 1; *Daneš F.* Semantyczna i tematiczna struktura zdania i tekstu. — Tekst i język: Problemy semantyczne, 1974, t. XXXVI; *Koch W. A.* Preliminary sketch of a semantyk Typ of Discours Analysis. — *Linguistics*, 1965, t. 12. См. русский перевод работы К. А. Коха в сб. «Новое в зарубежной лингвистике», 1978, вып. 8, с. 149—171.
- ⁵⁷ В соответствии с учением об актуальном членении предложения «тема» — это «та его часть, которая содержит что-то известное, знакомое и служит отправной точкой (основой) для передачи нового (ядра высказывания или ремы)» (*Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. 2-е изд. М., 1976, с. 484).
- ⁵⁸ В изложении на русском языке см.: *Москальская О. И.* Грамматика текста. М., (1980), с. 22—23.
- ⁵⁹ Современные представления о структуре мелодии лирической песни весьма сходны. Мелодический рисунок песни на всем ее протяжении трактуется как вариационное развитие основного тезиса, звучащего обычно в начале песни. Таким образом, если бы даже словесный текст представлял собой нечто статистическое (чего в действительности не бывает), сочетание разных его отрезков с вариативно развивающейся мелодией уже дало бы в общем виде нечто похожее на рема-тематическую цепочку Ф. Данеша.
- ⁶⁰ *Haavio M.* Kettenmärchenstudien. Helsinki, 1929 (FFC, N 29); *Taylor A.* Formelmärchen. — Handwörterbuch des deutschen Märchens. Berlin; Leipzig, 1934; *Пропл В. Я.* Фольклор и действительность. М., 1976, с. 241—257. См. также: *Lüthi M.* Das Volksmärchen als Dichtung: Ästhetik und Anthropologie. Düsseldorf; — Köln, 1975, S. 95 ff.; *Неклюдов С. Ю.* Статистические и динамические начала в пространственно-временной организации повествовательного фольклора. — В кн.: *Текстологические исследования по фольклору*. . . , с. 182—190.
- ⁶¹ Народные русские сказки А. И. Афанасьева/ Под ред. М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова. Л., 1936, т. 1, № 60.
- ⁶² Песни, собранные П. В. Кириевским: Новая серия. М., 1929, т. II, № 1365.
- ⁶³ Великорусские народные песни, изданные проф. А. И. Соболевским. СПб., 1898, т. IV, № 154.
- ⁶⁴ Великорусские народные песни, изданные проф. А. И. Соболевским. СПб., 1895, т. I, № 417.
- ⁶⁵ Собрание народных русских песен с их голосами на музыку положил И. Прач/Под ред. и со вст. статьей В. М. Беляева. М., 1955.
- ⁶⁶ См. обзор в кн.: *Еремина В. И.* Поэтический строй русской народной лирики. Л., 1978, с. 151—182; *Она же.* Повтор как основа построения лирической песни. — В кн.: *Исследования по стилистике и поэтике*. Л., 1972.
- ⁶⁷ Сходные наблюдения над синтаксисом былины см.: *Байбурын А.* Русская былина: Заметки о синтаксисе. — В кн.: *Русская филология: 3-й сборник научных студенческих работ*. Тарту, 1971, с. 5—13.
- ⁶⁸ Ср. также сходные наблюдения, накопленные по текстам древнерусской письменности. Например: *Савельева Л. А.* Паратаксистические субстантивные словосочетания в древнерусском языке XIV—XVII вв. Л., 1963; *Борковский В. И.* Синтаксис древнерусских грамот: Сложное предложение. М., 1958; *Он же.* Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. М., 1972; и др.
- ⁶⁹ *Lüthi M.* Das Volksmärchen als Dichtung: Ästhetik und Anthropologie. Düsseldorf; Köln, 1975, S. 93—94.
- ⁷⁰ *Земцовский И. И.* Проблема варианта. . . , с. 42, 49—50.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВЯ — Вопросы языкознания

СЭ — Советская этнография

FFC — Folklore Fellows Communications

Б. Н. Путилов

ЭПИЧЕСКИЙ МИР И ЭПИЧЕСКИЙ ЯЗЫК

Современное эпосоведение, опирающееся на принципы историко-типологической теории, рассматривает тот или иной национальный эпос не просто как совокупность ряда памятников, возникавших в разное время и по разным поводам и объединяемых суммой жанровых признаков, но как исторически сложившуюся и развивавшуюся систему, которая может быть понята лишь как целое — в ее историко-типологическом соотношении с другими эпическими системами и с типологией эпического творчества в целом, на основе выявления и историко-типологического анализа присущих этой системе общих закономерностей, характерных универсалий и их специфических реализаций¹.

Прочтение отдельных эпических текстов в их сложном, глубинном содержании может быть осуществлено сколько-нибудь успешно лишь при условии, что отдельный текст будет восприниматься исследователем как органический элемент системы, как единичная реализация соответствующих общих эпических законов и процессов. В тексте *все* может быть объяснено лишь через отношение его к системе; более того, очень многое в нем и обнаружить можно лишь отправляясь от знания системы и ее универсалий.

Любая эпическая система представляет собой результат (и вместе с тем этап) закономерного развития, трансформации и отрицания типологически предшествующих систем, поэтому она может быть понята только в более широких связях с традицией, которая оставила в ней многочисленные следы. С другой стороны, система несет в себе элементы, которым суждено будет развиваться и стать определяющими в рамках новых жанров и жанровых разновидностей.

Сказанное имеет прямое отношение к таким системам славянского эпоса, как южнославянские юнацкие песни и русские былины, которые, собственно, и являются предметом настоящего доклада: о других системах в нем будет говориться лишь попутно.

В ходе научного освоения эпического наследия народов разных стран и регионов и в процессе обнаружения общих закономерностей эпического творчества были открыты и получили более или менее достаточное обоснование такие категории, как «эпические сюжеты», «эпические герои», «эпическое время и пространство»,

«эпический фон» и т. д. Постепенно начали выявляться взаимосвязанность и взаимообусловленность этих категорий, соотносительность их с другими слагаемыми эпоса, наличие в них исторической динамики, типологической последовательности и преемственности².

Выделение таких категорий подчеркивает тот факт, что в эпосе мы имеем дело с особенными, специфичными именно для него событиями, коллизиями, отношениями, персонажами, типами людей, семейными связями, нормами поведения, пространственно-временным континуумом, природной средой, набором предметов быта, вооружения, культурным фоном. Эту реальность, создаваемую эпическим творчеством, можно определить общим понятием «эпический мир». Перед нами — сложная художественная конструкция, возникающая, подобно другим явлениям фольклора, на почве исторической действительности, но не сводимая к эмпирической реальности, к социальной, бытовой, событийной конкретике.

Специфичность эпического мира многогранна и выявляется как в ходе сопоставления его с миром реальной исторической действительности соответствующих эпох, так и с «реальностью», характерной для других фольклорных систем (для сказки, например), и, что особенно важно, путем анализа его изнутри. Первая особенность эпического мира состоит в том, что составляющие его элементы предстают как *отобранные*. И былины, и юнацкие песни заключают в себе более или менее обширный, но непременно ограниченный набор событий, персонажей, предметов и т. д. Состав и границы эпического мира в его главных и второстепенных слагаемых могут быть достаточно точно и полно учтены и представлены в виде сводных данных — схем, таблиц, словарей, указателей. Можно сожалеть, что такая работа в отношении юнацких песен и былин проводится непоследовательно и эпизодично.

Другая особенность эпического мира — его типовой характер. Многообразие, многоликости и пестроте эмпирического мира эпос противопоставляет типовую избирательность, устойчивую характерность, эпическое единообразие. Вариативность допускается в пределах именно единообразия. Так, персонажи русского эпоса представляют собой вариации единого, типового образа богатыря. Для образов врагов существует несколько типовых вариантов: чудовище, змей, татарский царь и др. Второстепенные персонажи почти не варьируются: из былины в былинку переходят образы князя Владимира, матери богатыря, бояр и т. д. Существуют типовые ситуации, которые появляются в сюжете почти автоматически. Например, юнак на пути к своей цели встречает у колодца девушек, которые предупреждают его об опасности или указывают дорогу; перед выездом юнака на подвиг его жена или сестра видят тревожный сон, а герой поступает вопреки предсказанию, в нем содержащемуся. Типовыми являются локусы, обозначающие места встреч, поединков, больших сражений и т. д.

Здесь мы непосредственно переходим к другой особенности эпического мира — функциональности составляющих его элементов, а отсюда — к их семантической наполненности. В юнацких песнях и в былинах типовыми являются мотивы запрета, предупреждения, предсказания беды, предшествующие началу богатырского подвига. От того, какой именно вариант этих мотивов (сон, слова матери, встречных женщин и др.) представлен в тексте, зависит многое в разворачивании сюжета. Важно, однако, что, во-первых, любой из этих вариантов является сюжетообразующим, а во-вторых, он дает начало реализации важнейшей идеи, характерной для таких сюжетов, а именно: герой действует вопреки грозным предсказаниям и торжествует; побеждает не предугазанность враждебных сил, но предугазанность его героического начала.

Можно с полным основанием утверждать, что любой типовой элемент эпической реальности появляется в эпосе (и в единичном тексте) не случайно, но в силу необходимости, связанной с движением сюжета, с мотивацией (прямой или, чаще, скрытой) происходящего, с характеристикой персонажа. Вообще такое появление оправдано и объяснимо ситуативно, функционально, семантически. Отсюда становится попятной ограниченность, парадоксальность состава, дискретность эпического мира, особенно таких его элементов, как география и природный ландшафт, предметная сфера, быт.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что эпический мир принципиально организован соответственно внутренним задачам эпоса и его художественной природе. Он столь же принципиально неэмпиричен, и поэтому любые попытки соотнести какие-либо его элементы с конкретным материалом действительности должны непременно считаться с этой существенной особенностью эпической эстетики. Дело в том, что такой материал, входя в эпос, подвергается здесь переплавке, приобретает характерные качества, свойственные традиционным элементам эпического мира, становится типовым, обретает свою семантику и свои функции, утрачивает прежние бытовые, пространственные и временные связи³.

Несоответствие эпического мира русских былин и юнацких песен миру реально-историческому, житейски-бытовому особенно наглядно проявляется в таких его качествах, как необычайность, фантастичность, условность. Здесь сразу же должна быть сделана одна важная оговорка: названные качества имеют смысл в плане соотношения с внеэпическим миром действительности; что же касается собственно эстетики эпоса и эпической среды (т. е. среды, которая творила эпос и для которой он был своим), то здесь все, что эпос изображал, интерпретировалось как вполне реальное, действительное, как правда, с одним только допущением, что все это было возможно в «эпические времена».

Необычайность, наличие фантастики, очевидная вымысленность основных сюжетных коллизий, условность поведения героев и мотивировок пронизывают былинный и юнацкий эпос, опре-

деляют его содержание, всю его структуру. Попытки представить эти качества как вторичные, как результат эволюции опровергаются анализом всей массы памятников, равно как и данными, относящимися к истории народного эпоса в целом. Одна из основных тенденций эпического творчества — в постепенном и закономерном ослаблении фантастики, в усилении конкретности, в утверждении новых принципов историзма. Былины и юнацкие песни дают характерный образец такого движения, очень сложного по своему характеру, в них фантастическое и необычайное являются органической частью их историзма, одно невозможно отделить от другого, вычленив некий конкретно-исторический субстрат из эпического целого. Это в равной степени касается и героев эпоса (особенно былин), и сюжеттики, и географии. История в эпосе может быть интерпретирована как сплав народного исторического и социального опыта (включая и комплекс идеалов, к которым народ стремился) и предшествующей эпической традиции, в которой значительное место занимали героика и мифология общинно-родового строя. Эпический мир былин и юнацких песен отражает тот этап в исторической типологии эпического творчества, который связан с формированием народностей, классов и ранних государств, но сформировался он в значительной своей части путем трансформации, переосмысления, отрицания и развития эпического мира, характерного для того этапа, который определяют обычно как «архаический» («догосударственный») эпос. Понять эпический мир юнацких песен и былин нельзя вне последовательного и самого внимательного соотнесения его с миром архаического эпоса. Здесь — его истоки, его связи. Социальный и исторический опыт народа на протяжении ряда столетий определял и отношение к традиции, и создание того принципиально нового эпического мира, какой открывается в былинах и юнацких песнях и который по-своему неповторим. В историко-типологическом отношении тот и другой изоморфны, они принадлежат одной стадии эпического творчества, однако более внимательное рассмотрение обнаруживает различия количественного и качественного порядка. Юнацкий эпос представлен гораздо большим сюжетным фондом, поэтому он богаче и разнообразнее в событийном плане. Эпический мир в юнацких песнях населен гораздо гуще, персонажей в нем много больше, типология их разнообразнее. То же самое можно было бы сказать относительно эпической географии: карта, которая вырисовывается на основании данных юнацких песен, при всей условности будет крупномасштабной и довольно густо заполненной множеством локусов, большая часть которых определенно сопоставима с реальной географией Балканского полуострова. При таком обилии основная часть пространственных обозначений в юнацких песнях сохраняет свой эпически-типовой характер, в то время как на периферии эпического пространства происходит некоторое размывание его характерности.

Юнацкий эпос обнаруживает более отчетливые тенденции к освоению конкретно-исторических элементов и к их сохранению,

поэтому эпический мир в юнацких песнях окрашен разного рода историческими реминисценциями, а связь отдельных сюжетов с реальными событиями истории и отдельных персонажей с известными историческими лицами может быть показана вполне убедительно. Именно это обстоятельство — значительная продвинутость классического юнацкого эпоса в направлении конкретного эпического историзма — обусловило возможность возникновения Косовского цикла и затем позднее создало предпосылки для формирования и расцвета поздних форм героического эпоса типа черногорского, гайдуцкого и др. Этот поздний эпос дает нам картину нового, своего эпического мира, который, несомненно, преемственно связан с миром эпоса юнацкого.

Былинный эпос в целом более связан нормами того типа, к которому он принадлежит. Характерно, что задачи конкретно-исторического изображения, возникшие перед фольклором, не могли быть осуществлены в былинной форме и с XIII в. в русском фольклоре начинается развитие исторической песни, лишь отчасти связанной с традициями классического эпоса ⁴.

Особо стоит вопрос о степени и характере единства элементов эпического мира в юнацких песнях и былинах. С одной стороны, можно говорить о том, что эпический мир предстает как некое целое, что он цементируется общими принципами и обладает высокой степенью устойчивости. С другой стороны, нельзя не замечать в нем определенных сдвигов, наличия противоречий и неоднородности. Так, эпический мир и былины и юнацких песен знает три типа пространственных континуумов: фантастический, условно-исторический и реальный (последний более отчетливо просматривается в южнославянском эпосе). В юнацких песнях (преимущественно поздних) наряду с условно-историческим временем обнаруживаются реальные временные связи, и единичные сюжеты можно датировать, соотнося их с данными хроник. Былины таких случаев не дают и категория эпического времени в них выдерживается более строго.

Сходные наблюдения можно сделать в отношении образов эпических врагов. В эпосе соседствуют персонажи фантастические (змеи, чудовища), персонажи с преимущественно человеческим обликом, но с более или менее отчетливой фантастической окраской (Муса Кеседжия и подобные) и персонажи вполне реальные — представители татарского или турецкого лагеря, данные с большей или меньшей степенью условности и обобщения, в отдельных случаях — с ориентацией на исторических прототипов (Мурад в песнях Косовского цикла, Батыга — в былинах).

Богатыри и юнаки также могут быть до известной степени дифференцированы по интенсивности и характеру архаических связей, с одной стороны, и нового исторического содержания — с другой. При этом стоит учитывать, что и то и другое подчас причудливо сочетается в одном персонаже. Таков Добрыня, в эпической биографии которого одновременно сосредоточились мотивы глубокой архаики (змееборство; борьба с колдовскими си-

лами, временное превращение его в тура и освобождение от колдовства; возвращение на свадьбу своей жены) и историй реальной, хотя и окруженной густым слоем вымысла (освобождение Киева от врагов, поездки за данью, охрана границ). В этом движении к реальной истории эпос по-своему переплавляет конкретный материал, сохраняя в измененном виде, подчас в фантастических или вымышленно-условных формах то, что пришло непосредственно из текущих событий. Характернейший пример в этом плане дает образ Марка Кралеви́ча. Богатая эпическая биография этого героя, конечно, вобрала моменты реальной биографии прилепского государя, но образ великого юнака, центральный в южно-славянском эпосе, должен быть понят как обобщенный, в котором в результате переплавки традиции и реальности получили законченное эпическое выражение народные воззрения, стремления и исторический опыт времени турецкого ига и борьбы с ним. Принципиальное несходство Марка песенного и исторического объясняется прежде всего тем, что эпическое творчество создает свои обобщения, идя не от единичных прототипов и хроникальной эмпирики, а от целостного восприятия истории, народного осмысления ее возможностей и эпической традиции как основного «строительного материала»; реальный Марко Кралеви́ч был подхвачен этим творческим процессом, включен в него, дал ему существенные мотивы, но не был для него ни исходным, ни определяющим. Сколь ни парадоксально, но прилепский государь по отношению к эпическому герою вторичен, и говорить здесь о наличии прототипа в обычном смысле слова вряд ли возможно⁵.

Своеобразие эпического мира как целого заключается в его относительной самостоятельности: он не может рассматриваться как изоморфный какой-то определенной исторической эпохе, поскольку в нем органически слиты реальное и фантастическое, идеальное, условное. История предстает в рамках некоего единого «эпического времени» и включает события, которые не могут быть соотнесены с историей летописной. Эпический мир — это художественная реконструкция прошлого, созданная народной фантазией, опирающейся на традиции и законы эпического творчества и ограниченной ими.

*

Говоря выше об эпическом мире — его составе, элементах и их рядах, мы должны были неизбежно касаться вопросов его организации и специфики передачи. Другими словами, вопрос, что представляет собою эпический мир, неотделим от вопроса, как он описан в эпосе. Глубинная сущность его может быть раскрыта лишь при условии, если понятие «эпический мир» будет сопряжено с понятием «эпический язык», трактуемый не как сумма «приемов» и «средств», не как «художественная форма», а как

упорядоченная система правил и ограничений, способов организации текстов и передачи эпической информации, описаний и характеристик, мотивировок, сохранения и раскрытия эпической семантики. Эпический мир является таковым постольку, поскольку он создан, описан и передается в системе эпического языка. Отдельными своими слагаемыми эпический язык сближается с языком других фольклорных систем (например, сказки), но как целое он специфичен и неповторим⁶. Эпический язык национален и специфичен для каждой эпической системы, но в нем есть ряд универсалий, инвариантных элементов, общих для ряда эпических систем и тем самым придающих этим системам известную степень типологического единства. Мы можем говорить об эпическом языке юнацких песен и эпическом языке былин как самостоятельных феноменах, но столь же правомочно — на ином уровне — употреблять понятие «эпический язык» к славянскому героическому эпосу в целом, а на еще более высоком уровне абстракции — к эпическому творчеству вообще. Мы, однако, ограничимся рассмотрением некоторых аспектов эпического языка на двух отмеченных выше уровнях. Рассмотрение эпического языка в том широком и принципиальном смысле, какой мы ему придаем, предполагает выявление и анализ эпических кодов, которые в совокупности содержат основную информацию относительно построения эпических текстов, конструкции элементов эпического мира и эпической семантики. Эпос есть порождение коллективного творчества на определенной стадии социально-исторического и культурно-бытового развития данного этноса. Существенные стороны народного исторического опыта, народной памяти и народного осознания действительности преломляются в эпических кодах, которые до известной степени представляют ключевое значение для понимания эпоса в целом и отдельных текстов⁷.

Обратимся к такой существеннейшей части эпического языка, как эпическая сюжетика. В эпическом произведении именно сюжет является его живой основой: повествование здесь от начала до конца обусловлено движением сюжета и призвано осуществить его; все персонажи «проявляют» себя по своей роли в сюжете; задачами и границами сюжета определяется пространственно-временной континиум, набор различных описаний, предметный фонд и т. д. Закон эпического творчества можно было бы сформулировать так: все, что описывается в эпическом тексте, описывается только в связи с сюжетом и ради него. Отсюда — наличие одних и отсутствие других имен, названий, предметов и т. п. Но отсюда же проистекает характерная особенность эпического языка: персонаж, предмет, локус появляются в тексте тогда, когда это необходимо для сюжета, и их появление не требует мотивировки. Вполне естественно, что такое парадоксальное правило сопряжено с ограничениями: в былинах и юнацких песнях существует определенный набор неожиданно, немотивированно являющихся предметов или локусов и ситуаций, в которых такое появление возможно. Другими словами, закон обладает регули-

рующей силой и вводит открывающиеся перед певцами возможности в известные рамки.

В сюжете в конечном счете сосредоточено содержание эпического произведения, сюжет — это концепция действительности, выраженная в специфической форме в соответствии с системой кодов. Здесь уместно напомнить о неверной тенденции рассматривать эпические сюжеты как исторические аллегории или как преобразованные позднейшей традицией исторические песни: при таком подходе эпический сюжет оказывается чем-то вторичным, производным, а то и просто результатом искажений некоей первичной реальности и задача исследования сводится к тому, чтобы, сняв этот вторичный слой, пробиться к первоначальной реально-исторической событийной основе.

Между тем эпический язык в сфере сюжетики чужд аллегорий, исторических подстановок и зашифровок и, конечно же, сознательных или бессознательных искажений. Эпическая история открывается не путем отвлечения от сюжетики эпоса, не через ее преодоление, а через прочтение этой сюжетики во всем ее объеме, через раскрытие ее глубинной семантики и сложных многообразных связей.

Для эпоса чрезвычайно характерно наличие сравнительно строгих сюжетно-тематических границ с одновременным удивительным многообразием сюжетных разработок внутри этих границ. Сюжетику былин и юнацких песен можно свести к некоторому набору сюжетных тем: словарь их окажется не столь значительным и относительно закрытым. Относительно потому, что в практике певцов XIX—XX вв. постоянно имела место тенденция к его расширению за счет сюжетов сказочных, собственно исторических, реально-бытовых. Эти факты тем не менее следует отнести к периферийным в эпическом творчестве (к тому же хронологически поздним), их можно рассматривать как исключения, лишь подчеркивающие силу закона. Может быть выделено ядро сюжетных тем, которые составляют классический фонд эпической сюжетики: «героическое сватовство», «змееборство», «борьба с чудовищем», «разгром вражеского нашествия», «оборона города», «встреча отца с сыном», «поединок братьев», «освобождение полона», «муж на свадьбе своей жены», «похищение жены героя и борьба с похитителем», «эпические состязания» и др. Типичными для эпоса являются темы, обычно разрабатываемые в соединении с другими темами: «чудесное рождение и богатырский рост героя», «получение богатырской силы и неуязвимости», «первые подвиги героя», «освобождение героя из плена» и др. Нетрудно заметить, что иные из названных тем встречаются также в сказках, преданиях, балладах и других жанрах. Эпическими такие темы делает характер их разработки, их интерпретация. Именно в разработке сходных или общих тем, относящихся к общефольклорному фонду и восходящих к архаическим истокам, весьма определенно выявляется специфика эпического языка. Эпический сюжетно-тематический фонд задан традицией и пополняется и развивается

в соответствии с принципами и возможностями, заложенными в эпической кодирующей системе ⁸.

Важнейшая особенность сюжетно-тематического словаря эпоса — наряду с его устойчивостью — состоит в способности к варьированию. Любая из названных выше тем представлена в юнацких песнях и былинах более или менее значительным набором сюжетов, каждый из которых, в свою очередь, дает ряд вариаций — самостоятельных версий, редакций, вариантных текстов. Сюжетно-тематическая и сюжетная вариативность не есть просто проявление устной природы эпоса, как иногда ее склонны трактовать: это принципиальное и органическое качество эпического языка, важнейший способ реализации задач эпоса. Варьирование в значительной степени обеспечивается наличием в эпическом языке богатого фонда мотивов и блоков мотивов, традиционных в своей основе и обладающих исключительным творческим потенциалом ⁹. По крайней мере три качества эпических мотивов должны быть здесь выделены: динамическая их природа (т. е. мотив, будучи относительно самостоятельной единицей, включает в себе возможность сцеплений с другими мотивами, обладает сюжетообразующей силой); способность к преобразованиям, трансформациям; наличие устойчивой семантики. Все эти три качества взаимосвязаны, и изучение этого единства представляет одну из насущных задач. Семантика мотива при своей внутренней устойчивости обладает известной подвижностью и конкретизируется в сюжетном контексте; вариации в мотиве неизбежно связаны со сдвигами в семантике. Значение мотива понастоящему раскрывается в динамике сюжета. Если же иметь в виду семантические доминанты, характерные для определенных мотивов, то они могут быть наиболее эффективно обнаружены на уровне парадигматики. Знание таких доминант позволяет проникнуть в смысл сюжетов, которые заключают в себе немало загадочного. Так, включение некоторых основных мотивов былины «Садко и морской царь» в семантическую парадигму мотивов с устойчивыми значениями позволяет обнаружить в этой былине тему эпического сватовства и соответственно истолковать узловые моменты сюжета.

Эпический словарь содержит ряд эквивалентных (в семантическом плане) мотивов, от выбора которых зависит развитие сюжета если не в целом, то на значительных отрезках. Так, поиски героем суженой могут быть представлены в серии мотивов охоты (жених — охотник, невеста — лань, лебедь), торговой поездки (жених — богатый иноземный купец), чудесного мастерства (постройка сказочных теремов за одну ночь), выплаты дани (Садко), состязания, военного похода. Здесь возникает вопрос о зависимости между выбором мотива и выбором главных персонажей. В приведенных случаях мы имеем разные типы отношений: например, мотив охоты связан с представлениями о невесте — обительнице иного мира, часто — колдунье, стремящейся погубить героя; мотив военного похода предполагает открытое вы-

явление героических качеств жениха и принадлежность невесты к враждебному миру. В зависимости от типа мотивов сюжет либо от начала до конца трактуется как безусловно героический (таковы многочисленные юнацкие песни о походе за невестой, столкновениях юнака с претендентами или с родными невесты, о трудных испытаниях и т. д.; таковы же былины о добывании невесты для Владимира, о женитьбе Добрыни), либо героиня в нем до поры скрыта, уведена в подтекст, и героический смысл ряда мотивов обнаруживается на последующих этапах сюжета¹⁰.

Скрытая, глубинная семантика эпических мотивов дает нам ключ к пониманию поведения персонажей в известных ситуациях, к уяснению основных эпических коллизий, в конечном счете — к раскрытию эпического замысла, какой лежит в основе того или иного сюжета. Так, в типовой серии мотивов, реализуемых в разных песнях в виде запретов, предупреждений, сновидений, предчувствий, которые предшествуют отправке богатыря на подвиг, и противостоящих им мотивов решимости и непреклонного стремления к встрече с врагом, которыми преисполнен герой, выражена эпическая идея предуказанности подвига, его неизбежности и необходимости и конечной победы героя. При этом разные персонажи обладают разной мерой знания сути дела: мать, сестра, жена (иногда и сам герой) знают, что предстоит жесточайшее и труднейшее испытание, исход которого неясен и, скорее всего, неблагоприятен; герой «знает», что ему предназначено столкновение с противником, и исход ему неведом, но с темными предзнаменованиями он считаться не желает; враг часто «знает», что ему суждено встретиться именно с этим богатырем, что он очень силен и, в некоторых случаях, что здесь ему — змею, чудовищу и т. д. — уготована гибель. Эта инвариантная схема «знаний» и отношений включает богатые возможности для конкретных разработок, варьирования, трансформаций, но все они так или иначе ориентированы на исходный набор значений, семантическая доминанта неизбежно отзовется в них.

Устойчивая глубинная семантика мотивов и сюжетов — это система кодированных значений, связанных в первую очередь с представлениями о героических событиях и персонажах эпической истории. Эпические сюжеты, как правило, представляют собой эпизоды героической биографии богатырей и юнаков. Одновременно некоторые из них могут трактоваться как значительные эпизоды из истории народа, государства, региона. Соединение «биографического» и «исторического» в рамках одних сюжетов характерно для славянского героического эпоса и знаменует процесс усиления его историзма. Здесь же, в этом соединении, заложены противоречия, которые в ходе развития эпического творчества частично преодолеваются, частично порождают непреодолимый кризис.

Биографии эпических героев, равно как и характеристики их личностей, заданы эпическим кодом. Мы вправе говорить о типе юнака или богатыря: черты этого типа полностью ни в одном

герое не собраны, они не всегда согласуются между собой, отдельные персонажи воплощают различные его слагаемые, тем не менее тип существует и может быть описан. В этом типе несомненны реминисценции архаического эпоса. Так, эпический герой может быть отмечен чудесным (или необычным) рождением, богатырским ростом, ранними подвигами. Наряду с этими очевидными архаическими связями есть немало связей скрытых. Эпический герой обычно — единственный сын у матери, растет без отца (которого либо нет вовсе, либо он умер, либо где-то в отъезде и т. д.), без близких родных (здесь характерны мотивы: сестра в плену, и он спасает ее, вступает или едва не вступает с нею в брак; брат находится неизвестно где, и герой встречается с ним, они бьются неузнанными и т. д.). Можно сказать, что семейная ситуация в эпических сюжетах всегда таит в себе нечто драматическое и нередко разрешается острейшими конфликтами (напомним здесь о типовых сюжетах: в отсутствие героя враги уводят жену, он борется за нее, спасает, в ряде случаев она проявляет вероломство, оказывается на стороне похитителей). Исполнены драматизма сюжеты о женитьбе героя.

В сюжетах о главных подвигах героя мы также имеем дело с заданными коллизиями и характеристиками: подвиги предугазаны герою, он один способен их осуществить, однако эта идея нередко реализуется в мотивах неожиданного и случайно мотивированного задания, хвастовства, чьей-то недоброй воли, предуганность и неизбежность подвига передаются через мотивы неподготовленности и случайности выбора. Сам набор подвигов эпического героя укладывается в границы эпических тем. Типовым является то, что подвиг юнака или богатыря изображается как единоличный, даже когда герой возглавляет войско. Столь же типовым является введение мотивов временной неудачи, пленения, заточения или прощения врага, примирения с ним и последующей окончательной победы.

Эпическая биография героя в юнацких песнях и в былинах не выступает в строгой временной последовательности, и это органично для славянского эпоса. Отдельные подвиги героя не соотносятся между собой во времени, не следуют один за другим, а параллельны и как бы взаимозаменяемы и взаимодополняемы. Имеет место тенденция к наращиванию сюжетов, умножающих число таких дополнительных эпизодов. В этом плане наиболее характерен цикл песен о Марке Кралевице: он герой обширного круга сюжетов различного содержания — от совершенно фантастических до бытовых. Сюжетное многообразие этого цикла было подсказано новой для эпоса задачей — представить юнака в обстановке турецкого ига. Новые сюжетные коллизии («Марко пьет в рамазан вино», «Марко отменяет налог за женитьбу», «Марко охотится с турками») разработаны в нормах обычного эпического кода.

В эпическую программу, определяющую образ героя, входят его гиперболическая сила, безоглядность решений, прямота (си-

туативно она сочетается с хитростью), доверчивость и открытость, резкость суждений. Можно сказать, что в эпическом герое сосредоточен нравственный кодекс, связанный с понятиями о высоких качествах человека, воина, защитника справедливости. В эпическом герое закодированы значения, которые ведут нас отчасти в мир патриархальных отношений и мифологического прошлого, но вместе с тем — в мир социального и имущественного неравенства и порождаемых им столкновений, ранних феодальных государств, иноземных нашествий. Некоторые герои юнацких песен и сами выступают носителями государственной власти, соединяя в себе черты феодальных владетелей, племенных вождей и мифологических героев.

Пытаясь выделить в эпических героях индивидуальное, характерное для каждого из них, мы должны постоянно учитывать, что многое в этой характерности заложено в сюжете и имеет вполне ситуативную природу. Таковы мотивы эпической (немотивированной) прозорливости, эпического простодушия, эпической догадливости или беспечности (Потык, Момчил). В герое следует различать случайное, ситуативное, однократно возникающее в сюжете и устойчивое, генерализующее, сопровождающее его через всю биографию. При этом можно заметить, что отдельные ситуативные характеристики имеют тенденцию (возможно, в сравнительно поздней сказительской традиции) приобретать относительно устойчивые формы. Так, для Добрыни мотив искусной игры на гуслях является чисто ситуативным, змеборство, столкновение с Маринкой-волшебницей и долголетний отъезд с возвращением на свадьбу жены — органичными и наиболее устойчивыми, а «вежество», дипломатические способности — «случайная» черта, которую певцы стали переносить в различные сюжеты и превращать в устойчивую.

В эпической сюжете, изначально ориентированной на изображение эпизодов героической биографии, происходит существенный сдвиг: она начинает изображать события, коллизии, отношения, которые выходят за пределы этой биографии, оказываются сами определяющими. Так, рядом с сюжетами, движение которых определялось «изнутри» и было задано эпически-биографическим кодом, появляются сюжеты, обусловленные «извне», историческими потрясениями. Таковы былины о татарском нашествии, юнацкие песни о борьбе с турками и турецком иге. Эпическое творчество вначале пошло по пути слияния биографического и исторического начал: традиционные эпические герои с присущими им эпическими качествами и чертами биографии вошли в качестве главных персонажей, определяющих исход исторических коллизий. Уничтожение иноземных захватчиков, выполнение политических поручений, спасение захваченных в плен, ликвидация различных порождений ига органично вошли в эпические биографии и были изложены в песнях в привычных традициях эпического языка. Идея непобедимости эпического героя, неизбежности его победы в таких песнях прямо стала означать

непобедимость народа и государства, которые он представлял. Реальная история была исправлена в эпосе, и это вполне соответствовало эпическим идеалам и стремлениям народа. Историческая реальность сохранила некоторые свои приметы и была осознана эпосом в общих ее особенностях, но одновременно подверглась преобразованию и была включена в цельную эпическую систему¹¹.

Для былин такой характер историзма стал определяющим, для юнацких песен — одним из определяющих. Другой путь заключался в усилении собственно исторического начала, в подчинении эпически-биографического кода историческому. Различия путей отчетливо проглядывают при сопоставлении двух циклов — о Марке Кралевице и Косовского. Исторический Марко, будучи вовлечен в традиционную сферу эпоса, полностью подчинился ей, утратил реальные биографические черты, получил характерную эпическую биографию, которая под влиянием реальной истории обрела свою характерность. Косовские герои обрели черты подлинных эпических героев, сохранив значимые и вполне конкретные биографические (и одновременно принадлежащие историческому времени) черты. Эти последние проявились непосредственно в сюжетах косовских песен, придав им непривычную окраску. В косовских песнях ощутимо дает себя знать принцип семантической перекодировки традиционных мотивов как один из наиболее продуктивных методов эпического творчества. Мотивы зловещих предзнаменований в этих песнях соотносятся с трагическим финалом и означают безусловную обреченность героев, отправляющихся на Косово поле. Одновременно они подчеркивают непреклонную решимость юнаков исполнить свой долг и погибнуть во имя него. На фоне традиционных значений мотивов предсказаний и реакции на них юнаков (предопределенность победы) такая перекодировка дает исключительный художественный эффект, не только окрашивая в трагические краски весь цикл, но и прокладывая глубокую грань между эпическим временем юнаков-победителей и временем их поражения. Мотивы такого рода при перекодировках воплощают принципиальные сдвиги не только в эпическом языке, но и в эпическом отношении к действительности. Дальнейшее развитие эпического творчества в этом направлении можно наблюдать в гайдуцких песнях, в позднем черногорском эпосе. В русском фольклоре развитие произошло путем смены жанров: старшие исторические песни трансформировали целый ряд мотивов, образов, значений былинной традиции¹².

Изучение эпического языка юнацких песен и былин и жанров и жанровых разновидностей, преемственно с ними связанных, предполагает тщательный анализ всей сюжеттики, всего многообразия мотивов, равно как и подключения к анализу тех элементов, которые относительно самостоятельны и опосредованно связаны с сюжетами. Особый интерес и особые трудности вызы-

вает такое изучение в диахроническом плане, с учетом сдвигов в сознании эпической среды и в творческой деятельности певцов, роль которых в сохранении, развитии и изменениях эпического языка несомненна.

- ¹ См.: *Жирмунский В. М.* Народный героический эпос: Сравнительно-исторические очерки. М.; Л., 1962; *Он же.* Тюркский героический эпос. Л., 1974; *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. М., 1963; *Он же.* Народный эпос. — В кн.: Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры. М., 1964.
- ² Из работ последнего времени, посвященных эпическим сюжетам, героям времени и пространству в славянском героическом эпосе см.: *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. 2-е изд. М., 1958; *Путилов Б. Н.* Русский и южнославянский эпос: Сравнительно-типологическое исследование. М., 1971; *Смирнов Ю. И.* Славянские эпические традиции: Проблемы эволюции. М., 1974; *Лизачев Д. С.* «Эпическое время» русских былин. — В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия: Сборник статей. М., 1952; *Неклюдов С. Ю.* Время и пространство в былине. — В кн.: Славянский фольклор. М., 1972; *Он же.* Заметки об эпической временной системе. — В кн.: Труды по знаковым системам. Тарту, 1973, вып. VI; *Он же.* Статическое и динамическое начало в пространственно-временной организации повествовательного фольклора. — В кн.: Типологические исследования по фольклору: Сб. ст. памяти Владимира Яковлевича Проппа (1895—1970). М., 1975; *Путилов Б. Н.* Застава богатырская: (К структуре былинного пространства). — В кн.: Труды по знаковым системам. VII. Памяти Петра Григорьевича Богатырева. Тарту, 1975; *Он же.* О структуре предметного мира в былинах и юнацких песнях. — В кн.: Serta slavica in memoriam Aloisii Schmaus. München, 1971.
- ³ См. об этом: *Путилов Б. Н.* О уметничкој многогранности народног епа. — Књижевност и језик, 1969, № 4; *Он же.* Эпическое сознание и эмпирическая достоверность. — Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор, 1970, књ. 36, № 1/2; *Он же.* О некоторых структурных особенностях славянского эпоса. — Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1970, t. 19.
- ⁴ *Путилов Б. Н.* О некоторых закономерностях истории русского и южнославянского героического эпоса. — Glasnik Zemaljskog muzeja Bosne i Hercegovine, Etnologija. Nova serija, 1971, N XXVI.
- ⁵ Подробнее об этом: *Путилов Б. Н.* Эпос о Марке Кралевиче и проблема эпического героя и исторической личности. — Македонски фолклор, 1973, № 11.
О соотношении эпоса и сказки см., например: *Гринцер П. А.* Древнеиндийский эпос: Генезис и типология. М., 1974.
- ⁷ О социально-культурной сущности кодов см.: *Лотман Ю. М.* К проблеме типологии культуры. — В кн.: Труды по знаковым системам. Тарту, 1967, вып. III.
- ⁸ *Путилов Б. Н.* О структуре сюжетообразования в былинах и юнацких песнях. — Македонски фолклор, 1970, № 5/6.
- ⁹ См. об этом: *Путилов Б. Н.* Мотив как сюжетообразующий элемент. — В кн.: Типологические исследования по фольклору.
- ¹⁰ Подробнее: *Путилов Б. Н.* Об эпическом подтексте: (На материале былин и юнацких песен). — В кн.: Славянский фольклор. М., 1972.
- ¹¹ См. на эту тему еще: *Пропп В. Я.* Об историзме русского фольклора и методах его изучения. — Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук, 1968, вып. 72, № 339; *Он же.* Фольклор и действительность. — Избранные статьи. М., 1976; *Путилов Б. Н.* Об историзме русских былин. — В кн.: Русский фольклор. М.; Л., 1966, вып. X; *Он же.* Севернорусская былина в ее отно-

пении к древнерусскому эпосу. — В кн.: Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973; *Он же*. Типология фольклорного историзма. — В кн.: Типология народного эпоса. М., 1975.

- ¹² Дополнительно на эту тему см.: *Путилов Б. Н.* Юнацкие песни Косовского цикла и русский эпос. — Рус. лит., 1966, № 2; *Он же*. Русский историко-песенный фольклор. XIII—XVI веков. М.; Л., 1960; *Он же*. Песня: История. Традиция. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976.

В. М. Гацук

ОСНОВЫ УСТНОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ СЛАВЯН

(Антитеза «формульной» теории)

Поэтика и традиция в эпосе слиты и нерасторжимы, ибо поэтика традиционно преемственна, а традиция — поэтически материализуема. Внимание исследователей все больше привлекают проблемы «эпической памяти», природы и родовых особенностей устной поэтики. Но для их успешного изучения требуется, в частности, преодолеть инерцию внефольклористических, книжных представлений и толкований специфики эпоса. Именно такой инерцией движима, как это ни парадоксально ¹, грамматологическая, «формульная» теория устности эпоса. Согласно главной идее этой теории, исполнение эпической песни есть одновременно «складывание» ее на основе «поэтической грамматики». «Для устного поэта моментом композиции является момент исполнения», — гласит основополагающий афоризм книги А. Б. Лорда «Эпический певец» [42, 13], ставший отправным для большого числа работ [41]. При этом подчеркивается, что в ходе обучения певец «впитывает структурный смысл (песенных) тем», он «абсорбирует ритмы и модели формул» [42, 69]. Тематические и формульные схемы, указывается далее, образуют «остов, на котором певец будет строить» [42, 71]; «строя широкую тему, он имеет в голове ее план, не зависящий от конкретных потребностей повествования» [42, 92]; певец «мыслит понятиями формул и образцов формул» [42, 130] ².

Представлением о генерирующем характере «поэтической грамматики» обусловлены и дальнейшие выводы сторонников разбираемой теории: певец не должен учить что-то конкретное, ему надо усвоить интуитивное умение или навык; «все традиционно на порождающем уровне, все оригинально на уровне исполнения» [45, 26].

Формульная теория уже вызвала критические суждения ³. В данном случае нам кажется наиболее важным заострить внимание на том, что назрела необходимость восстановить в значениях

непосредственную материальную, содержательную наследуемость эпоса, потесненную и преуменьшенную формульной теорией.

Самое простое и в то же время решающее возражение против того, что исполнение эпического произведения есть постоянная рекомпозиция его на основе грамматики формул, заключается в широкой текстовой (а не только формульно-тематической) общности эпических сборников XIX—XX вв. Если бы подобная рекомпозиция действительно была нормой передачи традиции, то в сборниках нашего столетия мы находили бы лишь нечто очень отдаленно и сугубо внешне похожее на юнацкие песни, зафиксированные сто лет назад; не имели бы в двадцатые годы нашего века текстуально тех же по существу «Онежских былин», какие записывал А. Ф. Гильфердинг; читая тексты дум в совокупном их издании [32], не могли бы, например, ощутить, что перед нами — 18 неотторжимых друг от друга по текстовой конкретике вариантов одного и того же произведения о побеге трех братьев из города Азова, из турецкой неволи, и т. д. К счастью, дело обстоит совсем не так. Реальность эпической традиции такова, что действительно «преемственность... осуществляется через непосредственное усвоение текста» [2, 13], хотя понятие текста здесь достаточно специфично, а сам процесс продолжается дальше.

Убедительные конкретные данные о текстовой сохраняемости былин получены Н. Г. Черняевой. Так, у сказителя Ф. Т. Сивцева к текстам его учителя И. П. Сивцева восходят 94,64% строк былины «Чурила и Катерина» и 82,27% — былины «Илья Муромец и голи кабацкие». С текстами Д. Суриковой у Е. Б. Сурикова совпадают 75,72% строк в «Женитьбе Дуная» и 73,66% — в «Василии Буслаевиче». В «Илье Муромце и Сокольнике» Г. А. Якушова 37,91% строк находят полное соответствие у Н. Прохорова, а в «Добрыне и змее» 31,66% — у другого его учителя, П. Антонова. Наконец, у П. С. Пахоловой в «Хотене Блудовиче» 25,65% строк идентичны строкам этой же былины у А. М. Крюковой, а в «Глебе Володьевиче» 19,30% строк — из текста Г. Л. Крюковой [33, 112]. Якушов и Пахолова — сказители иного типа, чем Сивцев и Суриков, у них значительно меньше доля совпадений с текстами учителей, но зато от 30 до 40% строк представляют «общебылинный запас» или совпадают со стихами тех же былин у других сказителей [33, 116]. Текстуальная преемственность былин от одного поколения к другому характеризуется также в комментариях к ряду изданий, осуществленных А. М. Астаховой или под ее руководством.

Приведем наблюдения над разновременными фиксациями эпических произведений. Уникальные возможности проследить передачу эпического знания во времени предоставляет репертуар сказительской династии Рябининых. В трех записях былины «Вольга и Микула» от Т. Г. Рябинина, содержащих 166 [24, I, № 3, 10—14], 170 [23, II, № 73, 4—8] и 176 стихов [23, II, прил., 749—753], 32 стиха идентичны, а еще 106 почти полностью сохраняют свой основной лексический состав. С тремя записями «Вольги

и Микулы» от Рябинина-старшего сопоставим далее запись той же былины от его сына — И. Т. Рябинина [19, № 1, 32—36]. Из 192 стихов 28 полностью и еще 139 в своей основе соответствуют строкам из трех текстов отца. Обратившись к той же самой былине, исполненной П. И. Рябининым-Андреевым — «наследником по прямой линии в четвертом поколении традиции Т. Г. Рябинина» [5, II, 159], устанавливаем, что из 185 стихов его текста от 9 июля 1926 г. [24, № 95, 416—420] 16 целиком совпадают со стихами записей от Т. Г. Рябинина, а 118 — основной частью словесного воплощения. Таким образом, от Рябинина-старшего до П. И. Рябининой-Андреева былина «Вольга и Микула» поразительно сохраняет свою текстовую основу — при том, что никому из Рябининых не была присуща механическая передача былин.

Из былины «Добрыня и Алеша» в четырех фиксациях разных лет от Н. С. Богдановой возьмем одну из тем, в понимании формульной теории, — картину пира. В тексте 1901 г. [6, № 28, 65—66] это 51 стих; в записи от 12 июня 1926 г. [5, II, № 109, 48—50] — 58; в тексте, пропетом 28—29 июня того же года [24, № 150, 597—598] — 59; в записи, сделанной 5 августа 1931 г. [5, II, 109а, 56—61] — тоже 59. Сразу отметим, что во всех случаях «пир» обладает приуроченностью именно к тем обстоятельствам, какие описаны в данной былине: хвастовство Добрыни вызывает гнев богатырей и они «насказывают» князю Владимиру отправить Добрыню на заставу. Больше того, 46 стихов удерживаются полностью или с малыми расхождениями на протяжении всего тридцатилетнего отрезка времени, разделяющего первую и последнюю записи.

Юнацкая песня «Марко^т освобождает три синджира рабов», записанная от болгарской исполнительницы Цветы Йордановой Балтяновой из с. Кремиковцы-Софийско, зафиксирована трижды: 1 декабря 1977 г. — Л. Богдановой и 27 сентября 1979 г. (два прослушивания с паузой в 40 минут) — Л. Богдановой и автором этих строк. Вывод из сличения текстов, насчитывающих 105, 134 и 128 стихов: целиком неизменных — 18, с частичными вариациями — 14, т. е. примерно четверть текста; есть еще повторение общих строк, а примерно четверть стихов, хотя они не фигурируют во всех трех текстах, являются^т исконными для данной песни.

Эпическую память исполнителя украинских дум Ф. М. Колесса характеризовал так: «. . . он до подробностей знает содержание думы и порядок, в каком следуют мысли, картины и диалоги. . .» [18, 52]. Поэтому не случайно, что, например, рассмотрение трех записей думы М. С. Кравченко «Бедная вдова и три сына» привело Б. П. Кирдана к заключению, что, «варьируя произведение, певец пользуется готовыми стихами»; ни в одном из вариантов не найдено совершенно новых строк [16, 62].

Позволим себе еще заметить, что сербскохорватские тексты коллекции М. Пэрри и А. Лорда — в той части, где имеем дело с типичными традиционными произведениями, — не столь одно-

значно внушают мысль, будто их сложение совпадало с исполнением. И, может быть, не случайно в них улавливаются моменты устойчивости во времени, довольно родственные тем, о каких шла речь выше. Взять, например, соотношение разновременных записей. Из девяти строк первой пробной записи «Песни о Багдаде» от С. Фортича (Нови Пазар) три находят буквальное, а три — очень близкое соответствие не только во второй «пробе» и в окончательной записи одного и того же дня [47, 197], но и в тексте, записанном спустя 16 лет [47, 208], хотя в последнем есть и большая вставка, — возможно, перенос из другой песни. Из двадцати стихов первой «пробы» песни Дж. Зогица «Бойчиц Алиа избавляет дочь Али-бега» семь полностью повторяются в двух других записях одного дня и еще в одной, отстоящей на три месяца (в их составе — знаменитая славянская антитеза «Хасана—ганицы»); три получают очень небольшие модификации (типа *kukaše* вместо *zakukaše*), а еще пять совпадают в трех текстах из четырех (кроме самого дальнего, к тому же не петого, а продиктованного).

«Нет ничего в опыте поэта или в нашем собственном (если мы слушаем ту же песню от разных певцов или от того же певца, исполняющего ту же песню несколько раз), что внушало бы мысль, будто тема может быть выражена одним и тем же сочетанием слов», — пишет А. Б. Лорд [42, 69]. В свете приведенных фактов такое утверждение едва ли можно считать верным. Для нас в равной степени важно, что при этом находим и буквальную идентичность, и совпадаемость не полную, когда стабильной оказывается смысловая основа стиха, изменяемыми — лексические и грамматические формы, служебные слова, порядок слов, нередко и длина строки и т. д. Соблюдение метрической структуры во всех этих ситуациях предстает вторичным и производным по отношению к постоянству смысла, перманентности ключевых слов строки, но не позиции и окружения в строке. Для эпоса это тем более естественно, что его «напевы... имеют строение, дающее возможность органичного слияния их с поэтическим текстом даже при вольном изменении протяженности стиха, величины поэтической строфы» [8, 23; ср. 38, 205].

*

Отстаивая приоритет памяти на текст — или, точнее, на текстовую материю — перед памятью на правила композиции, мы согласуемся с понятиями самих исполнителей и заключениями внимательных исследователей живой традиции. Суть уловлена А. Ф. Гильфердингом: «Главное участие принадлежит памяти», «память есть единственная сила, которая сознательно для самих певцов действует в усвоении и воспроизведении их рапсодий» [12, 101]. Что касается М. Пэрри и А. Лорда, то они как раз «пренебрегли исполнением эпоса по памяти», — считал Р. Менендес Пидаль [22, 107].

Одну из форм материализованности эпической традиции в ее передаче во времени наряду с текстуальным наследованием составляют варианты эпических произведений. Варьирование эпоса при его исполнении — тем более если понимать исполнение как композицию — определенным образом заслоняет историческую древность самих вариантов, что, конечно, нельзя считать верным. Исследователями немало сделано для фиксации и введения в науку вариантов эпических произведений, для осмысления общего и различного в них. В комплексном музыковедческо-филологическом труде об украинской народной эпике С. И. Грица применила недавно понятие песенной парадигмы — с одной стороны, для отграничения устойчивой основы произведения от вариационных изменений, с другой — для того чтобы оттенить неограниченность самого варьирования, своеобразную жанровую заданность его пределов [13, 66—75].

В развитие концепта «песенной парадигмы» как совокупности вариационных различий, обретаемых в контексте бытования, возникает ряд дополнительных соображений. Открывается возможность осмыслить вариативные различия не только как «флексивное» добавление, появляющееся в момент воспроизведения песни. В известной части они могут быть заложены в самой традиции — как два (или более) возможных продолжения, которые входят в эпическое знание, унаследованное певцом. Еще П. Н. Рыбников заметил, что «сказители знают часто одну и ту же былинку от нескольких учителей» и «певец поет один раз по одному варианту, а другой раз по другому» [25, I, с. XCIV]. Ясно, что в подобных случаях роль певца фактически состояла не в открытии или композиции того или другого продолжения, а в выборе между ними.

В работе 1971 г. мы отмечали, что у Т. Г. Рябинина в былинке «Илья Муромец и Соловей-разбойник» — в момент, когда Илья Муромец подъезжает к «гнездышку» Соловья, — следуют два продолжения. Одно — краткое (в первой записи Рыбникова): Илья не поехал в гости, а поехал в Киев. Другое — развернутое (записано Рыбниковым при повторном прослушивании): дочь Соловья пытается убить Илью железным брусом ворот, но это не удается; Илья «порастрелял гнездо Соловьево» и поехал в Киев-град [25, I, 18—19]. Как выяснилось, оба продолжения издавна присутствуют в былинке и налицо уже в текстах XVIII в. и оба они передались потомкам Рябинина [11, 13—16]. Подобных примеров можно привести много.

К. В. Чистов обращает внимание на тот факт, что различие текстов былины о Калине-царе, записанных от Т. Г. Рябинина П. Н. Рыбниковым в 1860 г. (на первом плане — молодой богатырь Ермак Тимофеевич) и А. Ф. Гильфердингом спустя одиннадцать лет (в центре — Илья Муромец, а не Ермак), не следует объяснять изменениями, внесенными певцом, поскольку обе разработки сюжета ведомы традиции данного произведения: первая типична для сказителей елустафьевской школы, вторая — для

других исполнителей (в том числе и прионежских). «Естественнее предположить, что Рябину были известны обе редакции, и он, в конце концов, остановился на той, в центре которой Илья Муромец, а не Ермак» [34, 67].

Повторные записи болгарских юнацких эпических песен в селах Суходол (от продолжателей традиции знаменитого певца XIX в. Жоче Илкова), Кремиковцы, Драголевцы и Бусманцы — они проводились нами в 1979 г. совместно с С. Стойковой и Л. Богдановой — показали, что в тексте, отделенном от предыдущего исполнения годом или даже часом, исполнитель нередко выбирает иное продолжение, тоже присущее данной песне, но не отразившееся в предыдущем случае. Иначе говоря, диахронический «инвариант», несомненно, захватывает и часть парадигмы различий. Актуальной задачей нам представляется изучение вариантов как явлений, которые в основе своей индивидуализированной фактуры намного старше, нежели сами певцы, передающие нам эти варианты.

Первым в своем роде и чрезвычайно важным в историко-теоретическом плане явилось исследование В. И. Чичерова «Школы сказителей Заонежья». Выполненное еще до войны, оно издано сейчас Научным советом по фольклору и Институтом мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР под редакцией В. П. Аникина [35]. Поскольку принадлежность школам — елустафьевско-рябининской, Конона с Зяблых Нив, а также космозерской традиции былины обнаруживает свою детальнейшую доказуемость на текстах, мы получаем еще один довод в пользу большой сохраняемости текстовой вариантной плоти эпоса от поколения к поколению.

Постановка вопроса о вековой вариантной профилированности произведений эпоса не преуменьшает дарований и заслуг тех певцов, которые донесли до нас эти варианты и во многих случаях придали им дополнительные достоинства, совершенное своеобразие. Мы лишь подчеркиваем труд всех поколений певцов, которые содействовали формированию этих вариантов. Варианты (версии, редакции) предстают как поэтическая реальность, сложившаяся исторически, а не только (и не столько) возникающая на глазах собирателей. Вклад наблюдаемых исполнителей предстает в более объективном соизмерении с вкладом поколений.

Разумеется, не всякий вариант есть закономерное воплощение традиции. Приведем пример из отмеченных А. Ф. Гильфердингом «значительных разноречий» между разновременными текстами былины пудожского сказителя А. П. Сорокина. В «Соловье Будимировиче» — обширная вставка. Она содержит вопрос Владимира: хочет ли Любава Путятична замуж за «млада Соловья» — и ее покорный ответ: «А й как воля теперь твоя. . .» [23, 1, 690]. У добавленных стихов — вполне традиционный, формульный вид («А й как тут солнышко Владимир князь», «Молода Любава Путятична» и т. д.), некоторые повторяют строки из предыдущей части былины. Новый диалог вроде бы отвечает и брачной «теме»

былины. Словом, о нем можно сказать, что сложен он по всем канонам формульной теории. Но есть одна сюжетная тонкость, обнаруживающая его чужеродность: «инициатор» брака в данной былине — сама Любава Путятична, поэтому и вопрос князя, и ответ «любезной племянницы» с контекстом не вяжутся. Перед нами — такая «композиция» во время исполнения, которая ни к прошлому, ни к будущему былины о Соловье Будимировиче отношения не имеет. Она не принадлежала былине до Сорокина и не вошла в былинку после него. И у самого Сорокина это, скорее всего, «разовое» появление, на основе которого никак нельзя моделировать процесс сохранения эпического знания во времени. То, что с точки зрения формульной теории показалось бы пормой процесса, на самом деле — эпизодическая аномалия.

Из ряда вон выходящая «склонность к сочинительству» [12, 102] никогда не была влиятельным фактором развития традиции — достаточно вспомнить вольные контаминации В. П. Щеголенка [9]. В поэме-песне — так называемой «малой форме» эпоса, которой представлен он у славян (ср. еще саги, руны, песни «Эдды», восточно-романский, албанский эпос и др.), — традиция росла и намывалась тончайшими слоями ⁴.

*

Плодотворной тенденцией последних лет представляется изучение поэтики эпических произведений в ее «определенности» традицией жанра, обусловленности и означенности свойств и вариативных проявлений. Но понимание пределов варьирования произведения еще нуждается, на наш взгляд, в существенных уточнениях фактического и историко-теоретического порядка.

А. Ф. Гильфердинг первым заговорил о том, что каждый сказитель «выбирает себе из массы готовых эпических картин запас более или менее значительный» и пользуется им «во всех своих былинах» [12, 107]. «Подсказывание из общего эпического запаса» подметил в старофранцузских текстах А. Н. Веселовский [10, 114]. Ф. М. Колесса, продолжая приведенное выше суждение, что исполнитель знает думу «до подробностей», подспорьем считал «запас эпитетов и постоянных эпических оборотов» [18, 54]. Обратим внимание на то, что во всех трех случаях запас, применяемый более широко, мыслится дополнительным по отношению к исполнению конкретного произведения, не заменяющим его особенной фактуры. Подобное ограничение имеет принципиальное значение. Было бы неосмотрительно полагать песню всецело открытой общему поэтическому запасу жанра. М. Арnaudов (писавший о «большом запасе формул, которые сразу переносят слушателя в традиционный поэтический мир») верно заметил, что стереотипные формулы и клише составляют удобное средство «в случаях, когда отсутствует индивидуальное выражение» [3, 478—479].

Произведение эпоса обладает своим сложившимся кругом излюбленных поэтических деталей и подробностей. Их подбор,

вовлечение в песню — итог длительного процесса. И хотя индивидуальная инициатива, безусловно, имеет место и в «добирании подробностей», первоочередным подспорьем служит певцу пучок возможностей, предоставляемых традицией данного произведения.

С другой стороны, далеко не все в принципе принадлежащее традиции жанра применимо, когда речь идет о конкретных персонажах и ситуациях. Просмотрев большое число сборников южнославянских юнацких песен, мы заметим, как мал подбор эпитетов, применяемых к героям. У Крали Марко, в сущности, одно-единственное частое определение: добър юнак. Другие эпитеты, например силен, храбор, существующие в эпосе, к нему никогда не прилагаются. Проследив по значительной массе записей «эпический формуляр» Владимира, можем констатировать, что и в «титульной» его части (великий, стольно-киевский и пр.), и в художественно-эпической (ласков, славный и др.) он весьма ограничен. Добавления — младой, сильной, надежа — единичны. Ф. М. Селиванов изучил 17 сборников и установил, что Киев в былинах бывает стольным, славным, красным. Добавление эпитетов встречается ничтожное число раз⁵.

По обращению: «Що си, горо, рано повехнала?» (начало вопросительно-отрицательного метафорического уподобления) — безошибочно узнаешь песню о юнаке, освобождающем вереницы рабов. Первая же строка другой «славянской антитезы»: «Шта се б'јели у гори зеленој? . .» — сразу подсказывает, что перед нами «Хасанаганица». Если в былине говорится, что при рождении героя звери, рыбы и птицы в страхе прячутся, то это, конечно, «Волх Всеславьевич». Встретив же в начале былины «Вольга и Микула» Т. Г. Рябинина строки: «Когда воссияло солнце красное, Тогда зарождался молодой Вольга» [25, 10], легко догадаться, что это перенесение из былины о Вольге-Волхе (при двух последующих исполнениях Рябинин вернул «Вольге и Микуле» исконное начало).

Характерно, что на такую однозначную связь и постоянную «закрепленность» эпических характеристик за тем или иным персонажем или действием формульная теория не ориентирована и улавливать ее не в состоянии. Обобщенно-структурный подход, метроритмическая мера лишают ее чувствительности к словесной и образной единственности и постоянству.

Согласно научной традиции, о которой А. Б. Лорд отзывается пренебрежительно [42, 30], за топосами, общими местами со времен античности признается прежде всего постоянство содержания. Преемственность и вариации топосов в средневековой латинской литературе превосходно показал Е. Р. Куртиус [39]. Постоянство содержания влечет за собой формульную стабилизацию словесного воплощения. Применительно к фольклору А. Н. Веселовский говорил о «постоянных формулах для известных положений, неотделимых от них, приставших к ним, как пристал к слову характеризующий его эпитет» [10, 94]. Учитывал он и значение стихотворной формы, заметив в своей диссертации, что «рифма и размер

охраняют содержание традиционной песни». Ф. И. Буслаев любил объяснять своим ученикам, что в былинах «об одном и том же» говорится «одними и теми же словами».

Теория М. Пэрри и А. Лорда, взяв от этой реальности внешние признаки, критерием сделала формульную модель. В трудах сторонников теории основное внимание акцентируется на запасе структурных формульных типов для воспроизведения эпоса. Между тем именно здесь, на уровне конкретных художественных подробностей, обнаруживается особенно ясно, что главная забота певца — следование поэтической сути образца.

Еще А. П. Скафтымов обращал внимание, что и при словесном различии одновременных текстов певца может оставаться нерушимой направленность повествования и достигается смысловая «равнозначность» [27, 121—122]. Особое значение принадлежит в этом плане поэтической синонимии, которая, как мы показывали в другой работе, составляет не только идеальную форму, но и основной закон соотношения текстов одного певца, записанных при равнозначных объективных и субъективных условиях [11, 21—25]. Эпический певец может не удерживать словесно-ритмическую структуру, но он не утрачивает и узловые опорные образы, и стилистические фигуры (например, сочетание «закажу... думать; а не то что ездить» с усилительным перечислением «детям, внучатам» и т. д. — в трех записях былины о Калине-царе от Ф. А. Конашкова). Действенность стимулов поэтической синонимии, или равнозначности, освещается и в ряде новых работ [30, 55; 33, 106 и сл.; 2, 92, 95 и др.].

Реальное соотношение художественно-содержательного и формульного факторов при усвоении эпического знания может быть продемонстрировано на примере записей думы «Бедная вдова и три сына» от кобзаря И. Г. Гончаренко [17, 369—370] и его ученика С. А. Пасюги (18, 465—464)^а. Первая относится к 1908, вторая — к 1910 г. Взята только первая часть думы, так как текст Пасюги в используемом источнике до конца не дается. Попытаемся «наложить» один текст на другой. Строки приводятся двумя столбцами: слева — строки Гончаренко, справа — Пасюги:

Ой не діброва зашуміла,
Як удова старя́я
З своїми дітками маленькими
У своєму дому гомоніла.
Мала собі вдова три сини,
Як яснії, гласнії, соколи;

Вона ж годувала,
До зросту у найми не пускала,
Ой вона ж своєю головою
при старості літ
При їх житія сподівала.

Гей! Ей, в полю зелена діброва
шуміла,
як та старая удова в своєму дому
з своїми дітками гомонила.

Ей, вона мала собі три сини,
Три, як яснії гласнії соколи;
І вона їх до зросту літ у найми
не пускала,
Й вона пучками й ручками
хліба—соли заробляла,
А їх годувала,

Вона своїй голівонці при старості
літ
Про житія сподівала.

Із домівки ізсилати,
«Іди ж ти, нече, пріч від мене!...»

Стали молоде подружжя принімати,
І зараз же стали старій матері

Хлібом—сіллю нарікати
І на сміх піднімати,
Із домівки ізсилати,
«Гей, іди, ти нене, пріч від мене!»

А вот пример того, как сказывается забвение словесной фактуры произведения. От талантливого печорского сказителя из Усть-Цилимского р-на Е. П. Чупрова трижды записана былина «Илья Муромец и Сокольник»: в 1929 [8, № 59-а], 1955 [8, № 59] и 1965 гг. [диск ЗЗД 025677—78 Всесоюзной фирмы «Мелодия»]. И все три раза заключительную часть повествования (после того как Илья узнает в Сокольнике своего сына) Чупров передавал прозой. Излагал он события и диалоги довольно подробно. То и дело появлялись определительные сочетания формульного типа. В 1929 г.: «. . . я тебе буду тятенька. Поедем со мной *во белой шатер*». А он сказал ему: „Не еду я с тобой *во белой шатер*. Поеду назад за *синё морё*. . .“. В 1965 г.: «Поедем, говорит, со мной *во белой шатер*. . .» — «Не поеду я, говорит, к вам *во белой шатер*. . .». Почему все же распался текст в его стиховом виде? Во всяком случае, не из-за неумения строить строку — судя по вариациям в предыдущей части былины, это для Чупрова трудности не составляло. Он вполне укрощал ритм при словесных заменах (ср. начало одной и той же строки в текстах Чупрова разных лет: «А ю старого тут плечá. . .», «А могучие плечи. . .», «У старого-то плечá. . .»). Если присмотреться к пересказу Чупрова и сравнить его хотя бы с текстом той же былины, записанной в 1899 г. в том же в Усть-Цилимском районе, мы заметим, что Чупров запамätывал начала строк, особенно глагольные. Он обозначает действия просторечивым, а не былинным словом: «Вытащил чинжалище и

шарнул», «хвоснул его» и т. д. Стих распался, так как забыты «движущие» былинные слова в их единственном стилевом и смысловом подборе, а не просто подходящие по количеству слогов. Таким образом, задачи, какие встают перед певцом при усвоении и воспроизведении песни, сложнее и тоньше, нежели соблюдение формальности.

*

Мы приходим к выводу о художественно-содержательных (а не формальных) основах передачи и сохраняемости эпоса во времени: от учителя к ученику, от одного исполнения — к другому. Эпическая традиция — это не просто конкретные произведения, но исторически обозначившиеся в своей основе и «материально» наследуемые варианты этих произведений. В памяти певца произведение хранится в виде своеобразной «тропы подробностей» (ср. понятие «следа» в современной теории памяти). На отдельных участках тропа способна раздваиваться, но обязательно сохраняет непрерывность. Поэтика эпического знания несводима к резюмативным аллотмотивам; это поэтика конкретной фактурной воплощенности (включая опорные художественно-смысловые константы, синонимично замен при «добирании» подробностей). «Надвариантного», грамматического знания эпоса просто-напросто не существует — при всей его «пучкообразной» объемности.

«Поэтическая грамматика», безусловно, отличает эпический (песенный) текст от обычной речи. Но роль ее «автоматична», как и роль обычной грамматики. Это фактор сопутствующий, а не генерирующий. Высокий уровень вербальной совпадаемости должен быть осмыслен как итог развития, а не как изначальная или всякий раз рождаемая заново поэтическая данность. Словесная стабильность — следствие, а не приоритарное условие или норма традиционности. Лишний раз оправдываются слова старого немецкого эстетика Жан-Поля: «Антитеза противопоставляет суждения, обычно причину — следствию».

¹ Имеем в виду ценный собирательный опыт создателей теорий М. Пэрри и А. Б. Лорда (записи эпоса в Югославии).

² Тезис о každоразовом рождении эпической песни по ходу исполнения ее и о схеме как руководстве певца не следует считать новым. Он высказывался неоднократно. Так, в 1922 г. С. И. Абакумов, сопоставив тексты исполнителей, усвоивших былинку от одного и того же предшественника (мысль о таком сравнении подал еще А. Ф. Гильфердинг — см. [12, 106]), заключал: «Каждый сказитель, услышав былинку, запоминает только ее схему... Текст же каждого данного варианта былинки — создание самого сказителя» [1, 55]. Разница по сравнению с теорией А. Б. Лорда состояла в понимании процесса воплощения «схемы» в текст: «При пересказе он эту схему расцветивает, выбирая материал для этого из хранящегося в его памяти запаса общих мест, общеэпических подробностей, сложившихся характеристик, эпических имен» (Там же). Сходная мысль содержалась в книге Б. М. Соколова [29, 68]. О «композиционной схеме» как остоле песни писал в исследовании южнославянского эпоса Г. Геземанн.

³ «Трудно думать, чтобы это техническое объяснение... было адекватно сложности самих фактов», — писал В. М. Жирмунский относительно объяснения формул условиями устной импровизации — «необходимостью спешить» [14, 169]. Отмечалось также, что в труде А. Б. Лорда ощущается скорее лингвистический, нежели искусствоведческий, подход к законам организации памяти [15, 143], что структурное понимание формулы не соотносено с давней фольклористической практикой содержательной ее интерпретации и не делается различия между общеязыковой и фольклорной формулой [36, 6—8]. Обращалось внимание на абстрактизацию песенных тем (возвращение, избавление, женитьба, захват города, пир и т. д.), не раскрывающих содержание песен [28, 118]. Указывалось также, что вопреки декларации единства метрических условий и «существенной идеи» (см. известное определение формулы, принадлежащее М. Пэрри) «проблема этой „существенной идеи“ почти повсюду остается в пренебрежении», ибо исследования ограничиваются метрико-ритмической стороной [40, 56].

О признании самими сторонниками формульной теории несомненного ее кризиса см. [20, 15—16].

⁴ Иное дело — крупномасштабные восточные эпосы: здесь (как показали В. В. Радлов и другие исследователи) импровизация певца при воссоздании традиционного произведения играет особенную роль, специфичны «нетекстовые» формы и средства ее обусловливания традицией — то, что В. М. Жирмунский называл «сценарием поэмы». В этом плане сказывается восточная инотипность крайинской (боснийско-мусульманской) эпики, включающей произведения до 7—8 часов звучания (см. труды М. Мурко, А. Шмауса, И. Н. Голенищева-Кутузова, В. А. Десницкой и др. авторов; этический репертуар ряда мусульманских певцов исследовали М. Пэрри и А. Б. Лорд).

⁵ Оспаривая тезис формульной теории о «семантическом безразличии устойчивых эпитетов, варьирующихся только в зависимости от места в стихе», И. М. Тронский писал: «Это, конечно, большое преувеличение. Гомеровские эпитеты, как правило, подходят для своих предметов» [31, 50].

⁶ С. И. Грица уже сравнивала между собой думу «Сестра и брат» в фиксациях от тех же кобзарей, придя к заключению, что «в обоих фрагментах устойчивых мест больше, чем изменяемых» [13, 224].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абакумов С. М.* Насколько прочен текст былины. — В кн.: Новое дело. Казань, 1922, т. III.
2. *Аникин В. П.* Теория фольклорной традиции и ее значение для исторического исследования былин. М., 1980.
3. *Арnaudов М.* Очерцы по болгарския фолклор. София, 1968. Т. I.
4. *Аткинсон Р.* Человеческая память и процесс обучения: Пер. с англ. М., 1980.
5. *Астахова А. М.* Былины Севера. М.; Л., 1938. Т. I; 1951. Т. II.
6. Былины новой и недавней записи из разных местностей России / Под ред. В. Ф. Миллера, при ближайшем участии Е. Н. Елеонской и А. В. Маркова. М., 1908.
7. Былины П. И. Рябинина-Андреева / Подгот. текстов к печати, ст. и примеч. В. Базанова. Петрозаводск, 1939.
8. Былины: Русский музыкальный эпос / Сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов. М., 1981.
9. *Васильев Н.* Из наблюдений над отражением личности сказителя в былинах. — Изв. ОРЯС, 1907, т. XII, кн. 2.
10. *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика / Ред., вст. статья и примеч. В. М. Жирмунского. Л., 1940.
11. *Гацак В. М.* Эпический певец и его текст. — В кн.: Текстологическое изучение эпоса. М., 1971.
12. *Гильфердинг А.* Олонеккая губерния и ее народные рапсоды. — Вестник Европы, 1872, март, т. II.

13. *Грица С. Й.* Мелос української народної епіки. Київ, 1979.
14. *Жирмунский В. М.* Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. Л., 1979.
15. *Землянова Л. М.* Современная американская фольклористика. М., 1975.
16. *Кирдан Б. П.* Варьирование кобзарем М. Кравченко думы «Бедная вдова и три сына». — В кн.: Текстологическое изучение эпоса. М., 1971.
17. *Кирдан Б. П.* Украинские народные думы (XV—начало XVII в.). М., 1962.
18. *Колесса Ф. М.* Мелодії українських народних дум / Підготувала до друку С. Й. Грица. Київ, 1969.
19. *Ляцкий Евг.* Сказитель Иван Трофимович Рябинин и его былины. — Этнографическое обозрение, 1894, кн. XXIII, вып. 4.
20. *Мальцев Г. И.* Традиционные формулы необрядовой лирики. — Рус. фольклор, 1981, вып. XXI.
21. *Матий С.* Наш народни еп и наш стих. Нови Сад, 1964.
22. *Пидаль М. Р.* Югославские эпические певцы и устный эпос в Западной Европе. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1966, т. XXV, вып. 2.
23. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. 4-е изд. М.; Л., 1949. Т. 1; 1950. Т. 2; 1951. Т. 3.
24. Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. текстов акад. Ю. М. Соколова. Подгот. текста к печати, примеч. и словарь В. Чичерова. М., 1948.
25. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд. М., 1909. Т. 1; 1910. Т. 2/3.
26. *Путилов Б. Н.* Искусство былинного певца: (Из текстологических наблюдений над былинами). — В кн.: Принципы текстологического изучения фольклора. М.; Л., 1966.
27. *Скафтымов А. П.* Поэтика и гегезис былин. Москва; Саратов, 1924.
28. *Смирнов Ю. И.* Рец. на кн.: Lord A. B. The Singer of Tales. — Сов. славяноведение, 1976, № 1.
29. *Соколов Б.* Сказители. М., [1924].
30. *Стойкова А.* Народната певица Бона Василева от с. Климент, Карловско. Български фолклор. София, 1977. Кн. 4.
31. *Тронский И. М.* К вопросу о «фольклорном стихе» гомеровского эпоса. — В кн.: Philologica: Исследования по языку и литературе. Памяти В. М. Жирмунского. Л., 1973.
32. Украинские народные думы / Изд. подгот. Б. П. Кирдан. М., 1972.
33. *Черняева Н. Г.* Опыт изучения эпической памяти (на материале былин). — В кн.: Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР. М., 1980.
34. *Чистов К. В.* Русские сказители Карелии. Петрозаводск, 1980.
35. *Чичеров В. И.* Школы сказителей Заонежья. М., 1982.
36. *Bartmiński J.* Wokół Lordowskiej koncepcji formułu. — Literatura ludowa, 1975, N 6.
37. *Bošković-Stulli M.* Usmena književnost kao umjetnost riječi. Zagreb, 1975.
38. *Chettéoui W.* Un rapsode russe: Rjabinin le père. P., 1942.
39. *Curtius E. R.* Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. 8. Aufl. Bern, München, 1973.
40. *Fochi A.* Estetica oralității. București, 1980.
41. *Haymes E. R.* A bibliography of studies relating to Parry's and Lord's oral theory. Cambridge, 1973.
42. *Lord A. B.* The Singer of Tales. Cambridge (Mass.), 1960.
43. *Maretić T.* Naša narodna epika. Beograd, 1966.
44. *Murko M.* Tragom srpsko-hrvatske narodne epike. Zagreb, 1951. Knj. I.
45. *Nagler M. N.* Spontaneity and Traditions: A study in the oral art of Homer. Berkeley: Univ. California Press, 1974.
46. *Schmaus A.* Ein epenkundliches Experiment. — In: Gesammelte slawistische und balkanologische Abhandlungen. München, 1971, T. I.
47. Srpsko-hrvatske junačke pjesme / Skupio Milman Parry. Uredio i preveo na engleski Albert Bates Lord. Beograd i Kembridž, 1953, Knjga druga.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ОРЯС — Отделение русского языка и словесности

СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННЫЕ СВЯЗИ В СЛАВЯНСКИХ ЭПИЧЕСКИХ ПОВЕСТВОВАНИЯХ

Эпический сюжет и его поэтическое воплощение находятся в отношениях взаимной зависимости и обусловленности. Система этих связей не однозначна и не исчерпывается семантической нагрузкой мотива. Элементы, составляющие его, по-разному соотносятся с художественной фактурой сюжета. В наши задачи входит установление закономерностей этих связей, рассмотрение их как системы.

Как отмечалось Б. Н. Путиловым¹, полисемантичность понятия «мотив» затрудняет оперирование им при анализе поэтического текста. Для выявления его элементов, продуктивных при образовании общебылинных, типизированных и повторяющихся описаний, удобнее пользоваться представлением о нем как сюжетно значимом элементарном отрезке текста, обладающим типовым формульным характером². Последний признак гипотетичен, и его доказательство представляется нам важнейшей задачей исследования. Материалом русской части послужили былины о героическом соперничестве и конфликте богатыря с женщиной. Особенности их содержания и невоинский характер определили их поэтическую специфику. На это будет обращено особое внимание. Были привлечены все опубликованные варианты шестнадцати сюжетов: «Добрыня и Алеша» (208), «Дюк» (100), «Смерть Чурилы» (86), «Василий и новгородцы», «Смерть Василия» (71), «Ставр» (60), «Иван Годинович» (56), «Потык» (48), «Садко» (46), «Сорок калик» (42), «Вольга и Микула» (41), «Иван Гостиный сын» (38), «Хотен» (33), «Царь Соломан и Василий Окулович» (32), «Соловей Будимирович» (31), «Чурила и князь» (12). Рамки работы не позволяют привести результаты анализа всех текстов. Рассматриваются лишь общие закономерности, а полученные выводы будут сопоставлены с одностадиальным болгарским юнацким эпосом и с более поздними произведениями — украинскими думами.

Эпический стиль проявляется в типологии сюжетно-композиционных связей, составляющих три уровня изобразительной стереотипии: 1) типические описания (общие места); 2) ситуативные и сюжетные типизированные описания; 3) лейтмотивы.

Первый уровень — общие места раскрывают и детализируют типические для однопорядковых и разнопорядковых эпосов мотивы, которые составляют основные сюжетные звенья каждого эпического произведения. Это определение места действия, характеристика персонажей, подготовка героя к выезду, выезд из локуса, преодоление препятствий, пространственное и временное переме-

щение, приезд в новый локус, подготовка к состязанию, бою, борьба с противником, состязание, расправа с врагом, с противником.

Типические мотивы атрибуируются всему эпосу в целом и представляют собой надсюжетные константы. Сочетаясь с сюжетообразующими мотивами и мотивами, присущими только группе произведений, они функционируют как некоторая этноисторическая сюжетика, где национальная специфика проявляется в особенности их сочетаемости, а также стадильной и этнографической интерпретации элементов, составляющих мотив (тип героя, врага, характер поведения, изображение душевного состояния, обстоятельства выявления конфликта и т. д.). Клишированность общих мест придает им некоторую замкнутость, которая проявляется в разносюжетных воплощениях. Это приводит к бинарности их функций. В рамках сюжета общее место фигурирует как элемент фабулы, но в эпосе в целом они проявляются как стилевые константы. Типические места широко изучались в отечественной и зарубежной фольклористике на материале русских, южнославянских эпических песен и эпического творчества народов Сибири, Средней Азии и Кавказа и других регионов. Ученые отмечали важность этого компонента в художественной системе эпоса, в частности былин, значительность его удельного веса. Так, по подсчетам П. Д. Ухова, типические места составляют от 20 до 80% текста³. Эти наблюдения требуют некоторой проверки. Для выявления значимости общих мест в поэтике эпоса, соотнесенности и связи с другими типами повторений необходима их систематизация, а также установление частотности.

По типу связи с элементами мотива мы выносим *предикативные и субъектно-объектные общие места*. Первые из них раскрывают, детализируют предикат мотива, они связаны с действием и чаще всего атрибуируются герою. Это описание снаряжения, седлания коня, выезда, поездки, пути, перескакивания-перемахивания, приезда, прихода, оповещения, входа в гридню (соблюдения и несоблюдения этикета), спешки, подготовки к бою, боя с противником, побивания, просьбы оставить на семена. Частота употребления предикативных общих мест объясняется органичностью мотивов, раскрываемых ими, для эпических произведений. В табл. 1 рассматривается частотность этих описаний. Для анализа были выбраны те сюжеты, где персонаж перемещается только на коне. Исключались произведения, в которых герой отправляется в путь пешком или на корабле: поиски богатырями Потыка, поиски Потыком и Соломаном исчезнувшей жены, передвижение Садко и Василия по Новгороду, а Добрыни — по Киеву, странствование калик в Иерусалим и посещение ими Киева, свадебная поездка на корабле Соловья Будимировича, путешествие по морю Василия Буслаева и Садко.

Наблюдение над частотой появлений предикативных общих мест приводит к выводу, что типизация в русских былинах зашла достаточно далеко. Это объясняется, во-первых, природой эпиче-

Таблица 1

Сюжет	Число вариантов	Снаряжение	Седлание	Выезд	Поездка и переска- кивание	Спешка	Векство	Нелекство
Добрыня и Алеша	208	—	36	54	24+18	10	55	20
Дюк	100	6	23	31	31+5	—	20	2
Смерть Чурилы	86	—	5	4	0+1	41	15	—
Иван Годинович	56	1	6	16	3+3	—	11	6
Иван Гостиный сын	38	1	4	4	—	—	5	—
Хотен	33	—	7	1	3+0	3	—	11

ского повествования, в котором событийность преобладает над описательностью; во-вторых, тенденцией к динамике в самих описаниях, где детализация действий становится средством характеристики персонажей; в-третьих, особенностями былинного стиля, когда типизированное изображение поведения является своеобразной маркировкой принадлежности героя к клану богатырей и одновременно — средством его идеализации. Одним словом, разные богатыри ведут себя одинаково. Отличающим моментом, как будет показано ниже, оказываются не динамичные, а статичные описания. К ним в первую очередь относятся субъектно-объектные общие места, которые раскрывают содержание субъектов и объектов типических мотивов. Это портретные и психологические характеристики; описание костюмов; статическое описание красавицы, запертой в тереме; изображение коня, идеализированное и ироническое; картины эпических локусов, где разворачивается действие (терема, пира, корабля); предметов, имеющих определенные функции в повествовании (чары зелена вина, выкупа, данейвыходов, подарков и пр.).

В табл. 2 приводится количественная характеристика некоторых субъектно-объектных общих мест, изображающих атрибуты персонажей, персонажей и локус (за исключением сцены пира, которая будет рассматриваться особо).

Таким образом, по сравнению с табл. 1 табл. 2 демонстрирует иную картину частоты появлений. Слабая повторяемость статичных общих мест может быть объяснена тем, что они не генерализованы, а относятся лишь к определенным сюжетным типам, хотя возможность их включения в другие группы достаточно высока. Вместе с тем даже соответствующий сюжетный тип не является достаточной гарантией их появлений. Так, описание красавицы встречается в сюжетах о поисках богатырем невесты, но не во всех, а в тех, где есть мотив предопределенности. Он зафиксирован в былинах «Царь Соломан и Василий Окупович» и «Иван Годинович», но отсутствует в песне о Потыке. Таким образом, лишь особенности сюжетного развития могут гарантировать включение субъектно-

Таблица 2

Сюжет	Варианты	Дом	Корабль	Костюм	Красавица	Красавица в тереме	Конь	Подарки
Добрыня и Алеша	208	—	—	2	—	—	1	1
Дюк	100	16	—	11	—	—	9	—
Смерть Чурилы	86	—	—	9	—	—	1	4
Василий и нового- родцы В. и смерть	71	—	4	—	—	—	—	4
Иван Годинович	56	—	—	—	8	5	—	—
Садко	46	9	6	—	—	—	—	5
Иван Гостинный сын	38	—	—	2	—	—	—	3
Хотен	33	—	—	—	—	3	—	—
Царь Соломан	32	—	26	—	20	—	—	—
Чурила и князь	12	6	—	5	—	—	—	4
Соловей Будимирович	31	5	14	—	—	—	—	5

объектного общего места. Этот вывод перекликается с наблюдениями А. П. Скафтымова о том, что «былина описывает лишь тогда, когда описание вызвано прямой направленностью рассказа, когда описание нужно непосредственно по самому существу той сюжетной задачи, которую ставит себе данный сюжет. Поэтому ее описания всегда соотносятся прямо к главным лицам рассказа и захватывают непременно те черты, которые ближайшим образом ведут сюжет»⁴.

Часто задачи развития конфликта приводят к замене статичного общего места описанием, характерным для единичного, определенного сюжета. Так, в былине о Дюке общее место (описание костюма) встречается только 11 раз, в то время как изображение наряда богатыря чрезвычайно важно для содержания произведения. Дело в том, что Дюк одерживает победу над противником только благодаря необычности своего платья, удивительной его роскоши. Немногие сказители используют в картине состязания субъектно-объектное общее место. Большинство вводят пространное описание, которое представляет собой отличительную особенность былины и является примером эпической индивидуализации.

Процесс типизации статичных общих мест в наибольшей степени, как это видно из табл. 3, нашел выражение в картине пира.

Высокая частота появлений этого описания объясняется его функциями в сюжете и в композиции. Сцена пира представляет собой важный момент эпического повествования, связанный с выявлением конфликта: на пиру герой хвастается и это является толчком к развитию сюжета — к его испытанию в силе, ловкости, меткости, в проверке его богатства и ума, красоты и ума жены,

Таблица 3

Сюжет	Число опубликованных вариантов	Частотность	Сюжет	Число опубликованных вариантов	Частотность
Добрыня и Алеша	208	51	Садко	46	7
Василий Буслаев	71	41	Иван Гостинный сын	38	14
Ставр	60	47	Хотен	33	23
Иван Годинович	56	17	Царь Соломан	32	10
Потык	48	21	Чурила и князь	12	2

быстроты коня. На пиру князь накидывает службу, отправляя богатырей в чужие земли за данью, на поиски невесты, на защиту рубежей, на оборону Киева. На пиру герой вступает в спор с городом, с князем либо с соперником; на пиру происходит столкновение родовитых семей с безродными, матери героя — с вредительницей, богатыря — с врагом-нахвалящиком. Сцена пира служит своеобразным композиционным моментом, выявляющим сюжетно значимые звенья. В большинстве случаев она выполняет функцию вступления. Исключение составляют былины о Садко, о Василии Буслаеве и несколько вариантов «Потыка». В них это описание выявляет многосоставность сюжета. Если «Потык» и «Садко» по сути, представляют собой самостоятельные звенья, логически соединенные в один сюжет, где сцена пира выделяет начало нового смыслового единства, способного к самостоятельному функционированию, то в былине «Василий и новгородцы» их изолированность выражена слабее. Первое звено состоит из трех мотивов: вступление (эпическая биография героя, богатырское детство), первый конфликт с новгородцами, испытание дружины (подготовка к состязанию). Второе звено начинается со сцены пира, где выделяется новый, важный в сюжетном развитии момент — продолжение, развитие конфликта героя и города. В девятнадцати вариантах наблюдается перестановка мотивов. Сцена пира непосредственно следует за первым конфликтом с новгородцами, особенность ее заключается в том, что изменяется локус и его назначение. Василий устраивает пир с тем, чтобы там набрать дружину. Таким образом происходит «притягивание» типического описания сюжетом, изменение его структуры под воздействием эпической традиции.

В отличие от других типов экспозиции (отрицательного параллелизма — выезда героя или запева «Еще раньше Казань слободой слыла» и др.) картина пира притягивает к себе объектно-субъектные общие места, которые определяют душевное состояние, маркируют конфликт и являются завязками сюжета: хвастовство на пиру; вопрошение, почему не хвастает, почему грустен; формула-вопрошение, кто выполнит поручение (накидывание службы). В живом бытовании возможна замена, перемещение маркирован-

ных формул. Так, описание хвастовства героя на пиру соединяется с конфликтными мотивами недостачи, вызова к состязанию и накидывания службы.

Таким образом, типические описания (общие места) выполняют в эпосе разнообразные функции. Как элемент сюжета они маркируют конфликт, как элемент композиции — определяют границы произведения или сюжетных звеньев. Как композиционные повторения общие места составляют принадлежность эпического стиля, служат важнейшим его признаком.

Общие места, предикативные (динамичные) и субъектно-объектные (статичные) представляют собой первый общежанровый уровень эпической стереотипии. *Следующую, вторую ступень* составляет типизация, характерная для части жанра, группы сюжетов, объединенных общим конфликтом, для отдельных произведений. Этот уровень объединяет ситуативные и сюжетные типизированные описания. Первый тип осуществляет стереотипию в границах разносюжетных воплощений сходных и переходных мотивов. Здесь мы пользуемся термином, введенным А. В. Позднеевым⁵. Второй тип составляют сюжетные типизированные описания. Они соотносятся с сюжетообразующими мотивами и раскрывают их содержание. Детализация осуществляется с помощью формульных сочетаний, которые типизируются в вариантах сюжета. Их перенесение в другое произведение приводит к появлению ситуативных типизированных описаний. Сюжетно-типизированные описания полифункциональны. Раскрывая содержание, они функционируют как элементы сюжета, а входя в структуру произведения, соотносятся друг с другом как средства композиции. Примером перехода сюжетных типизированных описаний в ситуативные может служить картина плавания кораблей и их остановки, перенесенная из былины о Садко в песню о смерти Василия Буслаева (*Аст.*, I, № 14, с. 199, ст. 478—499), изображение гибели героя в подкопе из былины «Илья и Калин царь» (*Гр.*, III, № 3, с. 18, ст. 181—185; № 74, с. 451, ст. 91—99). Мотивы героического соперничества, центральные в былинах о борьбе с одноэтническим противником, оказались «перетянутыми» в сюжеты о неудачной женитьбе богатыря. Так, реализацию мотива игры в шахматы и соответствующее ему типизированное описание мы находим в эпизодах отыгрывания даней у царя Бухаря Михайлой Потыком (*Рыбн.*, I, № 28, с. 176—177, ст. 100—120; II, № 113, с. 60—61, ст. 173—206; № 166, с. 441, ст. 177—181; *Гильф.*, I, № 6, с. 162—165, ст. 309—393; № 40, с. 370, ст. 182—187; № 52, с. 468—470, ст. 255—334; II, № 150, с. 487—488, ст. 88—114, № 158, с. 562, ст. 70—93) и отыгрывания им невесты у отца (*Рыбн.*, II, № 196, с. 612—613, ст. 217—238; *Марк.*, № 74, с. 384—385, ст. 170—231). Элемент сюжетного развития — поединок-соперничество богатыря с врагом — приобретает характер развернутого описания. Это достигается троекратным повторением действия с градацией (сначала выигрывает Бухарь, потом отыгрывается Потык) и градацией объектов игры: царь ставит телеги с золотом, половину царства, цар-

ство целиком, дань за несколько лет и коня; Михайла, в свою очередь, — Марью, мать и собственную голову. Все детали описания передают напряженность борьбы, которая разрешается неожиданной ситуацией — герой узнает о смерти жены. Таким образом, затаенность ситуативных повторений при внутренней напряженности способствует эффекту неожиданности, драматизации повествования.

Многочисленные типизированные описания из былины «Иван Годинович» оказались «перенесенными» в сюжеты со сходными мотивами. Так, формула выбора («А будешь слыть ты за мною царицею») повторяется в 21 варианте. В сюжете о Потыке она фигурирует в сходном мотиве — противник склоняет жену героя к измене (*Гильф.*, I, № 52, с. 478, ст. 612—616; *Сок.-Чич.*, № 20, с. 142, ст. 367—371; *Пар.-Сойм.*, № 9, с. 145, ст. 643—648). Ее разновидность — формула выбора веры — в «Иване Годиновиче» варьируется трижды. Она также «притягивается» сходным мотивом в былине о Соломане, где функции противника выполняет его пособник — Таракашка (*Онч.*, 27, с. 147, ст. 182—184; *Сок.-Чич.*, № 208, с. 751, ст. 129—130; № 218, с. 774—775; ст. 160—163; № 235, с. 801, с. 142—143). Формула «два берега» повторяется в «Иване Годиновиче» 12 раз, она же используется в сходном мотиве в сюжете «Царь Соломан и Василий Окулович» (*Рыбн.*, I, № 94, с. 473, ст. 125—129; *Милл.*, № 97, с. 269, ст. 75—78; *Сок.-Чич.*, № 118, с. 520, ст. 60—67; № 128, с. 533, ст. 79—84; № 152, с. 618, ст. 311—312; *Асм.*, II, № 144, с. 281, ст. 88—93). В варианте Н. С. Богдановой наблюдается переосмысление, буквализация формулы, она переносится в финал былины, когда казненную царицу в ялике пускают между двумя берегами, к которым он не может пристать (*Сок.-Чич.*, № 152, с. 618, ст. 311—312).

В каждом эпическом произведении происходит взаимодействие стереотипных описаний, связанных либо с сюжетом, либо с группой сюжетов, либо с эпосом в целом. Мы рассмотрели два уровня типизации, привели перечни и число повторений общих мест. В наши задачи входит анализ частотного перечня появлений сюжетных, ситуативных типизированных описаний и общих мест в одной былине, определение их роли и места в композиции. Наш выбор пал на сюжет «Добрыня и Алеша» по следующим причинам. Это произведение одно из самых популярных: опубликовано 208 его записей. В былине соединены черты героики, сказочности и новеллизма, она часто контаминируется с произведениями, относящимися к группе воинских («Добрыня и Василий Казимирович», «Добрыня и Змей»). Это отразилось на художественной фактуре, где динамичные и статичные общие места сочетаются с иножанровыми включениями, входящими в состав сюжетных типизированных описаний и выполняющих композиционные функции.

Основной принцип построения сюжетных типизированных описаний в этом произведении — антитеза. С помощью этого приема повествование драматизируется и его придается напряженность. Он используется в двухчастных формулах, выполняющих

сюжетные функции: формуле «пить до дна. . .» (70), которая приводит к кульминации, и в формуле «не тот муж, что за столом сидит. . .» (62), оформляющей эту кульминацию; он применяется в двухчастных описаниях, раскрывающих смысл поведения персонажа и особенности их облика: формуле «не дивую я» (16), противопоставлении-описании облика героя до и после поездки в поле (8). К сюжетно-типизированным описаниям относятся двухчастные вступления к былинам в вопросно-ответной форме «в кого породила» (45), наказ-запрет жене выходить замуж за Алешу (129), наказ матери как распорядиться имуществом (4), наказ жене выйти замуж только за Алешу (2), игра героя и впечатление от его игры (24).

Иножанровые включения благодаря высокому проценту повторяемости также выполняют функции типизированных описаний. Это органически вошедшие в былинную ткань песенные параллели и картины; паремии, соединенные с сюжетными или ситуативными описаниями: 1) причитание, построенное на параллелизме: «Зака-тилось сугревное меженое теплое красно солнышко» — 38;

2) причитание, не использующее параллелизм: «Еще кто же меня будет поить-кормить» — 6;

3) использование параллелизма и символики для передачи мотива насильственного замужества: «А ясный соколик во двор залетел. . .» — 2; «У нас старое дерево пало. . .» — 1; для мотива возвращения героя: «Распекло-то сегодня красно солнышко. . .» — 3; «В чистом поле курева стоит. . .» — 3;

4) отрицательный параллелизм, передающий ситуацию ожидания Добрыни: «А не две утушки слетались. . .» — 4;

5) использование песенных мотивов для передачи былинного мотива «ложное известие о гибели героя»: «Родная матушка плачет до гробовых досок. . .» (2);

6) введение пословиц в мотив узнавания: «Муж по дрова — жена замуж пошла» — 13; «Жениться — не пиво варить, только перст сотворить» — 1;

7) параллелизм в обращении к герою: «Ой не улети да ясен сокол» — 2;

8) использование запева «картина мира» во второй версии былины — 6. Итого 441 появление.

Ситуативные типизированные описания («перенесения») располагаются в сюжетной последовательности: от описаний-вступлений к описаниям, связанным с развитием сюжета и финальным формулам:

1) вступление: «Как прежде Казань (Рязань) слободой слыла» — 3;

2) отрицательный параллелизм — просьба о благословении. Особенность использования заключается в том, что он следует за сценой накидывания службы или непосредственно после сюжетно-типизированного вступления («То не белая березка к земле клонится») — 8;

3) описание богатырского детства — 4;

4) описание пути героя («Днем идут по красному солнышку») — 1;

5) сказочное описание коня — 1;

6) формула угрозы «в коровницы-телятницы. . .» — 1;

7) отрицательный параллелизм — появление героя: «Не белая пороша снежку выпала» — 2; «Не черный ворон с поля пурхае» — 2; «Тут не соболина шубочка прошумела» — 1;

8) формула «Кабы я сидел на твоих грудях» — 5;

9) пословица «У бабы волос длинен, ум короток» — 13;

10) концовки былины: «Здорово женился, а не с кем спать» — 7; «Только Алешенька и женат бывал. . .» — 6; «Всякий на сем свете женится. . .» — 28. Итого 117 появлений.

Итак, в конкретном сюжете на 208 вариантов приходится 558 появлений сюжетных и ситуативных типизированных описаний. Не все они равнозначны для сюжетного развития. Одни из них — наказ-запрет, двухчастные формулы «пить до дна», «не тот муж, что за столом сидит. . .» — раскрывают сюжетообразующие мотивы и с помощью антитезы, лежащей в основе их композиции, драматизируют повествование. Другие — вступление к былине в вопросно-ответной форме и противопоставление — описание облика героя выполняют композиционные функции, а также благодаря той же антитезе придают напряженность конфликту. Третьи, иножанровые включения, эмоционально окрашивают былинку, раскрывают психологическое состояние персонажей. Описания — «перенесения» выполняют сюжетные (2, 4, 6, 9); композиционные (1, 10) и эмоционально-экспрессивные функции.

Общие места занимают в сюжете «Добрыня и Алеша» меньший объем, чем сюжетные и ситуативные типизированные описания. Приводим их частотный перечень. Выезд героя — 48; вежество — 46; пир и хвастовство на пиру — 35; седлание коня — 27; отсутствие вежества — 20; богатырская поездка («мелкие речки промеж ног пускал») — 19; двухчастная формула «почему невесел», включающая вопрос и ответ на него в форме повторения, — 16; перескакивание-перемахивание — 15; один прячется за другого — 12; формула кручины — 5; одевание героя — 3; привязывание коня — 3; спешка — 3; тяжелая поступь — 3; костюм героя — 3; расправа с врагом («куда махнет. . .») — 3; угроза врага — 3; двухчастная формула — вопрошение о приезде и подробный ответ — 2; уничижительное обращение к коню («вольчья сыть. . .») — 2; нечем хвастать — 1; просьба постоять за Киев — 1; обещание награды — «города с пригородками. . .» — 1; вооружение — 1; зов коня — 1; «конь бежит — земля дрожит» — 1; без доклада — 1; описание горы — 1; формула «кто от беды откупается. . .» — 1; угроза богатыря — 1; богатырская служба — 1; бой («потопывать-поскакивать») — 1; формула чужой силы — 1. Всего 279 появлений общих мест.

Приведенный количественный перечень свидетельствует о разной степени интенсивности появлений. Картины расправы с вра-

гом, просьба постоять за Киев, обещание награды, вооружение, формулы угрозы и чужой силы (см. список от трех повторений и меньше) свойственны воинским былинам и чужеродны в художественной ткани этого повествования. Напротив, общие места, изображающие перемещение героя в пространстве, характеризующие локус, психологическое состояние, формулы, связанные с мотивом накидывания службы, соотносятся с теми моментами, которые ведут сюжет.

Популярность былины, новеллистический тип конфликта (борьба однотипических богатырей за женщину), возможность психологической разработки образов сказались на «индивидуализации» повествования, когда художественная специфика проявилась в преобладании конкретно-сюжетной поэтики над общеэпической. Сочетаемость сюжетных, ситуативных типизированных описаний с типическими местами составляет важнейшую координату эпического стиля. Одна из его примет — возможность замены сюжетного описания общим местом, а последнего — ситуативным описанием. Это связано с тенденцией «подгонки» индивидуально-сюжетных стилизованных особенностей под общебылинные признаки, а утрата, стяжение общих мест и сюжетных типизированных описаний вызваны разрушением эпического стиля, что наблюдается в послевоенных записях.

Третий важный стилиобразующий уровень эпического повествования — повторение в одной былине сюжетно значимых отрезков текста, стилистически оформленных как повторения стихов, их комплексов и ритмических фигур, раскрывающих идею произведения. Этот прием был открыт П. Г. Богатыревым и получил название «лейтмотива»⁶. Для некоторых сюжетов повторения этого типа преобладают над типическими местами. Так, в былине «Вольга и Микула» все былинное повествование представляет собой развернутую систему лейтмотивов, где основной идейный смысл — противопоставление феодала простому крестьянину⁷ — передается с помощью градации троекратно повторяющихся оппозиций: действий, осуществляемых чудесным пахарем и князем. Вначале антитеза носит скрытый характер. Князь слышит, как работает пахарь, но не может доехать до него. Развитие лейтмотива прерывается сюжетными типизированными описаниями костюма пахаря и его сошки (Рыбн., I, № 3, с. 11, ст. 49—51; Гильф., I, № 32, с. 318, ст. 26—36; II, № 156, с. 538, ст. 41—56; Аст., II, № 130, с. 163, ст. 47—53). Противопоставление богатыря и князя вступает в новую фазу повторений, где контраст заложен не в скрытых возможностях действия, а в его проявлении. Сначала пять молодцев, потом десяток и, наконец, целая дружина не могут «сошки из земельки повыдернуть, из омешиков земельки повотряхнути, бросити сошки за ракитов куст» (Рыбн., I, № 3, с. 13, ст. 101—127).

Троекратное повторение незавершенного однотипного действия сменяется его мгновенной реализацией, где антитеза заложена в повторении тех же объектов и субъектов изображения в сочета-

нии с однонаправленным, но антитетичным по результату действию:

Брал эту сошку однёй ручкой,
Сошку с земельки повыдернул,
Из омешиков земельку повытряхнул,
Бросил сошку за ракитов куст.

(Гильф., т. II, 73, с. 8)

Противопоставление, заложенное в идее произведения, переносится на атрибуты соперников: княжеского коня и соловую кобылку пахаря. Уничтожение первого завершается сюжетно-типизированным описанием «цены кобылки». Подобный тип строения лейтмотивов присущ большинству вариантов былины. Изменяется лишь последовательность мотивов: в одних записях на первый план выдвигается рассказ о столкновении князя с мужиками, в других — его встреча с Микулой. Это зависит от смысловых акцентов произведения, его идейной направленности. Лейтмотивы характерны для всех былинных записей. Их отсутствие свидетельствует о разрушении эпической традиции, о трансформации повествования в простой пересказ сюжетных звеньев.

Для понимания специфики былинного стиля интересно рассмотреть принцип формирования лейтмотивов. По принципу образования можно выделить *динамичные и статичные*. Динамичные лейтмотивы строятся на повторении сюжетно значимой ситуации, чаще — на варьировании предиката мотива. Так, в былине о Садко мотив недостачи, служащий завязкой, оформляется как повторение ситуации, Садко не зовут на пир. Мотив выигрывания состязания варьируется как ловля рыбы и выкуп товаров. Описание жеребьевки и остановки кораблей представляет собой модификацию мотива — нанесение ущерба герою вследствие невыполнения обета или обещания. В лучших записях от Сорокина (*Рыбн.*, II, № 134; *Гильф.*, I, № 70) сюжетные типизированные описания, повторяясь, формируются в центральные лейтмотивы. В первой ее части градация повторения (героя не зовут на пир) разрешается действием, вызванным завязкой, — Морской царь обещает помочь гусяру в борьбе против города (*Гильф.*, I, № 70, с. 642—643, ст. 62—100). Повторение ситуаций второй части (соперничество с Новгородом) также строится на градации: Садко с каждым разом приходится выкупать все большее количество товаров. Тот же тип повторений во второй части характерен для Прионежских записей П. Н. Рыбникова (№ 54, 66) и Печорских — Н. Е. Ончукова (№ 10, 55, 75).

В вариантах В. Лазарева и А. Сорокина лейтмотив — ситуация «остановка кораблей и жеребьевка» — имеет двухчастную структуру, построенную на антитезе, в которую входит сравнение (*Рыбн.*, II, № 107, с. 26—27, ст. 50—111; № 134, с. 248—249, ст. 191—238; *Гильф.*, I, № 70, с. 250—251, ст. 369—411).

В былине «Добрыня и Алеша» лейтмотивом служат ситуативные описания: смерть героя и формула времени — ожидания, которые связаны с мотивом запрета. Бесконечность ожидания и на-

значения нового срока контрастирует с картиной погибшего героя. Эта композиция позволяет раскрыть верность жены данному слову и предательство Алеши. Она логически завершается сценой пира и антитетичной формулой «не тот муж. . .».

Таким образом, динамичный лейтмотив строится по схеме: утверждение суждения (в данном случае мотивы запрета), стремление к его нарушению, с одной стороны, и сохранности — с другой, конфликт — нарушение и новое утверждение в развязке былины.

Статичные лейтмотивы повторяют описания, относящиеся к субъективно-объективным связям. Их отношения строятся по схеме: атрибут объекта (или субъекта) действия, его типизация в пределах сюжета, повторяемость в варианте — формирование лейтмотива. Так, в былине о Дюке описательная часть раскрывает основной смысл произведения. Поведение героя на пиру, изготовление яств в Галиче, соперничество героя в платье используют антитезу (богатство Галича противопоставляется убожеству Киева). В остальных описаниях преобладает принцип градации с постепенным нарастанием от обобщенных удаленных объектов изображения к наиболее важным в сюжетном развитии: картины Галича, теремов, дворни, выхода матери из церкви, также построенного на градации, демонстрация богатства. Особый тип композиции — от антитезы к градации — позволяет передать эволюцию конфликта. Варианты, записанные на Мезени, Зимнем берегу и Кулово (*Тих.-Милл.*, № 49, 51; *Марк.*, № 15, 113; *Гр.*, II, № 18, 45, 51, 83, 90; *БПиЗБ*, № 105), служат классическим примером внутренней динамики, раскрывающейся с помощью описательных элементов; изображение богатства Дюка во вступлении, контрастное изображение Галича и Киева в центральной части былины и повторение картины богатства на новом уровне — в конечном эпизоде (приезд оценщиков в Галич).

Рассмотрение системы повторяющихся элементов приводит к выводу о разной степени связи их с сюжетом и эпосом в целом. Общебылинный уровень соотносится с общими местами, детализирующими элементы типизированных мотивов. Их относительная клишированность (в пределах локальной традиции, «школы» и певца) позволяет свободно перемещаться из сюжета в сюжет.

Ситуативные и сюжетные типизированные описания представляют следующий уровень эпической стереотипии. Повторение описаний, соотносимых с определенным сюжетом, типизированность в вариативности, перенесение развернутой ситуации в сходный мотив составляют обширный источник эпической клишированности.

И наконец, последний уровень представлен повторением ситуаций, либо поясняющих их картин, развернутых в динамичные, либо статичные лейтмотивы. Повторения этого типа органически сочетаются с общими местами либо с ситуативно сюжетными описаниями. Характер их композиции — антитеза или града-

ция — позволяет передать идею произведения и придает драматизм повествованию. Этот уровень эпической стереотипии кажется нам наиболее важным в сюжетном развитии.

Мотивы трех уровней: эпоса, сюжетного типа и сюжета — обладают типовым формульным характером. Этот вывод не относится к произведениям, свидетельствующим о деградации эпической традиции.

Сюжетно-композиционные связи русских былин интересно сравнить с болгарскими юнацкими песнями, в которых Б. Н. Путилов видел вариант одного этапа в истории народного эпического творчества⁸. Материалом для анализа послужило монументальное собрание «Български юнашки епос», составленное под руководством профессора Цв. Романской. Сопоставление юнацких песен и русских былин выявило сходство в сюжетах, сюжетообразующих мотивах, совпадения типических мотивов и их художественного воплощения⁹. Общие места у болгар, так же как и у русских, разделяются на предикативные и субъектно-объектные. Последние дают примеры прямых совпадений: описание невесты (БЮЕ, № 385, с. 521, ст. 5—11; № 388, с. 523—524, ст. 25—32), изображение психологического состояния (гнева, скорби) (БЮЕ, № 3, с. 187, ст. 87). В отличие от русского юнацкий эпос располагает большим разнообразием общих мест для передачи чувств персонажей. Так, у героя брызжут из глаз слезы, течет кровь (СБНУ, кн. 43, с. 29). Общая для рассматриваемых славянских народов формула разгоревшегося сердца. Национальная специфика чаще всего проявляется в детализации сходных описательных элементов. Так, при изображении красоты невесты выделяются одни и те же портретные детали (лицо, глаза, брови, губы, щеки), но объекты сравнения различны, в чем сказывается различие в эстетических представлениях. У болгарской красавицы лицо сравнивается с ясным солнцем, витые брови — с морскими пиявками, глаза сравниваются с черешнями. Детали портрета различаются в вариантах песен, и это сказывается на степени клишированности:

Па си ойде у Латина града,
там ареса Латинка девойка,
Щото нема нигде като нея—
снагата ѝ, бре, тънка топола,
веждите и морски пиявици,
очите ѝ две черни череши,
устата ѝ с паря разрезани.

(БЮЕ, № 385, с. 521)

Подунал е ветер низ горица,
подигнал е на девойка венъок,
свитна лице като ясно слънце,
бело грло като бело платно,
църни очи две църни череши,
вакли вежди морски пиявици,
руси коси като телосани,
равна снага — дъска чемширџва

(БЮЕ, № 388, с. 523—524)

У русской красавицы объекты сравнения иные:

Чтобы она была на лицо бела и румяна,
Ягодицы как маковицы,
Поскок был бы заюшки,
Поворот горностаюшки,
Походка лани белой златорогия,
Очи ясныя ясного сокола,
Пролетного сокола заморского,
Как будто колесом брови проведены

(Рыбн., II, № 137, с. 274)

Таким образом, при общности опорных понятий различными оказываются эпитетика и круг представлений, использованных в сравнительных конструкциях. Несколько иное явление наблюдается при сопоставлении предикативных общих мест. Здесь также фиксируются прямые совпадения в содержании описаний: седлание коня (*БЮЕ*, № 3, с. 186, ст. 12; № 7, с. 191, ст. 25—32), быстрота поездки (*БЮЕ*, № 2, с. 185, ст. 15—19; № 10, с. 195, ст. 37—40; № 197, с. 369, ст. 40—44), бой с противником (*БЮЕ*, № 62, с. 235, ст. 220—228), расправа с врагами (*БЮЕ*, № 1, с. 184, ст. 106—109; № 3, с. 187, ст. 95—97). Русские предикативные общие места пространны и красочны, в то время как болгарские отличаются краткостью, «сухостью» описания. По выражению Ю. И. Смирнова, эта стяженность превращает их в моменты динамики действия, в моменты фабульности, в то время как в былинах торжествует описательность, «вызванная иной мерой понимания ее необходимости»¹⁰. Функциональные различия общих мест у русских и болгар явились следствием разной степени детализации. Исключительно высокий ее процент в былинах приводит к усилению композиционной роли типических описаний, а уменьшение детализации в юнацких песнях — к сохранению «момента фабульности». Интересно, что сопоставление дореволюционных былинных записей с современными свидетельствует, что разрушение эпической традиции в первую очередь сказывается на стяженности общих мест, превращении их, так же как и в болгарском материале, в элемент фабулы. Предикативные общие места так же, как и объектно-субъектные, отражают национальную специфику песен. Она проявляется в эпитетике (материал, цвет и качество предметов); в содержании отрицательного либо положительного параллелизма, входящего в описательные формулы; в этническом своеобразии представления о скорости, силе, боевых качествах. Так, быстрота богатырской поездки у русских и болгар различается по восприятию ее окружающими. У русских «видели молодца седучи, а не видели его едучи», у болгар конь уносится на середину земли, пока герой закидывает правую ногу в седло. Таким образом, при общности набора типических описаний отличающими признаками являются: разная степень детализации как следствие различия в мере идеализации, определятельная система и круг представлений, используемых как сравнительный материал.

Второй и третий уровни эпической стереотипии также нашли отражение в юнацких песнях. Некоторые из ситуативных типоло-

гизированных описаний дают примеры общеславянской традиции. Например, чудесное рождение героя (*СбНУ*, кн. 48, с. 38), описание полонов (*БЮЕ*, № 2, с. 185, ст. 40—45; № 3, с. 186, ст. 40—46; № 5, с. 188, ст. 25—27), описание чудесного младенца (*БЮЕ*, № 460, с. 573, ст. 85—88). Различающим моментом оказываются элементы детализации и связанная с ними эпитетика (состав полон, действия врага, осуществляемые по отношению к пленникам и т. д.). Описательные картины, рисующие чудесное рождение героя, при общности содержания (исключительность события) демонстрируют высокую степень вариативности. Сопоставление сюжетных типизированных мотивов и лейтмотивов требует обследования всего эпического наследия болгар, включая варианты. Это работа будущего.

Сюжетно-композиционные связи нашли своеобразное преломление в эволюционно более поздних «казацких былинах» и украинских думах. «Казацки былины» — понятие условное. К ним относятся исполняемые хором песни, в основе которых лежит сюжетообразующий былинный мотив и в которых используются имена эпических героев, но поэтическая структура развивается в русле лирических песен. Так, казацки былины о «Добрыне и Алеше» по художественным особенностям близки к песням о муже, отправляющемся на войну. Действие в них раскрывается в ситуации, и лишь былинные имена и наказ-запрет позволяют соотносить их с эпическими произведениями. Сцена выезда интерпретируется в песенном стиле. Отрицательный параллелизм вступления сочетается с ситуацией: муж оставляет жену и советует ей, как ей жить без него. Возвращение мужа разрабатывается как случайность, не обусловленная причинно-следственным развитием действия. Произведение строится в форме лирического диалога и обильно уснащено песенной символикой (*Лист.*, 9—12).

Донские записи былин о Садко также сохраняют лишь единичные ситуации: отправку кораблей за море (*Лист.*, 37, 38, 40, 41); их остановку во время бури (*Лист.*, 37—41), жеребьевку и выбор героя (*Лист.*, 38, 41). Близость к народной лирике заключена в мотиве покаяния, связанном с традицией лирических песен (*Лист.*, 39, 40) в отсутствии мотива предопределенности, во фрагментарности и неразработанности эпизодов. Остановка кораблей объясняется наказанием за грехи. Близость к лирическим жанрам проявляется в градации образов, раскрывающих содержание ситуации (первый грех. . . , второй грех. . . , третий. . .), использовании перечислительной анафоры.

Иной этап в развитии эпоса восточных славян представляют собой украинские думы. По характеру отражения действительности и особенностям поэтического изображения их можно сопоставить с русским историко-песенным фольклором XIII—XVI вв. От русских исторических песен они в первую очередь отличаются по содержанию, повествуя о событиях исторического прошлого Украины, о борьбе с татарскими набегами и панской Польшей за присоединение к России, о социальной несправедливости.

Особенность историко-песенного фольклора — «разомкнутый», по определению Ф. М. Селиванова, сюжет, который позволяет воспринимать содержание произведений как звено в реально протекающем историческом процессе»¹¹. Этот термин может быть применен к думам только с оговорками, ибо в них наблюдается стремление «указать исторические ориентиры (подлинные и вымышленные) в предшествующем времени и тем самым соотнести песню с развитием исторических событий»¹².

В. М. Гацак и вслед за ним Б. П. Кирдан¹³ указывали на неоднородность этого жанра, где различаются думы — исторические песни, думы-баллады и богатырские думы. Последние закономерно сравнить с русскими былинами, с которыми их роднит героический характер содержания и отвечающая ему поэтика. Для сооставления были выбраны: богатырские думы «Казак Галота», «Атаман Матяш старый» и моралистическая песня «Алеша Попович». Последняя была привлечена благодаря общности ее мотивов с былинными¹⁴: остановка кораблей на море, жеребьевка, предопределенность, принесение человеческой жертвы стихии (либо отрубание пальца). Моралистическая обработка мотива «наказание героя» и ситуация — остановка кораблей во время бури на море — встречаются в вариантах сюжета «Смерть Василия Буслаева» и «Садко». В первой былине герой наказывается за святотатство (*Асм.*, I, № 14, с. 199, ст. 478—404), во второй — за нарушение обета построить церковь (*Оич.*, № 10, с. 51—52, ст. 56—82; № 75, с. 302—303, ст. 56—80). М. М. Плисецкий считает возможным сопоставить думу об Алексее Поповиче с донскими вариантами о Садке¹⁵. Сходство между ними он усматривает в мотиве гибели кораблей на море, мотиве покаяния грешника и наказания его за то, что не почтил родителей, «с кумой родной жил», «надругался пад родом-племенем» (*Лист.*, № 39). Но эти признаки недостаточны для соотнесения произведений, относящихся к разным жанрам. На «казачью былину» оказала влияние лирическая поэзия, а на думу об Алеше Поповиче — эпические традиции. Они проявились в законченности сюжетного развития, в детализации сюжетных типизированных описаний: сценах бури, покаяния в грехах, спасения казаков. Первая и последняя строятся на антитезе и составляют вместе центральный лейтмотив: если первая описывает обстановку, угрожающую казакам, то вторая — их счастливое спасение. Внутренняя организация описаний близка к лирической поэзии: градация образов, связанных анафорами, однородные перечисления, выделение единичного из множества и т. д.

Характерны для дум «образные выражения и группы стихов, ставшие своего рода общими местами у одного сказителя». Функцию общих мест выполняют в богатырских думах концовки, определившие «два типа окончаний»¹⁶: формула-слава (*Кирд.*, с. 149, ст. 369—380) и формула-благопожелание, обращение к богу (*Кирд.*, с. 118, ст. 86—91). Некоторая отстраненность от содержания позволяет сказителю относительно свободно пользоваться ими. Повторяющиеся места в основном представляют собой сюжет-

ные повторения. Детализация ситуаций сходна с той, которая наблюдается в русских былинах. Типизация происходит в границах сюжета. Так, в думе о Галоте типизируется описание места действия, в основе которого лежит антитеза (поведение казака и татарина). Такой же типизации подвергается повторяющаяся характеристика татарина. По структуре — это уточняющее эпитетное обособление, характерное для лирических песен, по функции — статичный летмотив, раскрывающий идею произведения — неотвратимость победы Галоты над татаринцом (*Кирд.*, с. 72—73).

Динамичный лейтмотив фигурирует в думе об атамане Матяше. Его содержание: предупреждение-наказ казакам старого атамана; он интересен своей структурой: повторением описательной части и использованием антонимических глаголов для передачи действия (казаки распускают коней по полю, разбрасывают седла; Матяш призывает их быть готовым к нападению турок; эта собранность помогает атаману победить врагов и спасти казаков).

Эпическое наследие разных эволюционных слоев дает нам пример обогащения историко-песенного жанра за счет использования лейтмотивов и сюжетных типизированных описаний. Вместе с тем наблюдается сужение и упрощение динамичных описаний. Если в эпическом сюжете их изобразительная роль приводила к некоторой замкнутости, композиционной обособленности, то повторение статических лейтмотивов в думах связано с объектом изображения и представляет собой развернутые эпитетные приложения.

В историко-песенном фольклоре и, в частности, в думах происходит более широкое проникновение элементов песенной образности, и в особенности параллелизма. Если в былинах этот прием употребляется для передачи действия, перемещения персонажа, то в думах он концентрирует в иносказательной форме содержание эпизодов, что сближает его с народной лирикой. Таким образом, материал русских былин, юнацкого эпоса, казачьих эпических песен и украинских дум дает нам пример развития славянских эпических повествований.

¹ Путилов Б. Н. Мотив как сюжетобразующий элемент. — В кн.: Типологические исследования по фольклору: Сб. статей памяти В. Я. Проппа. М., 1975, с. 141—155.

² См. работы, посвященные содержательной и конструктивной роли мотивов: Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов. Введение и гл. 1. — Собр. соч., сер. 1 (Поэтика), т. 2, вып. 1. СПб., 1913; *Он же*. Историческая поэтика / Ред. вступ. статья и примеч. В. М. Жирмунского. Л., 1940, с. 494, 495, 500; Пропп В. Я. Морфология сказки. 2-е изд. М., 1969; Волков Р. М. Сказка: Разыскания по сюжетосложению народной сказки. [Одесса], 1924. Т. 1; Никифоров А. Н. К вопросу о морфологическом изучении народной сказки — В кн.: Сб. статей в честь академика А. И. Соболевского. Л., 1928; Иванов В. В., Топоров В. Н. К реконструкции праславянского текста. — В кн.: Славянское языкознание: V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963, с. 88—158; Мелетинский Е. М. О структурно-морфологическом анализе сказки. — В кн.: Тезисы докладов во Второй летней школе по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1968, с. 37; К построению модели волшебной сказки / Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю., Новик Е. С. и др. — Там же, с. 165—177; Меле-

- тинский Е. М. Структурно-типологическое изучение сказки: Послесловие. — В кн.: Пропп В. Я. Морфология сказки, с. 134—162; Путилов Б. Н. Мотив как сюжетобразующий элемент, с. 144—155.
- ³ Ухов П. Д. Атрибуции русских былин. М., 1970, с. 11.
- ⁴ Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин. Саратов, 1924 с. 90.
- ⁵ Позднеев А. В. Общие места и «перенесения» в былинах. — В кн.: Проблемы истории литературы. М., 1964.
- ⁶ Богатырев П. Г. Функции лейтмотивов в былинне. — В кн.: Вопросы теории народного искусства. М., 1971, с. 432—449. Развитие положений П. Г. Богатырева см.: Астафьева Л. А. Типология лейтмотивов в русских былинах. — В кн.: Типология народного эпоса. М., 1975, с. 260—286.
- ⁷ Пропп В. Я. Русский героический эпос. Л., 1955, с. 368.
- ⁸ Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос. М., 1971, с. 23.
- ⁹ См.: Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос. М., 1971; Смирнов Ю. И. Славянские эпические традиции. М., 1974; Богданова Л. Преглед на мотивите на българските народни юнашки песни и на произведенията в проза за героите на юнашкия эпос. — В кн.: Български юнашки эпос / Науч. ръковод. проф., д-р. Цв. Романска. София, 1971, с. 849—944.
- ¹⁰ Смирнов Ю. И. Славянские эпические традиции, с. 47.
- ¹¹ Селиванов Ф. М. О специфике исторической песни. — В кн.: Специфика фольклорных жанров. М., 1973, с. 54.
- ¹² Селиванов Ф. М. О специфике... с. 53.
- ¹³ Гацак В. М. Восточнороманский героический эпос: Исследование и тексты. М. 1967, с. 215; Кирдан Б. П. Украинские народные думы и их соотношение с другими фольклорными жанрами. — В кн.: Специфика фольклорных жанров, с. 87.
- ¹⁴ См.: Кирдан Б. П. Украинские народные думы... с. 93—94; Плисецкий М. М. Взаимосвязи русского и украинского героического эпосов. М., 1963, с. 360—368. Библиографию исследований, посвященных русско-украинским связям этого сюжета, см. в работе М. М. Плисецкого.
- ¹⁵ Плисецкий М. М. Взаимосвязи... с. 365.
- ¹⁶ Кирдан Б. П. Думы. — В кн.: Украинские народные думы / Изд. подгот. Б. П. Кирдан. М., 1975: с. 45.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Аст. — Былины Севера / Запись, вступ. статья и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938. Т. I. Мезень и Печора; 1951. Т. II. Прионежье, Пинега и Поморье.
- БПиЗБ — Былины Печоры и Зимнего Берега: Новые записи / Изд. подгот. А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова и др. М.; Л., 1961.
- БЮЕ — Български юнашки эпос: Сборник за народни умотворения и народопис / Науч. ръковод. проф., д-р Цв. Романска. София, 1971. Кн. LIII.
- Гильф. — Онежские былины, записанные летом 1871 г. А. Ф. Гильфердингом. 4-е изд. М.; Л., 1949. Т. I; 1950. Т. II; 1951. Т. III.
- Гр. — Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни, собранные в 1899—1901 гг. М., 1904. Т. I; Прага, 1939. Т. II; СПб., 1910. Т. III.
- Кирд. — Украинские народные думы / Изд. подгот. Б. П. Кирдан. М., 1975.
- Лист. — Листопадов А. М. Донские былины. Р/Д, 1945.
- Марк. — Марков А. В. Беломорские былины. М., 1901.
- Милл. — Былны новой и недавней записи из разных областей России / Под. ред. В. Ф. Миллера. М., 1908.
- Онч. — Ончуков Н. Е. Печорские былины. СПб., 1904.
- Пар.-Сойм. — Былины Пудожского края / Подгот. текстов, статьи и примеч. Г. Н. Париловой и А. Д. Сойманова. Петрозаводск, 1941.
- ПФМ — Песенный фольклор Мезени / Изд. подгот. Н. П. Колпакова,

- Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. Л., 1967.
Рыбн. — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд. М., 1909. Т. I; 1910.
 Т. II.
СБНУ — Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1942.
 Кн. 43.
Сок.-Чич. — Онежские былины / Подбор текстов и науч. ред. текста Ю. М. Соколова. Подгот. текстов, примеч. и словарь В. И. Чичерова. М., 1948.
Тих.-Милл. — *Тихонравов Н. С., Миллер В. Ф.* Русские былины старой и новой записи. М., 1894.

Б. П. Кирдан

ФОРМУЛА «НЕВОЗМОЖНОГО» В СЛАВЯНСКИХ ПЕСНЯХ КАРПАТСКОЙ ЗОНЫ

В народной поэзии для выражения понятий «этого никогда не будет», «это не может случиться» довольно часто употребляются поэтические иносказания. А. А. Потебня называл их метонимиями. В последние десятилетия их называют формулами «невозможного».

Формула «невозможного» как средство поэтической выразительности изучена еще крайне недостаточно. Употребление же ее в фольклоре населения, живущего в карпатском регионе, вообще еще не являлось предметом специального рассмотрения, хотя внимание на нее было обращено еще в конце XIX в. Так, в 1887 г. А. А. Потебня во втором томе «Объяснений малорусских и сродных народных песен» процитировал две украинские песни из собраний Я. Головацкого и Жеготы Паули, в которых использовано иносказание: когда перо потонет, тогда я приеду в гости (Потебня, с. 559—560). Несколько позже тот же исследователь опубликовал труд «Из записок по теории словесности» (Харьков, 1905), в котором, характеризуя употребление в народной поэзии метонимий, привел несколько иносказаний из славянского фольклора, в том числе из украинских песен, записанных в карпатском регионе (с. 241—243).

Более обстоятельно формулу «невозможного» охарактеризовал П. Г. Богатырев, который в 1962 г. опубликовал статью «Формула невозможного в славянском фольклоре»¹. Основное внимание исследователя привлекло употребление рассматриваемой формулы в словацких «збойничьих» песнях. В 1965 г. вышла из печати монография автора данного доклада «Украинский народный эпос». В ней была сделана попытка выявить иносказательные образы (для выражения понятия «никогда»), которые употребляются в украинских песнях, в том числе и в записанных в карпатском регионе, и думать, и проследить, в каких случаях используются те или иные образы (с. 219—235, 249—255, 271—274).

В данном докладе мы остановимся на употреблении формулы

«Невозможного» в песнях и коломыйках, записанных от украинцев и поляков, живущих на Карпатах и в Прикарпатье. При подготовке доклада нами было просмотрено свыше 15 тыс. украинских песен, баллад и коломыек, опубликованных в собраниях Я. Головацкого, В. Гнатюка, Ф. Колессы, О. Кольберга, а также в ряде других, менее значительных сборников (помимо них примерно столько же польских песен, баллад, коломеек, как опубликованных, так и хранящихся в архивах Варшавы, Кракова, Люблина²). Конечно, и этот материал не представит полной картины употребления формул «невозможного». Несомненно, их больше, чем выявлено нами, они разнообразнее и употребляются чаще. Охватить все произведения песенных жанров (как опубликованные, так и рукописные) одному человеку не под силу. Вместе с тем и обследованный нами материал позволяет установить общие закономерности в построении формулы «невозможного», ее употребления. В данном докладе, по необходимости весьма кратком, мы поделимся своими наблюдениями над иносказательными образами — основной частью, ядром поэтических формул «невозможного».

В украинском песенном фольклоре, вероятно, формула «невозможного» употребляется чаще, чем в польском. Так, если в обследованных нами украинских песнях, балладах и коломыйках было выявлено 90 формул, то в польских — 43³, т. е. почти в два раза меньше. В польских песнях формула «невозможного» не встретила ни разу в песнях о гибели воина, только один раз — в песнях о проходах в войско или на войну. Украинские же песни на эти темы составляют одну из самых многочисленных групп по употреблению формулы «невозможного». В польском фольклоре формулы «невозможного» нет даже в песнях, в которых есть формула проводов брата тремя сестрами. В свое время Ф. Колесса писал, что изображение проводов брата тремя сестрами попало в польский фольклор из украинского⁴. Предположим, что так и было. Но, и в этом одна из особенностей польских песен, данная формула не потянула за собой формулы «невозможного», которая в украинских (да и белорусских песнях) почти всегда следует за изображением проводов брата тремя сестрами. В украинском фольклоре отмеченная традиция настолько сильна, что даже в песню, заимствованную от поляков, вставлялась формула «невозможного». Так, от лемков была записана песня «Зельманова сина мала. . .», в которой с польской песней совпадает сюжет, формула проводов брата тремя сестрами и другие детали (войско возвращается через полтора года, конь хоронит хозяина и т. д.). Вместе с тем в ней есть формула «невозможного», нехарактерная для польских песен подобного содержания. Хозяин просит коня поехать домой и на вопрос матери ответить:

Возьми, возьми піску жменю,
Ой, посій, посій на каменю.
А як ті той пісок зійде,
Ой тогді твій син з війни прийде.

Вона ваяла піску жменю,
Ой, посіяла на каменю.
І той пісок і не зійшов,
Ой, її син з війни юж не прийшов.
(Етн. зб., XXXIX—XL, 394—395, № 486)

Получилось так, что приведенные слова хозяин произнес после своих похорон. Таким образом, здесь произошла контаминация: к песне, заимствованной от поляков, была добавлена формула «невозможного» из украинских песен.

Не встретились в польских песенных жанрах и произведения, в которых юноша иносказательно желал бы девушке, чтобы она никогда не вышла замуж, а девушка — юноше, чтобы он никогда не женился. В украинском же фольклоре группа произведений с такими иносказаниями довольно значительна (примерно столь же многочисленна, как и произведений о проводах в войско и гибели воина).

Мы составили списки иносказаний (и их разновидностей) на языке оригиналов и приложили их к данному докладу. Сличение списков показывает, что в польских песнях иносказаний, употребляемых в формулах «невозможного», значительно меньше, чем в украинских. В них, например, не встретились ни разу «Посей песок на камне, когда он взойдет, тогда сын (брат) придет», «Когда сухой дуб разовьется», «Когда взойдет сухая рута» и ряда других. В то же время в украинских песнях не были отмечены некоторые иносказания, характерные для польского фольклора. Например, «Когда разовьется (или: расцветет) сухая лещина», «Когда зазеленеет сухая пихта (jodła)», «Когда зазеленеет сухая липа».

В украинском и польском фольклоре, и в этом проявилось их сходство, формула «невозможного» употребляется преимущественно в любовных и семейно-бытовых песнях (в украинском — 61 раз из 90, в польском — 42 из 44). Мы попытались выявить случаи, в которых герои украинских и польских песен употребляют формулы «невозможного», а также иносказания, используемые в той или иной песенной или жизненной ситуации. В украинских песнях отчетливо выделяются следующие случаи употребления формул «невозможного»⁵.

I. Девушка желает юноше, чтобы он никогда не женился.

II. Юноша желает девушке, чтобы она никогда не вышла замуж.

III. Девушка говорит юноше, что она никогда не выйдет за него замуж.

IV. Юноша говорит девушке, что он на ней никогда не женится.

V. Юноша говорит девушке, что он к ней никогда не вернется.

VI. Девушка говорит соседке, что она никогда не будет ее невесткой.

VII. Юноша, недовольный тем, что девушка с ним перестала говорить, высказывает пожелание, чтобы она вообще никогда не говорила.

VIII. Другие бытовые ситуации.

IX. Отъезжающий в войско (или на войну) говорит, что он никогда не вернется.

X. Умирающий воин (или его конь-вестник) говорит матери, что ее сын никогда не вернется.

В польских песнях и краковяках:

I. Юноша говорит девушке, что она никогда не будет его.

II. Юноша говорит девушке, что он на ней никогда не женится.

III. Девушка говорит юноше, что никогда не выйдет за него замуж.

IV. Юноша говорит девушке, что никогда не будет у нее бывать.

V. Юноша говорит девушке, что она никогда не будет достойна своего венка.

VI. Девушка говорит юноше, что никогда не разрешит себя поцеловать.

VII. Отъезжающий в войско (или на войну) говорит матери, что никогда к ней не вернется.

VIII. Сын-збойник (благородный разбойник) говорит матери, что никогда к ней не вернется.

По прилагаемым спискам можно легко определить, сколько раз и какие иносказания были употреблены в каждой из выделенных групп. Сопоставление употреблений иносказаний дает возможность предположить, что с каждым из них, хотя они и выражают одно и то же понятие «никогда», народ связывал определенное содержание. Так, по-видимому, нельзя считать случайным, что в украинских песнях о проводах в войско или на войну преобладает аллегория о сеянии песка на камне, она встречается и в песнях о гибели воина. В то же время эта аллегория не характерна для песен с любовной и семейно-бытовой тематикой (встретилась она лишь в одной песне: в ней мать произносит эту формулу у гроба своей дочери). Аллегии же, употребляющиеся в песнях на любовные и семейно-бытовые темы, не встречаются в песнях о проводах в войско и о гибели воина. Да и в любовных и семейно-бытовых песнях наблюдается избирательность в употреблении иносказаний. Так, из 48 иносказаний и их вариантов только три встретились в двух группах песен и одно — в трех (во всех этих песнях речь идет о смерти — сына или дочери — см. список).

Подобная избирательность наблюдается и в польских песнях. Например, иносказания «Когда тополь разовьется» и «Когда тополь зацветет», встретившиеся в общей сложности 8 раз, употребляются только в песнях, в которых юноша говорит девушке, что она никогда его не будет (1-я группа), иносказание «Когда камень поплывет» 14 раз было употреблено в песнях 2-й группы (юноша говорит девушке, что никогда на ней не женится) и 4 раза — в 4-й группе (юноша говорит девушке, что не будет у нее бывать). Таким образом, некоторые иносказания стали своеобразными знаками определенных песенных ситуаций.

По количеству употреблений выявленные нами иносказания в украинских формулах «невозможного» распределяются следующим образом: «Песок, который не может взойти» — 18; «Сухой дуб, который не может развиваться» — 9; «Сухая (или: крута, яра) рута у накатанной дороги» и «Роза, которая не может развиваться на камне» — по 6 раз; «Высокая могила, которая не может вырасти среди села» и «Барвинок, которого нельзя добыть в море на камне (или из-под крутой горы)» — по 4 раза; по 3 раза — Кукіль (сорная трава), который не может вырасти на мельничном камне, «Камень, который не может выплыть», «Ячменная каша, которая не может вскипеть на пороге».

По 2 раза встретилось 9 иносказательных образов («Табак, который не может взойти на камне», «Камень, который не может поплыть», «Камень, который не может пустить корень», «Легкое (или: золотое) перо, которое не может потонуть», «Сухой тополь, который не может развиваться», «Тополь, который не может вырасти на столе», «Солнце, которое не может взойти на западе», «Зеленая трава, которая не может взойти в светелке на помосте», «Верба, которая не может родить груши (или: яблоки)»). По одному разу — 18 иносказаний.

В польских формулах «невозможного» иная картина. В них, как уже отмечалось, совсем нет таких распространенных в украинских песнях иносказаний, как «Когда песок взойдет», «Когда сухой дуб разовьется», «Когда сухая рута взойдет», «Когда в селе вырастет высокая могила», «Когда достану барвінок в море на камне» и ряд других. По частоте употребления в польских песнях на первом месте иносказание «Когда камень поплывет» — 18 раз (в украинских песнях оно встретилось только 2 раза); «Когда сухой тополь зацветет» — 3 раза, «Когда перо потонет» и «Когда посчитаешь звезды на небе» — по 4 раза; «Когда сухая лещина зацветет» — 2 раза; 8 иносказаний встретилось по одному разу.

Приведенные цифры в определенной степени свидетельствуют о популярности среди исполнителей не только песен, в которых употреблено то или иное иносказание, но и самих иносказаний (встречаются, хотя и редко, случаи, когда в вариантах одной и той же песни произносятся формулы с разными иносказаниями). В песнях и коломыйках иногда происходит диалог героев, во время которого произносятся формулы «невозможного». Чаще всего обиженный юноша желает девушке, чтобы она никогда не выходила замуж, в ответ девушка желает юноше, чтобы он никогда не женился. Такие песни были зафиксированы на всей территории, где живут украинцы. В карпатском же регионе, кроме этих песен, есть коломыйки, в которых использованы из этих песен только формулы «невозможного», например:

Ой, бодай ти, козаченьку, тогді оженився,
Як у лісі при дорозі сухий дуб розвився!
Ой бодай ти, дівчинонько, тогді замуж пішла,
Як у лісі при дорозі суха рута зійшла!

(Голов., III, отд. II. 467, № 177.

См. также: 474, № 222)

Встречаются коломыйки, которые состоят из одной из этих формул. В данном случае иносказание произносит не лирический герой или героиня, а исполнитель или исполнительница от себя. Юноша поет:

Бодай же ти, дівчинонько, тогди віддалася,
Як у морі на тополі грушка розвилася⁶.

Девушка:

Ой, бодай-ес, парубочку, тогді оженився,
Як у морях на камені сухий дуб розвився⁷.

Аналогичный переход формул «невозможного» из песен в малые жанры характерен и для польского фольклора. См., например, четверостишие, опубликованное Жеготой Паули в разделе краковяков:

Pojrzyj że dziewczyno na suchą topolą,
Jak ci się rozwinie w tedy będziesz moją.
Poglądała wczora, poglądała i dziś,
Sucha topoliczka niechce się jej rozwić.

(Pauli, s. 222, N 67)

В украинских песнях и коломыйках в одном произведении используются одно-два иносказания. В Карпатах же отмечается отступление от этой закономерности. Так, в с. Ходовичи бывшего Стрийского повета была записана коломыйка, состоящая из трех самостоятельных формул «невозможного», произносимых одним лицом:

Тогді я ті, сусідонько, за невістку буду,
Як у морі з-під каміння рути раздобуду.
Як укипить, сусідонько, на порозі каша,
Тогді буду, сусідонько, невісточка ваша.
Як сі спече, сусідонько, на льоду печінка,
Тогді буду, сусідонько, твого сина жінка.

(Етн. зб., XI, 140—141, № 1641)

Более двух формул встречается и в песнях, но не в виде «наизывания», как в процитированной коломыйке, а в форме диалога двух лирических героев:

Дивися, дівчино, де суха тополя,
Як она лист пустит, втовди будеш моя.
Втовди я, мій милий, втовди буду твоя,
Як на нашім столі виросне тополя.
Тополя виросне, на біло заквітне,
Втовди мое серце к твому привикне.
Дивися, дівчино, — камін над водою,
Як тот камін сплине, возму шлюб з тобою⁸.

Таковы предварительные наблюдения над иносказаниями в формулах «невозможного» украинских и польских песен. В дальнейшем мы предполагаем проследить, какие иносказания и как часто употребляются в словацком и чешском фольклоре. Подобное сопоставление дает возможность показать общее и особенное в ис-

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
Як у лісі при дорозі сухий дуб 3 розвився										
Коли у полі при дорозі сухий 1 дуб розвився										
Як у морі на каменю (или: кре- 5 меню) сухий дуб розвився										
Кой ся той камінь (широкий), бой вітти кине									1	
Як на морі камінь покотився 1										
Як у млині на камені кукіль 2 уродився										
Як на млиновім камені кукіль 1 уродився										
Як у морі на каміню тютюн 2 уродився										
Як на битій доріженці яра 1 рута зійшала										
Як у степу при дорозі яра 1 рута зійшла										
Як у лісі при дорозі суха рута 2 зійшла										
Як на горі кам'яній крута рута 1 зійшла										
Коли в полі край дороги рута 1 й м'ята зійшла										
Як у морі на камені (или: 5 кремені) рожа розцвілася										
Коли в млині на камені ружа 1 розцвілася										
Коли б у млині на камені пше- 1 ниченька зійшла										
Як у морі на каменю верба 1 прийнялася										
Як у морі на тополі грушка 1 розвилася										
Як зозуля на Новий рік три 1 раз закукат										
Як куковка у крачуні три раз 1 закука										
Як на нашім столі виросне 2 тополя										

* Римськими цифрами обозначены порядковые номера групи песен, перечисленных в основном тексте доклада.

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
Як на нашім столі... маєра зак- вітне				1						
Як камінь сплине				1					2	
Коли камінь поплине			1	1						
Як камінь корінь пустить								1	1	
Як суха тополя буде розвиватись				2						
Як суха тополя лист пустить				1						
Як порухуєш кілька звід на небі					1					
Бери (візьми) піску жменю, по- сій го на каменю (или: кременю)										
Як той пісок зійде								1	2	9
Як пісок житком зійде										5
Як той пісок зерном зійде										1
Як наспак (или: зіпак) соленько зійде									2	
(Як) кирвавий доджик піде									1	
Як виросте трава зелененька у світлоньці на помості									2	
(Як) лехке пірейко на спід упаде (или: на дно потоне)									2	
Як зійдеться гора з горою									1	
Як у полі ворота звездуться								1		
Як стане на камені вода спочи- вати								1		
Коли верба грушки зродит								1		
Як верба ябко вродить									1	
Як у морі на камені барвінку добуду						2				
Як з-під гори високої барвінку добуду						1				
Як з-під гори, з-під каміне, барвінку добуду						1				
Як у морі з-під каміню рути раздобуду						1				
Як із моря глибокого пісочку добуду						1				
Як закіпит (или: скипит, упріє) на порозі ячмінная каша						3				
Як спечеш під порогом ячмінну лепішку						1				
Як виросте серед села висока могила							4			

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Jak kamienie na wierch wypłyną	1							
Jak kamień popłynie		14		4				
Jak sucha topola rozwinie	5							
Jak suchy topol zakwitnie	3							
Jak się sucha lescyneczka rozwinie		1						
Kiedy zakscie sucha leszczyneczka				2				
Jak suche wierzby rozkwitną	1							
Jak sucha jodła zazieleni		1						
Jak policzyz gwiazdy na niebie			4					
Jak piorko pójdzie do dna				1	3			
Kiedy wyrosnie trawka na przymuscie							1	
Kiena nasem stole zakwitnie tulipon								1
Jak się bydzie sucho lipka zielienic						1		
(Jak się bydzie) Biało roza cerwenic						1		

пользовании формул «невозможного» в фольклоре славянских народов.

- ¹ Славянский филологический сборник: Посвящается V Международному съезду славистов. Уфа, 1962, с. 347—363. Названную статью в сокращенном виде П. Г. Богатырев включил затем в свою монографию «Словацкие эпические рассказы и лироэпические песни» (М., 1963, с. 99—108).
- ² Мы рассматриваем формулу «невозможного» в песенном фольклоре украинцев и поляков, так как у этих народов она почти не изучалась. Формулу «невозможного» у словаков исследовал проф. П. Г. Богатырев (см. названные выше его работы).
- ³ В это число не входят поэтические формулы, которые по построению весьма напоминают формулу «невозможного», но не заключают в себе ничего невозможного, а также строки, в которых использованы поэтические образы из формулы «невозможного» для передачи силы любви. Например: «Як ми кохались, сухі дуби розвивались» и т. п.
- ⁴ Колесса Ф. Українська усна словесність. Львів, 1920, с. 588—589.
- ⁵ Определить, какие именно иносказания были употреблены в том или ином случае, можно по прилагаемым спискам: номера групп, обозначенные римскими цифрами, соответствуют соответствующим номерам в графах списков.
- ⁶ Коломийки / Упорядкування, перередмова і примітки Н. С. Шумади. Київ, 1969, с. 208, № 2285.
- ⁷ Там же, с. 204, № 2223.
- ⁸ Українські народні пісні з Лемківщини. Київ, 1972, с. 144.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Голов. — Народные песни Галицкой и Угорской Руси, собранные Я. Ф. Головацким. М., 1878. Ч. I/III.
Ент. зб. — Етнографічний збірник / Львів, 1900. Т. IX; 1901. т. XI; 1929. Т. XXXIX—XL.
Pauli — Pieśni ludu polskiego w Galicyi / Zebrali Żegota Pauli. Lwów, 1838.

ОСОБЕННОСТИ КАЛЕНДАРНЫХ ОБРЯДОВЫХ ПЕСЕН ВОСТОЧНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН

Значительное сходство песенного творчества славянских народов очевидно и неоднократно отмечалось в исследованиях. Оно прослеживается на разных уровнях, прежде всего в типах песен, их структуре и образной системе, а частично — в мотивах и сюжетах; сходны и некоторые формульные стереотипы. Но не все песенные жанры разных славянских народов сходны в одинаковой степени. Наиболее близки по основным особенностям некоторые типы календарных песен. Это закономерно. Генетически обрядовая поэзия связана с наиболее древними видами фольклора, корни ее уходят в праславянскую и даже более глубокую общность; развитие ее подчинялось общим закономерностям, сходство здесь наблюдается и генетическое и типологическое.

Но календарная поэзия неоднородна по составу и времени создания, в нее входят многочисленные произведения, разные по типу. В процессе длительного развития она все время модифицировалась и модернизировалась, взаимодействовала как с песнями семейных обрядов, так и с разными песенными необрядовыми жанрами. Это взаимодействие особенно усилилось, когда магическая функция обрядов стала ослабевать и утрачиваться. В результате в XIX в. календарные песни каждого народа представляли сложный конгломерат, отличавшийся значительным национальным своеобразием. Проанализировать все эти песни, выделить их общие и национально-специфические особенности в одном докладе, конечно, невозможно. К тому же далеко не все эти песни достаточно изучены, и потому делать широкие обобщения еще преждевременно.

В докладе рассматриваются лишь «обходные» песни, певшиеся во время ритуальных обходов дворов с благопожеланиями. Песни эти составляют значительный по объему и важный по значимости раздел календарной поэзии. Характер и цель исполнения их определили их содержание, структуру и многие поэтические особенности.

Обходные песни, несмотря на последующие изменения, наиболее отчетливо сохранили некоторые архаические черты, дающие основания для предположения об их общих генетических истоках. Наибольший интерес в этом отношении представляют колядки, имеющие у всех славянских народов много общего, вплоть до общего припева «каляда», «коледо»¹. Особенно близки колядки сельскохозяйственного характера, певшиеся хозяину дома («господарские»). В них более явно сохранились некоторые древние представления. Объясняется это, вероятно, тем, что колядкам

придавалось особое значение — они, как все новогодние обряды в целом, должны были обеспечить счастье и благополучие семьи на весь год. Развившиеся позже у восточных и южных славянских народов (за исключением русских) дифференцированные колядки — отдельно каждому члену семьи — более разнообразны у каждого народа; зачастую они создавались на основе мотивов и сюжетов свадебных и необрядовых лирических песен.

Другие обходные песни не имели такого общего распространения: у разных народов и даже в отдельных регионах обходы были приурочены к разным праздничным датам и обстоятельствам. Это волочебные песни у белорусов, очень близкие к колядкам, которые пели при пасхальных обходах, у белорусов же на более ограниченной территории и в украинском Полесье на троицу водили по дворам «куст» с соответствующими кустовыми песнями, «вьюношник» в ряде центральных русских областей — поздравление на пасхальной неделе молодоженов, лазарские песни у болгар, сербов и македонцев, песни мольбы о дожде (пеперуда — у болгар, додоле — у сербов) и некоторые другие. Эти песни по основным особенностям близки к колядкам, порою в них используются те же формулы-стереотипы. Поэтому их можно рассматривать как один в основе раздел обрядовых песен.

Как уже давно отмечено исследователями, все это — песни-заклинания. Но песенные заклинания неоднородны, и в докладе ставится задача выделить их типы, определить, как эти типы соотносятся с типами кратких заклинательных формул, которые по структуре можно считать наиболее древними. В специальном исследовании Л. Н. Виноградова² рассмотрела находящиеся в составе славянских календарных песен заклинательные формулы, которые она считает очень важными для выяснения генезиса песен. Это формулы-сопоставления, построенные по принципу: как-так, сколько-столько. Формулы этого типа действительно достаточно широко используются в славянских календарных песнях и служат одним из существенных доказательств их генетической связи с обрядовыми магическими действиями. Но в песнях они не являются структурообразующими, а используются в заклинаниях других типов как гиперболические сравнения, как картины ожидаемого благополучия; нередко они служат заключением песни.

Для заклинательных формул этот структурный тип не единственный, он характерен для ритуальных действий, основанных на магии по сходству. Обряды с жертвоприношением сопровождались формулами типа договора: «Я (мы) даю тебе то-то, а ты дай мне (или сделай) то-то». Были и формулы — непосредственное обращение к объекту, на который хотели воздействовать, или просьба-мольба, обращенная к какому-либо сверхъестественному существу³. Только последний тип — просьба-мольба — используется в песнях как структурообразующий. Вместе с тем в песнях широко применяются структурные типы, которые в ритуальных заклинаниях не встречаются: непосредственное пожелание от лица поющих и

изображение желаемого как действительного (этот тип является основным для песен величаний).

Выбор для построения формул и песен той или другой структуры обусловлен характером обрядового действия и тем, кто был его исполнителем. Производил магические действия и произносил при этом соответствующие заклинания человек, желавший чего-то добиться для себя, своей семьи, хозяйства. При обходах дворов исполнители обряда приходили извне, они произносили заклинания не для себя, а для тех, к кому пришли. Это неизбежно должно было сказаться на построении, типе заклинаний. К тому же, как можно судить по некоторым сохранившимся архаическим деталям, пришельцы первоначально представлялись людьми не простыми, а наделенными особым могуществом.

Наиболее полно обрисованы в песнях колядники, причем характеристики их в колядках как восточных, так и южнославянских народов отличаются поразительным сходством. Их постоянное обозначение у всех — добрые гости, они приходят с доброй вестью, например:

...Добре сме ти гостє дошли,
Добро гостє колежанє,
Добър сме ти глас допели.

(БНТ, с. 69)

или: Добре су ти, коледо,
Гости дошли, коледо,
Глас допели, коледо!

(СЕЗб, 14, с. 3, и др.)

Гости эти редкие, годовые (рокови), они приходят только раз в году, например:

укр.: Прийшли гостеве у рік до табе
(Дей, с. 65)

бел.: Ах, мы госці недакучныя,
Год у год раз побываем...
(Вал. песні, с. 85)

серб.: Колећане гости су ти редки,
Од године па да те друге нам.
(Мил., с. 62)

Нередко говорится, что колядники долго бродили и искали нужный им двор, шли всю ночь и пр.:

рус.: Мы ходили, мы блудили
По святым вечерам.
Мы искали, мы искали
Мы и Пещрина двора...
(Земц., с. 62)

укр.: Ми всю нічку, та й не спали,
Ми ходили, сумували...
Питали ми си доброго газди...
(Дей, с. 94)

То же — и в белорусских колядках и волочebных песнях.

Иногда описывается, каким трудным путем шли добрые гости: они замерзли, изорвали одежду, износили обувь и пр. Например, в болгарской колядке:

...Що сме друм друмували,
Кални нощи потапкали,
Ситни китки погубили,
Сури калпацы порусили,
Прави пушки потропили. . .

(БНТ, с. 276)

Сходно описывается путь обходников и в русских вьюношных песнях, и в белорусских волочебных.

Добрых гостей надо встретить достойно. В колядках и близких к ним песнях говорится, что для гостей приготовлены столы, уставленные дорогой утварью и угощением. Хозяйка встает рано и все готовит к приему гостей, или ей говорят, что она должна встать, подмести пол, открыть двери, накрыть столы. Например:

укр. . . Господинейко, одчиний двері,
Маєш гостойки в свойому дворі,
Одчиний двері все тесовіі,
Стели килими та все новіі

(Дей, с. 131)

болг.: Разшъта са стар стинини —
Станинине, господине!
Двори мете, стали реди,
Че се дойдат добри гости. . .

(БНТ, с. 81)

или Рано двори наметени,
Рано столи наредени. . .

серб.: Да пометеш, коledo,
Рано кућу, коledo
Да наредиш, коledo,
Рано столе, коledo.

(СЕЗб., 7, с. 314)

Тот же мотив подготовки к приходу гостей встречается и в лазарских песнях:

Шешетљка, метљика!
Шети мети дворове,
И нареди столове,
Ето иде Лазаре.

(Мил., с. 116)

или: Ови двори пометени.

(СЕЗб., 14, с. 336)

Проанализировав детально 128 текстов колядок-благословий, записанных в разных районах Болгарии, Т. Живков⁴ сделал заключение, что колядники первоначально воспринимались населением как умершие предки, посетившие дом, которые одаривали хозяев всеми благами за оказанный им прием. Они приходили из другого мира, из мрака и холода. Что обходники, в первую оче-

редь колядки, представлялись людьми особыми, необыкновенными, не подлежит сомнению, но едва ли их безоговорочно можно рассматривать как умерших предков — намеков на их родственные отношения с домохозяевами и на связь с миром мертвых в колядках нет. Скорее всего, здесь сохранились в какой-то мере представления о древних исполнителях обрядов — магах, жрецах, которым приписывались сверхъестественные возможности и которые могли общаться с божествами. Они действовали не только своей силой, но могли обеспечить и покровительство могучих властителей природы, от которых зависел урожай и всяческое благополучие. Не случайно же в колядках говорится, что в гости к хозяину пришли солнце, дождь; с распространением христианства чудесными гостями стали бог, богородица, святые. Сообщать благую весть могли и разные птицы — вестники богов; они встречаются в колядках всех рассматриваемых народов. Общность же представлений о чудесных гостях в восточнославянских и южнославянских колядках свидетельствует об их древней общей основе.

Очень сходны обращения колядников к хозяину, которыми обычно начинаются господарские колядки (иногда такие обращения следуют после небольшого вступления). Хозяина просили встать, пробудиться, если он спит, выйти к гостям; спрашивали, дома ли хозяин. Так, для украинских господарских колядок характерны зачины: «Ой, устань, не спи, господаречку» или «Це дома, дома наш пан господар?».

В болгарских колядках хозяину самый распространенный зачин «Станиние, господине»:

Стани, стани стар старино,
Стани ниня, господине.
Съняи ли си, будян бѣди
Пиян ли си, тразян бѣди!

(БНТ, с. 86)

Очень близко к этому начало македонских колядок:

Стоманино домакино,
Дома ли си, али не си?
Ако спиеш, разбуди се,
Ако пиеш, весели се.

(Цепенков, с. 179)

Сходно и в сербских колядках:

Пловка шета, коledo,
По кућами, коledo,
По појате, коledo,
Па ма буди, коledo
Домаћина, коledo
Хајд устани, коledo
Домаћине, коledo

(СЕЗб., 14, а, 96)

Как можно видеть, формулы обращения к хозяину в колядках разных народов идентичны. В русских колядках также встречается вопрос: «Дома ли хозяин?», но чаще колядники спрашивают

разрешения войти и повеличать хозяев колядкой. Реже такие обращения в украинских и белорусских колядках.

Основное содержание колядок и близких к ним других обходных песен — пожелание всякого добра — высказывается в разных формах: как добропожелание от лица поющих, изображение желаемого как действительного или в виде просьбы-мольбы, обращенной к богу.

Можно было бы предположить, что наиболее древним видом заклинания является прямое благопожелание, поскольку добрые гости обладают могущественной силой, их слово—веще и любое их пожелание должно обязательно сбыться. Такие пожелания от имени обходников есть в песнях восточных и южнославянских народов. Желают здоровья, много денег, обильного урожая, множества скота, много детей и пр. Например, в русских колядках:

У хозяина в дому	Велись бы поросятки,
Велись бы ребятки,	Велись бы козлятки,
Велись бы телятки,	Велись бы дыплятки,
Велись бы ягнятки,	Велись бы утятки!
Велись бы жеребятки,	

(Земц., с. 54)

Или в сербских колядках:

Свако добро жела ти богато,
Понај више здравл а и весел а
И богатства колако ти треба...
Свако добро и свакиј берићет.

(Мил., с. 63)

Но подобные пожелания от лица колядников встречаются значительно реже, чем другие типы песенных заклинаний, и, что особенно существенно, они не выделились не только в общие, но и в особые у каждого народа устойчивые формульные структуры. Поэтому можно полагать, что они появились уже тогда, когда колядки утрачивали магическую функцию и превращались в праздничные поздравления. Но, возможно, что здесь были и более древние корни.

Чаще же перед пожеланием вставляют обращение: «Дай боже», «Зароди, боже», и заклинание приобретает характер мольбы. Начальные формулы одинаковы у всех рассматриваемых народов, однотипны и песни в целом. Это тот же тип, что и обрядовые формулы-мольбы. В песнях они нередко представляют такие же краткие формульные стереотипы. Порою они служат заключением песни, как бы придавая особую силу заклинаниям, но могут и расширяться за счет перечисления разных сельскохозяйственных культур, которые должны уродиться, разного скота и другой домашней живности, разных благ. Старались ничего не забыть, чтобы все родилось, всего было вдоволь. Такой же процесс расширения формул за счет уточнения, детализации наблюдается и в заговорах.

Примеры колядок, построенных в форме молитвенного обращения, многочисленны. Таковы русские колядки:

...А дай бог тому,
Кто в этом дому!

Ему рожь густа,
 Рожь ужинниста
 Ему с колоса осьмина,
 Из зерна ему коврига,
 Из полузерна пирог.
 Наделил бы вас господь
 И житьем, и бытьем
 И богатством.
 И создай вам, господи,
 Еще лучше, того.

(Шейн, № 1032)

Или:

Дак дай ему бог
 Полтора ста коров,
 Десяносто быков.

(Земц., с. 75)

Аналогично и в украинских колядках:

Дай же вам, боже, у полю роду,
 У полю роду, у хати згоду,
 Дай же вам, боже, широкі ниви,
 А на тих нивах рясні ячмена,
 В перо пернисті, в зерно зернисті,
 В зерно зернисті, в колоси колосисті.

(Дей, с. 483)

Или желают:

Даруй, господи!	У току буйно,
В кошеру овец,	У коморі збриїно,
В кінник коний,	А в дому скливно,
В пасіку бжів,	А в каждой кутині хоть по
В свининец свиной,	дитині.
В куринец куриий,	(Гнатюк, I, с. XXXI)

В белорусских:

Зароди, боже,	С самага верху каласістае.
Буйное жита	А з калосочка
На нова лета.	Ды жита бочка,
А сы споду карчистае,	З аднае жменьки
Посярэдзіне сцяблістае,	Жита три меркі

(Зім. песні, с. 180)

У украинцев и белорусов был очень распространен формульный стереотип: «Зароди, боже, жито, пшеницу, всякую пашницу». Эта формула произносилась при начале весеннего сева и в других случаях, а также входила в разные песни зимнего и весеннего циклов и в жатвенные.

В болгарских колядках:

Бог ти прати млогу здраве:
 Колко звезди на небето,
 Колко шума на гората,
 Толку здраве тая къща!

(БНТ, с. 162)

Овечки ти ся покотилися:
Самі агниці — златокосиці.

(Дей, с. 69)

У белорусов подобные картины особенно характерны для во-
лочебных песен:

А устань раненька... сходзі ў хлявок,
Што ў тваім хляўку добра дзеецца,
Добро дзеецца, багацеецца:
Трыста каровак ацялілася...
А урадзіліся ўсе цялушачкі,
Сто кабылачак ажарабілася,
Жарабілі яны на жарабочку,
Па жарабочку на вараненькім.

(Вал. песні, с. 214)

В болгарских колядках:!

...Овци ти се изягнали,
Се овчици ваклошатки
И овновци виторожци,
Кози ти се изкозили
Се козици виторожки
И пърчевци ярчорожци,
Кравици се изтелили,
Се кравици белобозки,
Се воловци еленцовци;
Кобилки се изждребили,
Се кобылки левогравки
И коньовци патуьовци.

(БНТ, с. 68)

Распространен этот мотив и в сербских колядках:

Овпи ти се, коледо,	Краве ти се, коледо,
Изјагњиле, к.,	Истелили, коледо... .
Све јагањци, к.,	(Там же)
Калушјасте, к.,	Кобыле те, коледо,
Све овчице, к.,	Иждебиле, к.,
Калушасте, к.,	Све ждребице, к.,
Све овинићи, к.,	Левокрилке, к.,
Виторози, коледо.	Све ждребићи, к.,
(СЕЗБ, 14, с. 94)	Путополи, коледо.

(Там же, с. 95)

Сходство между песнями восточных и южнославянских народов здесь поразительное. Может расширяться или сокращаться перечень живности — наряду с обязательными коровами, кобылами и часто овцами называются поросята, пчелы, куры и пр., что связано с тем, какие именно животные и птицы были распространены в хозяйствах региона. Варьируются эпитеты — употребляются те, которые свойственны данному народу. Но всегда народившийся молодец — самый лучший, иногда даже необыкновенный — с золотыми или серебряными рогами, гривами, копытами, со звездами. Большая близость, почти тождество формулы сообщения о народившемся скоте у восточных и южных славянских народов дает основание видеть здесь сходство генетическое. Скотоводческая тематика в обрядовых песнях, вероятно, была наиболее древней.

Встречаются в песнях и сообщения, что у хозяина в поле вырос и даже убран обильный урожай. Но они не отделились в такие устойчивые формулы. Выращивают же урожай обычно святые. О созревшем урожае чаще говорится в волочebных песнях; некоторые из них представляют своеобразный сельскохозяйственный календарь.

Особенно специфично для колядок описание богатства хозяина, окружающей его роскоши. В его доме и хозяйстве всего полно — колядники приходят обязательно в богатый дом с широким двором и дорогими украшениями, на столах расставлена драгоценная утварь и всяческие яства, хозяева одеты в красивые дорогие одежды, иногда хозяин считает деньги и пр. В восточнославянских колядках выработалось широко распространенное клише: колядники подходят к огромному двору, огороженному драгоценным тыном, во дворе — терем или даже три терема, в которых находятся хозяева, при этом хозяин обычно сравнивается с месяцем, хозяйка — с солнцем, дети — со звездами. Например:

А Иванов двор. . .	Во втором терему —
На семи столбах:	Красно солнышко,
Вокруг этого двора	В третьем терему —
Тың серебряный стоит. . .	Часты звездочки,
На каждой тычинке	Светел месяц —
По жемчужинке.	То хозяин во дому,
Во этом во тыну	Красно солнышко —
Стоят три терема. . .	То хозяйюшка
Златоверхие.	Часты звездочки —
Во первом терему	Малы деточки.
Светел месяц,	

(Шейн, № 1030)

Это же клише — в украинских (например, *Дей*, с. 50 и др.) и белорусских (например, *Зім. песні*, с. 153, 156 и др.) колядках, а также в волочebных и вьюношных песнях. Помимо этого типового для восточнославянских песен стереотипа, встречаются и другие описания дома и семьи, которые варьируются. Так, в украинской колядке говорится, что у хозяина скот неслитанный, овцы все поле покрыли, шуба у него соболя, королевские горностаи и т. п. (*Дей*, с. 62—63) или:

Ой, у пана в пановця золоті ворітця,
А за тими ворітьми стоять стовбі золоті,
А за тими стовбами стоять столи заслані.

(*Дей*, с. 95)

О золотых или позолоченных воротах и дворах, о доме, крытом серебром, о золотой утвари говорится также в сербских колядках и других обходных песнях. Колядники просят отворить ворота золотые, хозяина застают за трапезой, он пьет из золотой чаши (например, *Караджич*, с. 12, 13). Богатый дом рисуется и в троичных песнях:

Овде нама кажу	На једној трпези
Дворе понајбоље,	Књиге печачено,
Понајбогатије,	На другој трпези
Сребром покривено;	Благо небојено,

И у њема кажу
Три златне трпезе,

На трећеј трпези
Свила некројена. . .

(*Караджич, 48*)

Очень распространена была рождественская песня:

Божих, божих, бата
Носи киту злата,
Да позлати врата

Обаја побоља
И сву кућу до краја. . .

(*Мил., с. 65*)

Различно описывается богатство в болгарских колядках, но всегда крестьянский дом и двор — полная чаша:

. . . пълна каша
Със дечице, със ягънца,
Със теленца, със конченца,
Със пчелица левокрилки. . .

Или:

Ют там собрав туй имене,
Туй имане сребро й злато,
Сребро й злато, сребърна кола,
Сребърна кола, златни уловца.

(*БНТ, с. 87*)

Богатство представляется также в виде дорогих подарков. Один из общих мотивов колядок — уезжавший куда-то по делам хозяин привозит подарки всему семейству — дорогие шубы (куньи, лисьи, шелковые и пр.), шапки (куньи и бобровые) и т. п. Дарить подарки может и сын — отцу, матери, сестре. Богато одаривают хозяина — деньгами, золотом, когда его с семьей зовут куда-то на пир.

Описание богатства в колядках занимает значительное место и имеет существенное значение, оно составляет одну из их специфических особенностей. Но здесь нет общих для песен всех рассматриваемых народов формульных стереотипов, которые используются при пожеланиях урожая и приплода скота. Скотоводческая и аграрная магия были основой для обрядов с обходами дворов и обходных песен, особенно для новогодних колядок; от урожая, сохранности и приплода скота зависела жизнь крестьянской семьи. Описание же богатого дома, одежды и т. д. стало занимать все большее место по мере увеличения их престижности. Крестьянин как бы уравнивался, хотя бы в песне, с имущими классами, у него все «як у пана». И недаром одежда, утварь и все остальное у него такие же, как у самых богатых. Счастье стало мыслиться как богатство и социальное равенство. При этом меняется и характер песен — из заклинаний они переходят в величания, поздравления.

Величальные песни генетически связаны с заклинаниями, но в них основной становится эстетическая функция, магическая же часто уже совсем не ощущается. Отсюда их особая красочность, богатство поэтических приемов, стремление представить того, кого величают идеалом. Эпитеты, сравнения и другие изобразительные средства носят в величаниях уже не утилитарный характер, а украшающий, идеализирующий. Эти особенности присущи и более поздним вариантам колядок и других обходных песен, изображаю-

щих желаемое как реальное. Переход колядок этого типа в величания прослеживается и у восточных и у южных славянских народов, но в разной степени и в разных проявлениях. Наиболее наглядно этот процесс прослеживается на обрисовке образов тех, кому предназначалась песня. Это такие же идеальные образы, как и в величаниях. Вот как, например, описывается хозяин в белорусской колядке:

Сядзіць гаспадар ўсе на покуце,
А на ім свiта ўся ў золаце,
Саболямі ўся абложана. . .
(Зiм. песнi, с. 228)

Сходно и в украинской:

Ой сидить газда по конeць стола
На нiм шапочка з самого злота. . .
(Дей, с. 69)

Особенно характерны для обходных песен идеальные образы молодца и девушки. Они есть у всех народов, но краски, которыми они рисуются, сравнения у каждого народа свои. В соответствии с бытом и идеалами народа подчеркиваются и разные черты наружности и характера. Вот один из стереотипов описания девушки в украинских колядках:

Ой красна, рясна в лузі калина,
А ще краснiша дiвка Уляночка
По двору ходить, як сонце сходить,
У сiнечки вийшла, як зоря зiйшла,
У свiтлоньку вийшла, свiтлонька сяє,
Свiтлонька сяє — пани встають.
Пани встають, шапки зiмають. . .
(Дей, с. 307)

В болгарских песнях встречается подобный же стереотип:

Де го зачу малка мома,
Тя излезе по ризица,
По ризица коприняна,
По поли й дребни звезди,
По рѣкави денизица,
На плещи й ясян месец,
На лице й ясно слънце.
(БНТ, с. 210)

Стереотипны и описания молодца. Но анализ этих образов выходит за рамки данного доклада. Для этого надо детально рассмотреть ритуальные песни, певшиеся молодежи, более поздние по сравнению с аграрными закличаниями и взаимосвязанные со свадебными и необрядовыми песнями. Здесь было важно подчеркнуть одну из основных тенденций развития колядок. Она прослеживается как у восточных, так и южнославянских народов, но проявляется различно. Поэтому здесь можно говорить об общих закономерностях развития, о типологическом сходстве, но отнюдь не об общих генетических корнях — это явление позднее.

В образе же семьи в целом, имеющем в колядках существенное значение, сохранились и некоторые общие древние элементы. Это восходящее к мифологическим представлениям сопоставление членов семьи с космическими образами — солнцем, месяцем, звездами, которое уже приводилось выше. К мифам же восходит и образ семьи — растущего на дворе дерева, вершина которого иногда достигает неба. Так, в украинских колядках семья рисуется в виде вербы или яблони с золотой корой:

А в пана, в пано, в пана Івана. Святий вечер!
Стояла яблоня посеред двора,
На той яблоні золотая кора,
Золотая кора — то його жона,
А що почичка — то його донечка,
А що віточки — то його діточки,
А що сучочки — то його синочки.

(Дей, с. 53)

В болгарских колядках хозяйка рассказывает свой сон — во дворе выросла яблоня с золотыми яблоками. Сон объясняют так: яблоня — она сама, яблоки — дети. В лазарских песнях молодые под венцом изображаются как два яблока на яблоне. В македонской песне, певшейся пожилому человеку, так изображалась его семья:

Овде дрво столовито,
Столовито, грановито,
Гранки му се до небеси,
А корен е сура земја
Гранки му се мили снаи,
А корење синовите,
А вршките мили внуци.

(Цепенков, с. 183)

В русских выюношних песнях молодая семья символизируется как растущее на дворе дерево, на вершине которого — гнездо, в нем птица выводит птенцов.

Смысл этих образов-символов забывался, они изменялись и заменялись новыми. Так, например, в некоторых русских колядках вместо традиционного образа: хозяйка-солнце употребляется сравнение: хозяйка — «как оладушка в меду» и т. п.

В болгарской колядке используются такие сравнения: серебряный двор — сам хозяин, сыновья — павлины, павы — снохи, дочь — писаная икона и пр. Все эти и подобные им образы воспринимались уже как восхваление, идеализация семьи.

Процесс превращения колядок в праздничные поздравления — величания очень четко прослеживается на русском материале. Не случайно на Русском Севере колядки вместо общеславянского припева «коляда» стали петь с припевом свадебных величальных песен — «Виноградые красно-зеленое мое». В качестве колядок стали петь и величальные песни. Так, например, свадебная величальная песня в функции колядки была записана в 1901 г. в Нижегородской губ.:

Как у месяца золоты рога,
Как у солнышка лучи ясные,
У Ильи-то же у Василияча кудри русые
По плечам-то кудри расстилаются,
Серебром кудри рассыпаются.

(Некрасов, с. 18)

Конец же песни — имеющаяся в большинстве русских колядок просьба дать что-либо колядникам.

Просьба вознаградить за доброе пожелание — важная особенность колядок и некоторых других обходных песен. Среди колядок нет песен, построенных по типу заклинаний-договоров, сопутствовавших обрядам с жертвоприношением: мне — тебе. Их и не могло быть, так как исполняли их те, кто, по первоначальным воззрениям, были дарителями всех благ, они произносили заклипания не для себя, договариваясь с кем-то об его выполнении, а для тех, к кому пришли. Но вознаграждение за принесенные обходниками блага все же было — для них были накрыты столы со всевозможными яствами и напитками. Т. Живков и определяет суть колядок обряда как дары за дары («дарба за дарбу»).

Накрытые в ожидании добрых гостей столы, о которых говорится в колядках как восточных, так и южных славянских народов, — угощение символическое, хотя возможно, что когда-то такое угощение действительно готовили. Но обходники сами стали просить, чтобы их отблагодарили за их труд. Обычно они просили хлебные изделия, яйца, масло, сало, сыр, колбасу, вино и др. Так, в сербской «додоле» пришедшие просят:

Даруй нама, стриконаша	Едан сирчи
Оку брашна,	Шаку соли,
Бублу масла,	Два-три јајце. . .
Рунице вуне,	(СЕЗб., 14, с. 65)

О просьбах колядников в разных исследованиях говорится немало, и приводить многие примеры незачем. Но надо отметить, что особенно настойчиво звучат они в русских колядках. С разрушением обряда в песнях сокращалась, а иногда даже выпадала основная часть. — доброе пожелание — и оставалась только просьба дать угощение. Есть колядка, сразу начинающаяся словами: «Дайте коровку, маслянку головку». Тому, кто не дает ничего, колядники угрожали — уведут корову за рога, сломают ворота и пр.; сулили всякие несчастья вплоть до того, что желали еловый гроб с осиновой крышкой (*Земц.*, с. 65). Распространены были подобные угрозы и у белорусов, встречаются они и у украинцев. Колядование из серьезного ритуала превращалось в забаву, а колядки стали средством собрать как можно больше снеди для коллективной пирушки.

Завершение колядок требованием угощения, а тем более угрозами — явление позднее и не общее. Древние концовки-заклятия, подчеркивающие силу слова и пожелания здоровья и счастья, органически связаны с заклинательным характером всей песни. Стереотипы концовок более разнообразны по сравнению с зачи-

нами, по смысл их один — закрепить заклятие. Вера в магическую силу слова видна в заключительных словах украинской колядки: «За сім словом будьте здорові» (*Дей*, с. 480). Или пожелание: «Віншуємо вас щастям, здоров'ям» (*Там же*, с. 481). Концовки, говорящие, что песня должна обеспечить урожай летом и счастье на весь год, характерны для белорусских волочебных песен: «Песня спета проці лета» с добавлением иногда: «Проці лета ўродлівага, проці года шчаслівага» (*Вал. песні*, с. 105). В болгарских и сербских колядках подчеркивается, кому именно спета песня, кому направлено пожелание: «Тебе поем, домакине», «Наздраве ти станинине», «Живот, здраве, веселие». У болгар и сербов распространены концовки колядок с пожеланием столько здоровья в дом, сколько звезд на небе, деревьев на планине, травы на земле:

Колку звезди на небого,
Колку шума на гората,
Толку здраве тая кьща.

(*БНТ*, с. 162)

Эта формула используется и в лазарских песнях:

Колку трева на поле
Толку здраве на кука,
Да дочека живо, здраво,
Да са живи домакине. . .

(*БНТ*, с. 423)

У сербов:

Играј, играј, Лазарко,
Домаћичу у здравље,
Домаћице у живот
Колко траве у планину
Тол'ко здравље у ту кућу.

(*СЕЗб*, 14, с. 48)

Используется в колядках и такая концовка:

Слава и част, коледо,	И домаћице, коледо.
Да је на част, коледо,	Ми из куће, коледо,
Домаћину, коледо.	Бог у кућу, коледо.

(*СЕЗб*, 7, с. 316)

Именно такого типа концовки, еще раз кратко формулировавшие благопожелание, закреплявшие его, специфичны для обходных песен-заклинаний. С развитием последних, ослаблением магической функции и расширением жанрового и сюжетного состава такие заключительные стереотипы стали уже необязательными.

Говоря о песенных аграрных заклинаниях, нельзя не отметить их важной особенности — гиперболизма. Большинство пожеланий — гиперболы: желают такой урожай, чтобы из одного зерна получился караван хлеба, чтобы у курицы было сто цыплят и т. п. Некоторые формулы пожелания богатого урожая у украинцев, белорусов, болгар и сербов очень близки, совпадая порою почти дословно: желают, чтобы с одного колоса был котел или бочка зерна (у всех — жита), болгары и сербы обязательно добавляют к этому: с одной грозди (или лозы) — бочка вина. В такой же форме

желают, чтобы каждая корова давала по ведру молока, чтобы скотина и птица плодились. Например, в украинских колядках:

А з одного вічка, А з одного колосочка
Буде хліба пічка, Буде жита бочка.

(Дей, с. 540)

В белорусских:

С каласочка жита бочка.

(Зім, песні, с. 199)

У болгар и сербов эта же формула используется в лазарских песнях, в молениях о дожде и др. Например, в болгарской благовещенской песне:

Всяка лоза ведро вино, Всяка крава ведро мляка,
Всяка жена мъжко дете, Всяка овца две ягнета.

(БНТ, с. 40)

Или в лазарской:

Жито те се обродило, Вино те се изродило,
Сека нива амбар жито. . . Сека лоза бочка вино. . .

(БНТ, с. 386)

В сербских лазарских песнях:

Од два класа кутел жита,
Од два грозда бачка вина.

(СЕЗб., 40, с. 203)

Или в «додоле»:

Од један класа чабар жита,
Од један грозда товар вино,
Од једне крава плуг волови. . .

(СЕЗб., 7, с. 305)

В такой же форме желают от каждой курицы, утки, гусыни и индейки по сто цыплят (*Там же*, с. 306), от овцы и козы — по целому стаду.

В русских колядках точно совпадающих формул нет, но есть такие же по смыслу пожелания:

Сто бы тебе коров, По ведру бы те доили
Полтора ста быков, Все сметаню.

Когда желают много скота, часто называют преувеличенные цифры: «Двести коров, полтора ста быков, семьдесят телушек» (*Земц.*, с. 316), «Хилјаду оваца» и пр. Стада овец покрывают все поле (в украинских колядках), планину (у болгар и сербов): «Бело стадо пуно поље» (*СЕЗб.*, 7, 406). Гипербола, видимо, была для заклинательных песен основным, исконным приемом. Древность ее подтверждается и общими для песен разных народов формульными стереотипами. Гипербола тесно связана с магической функцией песен, она важна как для понимания их смысла, так и в мировоззренческом аспекте. Назначение ее первоначально было чисто утилитарное — стремление получить всего как можно больше.

Гиперболический характер имеют и встречающиеся в песнях заклинательные формулы типа «сколько—столько». Гипербола в них доходит до космических пределов. Украинцы и белорусы желают столько стогов в поле, сколько звезд на небе. У болгар и сербов тоже используется сопоставление со звездами, но чаще для пожелания такого же большого здоровья и счастья; вместе с этим приводятся сопоставления: сколько деревьев на горе, сколько листьев на деревьях, сколько травы на поле (примеры таких формул, служащих обычно заключением песни, были приведены при анализе концовок). В русских колядках этих традиционных сопоставлений нет, но формульный тип пожелания встречается:

Что в лесу елок,
Только бы на двор коровок,

Что в лесу кочек,
То бы дал бог дочек.

(Шейн, № 1818)

Формулы этого типа в песнях нередко уже переходят в сравнения «как—так» и становятся уже художественным приемом: «Нажнемо кипок, як на небе зірок» (Дей, с. 84); «Як на небі зvezды части, так на полі копи густі» (Зім. песні, с. 199).

Как художественный прием начинает восприниматься и гипербола, смыкающаяся с идеализацией, которая становится основным приемом создания образов в песнях величальных. В наиболее древних по типу аграрно-заклинательных песнях сюжет не развит, это магические заклинания в полном смысле этого слова. Это перечень пожеланий, краткий или более развернутый, детализированный, с пояснениями, украшающими эпитетами, добавлявшимися в процессе бытования песни. Сюжет развивается позже, преимущественно в песнях-величаниях. Имеются сюжеты общие или сходные у разных народов (описание семьи, хозяин везет подарки, хозяин или пришедшие к нему чудесные гости — святые — выполняют разные сельскохозяйственные работы и др.). С течением времени у каждого народа все больше появляется своих сюжетов, нередко заимствованных из семейных обрядовых и не обрядовых песен. Здесь тоже имеются совпадения, но анализ сюжетов календарных обрядовых песен является темой особой работы.

В данном докладе рассмотрены наиболее существенные особенности лишь обходных песен аграрно-магического характера, наиболее древних по типу и непосредственно связанных с обрядом. Наиболее характерным образцом их являются общие для всех славянских народов колядки, которые послужили образцом и для других обходных песен.

¹ В колядках встречаются и другие припевы, появившиеся позже. Они имеют национальное или региональное распространение. Так, у украинцев в новогодних песнях — щедривках в отличие от рождественских колядок употребляется припев «щебрий вечер, добрый вечер». Этот припев встречается и в белорусских колядках. В центральных русских областях наряду с при-

певом «коляда» распространен был припев «овсенъ», «туасень», а на севере колядки пели с припевом свадебных величальных песен: «Виноградые красно-зеленое мое».

- ² *Виноградова Л. Н.* Заклинательные формулы в календарной поэзии славян и их обрядовые истоки. — В кн.: Славянский и балканский фольклор: Генезис. Архаика. Традиции. М., 1978, с. 7—26.
- ³ Подробнее о типах заклинятельных формул см.: *Соколова В. К.* Заклинания и приговоры в календарных обрядах. — В кн.: Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982.
- ⁴ *Жичков Т.* Българската коледарска благословия. — Известия на Етнографския институт и Музей, 1974, кн. XV, с. 55—88.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БНТ* — Болгарско народно творчество. София, 1967. Т. 5. Обрядки песни/отбрали и редактировали проф. М. Арнаудов и Хр. Вакарелски.
- Вал. песни* — Валачебные песни/Складальнікі Г. А. Барташэвіч, Л. М. Салавей. Складальнік музычнай часткі В. Ј. Ялатаў. Мінск, 1980.
- Гнатюк* — Колядки і щедрівки/зібрав Володимир Гнатюк. — В кн.: Етнографічний збірник. Львів, 1914. Т. XXXVI.
- Дей* — Колядки та щедрівки. Зимова обрядова поезія трудового року/Упорядкування, передмова і примітки О. І. Дея. Київ, 1965.
- Земц.* — Поэзия крестьянских праздников/Вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. И. И. Земцовского. Л., 1970.
- Зім. песні* — Зімовыя песні. Калядкі і шчадроўкі/Рэд. М. Я. Грынблат. Укладанне, сістэматызацыя тэкстаў, ўступны артыкул і каментарыі А. Гурскага. Мінск, 1975.
- Караджич* — *Караџић В. С.* Живот и обичаји народа српског. Београд, 1957.
- Мил.* — *Милојевич М. С.* Песме и обичаји укупиног народа српског: Обредне песме. Београд, 1969.
- Некрасов* — *Некрасов И. В.* 50 песен для мужского хора из собранных И. В. Некрасовым и Ф. И. Покровским в 1901 г. в Нижегородской губернии. М., 1908.
- СЕЗб* — Српски етнографски зборник. Београд, 1907. Књ. 7; 1909. Књ. 14; 1927. Књ. 40.
- Цепенков* — *Цепенков М. К.* Македонски народни умотворби. Скопје, 1972. Кн. 1.
- Шейн* — *Шейн П. В.* Великокурс в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1898. Т. 1, вып. 1 и 2.

Ю. И. Смирнов

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО ЭПИЧЕСКОГО РЕПЕРТУАРА

I

Этот доклад мы рассматриваем как подведение итогов — методических обоснований и исследований соответствующих фольклорных фактов в рамках названной темы. К тому времени, когда нам доведется прочитать доклад на съезде славистов, несомненно, выйдут еще работы, которые послужат дополнительным обоснова-

нием необходимости интенсивного развития подобных исследований. Ныне же изложение темы облегчается тем, что работу по определению состава общеславянского эпического репертуара (фонда) мы ведем в одиночку и, следовательно, отчитываемся о ней в основном на базе собственных изысканий.

Стремясь избежать чрезмерных повторений в отношении методического обоснования темы, кратко резюмируем то, о чем мы уже имели возможность высказаться на протяжении минувшего десятилетия. Было показано значение народной культуры как этноразличительного признака для этнических общностей разного порядка ¹. Особое внимание уделено множественности форм народного самосознания в противопоставлении единственной форме самосознания, навязываемой господствующими классами ². Неоднократно анализировались и показывались методические преимущества эволюционного подхода в сравнении с известными научными направлениями ³. Рассматривался вопрос о соотношении понятий «классификация» и «систематизация» с такими естественными признаками фольклора, как устойчивость и изменчивость, в которых проявляется фольклорная повторяемость, и оценены существующие, включая собственный, опыты классификации и систематизации материала ⁴. Подчеркнуто совпадение долгосрочной исследовательской перспективы с познанием исторической ретроспективы фольклора и предложены рабочие критерии определения общеславянского характера фольклорных фактов ⁵. На болгарском материале описаны этнические компоненты фольклора (субстрат, суперстрат, общеславянское наследие, оригинальные произведения и заимствования) и дана их сравнительная характеристика ⁶. Что касается работ по конкретным сюжетам, то о них будет упомянуто ниже.

II

Путь к восстановлению общеславянского эпического репертуара тернист и долог. Но, идучи по нему и проходя по нему до конца, мы сможем постоянно довольствоваться добытыми результатами в виде эволюционных цепочек эпических произведений. Для того чтобы получить наиболее древние формы и качества славянских эпических песен и их составных элементов, нужно проследить эволюцию текстов в ее исторической ретроспективе. Пренебрежение к эволюции песен оборачивается ошибками в определении места и времени их возникновения и бытования. Лишь проследив шаг за шагом, от звена к звену эволюцию эпических произведений, разобравшись в их взаимодействии с другими фольклорными произведениями, отжимая последовательно поздние эволюционные качества и выделяя предшествующие им, можно, наконец, узреть и ощутить наиболее ранние формы и качества по тем реальным записям, которые были сделаны за время собирания.

Складывающиеся таким образом представления об эволюции песен, знаменующей собой, между прочим, их возникновение,

эпическую зрелость и отмирание, выражающейся также в процессах их расщепления (приобретения разных качеств и образования параллельных форм) или унификации (приобретения однородных качеств и образования унифицированных форм, а затем — циклов и жанровых разновидностей, проявляющейся в процессах вытеснения одних произведений другими или, наоборот, в процессах наложения, сращивания и соединения с иными, подчас, казалось бы, вовсе не подходящими для этого произведениями, — эти представления по существу и оказываются изложением истории.

Путь к восстановлению общеславянского эпического репертуара тернист и долог. Получение общеславянского эпического репертуара (фонда) возможно лишь через познание истории эпических песен каждого славянского народа. Чем подробнее описаны эволюционные метаморфозы, тем полнее и нагляднее предстает история исследованного произведения (цикла, жанровой разновидности, жанра).

Статичные решения, до сих пор в изобилии предлагаемые фольклористами, неизменно заводят в тупик или, если угодно, в никуда. С ними наступает в науке такая ясность, перенаполнившись которой, проще и удобнее решить, что в части истории фольклора уже все сделано, и преспокойнейшим образом отвыкнуть от исследовательского поиска, быть может еще не успев к нему привыкнуть. Эволюционный же подход сулит чрезвычайно много. С его применением открываются надежные и серьезные перспективы для практики и теории науки. Эволюционный подход позволяет увязывать задачи собирания, текстологии, систематизации и теоретических обобщений. Разрешение этих задач и ведет к познанию закономерностей фольклорных процессов. Благодаря эволюционному подходу взаимосвязь между задачами и целями, кажущимися разноплановыми или даже взаимоисключающими, становится неразрывной, само собой разумеющейся.

Если фольклористика какой-то славянской страны опишет историю своей эпической традиции с применением эволюционного подхода, то это и будет самым серьезным ее вкладом в получение представлений об общеславянском эпическом фонде независимо от того, в какой степени осознавалась непосредственными исследователями эта конечная цель.

Определение же общеславянских элементов в эпической традиции какого-то славянского народа, с другой стороны, значительно облегчает для фольклористики каждой данной страны решение последующих задач, в частности уточнение эволюционных позиций оригинальных эпических произведений по отношению к текстам, эволюционно производным от общеславянских, выявление взаимодействий с неславянскими традициями и выделение неславянских компонентов в отечественном эпосе.

Получить общеславянский эпический фонд — это знать, каким эпическим наследием располагали славяне непосредственно перед своим расселением в начале нашей эры. При этом под общеславянским эпическим наследием мы подразумеваем не только соб-

ственно набор или систему конкретных сюжетов и мотивов, хотя на нынешнем этапе изысканий преследуется прежде всего именно задача обнаружения сюжетов, общих (одинаковых) или эволюционно соотносимых в пределах всего славянского мира. Очень важно знать — и это последующие этапы работы — что представляло собой общеславянское эпическое наследие: в плане логическом — как система стереотипов народного мышления; в плане познавательном — как система социальных представлений о себе и окружающем мире при обязательном включении и его мифической сферы; в плане эстетическом — как система художественного воплощения стереотипов мышления и социальных представлений⁷.

Знания об общеславянском эпическом репертуаре, бесспорно, позволяя сопоставить полученные результаты с теми сведениями о древних славянах, которые предлагаются другими науками, занимающимися этногенезом славян, и мы заранее убеждены в том, что абсолютные совпадения между фольклористическими и иными результатами будут скорее исключением, чем правилом. Духовный мир славян начала нашей эры предстанет значительно более богатым и многообразным, нежели он до сих пор рисовался.

Полезную роль при этом может сыграть учет географического распространения общеславянских сюжетов, взятых как по отдельности, так и в виде целых наборов (систем), но эти последние предельно должны быть освобождены по каждой географической зоне от заимствований из соседних славянских мест, что теперь в ряде случаев, особенно в отношении южных славян, представляется довольно сложным делом.

III

Картину географического распространения общеславянских сюжетов, к сожалению, очень сильно искажают превратности собирания эпических песен либо продуктов их отмирания в виде лиризованных произведений и прозаических текстов. Сплошное обследование на эпос в районах расселения славян почти нигде не применялось, за исключением районов Русского Севера. Целенаправленные поиски — обычно, впрочем, по суженному, далеко не общеславянскому кругу сюжетов — предпринимались во всех славянских странах, однако никогда не захватывали полностью какой-то один ареал и тем более всю территорию расселения того или иного народа. Чаще всего эпические песни собирали любители, не обладавшие хорошим знанием сюжетов, что и предопределяло случайность или произвольность их записей: поэтому лишь там, где частота случайных записей с разными временными интервалами была достаточно высокой, местный эпический репертуар фиксировался более или менее полно. Резкие, подчас разительные колебания в степени обследования на эпос обусловили глубокие различия между репертуарами многих районов расселения славян. Так, остается малоизвестным сюжетный состав юнацких песен в северо-западной, северной и особенно восточной Болгарии. Увлечение

оригинальными эпическими произведениями (инновациями) ослабляло внимание собирателей в Черногории к традиционным текстам. После Вука Караджича в большинстве районов Сербии целенаправленные записи эпических песен уже не проводились, отчего неясна география их бытования. То же самое можно сказать о таких старинных и чрезвычайно важных для истории славянской эпической традиции местах расселения славян, как Волинь, украинско-белорусское Поднепровье, средняя полоса России, Псковщина и Новгородчина, многие польские и собственно чешские районы. Ареал расселения сербов-лужичан после в общем-то «стихийных» записей Я. Смолера остался необследованным хотя бы по известному кругу западнославянских повествовательных сюжетов.

Спорадическое бытование тех или иных, но каждый раз довольно многих эпических произведений отмечено почти для любого района расселения славян. Например, баллада «Девушка-воин», во множестве версий очень популярная у южных славян, была записана среди русских (причем в оригинальной местной форме) лишь однажды, тогда как на Украине и в Белоруссии она бытует до сих пор (чаще в форме обрядовой песни — колядки, веснянки). Напротив, сюжет «Муж на свадьбе своей жены», известный у русских в виде былины «Добрыня и Алеша», записывавшейся чаще, чем любая другая былина, в Белоруссии как местная песенная форма не обнаружен, а на Украине фиксировался всего один раз. Как баллада этот сюжет широко бытовал в Польше, представлен многими эволюционными производными у сербов-лужичан, но у словаков он сохранился лишь в виде отдельных и редких песенных мотивов, у чехов и моравян в песенной форме известен, по-видимому, только как заимствование от поляков. В южнославянском ареале сюжет «Муж на свадьбе своей жены» отмечен записями повсюду и во множестве разнообразных версий, что мы считаем одним из важнейших показателей его исконности.

Баллада типа «Михайло и рябинка» (по заклатью свекрови невестка стала на поле деревом), несомненно, принадлежит по характеру сюжета к числу древнейших славянских эпических песен, однако ее хорошо знают лишь восточные славяне, особенно украинцы и белорусы, среди которых ее бытование отмечено многими версиями. У словаков и моравян изредка фиксировались эволюционно более ранние тексты. У поляков она известна лишь как заимствование из украинско-белорусской среды. У южных славян, славящихся богатством и разнообразием эпических сюжетов, ее как будто и вовсе не записывали.

Сказка «Муж-уж» (АТ 425 М) — ныне, пожалуй, самый яркий пример былого балто-славянского фольклорного единства — до сих пор, судя по преимущественно спорадическим записям, широко бытует среди восточных славян. Ее знают поляки, причем в их вариантах, как и в некоторых литовских, монологи персонажей нередко подаются в песенной форме. Эволюционно производная форма в виде песни о водяном записывалась среди сербов-лужи-

чан. Также эволюционно производные формы в виде некоторых песенных версий о змее, похитившем девушку, и сказки «Отчего возникла зима» (о лягушке, пожелавшей жениться на девушке) иногда записывали у болгар. У других же славянских народов сходные формы не фиксировались.

Древний былинный сюжет «Святогор и тяга земная» имеет соответствия почти исключительно в бассейне р. Вардар в виде песен и рассказов о том, как Марко Королевич утратил свою богатырскую силу. В других местах расселения славян записями не отмечены хотя бы поздние эволюционные формы. То же можно сказать о былине «Добрыня и змея» и немногих, но очень интересных по своим более ранним эволюционным качествам болгарских песенных параллелях. Им по другим славянским районам, как правило, соответствует лишь одна песенная форма — «Св. Георгий и змей», по сюжету явно заимствованная из Византии в ходе христианизации славян.

У былины «Женитьба князя Владимира» прямые песенные соответствия обнаруживаются только в сербохорватском ареале. К былине о Садке, хотя мы убеждены в том, что ее ядро о пребывании героя в подводном царстве восходит ко временам индоевропейской фольклорной общности, тем не менее пока открыты у других славян одни типологические песенные и прозаические формы того же типа, что встречаются и в Западной Европе (АТ 973), которые часто неправомерно смешивают с былиной «Садко».

Число подобных примеров можно было бы умножить, и в каждом случае неясно, какие причины вызвали это странное по географии бытования размещение конкретных фольклорных форм бесспорно древних по происхождению сюжетов. Социально-исторические условия для бытования фольклорных текстов с такими сюжетами во многих местах расселения славян, казалось бы, зачастую были равными, одинаковыми, отнюдь не препятствовавшими их более широкому распространению. Это особенно показательно для соседних районов в пределах расселения одного народа, когда оказывается, что в одном из таких районов собиратели заметили бытование некоего произведения, а в других — нет.

Разумеется, можно допустить, что наблюдаемые смущения в бытовании эпических песен обусловлены изначальным расщеплением общеславянского эпического репертуара, которое, в свою очередь, явилось одним из последствий того, что в течение I тысячелетия н. э. объединения славян, по-видимому, неоднократно распадались и сливались разными частями, о чем свидетельствует фиксация одинаковых этнонимов в разных концах славянского мира, вплоть до этапа объединения, положившего начало историческим славянским народностям (болгары, сербы, русские и др.). Эти этнические процессы вполне могли сопровождаться тем, что, расселяясь, славяне уносили в разных направлениях неодинаковые доли общеславянского эпического наследия.

Сразу же подчеркнем, что под этим не следует подразумевать дробление системы эпического творчества. Как мы показали

в книге «Славянские эпические традиции», эпические системы у современных славянских народов различаются исключительно по своим стадийным признакам, а это и дает основание полагать, что в пору расселения славяне располагали единой системой эпического творчества. Если говорить о неравных долях общеславянского эпического наследия, то, вероятно, нужно в том смысле, что при расселении славян, когда общественно-исторические факторы действовали особенно динамично, система эпического творчества по традиционному сюжетному составу могла ужиматься, подвергаться стяжению: скажем, вместо нескольких эпических песен на один сюжетный тип сохранялась одна, а другие с утратой своей актуальности совсем исключались из репертуара, что, наверное, почти сразу возмещалось путем создания новых произведений, несколько иначе, с поправкой на новые общественные обстоятельства воспроизводивших традиционный сюжетный тип. Поскольку этот процесс в разных местах расселения славян повторялся по-своему, независимо от того, что происходило у близких или дальних соседей, у соотечественников по языку, фольклору и происхождению, то он и приводил к сохранению в бытовании неодинаковых долей общеславянского эпического наследия. По своей сути, изложенной здесь по необходимости в самой общей форме, этот процесс и есть механизм действия стихийного отбора текстов. На протяжении следующего тысячелетия унаследованные различия в эпическом репертуаре продолжали углубляться стихийным отбором, из-за чего из репертуара того или иного района вполне могли навсегда выпадать и все конкретные фольклорные формы на общеславянские по происхождению сюжеты.

Предположения о возможном изначальном расщеплении общеславянского эпического репертуара и роли стихийного отбора текстов, разумеется, не праздные. Вместе с тем их, как показывают приведенные примеры странного размещения общеславянских сюжетов, довольно трудно подкреплять, ибо в хаосе случайных фиксаций материала, из которых зачастую и состоит вся история собирания эпических песен, в их поддержку мало что открывается со всей очевидностью. Весомость этих предположений значительно возросла бы, если бы удалось по возможности снять воздействие на характеристику и состав эпического репертуара того или иного района такого внешнего, но могучего фактора, как случайное или произвольное собирание эпических произведений.

Совершенно очевидно, что случайные записи обедняют представления о реальном эпическом репертуаре той или иной местности, делают их менее системными, приносят меньше версий и параллельных форм (сюжетов-дублей), чем их бытует на самом деле. А это, в свою очередь, конечно же, сильно затрудняет какие-либо подсчеты и сопоставления.

Время для записи эпических и вообще фольклорных произведений еще не ушло. Шансы на качественный сбор материала во многих местах еще имеются. Нужно успеть их использовать.

Наиболее целесообразным и эффективным представляется сбор материала на основе опроса по сюжетам, причем недостаточно добиваться подтверждения предшествующих случайных записей. Не менее важно опрашивать исполнителей по таким сюжетам, которые ранее в этой местности не записывались. Основной принцип собирательской работы предельно прост: что знаешь, то и спросишь, а что спросишь, то и получишь. Результаты собирания прямо пропорциональны усилиям собирателя. Чем шире круг сюжетов, по которым последовательно и настойчиво проводится опрос исполнителей, тем больше текстов — при прочих равных условиях — удастся записать. Для оценки состояния эпической традиции и в целях полноты фиксации сюжетного состава большое значение имеют записи фрагментов и пересказов эпических песен, преданий и сказок на эпические сюжеты.

В ходе поисков общеславянских сюжетов, безусловно, интересны опыты опроса по сюжетам, известным в инославянской среде. Наши попытки опрашивать исполнителей на Украине и в Белоруссии по русским и южнославянским сюжетам неизменно приводили к находкам, к обнаружению реликтовых или даже вовсе не фиксировавшихся местных форм. Исполнители, как правило, и не слышали текстов, о сюжетах которых их спрашивают, но по ассоциации они иногда припоминают бытующие или выходящие из бытования местные формы. Такого рода опыты было бы крайне желательно повторить в других славянских странах: скажем, среди южных и западных славян проводить опросы по сюжетам, которые ныне кажутся преимущественно восточнославянскими; среди западных славян проводить опросы по сюжетам, считающимся прерогативой южных славян, и т. д.

Хотелось бы верить, что фольклористы каждой славянской страны заинтересованы в том, чтобы их эпическая традиция была бы объективнее представлена на общеславянском уровне. Лицо традиции отражают собиратели. Исследователи же пользуются только отраженным светом.

IV

Восстановление общеславянского эпического фонда начинается с учета наличного материала и его систематизации. Эту работу мы ведем на единой методической основе одновременно по нескольким направлениям. Преследуются задачи получить: 1) отдельные эпические песни в их эволюционной соотносимости и ареальности (эволюционные цепочки); 2) эпические репертуары отдельных районов в пределах расселения одного народа или на межславянских пограничьях; 3) эпический репертуар каждого народа в соотношении с репертуарами других славянских народов; 4) эпический репертуар по каждой из славянских языковых групп; 5) общеславянский эпический репертуар, открывающийся в результате предыдущих исследований.

Первая эволюционная цепочка из произведений типа былины

«Иван Гостиный сын» и сходных с нею других славянских текстов была показана в книге «Славянские эпические традиции» (с. 162—250). Теперь ее можно было бы дополнить кое-какими пропущенными звеньями. В целом же эта эволюционная цепочка выдержала испытание временем и проверку с помощью упущенных тогда фольклорных фактов. Но, несмотря на упущения, она остается для нас единственным случаем, когда эволюцию фольклорных фактов удалось показать достаточно подробно. Последующие опыты эволюционного рассмотрения эпических песен⁸ пришлось помещать в очень сжатой форме, что, естественно, не приносит должного удовлетворения.

Для нас очевидно, что эволюционная цепочка становится тем доказательнее, чем подробнее она показана как последовательное изменение эпических качеств. Соединение эволюционных цепочек в этом случае также не было бы чем-то неожиданным и алогичным. Напротив, построенные эволюционные цепочки со включением в них основной массы эпических произведений в свою очередь побудили бы задуматься над тем, как они выглядят в соединении благодаря своим взаимодействиям и совпадениям по однородным эволюционным качествам. Так, путь исследования неизбежно ведет к тому, чтобы показать, как эволюционировала эпическая традиция в целом, в виде последовательно сменяющихся состояний определенной открытой системы.

Параллельно с накоплением материала для эволюционных цепочек мы интересовались эпикой тех славянских районов, знакомство с которой обычно начиналось по доступным печатным источникам. Благодаря обнаруженным в архиве записям А. В. Маркова, сделанным в 1909 г., были получены более точные представления о сюжетном составе и других качествах эпической традиции одного из тех районов Русского Севера⁹, где нам не довелось непосредственно вести собирательскую работу. Поездка в Грозный (1980 г.) позволила тоньше оценить сюжетный состав эпической традиции терских казаков и происшедшие в ней перемены, в частности, за счет вытеснения русских текстов украинскими. Мы испытали приятное удивление, обнаружив при знакомстве с материалами фольклорного архива Горьковского университета, собранными стараниями К. Е. Кореповой, что по сюжетному составу и иным качествам эпической традиции Нижегородский край может по праву занимать место в одном ряду с районами Русского Севера¹⁰. Определенное внимание уделялось тому району Карпат, где проживают украинцы и словаки¹¹, и мы согласны с мнением тех ученых, которые полагают, что к этому важному для этногенетических исследований району нужно обращаться почаще, если не постоянно, и проводить там полевую работу.

Именно обращение к материалу района Карпат в сопоставлении его с эпическими текстами Русского Севера и южных славян заставило нас, наконец, заметить, что между Русским Севером и Карпатами находится обширная зона, издавна заселенная славянами, но слабо или совсем не обследованная на эпос в отличие от

упомянутых мест крупной концентрации эпических сюжетов. Это обстоятельство привело к поездкам в Полесье (1974—1980), материалы которых начали публиковаться¹². Поиск текстов в Полесье с самого начала проводился с помощью списка схождения между славянскими эпическими песнями (см. примеч. 3), правда, без строгого ограничения им в тех случаях, когда тексты заслуживали записи. Целенаправленный поиск по сюжетам даже в довольно небольшом числе населенных пунктов обеспечил результаты, позволяющие утверждать, что по концентрации сюжетов Полесье по меньшей мере не уступает упоминавшемуся району Карпат. Поездки в Полесье побуждают также пересматривать вопросы взаимоотношений между эпическими традициями восточных славян и упорно искать самые нижние слои их репертуара.

Очевидно, нужно продолжать изучение эпических репертуаров отдельных районов, постоянно подчиняя это более крупным целям. В конце концов именно из локальных репертуаров складывается сюжетный состав эпической традиции всего народа. Чем полнее они описаны с упором на выявление текстов, перекликающихся с инославянскими, тем больше фольклорных фактов будет привлечено для исследования общеславянской эпической общности.

Однако в отношении западных славян, принимая во внимание сравнительно легкую доступность сюжетного состава их песен, мы рискнули миновать этап изучения локальных репертуаров и предпринять учет западнославянских песенных схождения с песнями других славян сразу на уровне традиции в целом. Так по единым систематическим принципам были описаны словацкие схождения¹³, затем польские¹⁴. В обоих случаях позже мы производили проверку своих результатов по ряду оказавшихся неиспользованными до того фольклорных сборников и не заметили каких-либо серьезных упущений в учтенном сюжетном составе словацких и польских песенных схождения с инославянскими эпическими песнями. К ним добавился перечень сходных песен чехов и моравян, выполненный Е. В. Максимовой¹⁵. Эти перечни схождения несложно дополнить серболужицкими параллелями по единственному крупному собранию песен Я. Смолера, после чего можно будет перейти к опыту создания сводного систематического списка западнославянских песенных параллелей к восточнославянским и южнославянским эпическим песням. Он, безусловно, нужен, хотя бы из-за отсутствия полноценных указателей западнославянских повествовательных песен. Такой ориентирующий список, естественно, не предрекает заключения о природе сходства в отношении каждой конкретной песни, хотя в каких-то случаях, когда эволюционная соотносимость западнославянских текстов с инославянскими будет видна, как говорится, невооруженным глазом, решения будут напрашиваться сами собой.

Уже теперь аналогичным образом, в виде систематического указателя схождения можно было бы показать и восточнославянские фольклорные формы, как песенные, так и, что весьма существенно, прозаические параллели (сказки, предания, былички),

по проработанным нами основным печатным, а в ряде случаев и архивным источникам. Его издание стимулировало бы разыскания дополнений в виде вариантов, версий и, быть может, даже сюжетов по неучтенным изданиям, прежде всего по местным публикациям и архивам.

Большим шагом в направлении к созданию такого указателя восточнославянских схождений обещает стать рекомендованная в июне 1981 г. Научным советом по фольклору при Отделении языка и литературы АН СССР работа по приготовлению указателя восточнославянских баллад. Очень важно, что работа должна осуществляться коллективными усилиями, для чего следует привлечь к ее выполнению как можно больше участников из разных мест страны. Коллективные усилия, пока не совсем традиционные среди фольклористов, ускорят работу и позволят, как мы надеемся, ввести, наконец, в научный оборот почти неведомые отложения фольклорных записей в местных архивах, изданиях и периодике.

За основу систематизации материала мы предлагаем участникам практически подсистему той системы, что заложена в нашем списке схождений между славянскими песнями, независимо от их жанровой принадлежности. Так, уже с самого начала связи систематизируемых баллад с иными эпическими произведениями будут прямо или косвенно подразумеваться, благодаря чему облегчится подключение указателя баллад к общей системе, которая при этом, естественно, подвергнется изменениям, уточнениям и детализации путем более тщательной градации сюжетных типов, параллельных форм (сюжетов-дублей) и версий.

В целях ускорения подборки текстов на этих уровнях градации и унификации названий текстов нами составлен для участников указатель-схема, где названы все известные конкретные формы сюжетных типов, параллельных форм и версий.

Заранее предвидя значимость любых межславянских фольклорных перекличек для работы по выделению из них общеславянских элементов, мы включили в указатель-схему баллад по возможности шире восточнославянские песенные параллели к инославянским эпическим произведениям. С целью учета поздних взаимодействий включаются песенные заимствования от западных славян, представленные, впрочем, почти исключительно формами, усвоенными от поляков.

Миграции восточных славян в пределах нашей страны, как известно, продолжаются, контакты и взаимодействия их фольклорных традиций довольно широки. Немало русских песен охотно распевают на Украине и в Белоруссии. В свою очередь, множество украинских и белорусских песен разнесли по всей России и другим республикам переселенцы из Белоруссии и с Украины. Мимо многочисленных фактов миграций песен пройти нельзя. Поэтому каждой частью (русской, украинской или белорусской) указателя учитываются конкретные балладные формы других восточных славян, отмеченные записями на соответствующей территории.

Эволюция баллад, по-видимому, никогда не ограничивалась внутрижанровыми изменениями. Подвергаясь необходимому адаптированию, многие баллады включались исполнителями в состав обрядовых песен, чаще всего веснянок, колядок и свадебных песен. Другие баллады, с постепенной утратой описаний действия и заменой их монологами или диалогами, приобретали качества лирических песен. Эти эволюционные процессы захватывают едва ли не весь круг украинских и белорусских баллад, в значительной степени — круг русских баллад, причем некоторые сюжеты, сопоставимые с югославянскими, у восточных славян сохранились исключительно в виде поздних эволюционных форм. Такими формами, конечно же, не следует пренебрегать во имя, например, мнемонической жанровой «чистоты». Они также учитываются указателем-схемой.

Ко времени съезда славистов работа над указателем восточнославянских баллад будет в самом разгаре. Мы надеемся, что она завершится успешно и послужит добрым стимулом для аналогичного продолжения в дальнейшем на материале других фольклорных жанров.

Что касается освоения эпических традиций южных славян, то наши знания о них еще далеки от того, чтобы быть пропорциональными объему фольклорных фактов, накопленному за все время собирания.

Из югославянских эпических традиций наилучшим образом нам известна болгарская. Все сколько-нибудь значительные болгарские печатные источники текстов доступны, многие из них уже проработаны. Разыскать какие-то необходимые печатные варианты эпических или иных песен возможно и с помощью нескольких болгарских указателей. Сложность освоения болгарского материала, как это ни покажется парадоксальным, заключается именно в том, что чрезвычайно привлекательно в фольклорных болгарских текстах и что особенно нужно для применения эволюционного подхода: в огромном, подчас кажущемся необозримым числе текстов, требующих предельного учета и вдумчивого анализа, и в разнообразии сюжетов, отношения между которыми не просто открываются без предварительной раскладки вариантов эпических произведений и их эволюционных производных.

Для работы по восстановлению общеславянского эпического фонда значительно хуже обстоит дело с эпическими песнями и производными формами сербохорватского ареала. По ним не существует указателей — в ограниченных случаях их, впрочем, подменяют библиографические перечни вариантов, составленные преимущественно хорватскими фольклористами. Многие печатные источники остаются недоступными. По сербохорватскому ареалу мы можем практически оперировать песенным материалом в общей сложности не более чем в шесть тысяч текстов, что по сравнению с болгарским материалом по меньшей мере в несколько десятков тысяч текстов кажется непропорциональной и даже ничтожной величиной.

По словенской эпической традиции имеется добротный указатель З. Кумер, позволяющий довольно точно оценить ее сюжетный состав и возможности изучения, однако основная масса словенских текстов, в особенности эволюционных форм, не охваченных указателем, для нас недоступна.

Осознавая, что идеальный учет наличного материала совершенно недостижим, мы вынуждены по необходимости ограничиваться исключительно доступными источниками в реализации замысла о восстановлении эпического фонда. Иными словами, пока можно достичь цели лишь, как говорится, в первом приближении.

Некоторым подспорьем при этом могут стать определенные результаты международного коллективного труда «Разбойничьи — збойничьи — гайдуцкие песни славяно-карпатско-балканского региона конца XVI—начала XIX веков», осуществляемого в эти годы под эгидой Международной комиссии по изучению народной культуры Карпат и Балкан, так как одна из методических установок, которую приняли участники, требует учета песенных и прозаических фольклорных форм, сходных по своим сюжетам и мотивам с разбойничьими, но не имеющими закрепления за разбойниками, как персонажами. Это означает, что, помимо текстов о разбойниках, должны учитываться их вероятные эволюционные предшественники, параллельные и эволюционно производные формы. Составленные указатели, первоначально по фольклорным текстам каждого народа в отдельности, при сопоставлении, безусловно, позволят выделить в них сходные фольклорные формы, среди которых и предстоит опознать общеславянские по происхождению. По русскому материалу о разбойниках мы выделили песни, имеющие эволюционных предшественников, и прозаические сюжеты и мотивы, сходные с фольклорными произведениями других народов, и разослали перечни с ними для обязательного учета участникам русской части этого международного труда, положившего, как можно надеяться, доброе начало совместному сотрудничеству славянских фольклористов.

Получить общеславянский эпический фонд в виде систематизированного, более или менее пространного набора сюжетов — при всей трудоемкости, сложности и необычности задачи — было бы недостаточно. В принципе, вероятно, следовало бы различать понятия «общеславянский эпический репертуар» и «общеславянский эпический фонд», хотя на нынешнем этапе разработки задачи это различие носит сугубо теоретический характер. Однако рано или поздно набор сюжетов, т. е. репертуар, будет получен, и тогда возникнет иная задача: воспроизвести древнейший вид текстов или, иначе, облекч живой плотью костяки общеславянских сюжетов. Если мы не хотим возвращаться к частым в прошлом опытам произвольного, порой совсем фантастического соединения элементов из нескольких вариантов в один текст, что и именовалось незатейливо «реконструкцией текста», то к ее решению лучше готовиться заранее.

Это означает, что нужно познать, как строится текст: из каких составляющих элементов он сложен, каковы классы составляющих элементов и их наборы в пределах одной традиции (одной языковой группы, языковой семьи и т. д.), каким образом они между собой соединяются, каковы уровни их соединения и переходы между ними. Методически вопросы этого плана решаются теми же средствами, что и проблематика изучения текстов в целом; эволюционный подход вполне применим к составляющим элементам и их наборам. По своей сути это — задача генетического характера, поскольку в идеально воссозданном процессе построения текста, по-видимому, будет воспроизводиться давно завершившийся этап его эволюции. Поэтому его нет никакого основания отождествлять (вслед за А. Лордом) с тем, как строит текст в ходе исполнения сказитель XX в.

Для нас совершенно очевидно, что нужно работать только с натуральными составляющими элементами текста, не подменяя их какими бы то ни было искусственными поделками (в стиле К. Леви-Строса), идущими от представлений исследователя об объекте, а не от самого объекта.

И, конечно, элементарная логическая ошибка заключается в том, чтобы абсолютизировать какой-то один уровень строения текста (например, функцию по В. Я. Проппу или формулу по М. Пэрри и А. Лорду) и полагать, что построение текста совершенно тождественно этому уровню, а не некоторой иерархии уровней¹⁶. Увлечение каким-то одним объектом, т. е. одним уровнем рассмотрения материала, можно считать оправданным тогда, когда оно не приводит к гипертрофии этого объекта и к подмене им всего и вся.

По нашему мнению, ныне предпочтительнее конкретные описания составляющих элементов и их наборов. В этом плане примечательны работы польских фольклористов, описывающих место в тексте отдельных слов и наборы словосочетаний, характеризующих предметную реалию или персонаж¹⁷. Со своей стороны мы также предприняли опыты по составлению перечней составляющих элементов, одинаковых или эволюционно соотносимых в общеславянском плане. Нас особенно занимает вопрос, может ли быть текст прочитан по-разному, если его рассматривать на разных уровнях, последовательно избирая в качестве уровня рассмотрения один за другим составляющие элементы.

V

Получение общеславянского эпического фонда совсем не означает, что работа по изучению славянских эпосов на этом прекращается. Общеславянский эпический фонд может послужить надежной сырьевой базой для последующих сопоставительных исследований между славянскими и неславянскими эпическими произведениями, однако только при условии, что и неславянские эпические тек-

сты — по каждому народу в отдельности и по языковым группам — будут систематизированы на единых со славянскими текстами методических основаниях с применением эволюционного подхода.

Прежде всего нужно получить сводные ряды эпических произведений тех народов, с которыми славяне соседнили в прошлом либо соседствуют до сих пор. Тогда при знании состава общеславянских элементов в каждой данной славянской эпической традиции мы имели бы все возможности сопоставлять эту традицию с любой соседней неславянской, нащупывать и выявлять взаимодействия между ними на всю глубину, исторического времени.

Минимальнейшим результатом таких сопоставительных исследований было бы обнаружение реальных заимствований.

Более заманчивы и вместе с тем весьма деликатны разыскания, призванные открывать эпические факты субстратного или суперстратного характера на территории современных славянских стран и в соседних странах. Исследования этого рода одинаково полезны для науки славянских и неславянских стран.

История любой эпической традиции выглядела бы, несомненно, усеченной и алогично замкнутой лишь на себя, если в ней игнорируются теоретически, пожалуй, неизбежные заимствования и явления субстратного или суперстратного характера. Напротив, выделяя последние, показывая процесс их вхождения в традицию — основу, мы тем самым уточняем историю эпоса, полнее видим перемены в эпическом репертуаре, в отношениях между произведениями и их составляющими элементами. Это открывает перспективу работам, где история эпической традиции того или иного народа трактовалась бы как обязательная часть этногенетических процессов.

Раньше, по-видимому, удастся опознать локальные заимствования и явления субстратного или суперстратного характера, связанные с историей эпической традиции каждого народа по отдельности, в лучшем случае — одной языковой группы. Они точно укладываются в диапазон исторического времени, от эпохи расселения славян до наших дней.

Затем понадобится перейти к более трудному — к отыскиванию заимствований и явлений субстратного или суперстратного характера в общеславянском эпическом репертуаре. Если они будут выделены и там, то освобожденный от них общеславянский эпический фонд, наверное, можно будет считать праславянским. Но и этот рубеж познания не стал бы последним.

На своем материале лингвисты уже прошли глубже: балто-славянская, славяно-балто-германская. . . индоевропейская общность. . . Ныне они дерзают описать ностратическую языковую общность. Их пример заразителен и достоин подражания.

Язык и фольклор были постоянным имуществом человека разумного, которое он всегда носил с собой. Наследственная социальная память человечества, одновременно устойчивая и изменчивая, не имеет конечного рубежа познания,

- 1 *Смирнов Ю. И.* Народная культура и этническая общность. — В кн.: Вопросы первоначального накопления капитала и национальных движений в славянских странах. М., 1972.
- 2 *Смирнов Ю. И.* О народном самосознании: (По фольклорным материалам). — В кн.: Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974. Есть необходимость вернуться к этой теме и показать разные формы народного самосознания на более широком фольклорном материале.
- 3 *Смирнов Ю. И.* О методике сопоставительного изучения фольклора славянских народов: (На примере эпических песен). — В кн.: Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973; *Он же.* Славянские эпические традиции: Проблемы эволюции. М., 1974. Здесь (с. 113—143) дан список сходжений между славянскими эпическими песнями. Своеобразной иллюстрацией к списку сходжений можно считать: Песни южных славян/ Вст. статья, сост. и примеч. Ю. Смирнова. М., 1976. Ср. работы: *Путилов Б. Н.* Русский и южнославянский героический эпос: Сравнительно-типологическое исследование. М., 1971; *Он же.* Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976.
- 4 *Смирнов Ю. И.* О классификации и систематизации эпических произведений. — Македонски фолклор (в печати). Здесь же дан обзор выпущенных преимущественно после 1974 г. (см. примеч 3) славянских указателей, корпусов текстов и приближающихся к их уровню антологий по песенным и прозаическим жанрам.
- 5 *Смирнов Ю. И.* Направленность сравнительных исследований по фольклору. — В кн.: Славянский и балканский фольклор. М., 1981.
- 6 *Смирнов Ю. И.* В поисках генетических истоков фольклора. — Български фолклор (в печати).
- 7 К великому сожалению, пока нельзя говорить о плане музыкальном, ибо этномузыкологи еще не знают, как можно применить эволюционный подход к их материалу, и, стало быть, просто не готовы к исследованиям этого рода.
- 8 *Добрыня Никитич и Алеша Попович/* Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1974. См. разделы 2 и 3: былины об Алеше Поповиче, былины о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче; Новгородские былины/ Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1978. См. разделы 2 и 3: былины о Садко и о Хотене Блудовиче.
- 9 *Смирнов Ю. И.* Эпические песни Карельского берега Белого моря по записям А. В. Маркова. — Рус. фольклор. 1976, т. XVI.
- 10 *Смирнов Ю. И.* Фрагмент неизвестной былины. — В кн.: Фольклор: Поэтика и традиция. М., 1982.
- 11 *Смирнов Ю. И.* Западноукраинские мифические женские существа. — В кн.: Симпозиум по проблемам карпатского языкознания: Тезисы докладов и сообщений. М., 1973; *Он же.* Карпатский фольклорный ареал и славянская фольклорная общность. — Там же.
- 12 *Смирнов Ю. И.* Эпика Полесья. — В кн.: Славянский и балканский фольклор. М., 1978; *Он же.* Эпика Полесья: (по записям 1975 г.). — В кн.: Славянский и балканский фольклор, 1981; *Он же.* Эпика Полесья: (по записям 1976 г.). — В кн.: Славянский и балканский фольклор (в печати).
- 13 *Смирнов Ю. И.* Словацкие песни на фоне русских и других славянских эпических песен. — In: Slovenská a ruská literatúra. Bratislava, 1973.
- 14 Сведения о них были приведены в нашем докладе «Польские народные песни на фоне эпических песен других славянских народов» на конференции «Польская народная баллада» (Варшава, 1979). Доклад печатается в материалах конференции.
- 15 *Максимова Е. В.* Чешские народные песни на общеславянском эпическом фоне. — Сов. славяноведение, 1979, № 6.
- 16 Некоторые соображения на эту тему см.: *Смирнов Ю. И.* О системе эпического повествования. — Сов. славяноведение, 1968, № 4.
- 17 *Bartmiński J.* O języku folkloru. Wrocław etc., 1973; Słownik ludowych stereotypów językowych. Wrocław, 1980.

ТИПОЛОГИЯ СЛАВЯНСКОЙ АНТРОПОНИМИИ

Современная антропонимия славян создана многовековой историей славянских народов и их языков. Как сама история, она богата и разнообразна. В ней отражены и древние общеславянские черты, и влияния иноязычные в различное время и с очень разных сторон, и внутренние изменения в каждом языке за века раздельного существования, и последующие межславянские контакты. Поэтому в славянской антропонимии сложно переплетены тождества и различия. Свидетельств раннего состояния ее нет, только от VI—VII вв. дошли единичные примеры из иноязычных памятников, искаженные передачей (если Ардегаст в византийском документе можно расшифровать как Радегаст, то Мусокий не стал объектом даже для домыслов)¹. В конце I тысячелетия материал нарастает, но содержит имена лишь ничтожно малой части населения.

Вся антропонимия человечества делима на первичную и вторичную. Первоначально личные имена не составляли обособленной лексической категории — ими служили обычные нарицательные, т. е. были незамкнуты; имя могло возникать каждый раз заново. Первичные имена и составляют ранний пласт славянской антропонимии — они держались еще долго. В булле гнезненского архиепископа 1136 г. (Польша) упомянуты личные имена Бычек, Чиж, Голый, Еж, Кобылка, Комар² — яркая картина именника первичного. Таковы серб. Вук «волк», Душан, русск. Мал, Заяц, у чехов — Горазд, ученик Мефодия (упоминаемое в письменности нарицательное *gorazd* и сказочная птица *gorazd* подсказывают былое значение «огромный, сильный»). Несомненную древность доказывают антропонимические параллели словенцев и новгородских словен XIII—XIV вв. — с двух противоположных концов славянского мира: от подножий Альп и оз. Ильмень — Деян, Обретен, Гостило и др.³, их сопоставил В. Михайлович. В последующие века между этими отдаленными территориями не было никаких связей. Можно добавить Завид — у новгородцев, в польских и сербских средневековых памятниках. Внимательное исследование обнаружит и другие параллели.

Ко времени первых записанных славянских имен существовали и вторичные, даже сложного типа композиты (составные), образованные сочетанием двух основ: Станислав, Драгомир. Теперь все они приведены в известность, им отведено много серьезных исследований, важнейшие принадлежат В. Ташицкому⁴, Т. Милевскому⁵, С. Роспону⁶, которые обобщили огромный материал, как славянский, так и шире — индоевропейский; много ценного — в работах Я. Люся, Я. Отрембского, П. Зволинского, Я. Свободы, М. Малецовой, Б. Маркова, сербохорватским композитам посвятил свою диссертацию М. Железняк, лужицкие ком-

позиты собрал Ф. Лоренц. Имена составные (по-польски *złożone*, очень неудачно передаваемые «сложные») сведены в типы по грамматическим отношениям 1-го и 2-го компонентов. Отношения эти сложны, немало случаев спорных или необъясненных. Со временем отношения менялись — в живом языке происходило изменение форм и окостенелую в композите переосмыслили (исследователи указали, например, что имена Станислав, Ростислав и т. п. — аорист, который стали принимать за императив, естественный в имени ребенка, как паутствие в жизнь). Компоненты, занимающие 1-ю позицию, многочисленны, а занимающих 2-ю лишь несколько десятков, т. е. образуют замкнутый «список», они и взяты исследователями, как стержневые; из них самые частые *-слав* (абсолютно преобладают у западных славян) и *-мир* (не уступают ему у южных славян).

По своей семантике составные имена не только резко отличаются от одинарных славянских, а прямо противоположны им. Одинарные конкретны, в них отражены животные, растения, внешние или внутренние черты человека, предметы быта — самое обычное, будничное; совсем иное выражают композиты — они (абстрактны, а содержащиеся в них отвлеченные понятия противопоставлены повседневной жизни: слава, власть, война, победа.

Исследования установили, что структура и семантика славянских составных имен тождественна с композитами других индоевропейских языков. Следовательно, этот тип унаследован славянами еще из индоевропейской общности. Немало прямых совпадений, особенно с германскими и греческими композитами, позволяющими заподозрить кальки, тем более что словосложение не принадлежит к преимущественным способам славянского словообразования в противоположность, например, немецкому изобилию словосложений. Но в лексике славянских композитов нет ни одного заимствованного слова. Вопрос остается открытым.

Среди композитов приводят частую модель с приставкой в роли 1-го компонента: При-бы-слав, Пере-свет, З-би-гнев. Но имя возникло не так, а из наличного в языках слова, уже включившего префикс (как слово *переселенец*, болг. *преселник*, польск. *przesiedlenie* образованы, конечно, не префиксом, корнем и суффиксом, а суффиксом, превратившим префиксальный глагол в существительное). Разница очень существенна — это совсем иные типы словообразования⁷. Ошибка нередкая и при этимологизации нарицательных — привычное «перепрыгивание через ступень».

Составные имена, особенно мужские, в письменных памятниках IX—XIV вв. встречаются несоизмеримо чаще одинарных. Это, естественно, привело к мысли, что так было и в действительности. Но бесспорно, что в письменность того времени проникали имена почти только князей и знати (новгородский посадник Остромир, чешский священник Славомир, ставший во главе зличан). Если приходилось упомянуть народ, то он, как правило, был безличен, безымянен. Имена простых людей в письменности редки.

Композиты потому и часты там, что они были именами социальной верхушки, — простому народу было не до славы и побед. Подлинное соотношение составных и одинарных имен, очевидно, было обратным их соотношению в письменности. Совершенно напрасно некоторые авторы именуют составные имена термином «славянские имена»: композиты исторически составили весомую часть славянской антропонимии, но не единственную и не главную, они не вправе монопольно именоваться славянскими именами.

Как всякое имя, композит терял этимологическое (до-антропонимическое) значение, принимая новое, связанное с его носителем. Постепенно композиты распространялись на другие, более широкие слои населения. Этот процесс наиболее далеко зашел у поляков, где уцелело немало составных имен, слабее проявился у южных славян и почти иссяк на востоке славянства. У русских после половодья композитов, начиная со Святослава до XIV в., удержалось единственное составное имя — Владимир. В древности оно было малоупотребительным, но, став именем величайшего человека нашего времени, получило широкое распространение. У белорусов и украинцев, кроме него, приняты под польским влиянием еще четыре композита, которые теперь проникли и к русским, но вместе взятые едва собирают 2—3%.

Распространение композитов было пресечено мощной волной иных имен. С IX в. к славянам хлынуло христианство. Каждая религия стремится сделать личные имена своей собственностью, присвоив себе монопольное право давать их. Христианство ввело свой список, состоящий из имен, упомянутых библией, и имен деятелей христианства, канонизированных церковью, т. е. возведенных в святые. Большинство в этом списке составили имена из языков, звучавших в Римской империи, особенно в ее восточной части, где возникло и разрослось христианство, — греческий и языки Ближнего Востока, конечно, и латынь — язык Рима; позже церковь объявляла святыми оказывавших ей услуги, главным образом правителей. В «святцы» вошли имена германского, скандинавского, балтийского, финно-угорского и иного (даже тюркского) происхождения.

В IX в. христианская церковь распалась — образовались враждующие между собой западная (римско-католическая) и восточная (византийская). Хорваты, словенцы, чехи, поляки, словаки принадлежали к римской, а сербы, македонцы, болгары и восточные славяне — византийской. В XVI в. от католической церкви отделилась протестантская, которая нашла приверженцев в лице лужичан. Каждая из этих церквей имела свои отличия в списке имен, а особенно в их употребительности. Частые у поляков имена — Казимир, Витольд, Збигнев, Бронислава, Ядвига — отсутствуют у южных и восточных славян; распространенные у русских имена — Олег, Сергей, Любовь, Вера, Тамара — не свойственны западным славянам; сербских и болгарских имен — Стоян, Слободан, Лиляна, Радмила — нет ни у западных, ни у восточных славян.

Но особенно много различий собственно языковых. Славянские языки не механически приняли иноязычные церковные имена, а подвергли их переработке, приспособив к своим фонетическим и морфологическим нормам, которые в каждом языке имели характерные особенности, вызванные раздельным существованием славянских языков: Иоанн у русских превратилось в Иван, у большинства славян — в имя Ян. Имя Георгий (греч. *георгиос* — «земледелец») у болгар звучит Георги, у сербов и македонцев — близко к Джорджи (или Чорчи), у чехов — Иржи, у поляков — Ежи, у русских оно образовало три имени — Георгий, Юрий, Егор (есть семьи, где один брат — Георгий, другой — Юрий). Греческие звуки, передаваемые буквами *фи* и *тэта*, которых славянские языки исходно не имели, по-русски передаются как *ф*, по-белорусски и украински — либо *п*, либо *хв*, в других славянских языках — *т*: Феодор — Тодор (белорус. — Хвёдор), Фома — Томас, Томаш, Фаддей — Тадеуш; еще в греческом языке произошел сдвиг *б/в*, славянская передача его различна: Барбара — Варвара, Бартоломей — Варфоломей — Фоломей; Григорий — по-белорусски Рыгор, а Ксенофонт — Шалифон⁸. Приведенные примеры лишь малая часть метаморфоз, сделавших одно и то же имя даже у смежных славянских народов трудноузнаваемым.

На протяжении нескольких столетий церковь всеми средствами боролась против нецерковных имен, за которые упорно держались славянские народы. Чем дальше, тем жестче она, опираясь на государственную власть, запрещала имена, не входящие в «святцы». Особенно сурово истреблял их по решению Тридентского собора (1656 г.) католицизм. У русских церковные и нецерковные имена сосуществовали до конца XVII в.

Но все эти виды официальных имен — и церковных, и нецерковных — только видимая, надводная часть грандиозного антропонимического «айсберга». Они фигурировали лишь в официальных случаях, т. е. очень редких. В повседневной жизни служили преимущественно не эти имена в полной форме, а их заместители, производные от них. Первой производной ступенью служила краткая форма, образуемая какой-либо частью полного имени и флексией грамматического рода (нередко нулевой): Буд — из композитов Будивой, Будимир и др., Катя — из канонического женского имени Екатерина. Краткая форма, обрастая различными суффиксами из богатейшего славянского набора их, образовывала множество производных форм. От всех композитов с компонентом *слав* возможны Славик, Славко, Славка, Славна и т. д. От канонического мужского имени Александр есть краткие формы: у русских — Саша (с производными Сашка, Сашок, Сашенька, Сашуля, Сашуня и пр.), Саня (производные — Санька, Санечка, Санюша и пр.), Шура (Шурка, Шурок, Шурочка), у сербов — Сане, Сале, Санде, Санда, Сандла, Сандул, Сандро, Лесандар, Леса, Леско, Лела, Лейа, Лейко, Лека, Лекан, Лелко, Лечае, Цале, Цане, Цака, Цанда⁹. Русское имя Иван (из канонического Иоанн) развило больше 150 производных форм, и это не удивительно, так как не-

сколько столетий оно было самым частым, охватывая 25% всех мужчин-крестьян, т. е. каждый четвертый был Иваном. По переписям XVII в. нередко семьи, в которых все сыновья носили одно имя — Иван ¹⁰. Аналогично и у чехов, в прошлом самое распространенное имя — Вацлав — дало 143 производных формы ¹¹.

Многие производные настолько изменили облик, что трудно угадать подлинник. Нелегко решить, от какого имени получено имя Алла. Прав Ф. Копечны, утверждая что никакая фантазия не свяжет чешскую производную форму **Неля с полным** женским именем Франтишка ¹². Ничего общего? Но тут же **показывает** путь превращения: Фана — Фанеля. Таким образом, каждая видимая произвольность в действительности обусловлена: множества производных возникли не прямо из полных форм, а через краткую форму с последующей цепочкой. Пример — одна из ветвей русских производных форм от имени Мария: Маруся — Маруська — Марусенька — Марусёнечка; сложность не только в количестве звеньев, а и в составных суффиксах (-еньк, -ечк).

Многие производные формы стали самостоятельными именами, признанными официально: болгар. Цветанка (из Цветана, в основе которого — мужск. Цветан), серб. Бранка (из Бранислава), чешск. и польск. Магда (из Магдалена) и др.

Набор суффиксов, образующих производные формы имен, не мал, но все-таки ограничен: в чешской антропонимии их насчитывается 244 ¹³, в других славянских языках исчерпывающих подсчетов еще пока нет. Их употребление образует почти парадигмы, хотя и менее строгие, чем парадигмы словоизменительные. Возьмем несколько основных компонентов и суффиксов из сербских мужских имен, производных от бывших композитов:

Братоје	Братота	Братош	Братун	Братохна	Братуй
Драгоје	Драгота	Драгош	Драгун	—	Драгуй
Милоје	Милота	Милош	Милунь	Милохна	Милуй
Негоје	Негота	Негош	Негун	—	—
Радоје	Радота	Радош	Радин	Радохна	Радуй

Рассматривая все возможные комбинации основ и формантов, **видим**, что их регулируют некие закономерности, налагая ограничения, к сожалению еще никем не изученные.

Производные формы имен экспрессивней полных. Многие выражают уменьшительность, другие эмоциональны — ласкательны или, напротив, отрицательны (насмешливы или презрительны), со множеством переходов и оттенков (дружески-ироничные). С. Роспонд впервые четко разграничил деминутивы и гипокористики. Но, увы, широко употребительный термин «суффиксы субъективной оценки», мягко говоря, неудачен. У русских самый частый из этих суффиксов — **-ка** — рано приобрел функцию презрительности; при господстве сословного строя он стал обязательной формой именования всей массы непривилегированных вообще и нижестоящего по отношению к вышестоящему в частности (даже крупный феодал, полный властелин тысяч крестьян, перед кото-

рым и бояре дрожали, обращался к царю с челобитной «раб твой Васька»). Эта унижительная для народа и национальных меньшинств норма держалась до второй половины XIX в. В пламенном «Письме к Гоголю» В. Г. Белинский с гневом и болью писал: «Вся Россия представляет собой ужасное зрелище страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Степками, Палашками»¹⁴.

Разве это суффиксы «субъективной» оценки?!

С удивительной точностью выразил социальное противопоставление суффиксов личных имен Л. Н. Толстой, назвав героиню романа «Воскресение» Катюшей: «Так между двух влияний, из девочки, когда она выросла, вышла полугорничная, полувоспитанница. Ее и звали так средним именем — и не Катька и не Катенька, а Катюша»¹⁵.

Комсомольцы первых лет звали друг друга Колька, Танька, подчеркнуто противопоставляя себя этикету сброшенных господ. В социалистическом обществе *-ка* стал только грамматическим показателем имени существительного женского рода (*электричка, пятилетка*). А у болгар и сербов теперь огромны количество и частотность официальных женских имен, образованных этим формантом: Живка, Здравка, Цветанка. Он сегодня охватывает 20% всех женщин, не неся ни малейшей отрицательной окраски, а даже напротив: горды имена Сербанка, Славянка.

Огромную массу неофициальных имен составляют и прозвища (небольшая часть смыкается с производными формами от официальных имен, но в целом они различны). Они труднее для научного анализа, и серьезное изучение их развернуто только в последние годы. Появившиеся работы содержат ценный материал, но методы исследования оставляют желать лучшего. Прав В. Бланар, утверждающий, что сбор идет бессистемно¹⁶. Но это не худшее. Вне внимания социальные различия прозвищ (школьных, сельских семейных и др.), их частотность, функции их (когда, как, для чего их употребляют). Вместо поиска методов анализа быстро создан общий штамп псевдоанализа: за семантику прозвищ выдают лексические значения тех основ, из которых прозвища образованы. В такой сортировке школьное прозвище *баранчик* попадет в группу «по животным», но, конечно, его значение не «животное», а «кудрявый».

Пропасть между официальными и неофициальными системами имен не абсолютна. Они всегда взаимодействуют, но дистанция между ними исторически изменчива. Наше столетие как раз уничтожило замкнутость официальных имен: сначала русские в 1917 г., а затем и все другие славянские народы сбросили обязательность церковного списка имен. В официальные записи хлынул поток новых имен: 1) имена новые для данного народа, но давние у других — у славян появились западноевропейские Альберт, Эдуард, Элеонора, Эльвира, тюркский Тимур и др.; 2) превращение неофициальных в официальные. В списке современных македонских имен отмечены несколько десятков имен, не допускавшихся в официальные до 1943 г., среди них — Ванко, Санде, Сандра, Живка,

Ната; 3) воскрешение доцерковных имен: у русских — имени Руслан, у сербов и македонцев — имен Вукашин, Младен, Вукица; 4) из нарицательных: рус. — Герой, Заря; македон. — Славянка, Златана, Ягодка; 5) новые слова: Светлана, Снежана, Октябрина, Майя, Лилия, аббревиатуры Владлен, Владлена и др.

В этом потоке, который Б. Марков назвал модернизацией и выдвинул как главный процесс современной славянской антропониимии¹⁷, особенно активен межславянский обмен. Русские имена Ивац, Катя, Наташа звучат у многих народов. Ранее освоенные сербами, болгарами и хорватами имена Светлана и Снежана теперь нередки у русских. Женское имя Весна от словенек и хорваток стало частым в Сербии и Македонии, даже образовало ряд производных, но еще не пришло к их соседям-болгарам, не говоря уж о восточных славянах. Интересно, что ставшее теперь привычным у сербов имя Ружица словарь болгарских имен отмечает только регионально на малой территории, далекой от Сербии¹⁸. Среди русских новорожденных в 1979 г. в самых различных областях (Новгородская, Вологодская, Орловская) появились польско-чешские Ян и Янина.

О современном славянском именишке (называя именишкой, конечно, не список имен, а их частотность, т. е. подсчет не имен, а носителей каждого имени) некоторое представление могут дать десять самых распространенных (в порядке убывающей частоты) мужских имен: у русских — Сергей, Александр, Алексей, Андрей, Дмитрий, Михаил, Владимир, Николай, Олег, Юрий; у поляков — Ежи, Станислав, Юзеф, Ян, Казимир, Тадеуш, Збигнев, Мечислав, Анджей, Генрик; у чехов — Петр, Мартин, Томаш, Павел, Иржи, Ян, Михал, Роман, Мирослав, Владимир; у сербов — Драган, Зоран, Милан, Слободан, Мирослав, Младен, Душан, Радомир, Петар, Владимир; у болгар — Георги, Иван, Димитр, Петр, Никола(й), Васил, Стоян, Борис, Христо, на десятое место претендуют Любомир, Михаил, Стефан; у словаков — Йозеф, Ян, Штефан, Франтишек, Павел, Карол, Ладислав, Милан, Антон, Михал. Как видим, количество различий не уступает количеству тождеств. Частотность изменяется: в 1958—1960 гг. наиболее распространенным мужским именем у чехов было Иржи, второе место занимал Петр, с начала 60-х годов — на первом месте Петр, Иржи — на пятом месте; у русских из десятка наиболее популярных имен к концу 70-х годов были вытеснены Олег, Юрий, а вошли из очень редких Евгений, Роман, Денис.

Результат всех противоречивых процессов можно представить по подсчету русских новорожденных Орловской обл. 1979 г.: с именами первичными — пет (попытки возродить их были, особенно в 20-х годах, но не закрепились); со славянскими составными именами (Владимир и немногие другие) — 3%, производных от них нет; с каноническими именами — 84%, с производными от них — 6% (преимущественно девочки — Алена, Арина, Оксана); с новыми именами — 7% (Владлен, Тимур, Руслан, Ян, к новым именам у русских принадлежит и Станислав — его не могли полу-

чать русские до 1917 г.; новые имена гораздо чаще у девочек — Алла, Ася, Виолетта, Лилия, Майя, Октябрина, Снежана, Элеонора, Эльвира, Янина и др., из них Светлана входит в десятку самых частых). Жаль, что нет подсчетов по другим славянским народам. Очевидно, у южных славян значительно больше составных славянских имен и производных как от них, так и от имен канонических.

Итак, славянское единство имен или их пестрота? В массовом материале всегда можно найти примеры «за» и «против», решает только анализ явления в целом, для этого лучшее средство — статистика. Ограничусь двумя примерами: окончание имени и количество слогов. Во всей звуковой массе славянской речи абсолютно преобладают согласные, как и во всех индоевропейских языках, но не в финале слова! Конец слова во всех славянских языках в противоположность, например, немецкому вокален (может быть, дальнее эхо былого закона открытого слога?). А в финале личных мужских имен картина противоположна (напоминаю, что цифра указывает количество не имен, а их носителей). Вот процент гласных (величины округлены до 1 %):

	Рус.	Польск.	Чеш.	Серб.	Болг.
В речи (тексты пьес)	43	40	41	46	43
В финальной позиции	64	67	79	78	74
Финалы муж. личн. имен	—	9	25	24	24
» жен. »	99*	100	100	100	100

* Исключение составляют имена Любовь, Нинель.

Форма личных имен у славян отчетливо поляризована по полу. Чтобы понять эти данные исторически, полезно показать, как они сложились у русских: в конце XVIII в. гласные еще удерживали 14% всех финалей мужских имен (Илья, Лука, Никита, Фома и др.), в конце XIX в. — 4%, а в 1961 г. — лишь 0,1%; среди согласных половина финалей принадлежит йоту. Внимательный читатель может заметить, что из десяти самых частых имен шесть оканчиваются на -й. Несколько столетий за именем Иван по частоте шло имя Василий, в XIX в. стало преобладать имя Николай, в XX в. опередило имя Сергей, позже лидерство оспаривают Андрей, Александр. Выбирающий имя ребенку, конечно, не только не знает этого, а и вовсе не замечает фонетического окончания имени. Подсказывает грамматическое подсознание, не позволявшее неграмотной крестьянке, никогда не слышавшей о существовании грамматики, сказать «белый стена».

Не меняя ярко распределение частотности имен по количеству слогов (в подсчете — % носительниц имен):

	2 слога	3 слога	4 слога	5 слогов
Русские	19	65	15	5
Польки	21	62	17	1
Сербки	24	67	9	—

(имена мужчин в большинстве на один слог короче).

Кто хотя бы раз имел дело со статистикой, понимает, насколько показательна такая высокая степень корреляции, исключая всякую случайность.

Но в обоих примерах действуют только официальные имена, а при межславянских сопоставлениях сербским официальным антропонимам гораздо ближе русские неофициальные. Возможности же интеркатегориальных сопоставлений совершенно не изучены.

С XV в. к славянам от западных соседей проникла новая антропонимическая категория — фамилия (наследственное имя семьи). Она в дальнейшем стала юридически главной в антропонимической системе славянских народов. Конечно, при ее возникновении никто об этом не думал и самого появления ее никто не заметил: ею становились отчества, прозвища, именованья по занятию, этнической принадлежности или месту происхождения, постепенно закрепляясь и переходя по наследству дальше третьего поколения (для которого достаточны скользкие дедичества). Становление фамилии у славян заняло 6 столетий; начиная с чехов (ближайших к очагам ее распространения) до македонцев, у которых «процесс формирования фамилий продолжался и в 1-й половине XX в., полностью он закончен лишь после второй мировой войны»¹⁹. У каждого народа фамилию сначала присваивали феодалы (наследственность землевладения), затем буржуазия и только позже она распространялась на остальные слои населения; русское дворянство получило фамилии в XVII в., а большинство крестьян — только в XIX в. Немало времени проходило от появления фамилии до ее широкого распространения, затем — официального признания и, наконец, до обязательности²⁰. Впервые обязательность фамилии введена во Франции (кодекс Наполеона — 1807 г.). В России закона, устанавливающего обязательность фамилии, не существовало до 1967 г. (действовали административные распоряжения).

У русских абсолютно преобладают фамилии, образованные суффиксами *-ов (-ев)* (2/3 всего населения) и *-ин* (с тем же патронимическим значением, но при основах на *-а*). Больше 90% всех сербов носят фамилии, оканчивающиеся на *-ич* (без Воеводины и Косово-Метохии, где доля *-ич* ниже). У поляков преобладает формант *-ски*, хотя и не столь монопольно. На первый взгляд — ничего общего, но анализ показывает, что различия менее значительны, а общности несравнимо сильнее, чем кажется. Сами приведенные цифры как раз показывают основную общность — господство суффиксации (как и в индивидуальных именах). Суффиксальность грамматической категории имен (в противоположность префиксальности глаголов) присуща всем славянским языкам²¹. Закрепясь и став нормой фамилий, суффикс теряет свое прежнее значение, как и основа, — чех Коварж, поляк Коваль, хорват Ковач — не кузнецы. При частом употреблении он перестает ощущаться как суффикс, на него может наслоиться другой — так возникло множество славянских фамилий: польские, хорватские, сербские

-ович(-евич), русские и болгарские -ичев, чешские, хорватские, словинские -очек (-ечек), не единичны и тройные (хорватск. *Баричевич*, рус. *Петровичев*).

Преобладание -ов (-ев) в русских фамилиях не изолирует их от остальных славян, а, напротив, связывает с ними. У болгар фамилии с тем же суффиксом еще многочисленнее ²², у македонцев охватывают половину населения, часты (с фонетическими вариантами) у белорусов и украинцев. У поляков и чехов такие фамилии официальные у многих замужних женщин при консонантном исходе фамилии мужа (Новак — Новакова, встретилось даже Панова, но это исключение), у словаков с учетом этого носителя фамилий с -ов (-ев) превышают 1/4 населения. Этот формант редок в официальных фамилиях хорватов и сербов, но в низовьях Дравы (старая территория Срема и смежная часть Воеводины), где «почти каждая семья имеет, кроме официальной фамилии, свою родовую — семейное прозвище» ²³, преобладает суффикс -ов. То же явление наблюдается и в Воеводине, и на островах Далмации ²⁴. По мнению О. Н. Трубачева, -ов славянских антропонимов на Балканах первично, как и у остальных славян, но позже победившая там форма -ич оттеснила -ов, -ев на периферию — в Воеводину, Черногорию ²⁵. Однако распространенное представление, что периферия сохраняет архаизмы, а центр рождает новации, нельзя признать всеобщим. Да и трудно отнести к периферии Придунавье у порога Белграда, экономически и культурно не были периферийны и острова Адриатики. Лучше истолковать явление иначе: оттеснение на «периферию» не географическую, а в неофициальных системах.

Так, и абсолютное господство -ич в фамилиях сербов, черногорцев и (с меньшим процентом) хорватов не отрывает их от других славянских народов. У их соседей словенцев -ич охватывает 15% населения. У болгар фамилии на -ич были нередки, но пореди до 1% (обратный процесс замены -ов на -ич приходил у сербов Ниша и смежных территорий — правившие династии обоих королевств, включась во враждующие империалистические блоки, разжигали вражду между близкородственными народами). В развращенной форме -ович (-евич) формант част в фамилиях городского населения Польши, в Лодзи достигает даже 20% ²⁶, но в Силезии — лишь 5%. В фамилиях украинцев Закарпатья -ич занимает второе место по частоте, — возможно, не польское, а южнославянское влияние? ²⁷ Число всех носителей фамилий на -ич, по-видимому, близко к 20 млн. чел., у русских -ич «скрыто» в фамилиях -ичев (Ларичевы, Фомичовы и др.), но тысячу лет служит формантом отчеств, сначала княжеским, а ныне — обязательным для всех миллионов русских мужчин. Древнейшие из дошедших до нас документальных свидетельств славянской антропоники также показывают, что -ич соединяло славянские народы: в X в. глава Захумного сербского княжества (близ Дубровника) князь Выпшатиц принес свой патроним с верховий Вислы, из дальней Моравии.

Всем славянским языкам знаком суффикс фамилий -ск-. Наиболее част он у поляков. Первоначально встречался в фамилиях

польской шляхты, которая преследовала посмеших самовольно присвоить его. Но модель неудержимо распространялась и теперь охватывает половину поляков. Частотность *-ск-* в фамилиях русских Н. В. Бирилло предположил 10% ²⁸, преувеличив в несколько раз, — в действительности меньше 4%, но и это превышает 5 млн. чел. у белорусов количество фамилий *-ск-* колеблется территориально от менее 10 до более 50% ²⁹, у восточных украинцев — 4—6%, у западных — 12—16% ³⁰, но в этих подсчетах — фамилии, а не носители их. У словаков фамилии на *-ск-* составляют приблизительно 10%, у чехов — 3%. Незначительна доля этих фамилий у словенцев, хорватов, сербов, но весома у болгар — около 18%, а у македонцев даже охватывает половину населения. Граница зон преобладания *-ов* и *-ски* проходит с севера Македонии на юг, оставляя к западу *-ски* (Тетово, Гостивар, Охрид, Стругу), к востоку — *-ов* (Титов Велес, Штип, Струмица, Битола). Держалось мнение, что *-ск-* в фамилиях македонцев и болгар принесено из Польши. Против этого был выдвинут фонетический аргумент, однако никем не замечена параллель: распространение формы с эпентетичным губным *-еск-*, максимально частой на юго-западе Македонии (Охрид) и убывающей по мере удаления оттуда; то же *-еск-* хорошо знакомо в польских фамилиях, о чем писал акад. К. Ничш ³¹. Всех носителей фамилий с суффиксом *-ск* (*-цк-*) значительно больше 30 млн.

Огромна группа фамилий с формантом *-к-* (*-ак*, *-ек*, *-ук*, *-ик*), *-к* — (*-ка*, *-ко*, *-енко*). Ее рассматривали только раздробленно, а она образует сплошной массив, изогнутый грандиозной дугой от Адриатики до Азовского моря. Хотя суффиксы, образующие массив, действительно разнообразны, их единство исторически бесспорно. На западном фланге массива 17% словенцев носят фамилии с финальным *-к* (больше, чем «южнославянские» *-ич!*), у чехов — 22%, плюс 6% *-ка*; еще сильнее на юге Польши (*-ак*, как и у закарпатских украинцев, северо-восточней — *-ук*, *-чук*, общие с украинцами Волини и Подолья, а также с белорусами Полесья); в Поднепровье и восточной Украине — *-енко*, местами охватывающее больше 60% украинского населения.

Официальные фамилии 5 основных групп (*-ов*, *-ин*, *-ич*, *-ск-*, *-к-*) охватывают больше 4/5 всех славян.

Из менее частых по употреблению форм нужно упомянуть форму на *-ец*, *-ац*, которую можно назвать «паннонской»: фамилии на *-ец* часты у словенцев, хорватско-кайкакцев, чехов; на *-ац* — у штокавских хорватов, у сербов, словаков, закарпатских украинцев. Даже формы, казалось бы, региональные перешагивают границы языков: русские на *-их* (*-ых*), встречаемые не только у словаков и поляков, а и у македонцев; чешско-польско-украинские фамилии на *-хно*. Есть и формы эндемичные, как никем не затронутый ареал хорватских фамилий с суффиксом *-ица* на севере Далмации, но и им есть параллели у славянских народов — неофициальные именованья жен по именам мужей (Иваница — жена Ивана).

Иной тип фамилий — нарицательное, ставшее фамилией без каких-либо изменений (Сметана), хотя бы и с суффиксами, но принадлежавшими слову до превращения в фамилию (Мельник). Фамилии этого типа, господствующие в языках Западной Европы, наиболее распространены у чехов и словенцев, меньше — у словаков, поляков, белорусов украинцев (особенно в Закарпатье).

Невозможно обойти фамилии, перекликающиеся через языковые границы. Самая частая фамилия хорватов — Хорват. Она как будто опровергает сформулированный мной «закон относительной негативности» собственных имен? Напротив! Замечательный словарь фамилий Хорватии под редакцией В. Путанца и П. Шимуновича ³² включил все фамилии, указав количество носителей каждой и место жительства. Из 20 417 человек, носящих фамилию Хорват, больше 16 тыс. человек сосредоточены на небольшой территории — северней Карловца и Загреба (Чаковец, Прелог, Вараждин и другие районы), еще 4 тыс. — в Славонии, а в средней Хорватии и на всех остальных территориях (Истрия, Лика, Далмация) — 149 человек, Хорватия . . . без Хорватов! Парадоксальное размещение закономерно: фамилия Хорват имела смысл там, где при немецком и венгерском господстве хорваты составляли обособленный слой. А за Венгрией, в далекой Словакии, фамилия Хорват по распространенности занимает второе место в (противоположность большинству территорий Хорватии, где этой фамилии нет вообще). Архивные документы 1569 г. приводят на юго-западе Словакии много хорватских антропонимов, служащих ценным историческим свидетельством ³³.

Фамилия Попов наиболее часто встречается на двух полюсах славянского мира: на крайнем севере — у русских Архангельской обл. и крайнем юге — у македонцев в районе Гевеглия.

Даже такие своеобразные фамилии, как составные, имеют двойников в нескольких славянских языках: болг. Кривошиев — рус. Кривошеев — хорв. Кривошия; чеш. и украин. Капинос; украин. Отченаш — чеш. Отченашек; чеш. и хорв. Златоглавок; бол. Въртигоров и украин. Вернигора; польск. Вырвидамб («вырви дуб») и украин. Вернидуб; словен. Водопивец — хорв. Водопия — украин. Водопьян — рус. Водопьянов (1595 г. — Водопьяный в Бежецкой пятине) и др.

Итак, фамилии славян, как и индивидуальные имена, при всем разнообразии во многом общи.

Нередко даже серьезные ученые, классифицируя антропонимические системы, объединяют в «трехчленную» современную русскую с древнеримской. Трехчленность восточнославянской официальной системы именований кажется доказательством, что славянская антропонимика не едина. Горькое заблуждение тем досадней и опасней, чем крупней авторитет распространяющего ошибку. Именованье Александр Сергеевич Пушкин сходно не с Публий Овидий Назон, а с Адам Мицкевич: в древнеримской антропонимической формуле нет ни отчества, ни фамилии, да и индивидуальное имя не вполне соответствует нашему, а в русской — два ком-

понента полностью тождественны польским, отчество же дополнительно развивает первый компонент, ничего не меняя в системе. Нельзя считать трехчленными китайские или вьетнамские именованья, в которых один элемент двойной. Видимое количество компонентов мнимо. Они качественно не слагаемы, и отношения между ними различны. Наивно-арифметическая сортировка систем игнорирует главное, зачисляя в двуногие журавля, человека и циркуль, в четвероногие — лошадь и стол.

Наряду с официальной антропонимической системой у всех славянских народов функционируют взаимодействующие с ней многообразные виды именований неофициальных, в которых общеславянского еще больше (например, господство суффиксации).

Приведенный материал нарочито пестр, чтобы представить самые различные черты славянской антропонимии и дать материал для раздумий над ее типологией, сопоставительный анализ которой в целом только начали В. Ташицкий, Т. Милевский, О. Н. Трубачев, В. Бланар, С. Роспонд, Я. Свобода, В. Шмилауэр, П. Зволинский, А. Заремба, П. Смочинский и др. В свете сделанного ими еще видней, насколько необъятно пока ожидающее исследование.

¹ Нелегко решить, как передавать примеры. В написании подлинника? Но главная задача — сопоставительная, да и нельзя требовать, чтобы читатель знал средневековое написание на десятке языков. Единая фонетическая транскрипция настолько затрудняет чтение, что приемлема лишь для очень узких специалистов. Поэтому мы решили воспользоваться русской передачей (кроме случаев, когда она не сохраняет ту особенность, ради которой пример приведен).

² Najdawniejsze zabytki języka polskiego, wyd. 3. Wrocław, 1951, s. 70.

³ *Михајловић В.* Несколькo јужнословенско-новгородских антропонимических паралела. — В кн.: Сборник за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1968, кн. XI, с. 171, 174.

⁴ *Taszycki W.* Rozprawy i studia polonistyczne. I. — Onomastyka. Wrocław — Kraków, 1958.

⁵ *Milewski T.* Indoeuropejskie imiona osobowe. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969.

⁶ *Роспонд С.* Структура и классификация древних восточнославянских антропонимов. — ВЯ, 1965, № 3.

⁷ *Никонов В. А.* Русское словообразование. — В кн.: Этимология — 1967. М., 1969, с. 99—100.

⁸ *Судник М. Р.* Слоўнік асабовых уласных імён. Мінск, 1965.

⁹ *Грковић М.* Речник личних именовањих ка срба. Београд, 1977, с. 28, 118—119, 176, 206.

¹⁰ *Никонов В. А.* Имя и общество. М., 1974, с. 12.

¹¹ *Korešny Fr.* Pruvodcu nasini jmény. Praha, 1974, s. 129.

¹² *Korešny Fr.* Pruvodcu. . . , s. 6.

¹³ *Svoboda J.* Staročeska osobní jména a naše příjmení. Praha, 1964, с. 255—256.

¹⁴ *Белинский В. Г.* Письмо к Гоголю. М., 1956.

¹⁵ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М., 1936, т. 32, с. 7.

¹⁶ *Blanar V.* Porovnavacica slovanska antroponomastika. — Onomastické prase, 1970, 3, с. 33.

¹⁷ *Марков Б.* Некои особености и тенденции кајнашите лични имиња. — Литературен збор, 1966, XIII, с. 11; *Он же.* Образовање на македонските галовни имиња. — Годишен зборник (Филозофски факултет на Университат), 1968, т. 20.

- ¹⁸ *Илчев С.* Речник на личните и фамилиите имена у болгарите. София, 1969, с. 431.
- ¹⁹ *Марков Б.* Типы македонских фамилий. — *Онома*, 1978, XXII.
- ²⁰ *Никонов В. А.* Триумфальное шествие фамилий. — *Onomastica slavogermanica*, 1970, V, s. 91.
- ²¹ *Sprawodaj Mistopisné komise*, 1980, XXI, s. 499—511.
- ²² *Илчев С.* Българските фамилии имена. — Изв. на Института за български език, 1968, 16, с. 533. По его подсчету — 78%, но он считал по телефонному справочнику столицы, в котором фамилии очень смешаны. Собранные мной за недолгое пребывание в Болгарии фамилии 3 тыс. болгар и в таком же количестве подсчитанные по печатным источникам дали больше — 80%.
- ²³ *Sekereš S.* Slavonski porodični nadimci. — *Onomastica Jugoslavica*, 1974, 3/ 4.
- ²⁴ *Михајловић В.* Војвођанска «поруганија». — Прилози проучвањ у езика, 1966, II, с. 149—159; *Rogić P.* Lična i porodična imena i jeziku. — *Rad Jugoslovenska Akademija*, 1955, књ. 303, s. 216.
- ²⁵ *Трубачев О. П.* Из материалов для этимологического словаря фамилий России. — В кн.: *Этимология* — 1966. М., 1968, с. 24—26.
- ²⁶ *Maczyński J.* Nazwiska łodzian, Łódź, 1970.
- ²⁷ *Чучко П. П.* К вопросу о славянизмах в антропонимии Закарпатья. — В кн.: *Симпозиум по проблемам Карпатского языкознания*. М., 1973, с. 62.
- ²⁸ *Бирилло Н. В.* Белорусская антропонимия. Минск, 1969, с. 49.
- ²⁹ *Бирилло Н. В.* Белорусская антропонимия, с. 34—36.
- ³⁰ *Редько Ю. К.* Сучасні українські прізвища. Київ, 1966, с. 198.
- ³¹ *Nitsch K.* O obcoznościach-ovskí, -ovskí w nazwiskach. — *Wybór pism polonistycznych*, 1955, II, p. 318—321.
- ³² *Leksik prezimena Socialističke Republike Hrvatske*. Zagreb, 1976.
- ³³ *Habovstiaikova K.* Medzijazykové Kontakty pri rodných menách v staroj slovenčine. — In: *Slavica Slovaca*. Bratislava, 1975, s. 42.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВЯ — Вопросы языкознания

Л. П. Жуковская, Н. Б. Шеламанова, С. О. Шмидт

О СОСТАВЛЕНИИ «СВОДНОГО КАТАЛОГА СЛАВЯНО-РУССКИХ РУКОПИСНЫХ КНИГ, ХРАНЯЩИХСЯ В СССР»

В настоящее время в Советском Союзе завершено составление первого выпуска «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР», посвященного описанию книг XI—XIII вв. (включая книги конца XIII—начала XIV в.). Это одна из крупных научных программ, осуществляемых под общим научным руководством Археографической комиссии Академии наук СССР как научно-проблемного совета, координирующей деятельность научных учреждений, высших учебных заведений, хранилищ рукописей в области археографии (т. е. выявления,

собираания, описания и издания памятников письменности) и смежных с ней историко-филологических научных дисциплин¹.

Необходимость подготовки сводных каталогов древних славянских рукописей отмечалась специалистами уже давно. В частности, идея создания Сводного *мирового* каталога древнейших славянских рукописей была выдвинута советскими учеными на IV Международном съезде славистов в 1958 г.² Мысль о создании Сводного каталога древнейших рукописей *Советского Союза* принадлежала акад. Михаилу Николаевичу Тихомирову (1893—1965 гг.), тогда председателю Археографической комиссии. М. Н. Тихомиров был инициатором, организатором и руководителем начального этапа работы над Сводным каталогом, определившим, однако, все ее дальнейшее осуществление. Он разработал общие принципы Каталога, его цели и задачи, предложил методику и последовательность стадий работы, сплотил вокруг Каталога специалистов — знатоков рукописей в пределах всей страны.

Сводный каталог рукописей, хранящихся в СССР, рассматривался как дело большого научного значения и большой государственной важности. Его создание преследовало две задачи: 1) научную — учет, выявление, изучение и введение в научный оборот (путем описания) громадного письменного наследия нашей страны; 2) охранную — обеспечение сохранности этого культурного достояния как путем создания необходимых условий хранения, так и путем устранения необходимости исследователю обращаться к рукописям при наличии качественных печатных описаний. Выдвинутые более 20 лет назад, эти задачи Сводного каталога актуальны и сейчас в свете принятого в 1976 г. «Закона СССР об охране и использовании памятников истории и культуры».

Основные принципы Сводного каталога таковы. Каталог охватывает все памятники книжной (нарративной) письменности, находящиеся во всех хранилищах СССР. Это памятники на языках народов нашей страны и на языках зарубежных народов, на языках живых и мертвых. Первоначально предполагалось учесть самые древние рукописи по XIV в. включительно, как книги уникальные и сравнительно немногочисленные. В ходе работы было решено раздвинуть хронологические рамки Каталога, включив в него рукописи XV в. Имелись в виду как целые рукописные книги, так и их отрывки (вплоть до отдельных листов или их частей). Каталог мыслился как описание краткое (он не должен подменять подробных описаний фондов), но должен дать необходимые сведения о рукописях специалистам разных наук: историкам, лингвистам, историкам языка, литературы, книги, искусствоведам и всем тем, кто интересуется историей и культурой славянских народов. Описание рукописей предполагалось вести по языковому принципу, соответственно готовя серии выпусков, посвященных славяно-русским, греческим, латинским и восточноязычным рукописям. Непосредственная работа по описанию рукописей возлагалась на хранилища. Общее научное руководство, выработку методических и инструктивных материалов, а также редакцион-

ную подготовку взяла на себя Археографическая комиссия АН СССР.

С обоснованием идеи Сводного Каталога М. Н. Тихомиров выступал в 1960 и 1961 гг. на заседаниях Археографической комиссии и в печати³. М. Н. Тихомиров сумел показать, каким поистине огромным культурным письменным богатством обладает Советский Союз — наследием культуры народов нашей страны, а также зарубежных народов, и каково вследствие этого должно быть культурное и общественное значение Сводного каталога. М. Н. Тихомиров считал, что работа по составлению Сводного каталога, в свою очередь, должна явиться стимулом дальнейшего развития всего дела изучения и сохранения рукописного наследия. Для полного осуществления этого замысла потребуется труд многих научных коллективов на протяжении многих лет.

Данный доклад посвящен подготовке славяно-русской части каталога. Первоначальную краткую форму (карточку) для описания рукописей предложил М. Н. Тихомиров. По его инициативе был проведен первоначальный учет славяно-русских рукописей XI—XIV вв. в хранилищах нашей страны, результатом которого явился изданный в 1966 г. «Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР»⁴, включивший 1494 рукописи, находящиеся в 38 хранилищах. Учет этот проводился путем составления в Археографической комиссии картотеки рукописей по печатным описаниям и другой литературе с последующими запросами в хранилища для дополнений и исправлений сведений. Эта работа в Археографической комиссии была проведена Н. Б. Шеламановой.

Выход в свет Предварительного списка имел большое научное значение. Впервые были суммированы сведения о древнейших памятниках древнерусской и южнославянской книжности, сохранившихся в нашей стране, что позволило учесть древнейшие памятники славянской письменности⁵, количество их сохранившихся списков, изводы, даты; уточнено было современное местонахождение рукописей, сообщены их современные шифры; указаны основные описания. До сих пор Предварительный список служит единственной сводкой древнейших славяно-русских рукописей в нашей стране.

Затем последовал период изучения и описания рукописей в хранилищах и организационно-методической работы Археографической комиссии. Опыт составления Предварительного списка XI—XIV вв. показал необходимость провести учет рукописей XV в. Это предложение М. Н. Тихомирова было принято решением Бюро Археографической комиссии в 1966 г., уже после его смерти. Работу по подготовке первых славяно-русских выпусков (по XIV в. включительно) с 1970 г. возглавила Л. П. Жуковская. Составление предварительного списка славяно-русских рукописей XV в. в настоящее время закончено; он учитывает более 3500 рукописей в более чем 60 хранилищах⁶.

Необходимо было выработать нормативы единого описания рукописей. Археографической комиссией была проведена большая консультационная работа со специалистами по изучению рукописей, в первую очередь с палеографами — сотрудниками ведущих хранилищ — БАН, ГБЛ, ГИМ, ГПБ, ЦГАДА, а также со специалистами смежных наук — историками, лингвистами, литературоведами, искусствоведами (среди них — академик Д. С. Лихачев, специалист по древней русской музыке М. В. Бражников, специалисты по украшению рукописных книг Ю. А. Неволин, О. И. Подобедова, историк древнерусского права Я. Н. Шапов и др.). Изучение систем описаний рукописей в стране показало, что в ведущих хранилищах сложились разные традиции описаний. Потребовалось изучить опыт научных описаний и извлечь из него лучшее. (Укажем сразу, что результаты работы предшествующих поколений исследователей были использованы в работе современных описателей для Сводного каталога: это неопубликованные описания, картотеки фондов и собраний, описания отдельных рукописей, записи на листах использования и проч.).

С целью выработки единых принципов описания рукописей для Сводного каталога Археографической комиссией были проведены совместно с БАН СССР два совещания в Ленинграде в 1971 и 1973 гг.⁷ В работе совещаний также приняли участие специалисты разных знаний о рукописях — сотрудники хранилищ и научных учреждений, при этом не только специалисты по славянской культуре, но и специалисты в области описания и изучения греческих, латинских, восточноязычных рукописей (Е. Э. Гранстрем, А. Д. Люблинская и др.). Вопросам описания и публикации рукописей были посвящены также проведенные Археографической комиссией две конференции: «Тихомировские чтения» 1972 г. в Москве и совместно с БАН СССР в Ленинграде в 1979 г. — Всесоюзная конференция по вопросам научного описания и факсимильного издания рукописей⁸.

Материалы этих совещаний, консультации с ведущими специалистами, изучение отечественных традиций описания рукописей были использованы Археографической комиссией для выработки «Инструкции по описанию славяно-русских рукописей XI—XIV вв.» для Сводного каталога. Инструкция была утверждена в 1974 г. (составители Л. П. Жуковская, Н. Б. Шеламанова), тогда же она была издана с приложениями в виде отдельного методического пособия ротاپринтным способом; без приложений напечатана в «Археографическом ежегоднике за 1975 г.»⁹. При выработке этой Инструкции был учтен также международный опыт описания славянских рукописей: были использованы положения «Инструкции для составления каталога древних славянских рукописей», принятой Эдиционно-текстологической комиссией Международного комитета славистов в 1963 г., и «Инструкции по составлению описей фондов древнеславянских рукописей», предложенной Текстологической комиссией в 1965 г. В ходе работы над Каталогом были использованы рекомендации «Инструкции

по описанию рукописей со специальными сведениями, пригодными для обработки на ЭВМ», изданной Институтом исследования и истории текстов в Париже в 1977 г.¹⁰

Инструкция по описанию славяно-русских рукописей XI—XIV вв. для Сводного каталога предусматривает основные, принятые современной наукой требования к описанию рукописей. Положения Инструкции учтены при выработке нормативов описания нарративных памятников (по XV в. включительно), созданных на Балканском полуострове, предпринимаемого комиссией по рукописям Международного центра информации об источниках по балканской истории (CIBAL) при ЮНЕСКО¹¹.

По рекомендации первого совещания 1971 г. Археографической комиссией в помощь описателям рукописей были подготовлены два выпуска Методических рекомендаций по описанию славяно-русских рукописей XI—XIV вв. (1973—1976 гг.)¹². В материалах этих методических пособий охарактеризованы общие вопросы описания рукописных книг (определения языка (извода), палеографических и орфографических норм, надстрочных знаков и знаков ударения; определения филиграней и датировки по ним рукописей, описания украшений и переплетов; схемы по описанию певческих рукописей; особенности цифровой системы, употреблявшейся в кириллических рукописях и др.). Характеризуются также отдельные виды памятников письменности и даются рекомендации к их описанию. Методические рекомендации могут быть использованы и для описания рукописей более позднего времени. К подготовке статей для этих изданий были привлечены виднейшие специалисты (в том числе и зарубежные). Статьи их являются серьезным вкладом в развитие и археографии и источниковедения.

*

За единицу описания в Сводном каталоге принята «исторически сложившаяся единица хранения». Выбор единицей описания единицы хранения, а не книги определился тем обстоятельством, что разрозненные части одной книги, находящейся сейчас в разных хранилищах и фондах, не всегда определены; исследования в будущем могут дать многие такие отождествления, причем не только в нашей стране, но и в зарубежных хранилищах. Единицей описания, таким образом, является: книга, состоящая из одного произведения (или с небольшими добавлениями), сборник, сборник-конволют, отрывок. Разрозненные части одной книги, находящиеся в разных фондах, описываются как самостоятельные единицы описания (со взаимными ссылками). Палимпсесты как самостоятельные единицы описания не описываются. Каталог строится по хронологическо-алфавитному принципу названий памятников и хранилищ. Разделение рукописей по изводам не проводится.

По характеру описания Сводный каталог является кратким, но емким, он учитывает все основные элементы описания, признанные необходимыми в мировой археографической практике.

Он содержит следующие элементы описания: 1) название; 2) дату; 3) место хранения и шифр; 4) извод; 5) формат (в долях листа) и размер листов (в см); 6) количество листов и сохранность текста; 7) материал письма (пергамен, иногда с поздними бумажными восполнениями книги, или бумага); 8) тип письма (устав, полуустав, скоропись — для записей) и особенности почерка (алфавит указывается только для рукописей, написанных глаголицей); 9) палимпсесты; 10) нотация, 11) математические тексты; 12) переплет; 13) украшения; 14) записи; 15) содержание (подробнее, чем об этом можно судить по заголовку); 16) дополнительные сведения; 17) библиографию.

Остановимся на основных элементах описания. Название рукописи характеризует в общей форме содержание основного произведения или сборника. В Инструкции разносторонне предусмотрены правила характеристики содержания рукописи по ее названию (подробно содержание рукописи раскрывается в специальном пункте описания). Принципом характеристики содержания в названии принято определение типа памятника письменности (произведения). Оно приводится первым, даже если известен действительный или гипотетический автор (например, Евангелие апракос краткий, Евангелие апракос полный, Псалтырь, Псалтырь толковая с толкованиями Афанасия Александрийского или Феодорита Кирского, Апокалипсис с толкованиями Андрея Кессарийского и т. д.). При этом сохраняются традиционные названия авторских произведений (Паренесис Ефрема Сирина, Главы Максима Исповедника и т. д.) и сборников устойчивого состава (минеи, пролог, златоструй, триодь и др.). Сборники неустойчивого состава характеризуются по их содержанию: сборник слов и поучений, юридический, богослужебный, смешанного состава и пр. В заголовок сборников иногда выносятся названия наиболее ценных или известных в литературе произведений.

В заголовке отражено также наличие музыкальной нотации в рукописи, если рукопись нотирована целиком или в значительной части, указанием после названия: «нотированная». Характеристика нотации дается в специальном пункте (знаменная или кондакарная), там же оговариваются частичная нотация и наличие экфонетических знаков.

Специальные (или индивидуальные) названия рукописей приведены после типового названия в скобках в кавычках; сведения о специальных названиях рукописей (по именам писцов, заказчиков, исследователей, владельцев, по месту происхождения или местонахождения и пр.) приведены в особом указателе.

Подробное раскрытие содержания дано в отдельном пункте, где приведены, с указанием листов и дат (если они различны), все составные части книги: основное произведение, добавления, в сборниках — статьи. У книг, состоящих из одного произведения или представляющих собой памятники постоянного состава, содержание подробно не раскрывается, отмечаются особенности текста, а также его утраты (последние даются традиционно с ука-

занием глав, песен, псалмов, стихов и прочих подразделений сохранившегося текста). При пропусках в памятниках, не имеющих общепринятого деления текста или распадающихся на очень крупные части (например, Шестоднев Иоанна Экзарха), приводятся начальные и конечные фразы сохранившегося текста. Для возможного отождествления разрозненных частей рукописей у отрывков приводятся начальные и конечные слова в местах разрывов текста (начальные и конечные слова приводятся, если это не сделано в печатной литературе).

В сборниках постоянного состава и в книгах, имеющих месяцесловные части (апостолы, евангелия, уставы и др.), отмечается наличие русско-славянских «памятей».

Содержание сборников неустойчивого состава раскрывается перечислением статей (произведений) в порядке следования их в книге с указанием листов. При этом самопознания статей приводятся, если они расходятся с определением содержания произведения, сделанным описателем. Начала и концовки статей не приводятся, за исключением случаев, когда их содержание не поддается определению.

В библиографии обязательно отмечаются описания или исследования, в которых дано постатейное или полистное описание рукописей. Текстологическое исследование списков памятников в Сводном каталоге не проводится. Сведения о всех произведениях, находящихся в составе книг, состоящих из одного произведения, сборников, отрывков, а также о добавлениях к ним, приведены в Указателе распределения рукописей по содержанию, что позволило полнее отразить в Сводном каталоге сохранившееся в хранилищах нашей страны древнее славяно-русское письменное наследие.

Местонахождение и шифр даются в сокращенной форме. В списках хранилищ и фондов в сокращениях, предворяющих описания Каталога, приведены полные названия и адреса хранилищ, полные названия и номера фондов (собраний, коллекций), пояснения о действующих системах шифров в хранилищах и краткие сведения об истории фондов.

Если части книги оказались в разных хранилищах или фондах, сведения о местонахождении других частей этой же книги приводятся сразу же после шифра каждой части.

Извод как совокупность определенных языковых и орфографических особенностей определен для всех рукописей XI—XIII вв. (кроме одного палимпсеста). Сербские рукописи XIII в., происходящие с территории Боснии, отличающиеся языковыми и орфографическими особенностями, отмечены как рукописи «боснийской школы»; выделены также рукописи, написанные хорватской глаголицей.

Поскольку подавляющее большинство славяно-русских рукописей XI—XIII вв. пергаменные (бумажных оказалось только две), вопрос о бумаге как писчем материале и связанные с ней проблемы филигранологии в первом выпуске Сводного каталога

остро не стояли. Однако и для восполнений на бумаге в древнейших рукописях предъявляются все необходимые требования: определение вида (названия) водяного знака, его даты и номера по пособиям (в случае ненахождения знака по пособиям — его словесное описание).

Для обеспечения охранных целей Каталога подробно фиксируются дефекты книги и текста (утраты тетрадей и листов, порча текста от механических, химических и природных воздействий, от вредителей). Обязательно отмечаются случаи реставрации рукописей с их положительными и отрицательными (в прошлом) последствиями.

В Сводном каталоге обращено внимание на украшения рукописных книг. Украшения характеризуются по видам (миниатюры, заставки, инициалы, рисунки); в заставках и инициалах при возможности определяется тип орнаментики. Как показала работа над Сводным каталогом, в изучении украшений древнейших славяно-русских книг есть еще много нерешенных и спорных вопросов (в терминологии, в определении видов украшений, в характеристике типа орнамента).

Большое значение для истории не только конкретных книг, но и для изучения культурных традиций, исторических событий и культурных связей славянских народов имеют записи на книгах. Их описанию в Сводном каталоге уделено большое внимание, особенно записям писцов, а также владельцев, читателей, исследователей. Хотя текст записей, как правило, не воспроизводится (за исключением спорных или неясных чтений), подробно пересказывается их содержание, с обязательным указанием всех лиц, названных в записях, географических объектов, дат и событий, с которыми связаны книга или запись. Имена писцов и других лиц, названных в записях писцов, выделены в особый раздел в Именном указателе. Географические объекты из записей внесены в географический указатель.

Для истории рукописи представляет значительный интерес пункт «дополнительные сведения». Сюда вынесены вопросы, относящиеся к истории рукописи и спорные вопросы ее изучения. Прежде всего сообщаются все сведения о местах происхождения и бытования рукописи, известные из записей на рукописи, в том числе поздних записей владельцев, читателей, хранителей, исследователей и т. п., и из исследований о рукописи. Указываются старые названия фондов и шифры, штампы, печати, экслибрисы прежних мест хранения, что особенно важно для рукописей, менявших местонахождение. По основным спорным вопросам изучения рукописи (датировка, определение места происхождения, извода или диалектных особенностей языка, содержания, авторства произведений, характеристики украшений и др.) приводятся разные мнения исследователей.

Библиография в Сводном каталоге дается основная, касающаяся данной книги и только отчасти памятника (-ов), письменно-

сти, в нее входящих. Обязательно учитываются все публикации рукописи полностью и по возможности — отдельных ее частей. Обязательно оговариваются фотовоспроизведения рукописи (всей или ее частей). При отсутствии полных публикаций рукописи учитываются ее использования в качестве вариантов при публикациях других рукописей. Из археографических и палеографических описаний приводятся наиболее полные, преимущественно последние по времени, как учитывающие новейшие результаты изучения рукописи и предшествующие описания. Однако и при наличии полных современных описаний даются ссылки на лучшие дореволюционные описания, такие, как описания А. Х. Востокова для Румянцевского собрания ГБЛ, А. В. Горского и К. И. Невоструева для Синодального собрания ГИМ и т. п. Учитываются и описания рукописи, имеющие значение в ее изучении (в том числе и отчасти устаревшие), особенно первые упоминания о рукописях в печати.

Из исследований приводятся работы, посвященные данной рукописи (для сборников и отдельных их статей), а также типу памятника, если в них данная рукопись является одним из объектов изучения. Учитываются монографии о рукописи (в том числе диссертации), содержащие ее археографическое и палеографическое описание, а также статьи, посвященные отдельным вопросам изучения рукописи (содержание, дата, извод, украшения и др.). Популярная печатная литература о рукописи (вплоть до упоминаний в газетных заметках) приводится, если она единственная.

Библиография аннотированная: в ней сокращенно поясняется в скобках, какие элементы описания отражены в данной работе (если это неясно из названия). В целях лучшего представления истории изучения рукописи вся литература о ней (публикации, описания, исследования) приведена в хронологическом порядке, по мере выхода в свет (мнения исследователей, высказанные в устной форме или известные из переписки и опубликованные позднее, помещаются по времени их появления). В завершении библиографии и всего описания рукописи приводится ее номер по Предварительному списку.

Каталог снабжен большим справочным аппаратом. Описание рукописей предварено списками сокращений: хранилищ и фондов, терминов, литературы. После описания помещены указатели: I. «Рукописи, имеющие специальные названия»; II. «Распределение рукописей по содержанию и их действительные и гипотетические авторы». В этом указателе учтено содержание всех видов единиц описания: основные произведения книг, их добавления, произведения (статьи), входящие в состав сборников неустойчивого содержания, отрывков, славяно-русские «памяти» в составе традиционных памятников и сборников устойчивого состава, стертые тексты палимпсестов. Произведения включены в указатель по их типовому названию или по самоназванию. Кроме того, произведения авторов, действительных или гипотетических, собраны под именами этих авторов со ссылками на названия произведений. Это

сделано для лучшего выявления сохранившегося письменного наследия; III. «Хронологический указатель» — в него включены сведения о датах основных частей рукописей, а также других частей, если они отличны от датировки основных частей; учтены также датировки смытых текстов палимпсестов; в пределах каждого века выделены рукописи, имеющие точную дату; IV. «Распределение рукописей по изводам». Здесь также учтены изводы основных и иноязычных частей рукописей и смытых текстов палимпсестов; среди древнейших рукописей выделены рукописи, написанные глаголицей и имеющие отдельные вкрапления глаголического текста; V. «Рукописи, имеющие украшения». Здесь учтены отдельно миниатюры, заставки и рисунки; VI. «Нотированные рукописи» — указаны все рукописи, имеющие музыкальные знаки, как нотированные целиком, так и частично (что не отражено в названии рукописей); знаменная нотация как преобладающая не оговаривается, специально отмечена кондакарная нотация, случаи смещения нотаций и рукописи, имеющие экфонетические знаки; VII. «Палимпсесты» — показаны даты и язык (извод) смытого текста; VIII. «Распределение рукописей по хранилищам и фондам» — указаны современное местонахождение и шифры, а также зарубежные хранилища, в которых находятся части вошедших в каталог рукописей; сведения о бывшем местонахождении рукописей помещены: об учреждениях — в географическом указателе, о владельцах — в именной; IX. «Именной указатель» состоит из нескольких подразделов: «1. Лица, названные в записях писцов»: а) писцы; б) другие лица; «2. Лица, связанные с историей и изучением рукописей» (т. е. владельцы, вкладчики, описатели, исследователи и др.); X. «Географический указатель» — приведены наименования объектов, связанные с историей рукописей, а также упомянутых в записях объектов, непосредственно к истории рукописи не относящихся; XI. «Соотношение номеров рукописей по Предварительному списку славяно-русских рукописей, хранящихся в СССР (ПС) и Сводному каталогу (СК), вып. 1».

В завершение Выпуска помещены снимки почерков рукописей, имеющие точную дату. Таких рукописей для XI—XIII вв. — 30, дано около 60 снимков.

*

Почти во всех хранилищах описание рукописей для Сводного каталога было включено в планы работ. В некоторых местных хранилищах, где имеется мало древнейших славяно-русских рукописей и где не оказалось собственных специалистов, по рекомендации Археографической комиссии рукописи описали специалисты из других учреждений. По всем вопросам описания рукописей всем хранилищам постоянно оказывали помощь редакторы 1-го выпуска Каталога — Л. П. Жуковская (ответственный редактор) Н. Б. Тихомиров, Н. Б. Шеламанова. Здесь следует отметить особенно большую помощь описателям в определении датировки

и содержания рукописей, а также в отождествлении разрозненных частей книг Н. Б. Тихомирова.

В ходе подготовки Сводного каталога были заново изучены рукописи XI—XIII вв., подлежащие описанию, и в значительной степени произведен пересмотр фондов в хранилищах. В результате в 1-й выпуск Сводного каталога вошли 494 единицы описания из 23 хранилищ. Увеличение древнейшей части рукописей по сравнению с Предварительным списком (в нем — 475 рукописей XI—XIII вв.) является следствием передатировки части рукописей (из XIV в. в XIII и XII вв. перенесено 30 единиц описания, из XII—XIII вв. в XIV в. перенесено 40 рукописей), изменения числа единиц хранения (4 единицы описания разъединены на две каждая, 4 единицы описания объединены в две единицы описания) и результатом выявления новых отрывков, ранее по разным причинам не включенных в Предварительный список. Таких отрывков 27. Из них наиболее интересны: обнаруженный в Одесской государственной научной библиотеке лист из Благовещенского кондакаря — одной из редчайших рукописей с кондакарной нотацией; отрывок нотированного Стихиря XII в. из Житомирского областного музея (ныне хранящийся в фондах ЦНБ АН УССР), оказавшийся частью рукописи ГИМ Синодального собрания 279; древнерусские отрывки второй половины XII в. Параклитика и Сборника и сербского Патерика первой половины XIII в. — в ГБЛ; отрывки хорватской глаголицы XIII в. в ГПБ (собрание ОЛДП, Ф. 166), один лист среднеболгарского евангелия тетр конца XIII—начала XIV в. в Свердловском музее (первая находка столь древней рукописи в пределах Урала и Сибири).

Большинство рукописей находятся в пяти центральных хранилищах: в ГПБ — 165 (91 — древнерусская, 74 — южнославянских), ГИМ — 72 (54 — древнерусских, 18 — южнославянских), БАН — 70 (39 — древнерусских, 31 — южнославянских), ГБЛ — 62 (31 — древнерусских, 31 — южнославянских), ЦГАДА — 44 (42 — древнерусских, 2 — южнославянских).

Уточнения коснулись всех сторон описания рукописей. В выпуске 1 Сводного каталога определены все основные элементы описания, исключая те немногие случаи, когда этому определению препятствовала очень плохая сохранность рукописей. Это касается даты, содержания, извода, музыкальной нотации. На 494 единицы описания только у 4 палимпсестов не удалось определить дату нижнего смытого текста, у 1 палимпсеста — язык, у 18 единиц описания (в том числе у 2 частей рукописи и у 5 палимпсестов) не определено содержание. Музыкальная нотация учтена у всех рукописей. Выявлены (с указанием листов) основные виды украшений — миниатюры, заставки.

В процессе подготовки Каталога отождествлены разрозненные части многих книг. При этом удалось согласовать мнения их описателей из разных хранилищ о датах, содержании, изводе, украшениях и пр.

Для славистов интересны в первую очередь результаты распределения рукописей по изводам. Из 494 единиц описания (+25 частей в более ранних рукописях +11 палимпсестов) XI—XIII вв. (включая рукописи конца XIII—начала XIV в.): старославянских — 15 (+3 +3 палимпсеста), древнерусских — 319 (+17 +7 палимпсестов), среднеболгарских — 86 (+2 +1), сербских — 74 (+2).

*

Столь исчерпывающее научное описание всей совокупности древнейших рукописных славяно-русских книг, являющихся нашим значительным культурным достоянием, предпринято впервые. Составление Каталога памятников древней культуры может рассматриваться и как показатель уровня развития культуры современной. Археографической комиссии приятно отметить, что дело создания Сводного каталога встретило большую поддержку со стороны научной общественности нашей страны. Комиссия надеется, что Сводный каталог славяно-русских рукописей, хранящихся

СССР, принесет пользу и зарубежным коллегам — исследователям славяно-русского рукописного наследия, прежде всего в славянских странах, будет способствовать изучению этого культурного богатства славянских народов и еще более укрепит научные и культурные связи между народами.

¹ О деятельности Археографической комиссии см.: *Шмидт С., Черных В.* Археографическая комиссия Академии наук СССР. — *Общественные науки*, 1981, № 3, с. 146—153.

² *Гранстрем Е. Э.* О подготовке сводного печатного каталога славянских рукописей. — В кн.: IV Международный съезд славистов: Славянская филология. М., 1958, т. II, с. 412—418.

³ Текст доклада 1960 г. см.: *Тихомиров М. Н.* О Сводном каталоге уникальных рукописей. — В кн.: АЕ за 1971 г. М., 1972, с. 368—372; *Он же.* Об охране и изучении письменных богатств нашей страны. — ВИ, 1961, № 4, с. 62—68. Изложение докладов М. Н. Тихомирова 1960—1961 гг. см. также в кн.: АЕ за 1960 г. М., 1962, с. 368—369; АЕ за 1961 г. М., 1962, с. 467—471; *Шеламанова Н. Б.* О составлении Сводного каталога рукописей. — Ист. архив, 1961, № 1, с. 179—181; *Бем Ю. О.* Общее собрание Археографической комиссии. — ВИ, 1961, № 12, с. 121—123.

⁴ Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР: (для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно»). — В кн.: АЕ за 1965 г. М., 1966, с. 177—272.

⁵ *Жуковская Л. П.* Памятники русской и славянской письменности XI—XIV вв. в книгохранилищах СССР. — Сов. славяноведение, 1969, № 1, с. 57—71.

⁶ *Воробьев М. Н., Рогов А. И.* К выходу «Предварительного списка славяно-русских рукописей XV в., хранящихся в СССР»: (для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР). — В кн.: АЕ за 1977 г. М., 1978, с. 49—55.

⁷ *Нефедова С. В.* Обсуждение методики описания рукописей. — Сов. архивы, 1971, № 3, с. 116—117; *Жуковская Л. П.* Хроника. — ВЯ, 1971, № 6, с. 144—145; *Лизачева О. П.* Подготовка Сводного каталога славяно-русских рукописей XI—XIV вв. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1972, т. 31, вып. 1, с. 97—101; *Шеламанова Н. Б.* Совещание по составлению Сводного каталога славяно-русских рукописей XI—XIV вв. — В кн.: АЕ

за 1971 г. М., 1972, с. 384—391; *Черных В. А.* Вопросы описания древних рукописей. — История СССР, 1973, № 5, с. 223—225; *Воробьев М. Н.* Сопоставление по вопросам описания древнеславянских рукописей. — В кн.: АЕ за 1973 г. М., 1974, с. 321—328.

⁸ «Тихомировские чтения» 1972 г. см. в кн.: АЕ за 1972 г. М., 1974, с. 234—258; Проблемы научного описания и факсимильного издания памятников письменности: Материалы Всесоюзной конференции. Л., 1981/ Под ред. М. В. Кукушкиной, С. О. Шмидта.

⁹ Инструкция по описанию славяно-русских рукописей XI—XIV вв. для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР». М., 1976, с. 27—40; см. также: *Жуковская Л. П.* Работа по подготовке славяно-русского выпуска Сводного каталога рукописей и Инструкция по его составлению. — Там же, с. 24—27.

¹⁰ *Slavia, Praha*, 1963, roč. XXVII, seš. 2, s. 240—250; *Slavia. Praha*, 1965, roč. XXXIV, seš. 2, s. 260—262; *Guide pour l'élaboration d'une notice de manuscrit. Paris*, 1977.

¹¹ *Шмидт С.* За работата по съставянето на Кратък каталог на наративните паметници върху историята и културата на балканските народи. — В кн.: Информационен бюлетин СІВАЛ. София, 1978, II, № 1, с. 25—35; см. также: Информационен бюлетин СІВАЛ. София, 1979, III, № 1, с. 5—9; *Шмидт С. О.* В Международном информационном центре балканистики. — Общественные науки, 1980, № 1, с. 157—160.

¹² Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. Вып. 1. (Ротапринт); Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР». М., 1976. Вып. 2, ч. 1/2. (Ротапринт).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ — Археографический ежегодник

БАН — Библиотека Академии Наук СССР

ВИ — Вопросы истории

ВЯ — Вопросы языкознания

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина

ГИМ — Государственный исторический музей

ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов

ЦНБ АН УССР — Центральная научная библиотека Академии наук Украинской ССР.

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ РУКОПИСНАЯ КНИГА ЗА РУБЕЖОМ КАК ПАМЯТНИК ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ. ВОПРОСЫ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ И ВВЕДЕНИЯ В НАУКУ

Подготовка «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР», значительно способствовала усилению внимания к учету, охране и научному использованию древнего письменного богатства нашей страны. В процессе этой работы была выработана инструкция и опубликованы методические материалы по составлению каталога.

Естественно, что описанию рукописных фондов нашей страны придается особое значение, поскольку это основной источник наших исследований, мы являемся его владельцами и распорядителями. Но для изучения истории, литературы, культуры нашей страны чрезвычайно важны и те русские рукописи, которые в разное время оказались за рубежом. К сожалению, наши сведения о русской (как и украинской, белорусской) рукописной книге вне пределов страны, как правило, очень недостаточны. Существует немало кратких и более подробных описаний отечественных рукописных книг в хранилищах европейских стран, есть библиографические указатели, однако далеко не все такие рукописи учтены и введены в науку. Хотя число русских рукописных книг за рубежом не сопоставимо с числом их в нашей стране, все они должны быть на строгом учете у советских археографов, должны быть доступны исследователям.

Выдвигая в качестве проекта создания советского «Каталога русской, украинской и белорусской рукописной книги, хранящейся за рубежом», я учитываю и ту большую работу, которая ведется во многих странах в соответствии с рекомендациями IV Международного съезда славистов по докладу Е. Э. Гранстрем¹. Наряду с нашим уникальным Сводным каталогом, подготавливаются и выпускаются во многих странах обзоры, инвентари и каталоги славянских рукописей, как «национальные», т. е. охватывающие материалы всех хранилищ страны, так и по отдельным библиотекам и фондам.

Однако такие зарубежные издания не могут заменить каталога, который нам нужен. Эти работы посвящены описанию славянских рукописей без различия как их происхождения, так и типа письма — писанных и глаголицей и латиницей, другие — только кириллических рукописей. Восточнославянские рукописи рассеяны в этих каталогах среди множества южнославянских рукописных книг, составляющих в зарубежных собраниях большинство,

и требуется каждый раз проделывать определенное исследование, чтобы выделить среди них русские и украинские. В некоторых каталогах даются указания на «русскую» редакцию языка вообще наряду с болгарской и сербской, иногда лишь с дополнениями о южнорусских или новгородских элементах. И это не только для времени до XV в., когда это естественно, но и для XV—XVI вв., когда уже можно говорить об отдельных восточнославянских языках и соответственно изводах славянского литературного языка. В некоторых каталогах вообще не говорится о том, что данная рукопись русская или украинская по происхождению, и это приходится устанавливать на основании приводимых сведений об изводе языка, почерке, приписках и пр. Вероятно, историки древнеславянского и южнославянских языков такие каталоги вполне удовлетворяют, но для широкого круга исследователей, занимающихся различными аспектами истории, истории культуры, международных культурных связей нашей страны этого, несомненно, мало.

Издания такого рода, как правило, готовятся зарубежными славистами, имеющими опыт работы главным образом по лингвистическому и текстологическому изучению памятников ранних славянских литератур. Недостаточное внимание к русской истории, к особенностям русской палеографии приводит к ошибкам при датировке рукописей, прочтении записей и пр. Сами описания делаются часто с учетом требований только историков языка и отчасти литературы, без особого внимания к нуждам исследователей политической, социальной и культурной истории.

Нужно учитывать также, что не во всех странах ведется работа по сплошному выявлению и каталогизации кириллических рукописей. Например, в Польше, обладающей наибольшим числом таких рукописей вне СССР, работы все еще не выходят за рамки анализа отдельных памятников и обзоров небольших групп рукописей. Важно и то, что зарубежные описания, разбросанные по отдельным малотиражным изданиям, узкоспециальным журналам, трудно доступны, и лишь небольшое число специалистов, связанных с их авторами, может рассчитывать на то, чтобы иметь их под рукой.

Наконец, не нужно забывать, что русские (как и украинские, белорусские) рукописи, где бы они не находились, являются достоянием нашей истории, отечественной культуры. Это первичные источники для изучения прошлого нашей страны, незнание или невнимательное, через вторые руки, прочтение которых в определенной степени обедняет и без того не такой уж богатый, при всей многочисленности памятников средневековой письменности в стране, фонд материалов по ранней ее истории. Не случайно наши болгарские и югославские коллеги уже давно и плодотворно занимаются выявлением и кропотливым описанием своих, соответственно болгарских, сербских, хорватских и других рукописей, хранящихся вне этих стран, и в частности в Советском Союзе.

Это естественный этап развития современной археографии, и мы, уже вступив в него, могли бы поднять уровень своей работы на следующую ступень.

Очень плодотворной формой знакомства с памятниками культуры, хранящимися за рубежом, в том числе и рукописями, являются выставки. Большой опыт организации таких выставок имеют болгарские коллеги, которые провели в Софии выставки славянских рукописей Британского музея, Австрийской национальной библиотеки, Ватиканской библиотеки и Секретного архива Ватикана, шведских хранилищ. Подготовка экспозиции сопроизошла с изданием иллюстрированных каталогов, которые познакомили с этими собраниями значительно более широкий круг исследователей, чем только посетителей выставки². Этот опыт достоин распространения и у нас — о результативности его говорит, в частности, исследование одной из древнейших русских рукописных книг, Реймского евангелия первой половины XI в., выполненное во время работы французской выставки в Москве³.

Было бы полезно для начала составить хотя бы приблизительный список зарубежных хранилищ, где есть русские рукописи, и попытаться представить число их, хотя бы условно. Предлагаю здесь предварительный опыт такого подсчета, сделанный на основании существующих каталогов и обзоров славянских рукописей за рубежом, а также отчасти личного знакомства с некоторыми собраниями. За все указания на малоизвестные описания русских рукописей за рубежом и сведения, почерпнутые из собственного знакомства с такими рукописями, я буду очень признателен.

Восточнославянские рукописные книги распределяются в зарубежных странах очень неравномерно. В большинстве славянских стран их оказывается немного. Например, в Советском Союзе хранятся десятки, если не сотни, рукописей южнославянского происхождения. В южнославянских странах ранних русских рукописей мало, но там довольно много списков XVIII—XIX вв. с русских рукописей, есть и списки с южнославянских памятников, находящихся в нашей стране, сделанные в XIX в. в научных целях.

В *Болгарии* русские и украинские рукописи находятся в собраниях Софийской народной библиотеки (здесь, по описаниям Б. Цонева, М. Стоянова и Х. Кодова, хранятся фрагмент древнерусского евангелия середины XII в.⁴, пролог и сборник житий XVI в., русский хронограф III редакции XVII в. и другие книги), в Архивном институте и Библиотеке Болгарской Академии наук, в Церковном музее. Есть рукописи и в местных музеях, и в церковных хранилищах страны.

В *Югославии* хранится большое число кириллических рукописных книг (по данным Д. Богдановича, около 2 тыс.), находящихся как в центральных библиотеках и музеях, так и в местных библиотеках, монастырях и церквях. Восточнославянские рукописи здесь далеко еще не выявлены. Археографический отдел Национальной библиотеки Сербии ведет работу по учету и описанию сла-

вянских рукописей в стране и сербских рукописей за рубежом, и его богатые картотеки, использовавшие описания В. А. Мошина и его коллег, являющиеся необходимым подспорьем в работе каждого, кто занимается славянской археографией. По содержащимся там сведениям отдельные русские рукописи имеются в Сремской Митровице, Задаре, Крупе, монастыре Крка, Скопле, Охриде, Цавтате, монастырях Николяц (около Белого Поля) и Троицы (около Плевли), в Сараеве и в Пече. Наибольшее число русских книг хранится в Белграде и Загребе. Знакомство с соответствующими собраниями в Белграде позволило увидеть, что в Национальной библиотеке Сербии есть пять русских книг, в Музее сербской православной церкви — семь, в Библиотеке Сербской патриархии — шесть, есть рукописи и в Архиве Сербской академии наук. В Загребе русские рукописные книги хранятся в университетской библиотеке (шесть) и Историческом музее (четыре).

В Чехословакии в пражском Народном музее Й. Вапицей и Й. Вайсом описано 38 русских и украинских рукописей и семь фрагментов XI—XVII вв.⁵ В Славянской библиотеке в собрании Григорьева находится 86 русских рукописей⁶.

Как уже говорилось, наибольшим числом восточнославянских рукописей за рубежом владеет Польша. В Варшаве в Национальной библиотеке хранится огромное собрание Перемышльской епископской кафедры, в котором более 200 кириллических книг, в основном западноукраинского происхождения, хотя там есть и отдельные южнославянские рукописи. В собрании майората Замойских и других фондах этой библиотеки — еще более 20 книг. Восточнославянские рукописи есть также в Кракове, Люблине, Перемысле, Санке, Познани, Курнике, Вроцлаве, Томашове и других городах. Большая их часть описана в моем каталоге 1976 г.⁷, хотя в него включены далеко не все рукописи, а только те, которые хранители предоставили для описания. Это относится прежде всего к собраниям Кракова.

В ГДР, по сообщению К. Гюнтера⁸, наиболее значительным собранием в послевоенные годы обладает Галле. Здесь в университетской библиотеке хранится 13 русских рукописных книг. Кроме того, отдельные русские рукописи имеют Дрезденская библиотека (4 книги) и Берлинская (2 книги).

Из собраний Греции наибольшую ценность представляют, конечно, библиотеки афонских монастырей. Состояние этих собраний очень различно. Внимание, проявленное со стороны Югославии к Хиландарскому монастырю, позволило сербским ученым просмотреть славянские рукописи монастырской библиотеки и составить новое краткое, но, вероятно, близкое к исчерпывающему по количеству их описанию, сопровождаемое альбомом фотографий отдельных листов. В этом описании, составленном Д. Богдановичем⁹, описано до 60 русских, украинских и белорусских книг, из них 23 — датируемых временем до XVIII в., такая же работа ведется и болгарскими археографами. В обзоре Г. Микласа¹⁰ 1977 г. названо более 280 славянских рукописей в болгарском

Зографском монастыре, которые будут включены в новый каталог. Число русских из них не известно. Что касается русского Пантелеимонова монастыря, то благодаря содействию Греческой ассоциации славяноведения в Фессалониках и Центра русских и восточнославянских исследований Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе мы имеем сейчас краткий иллюстрированный каталог рукописей этого монастыря, составленный А.-Е. Н. Тахиаосом^{10а}. По его сведениям, в монастыре находится не менее 14 русских рукописных книг, среди которых одна из наиболее ранних — список «Царственной книги» (не лицевой) XVII в., списки Хронографа III редакции (середина XVIII в.), Родословца великих князей русских с Кратким летописцем (второй половины XVIII в.), два списка Разрядных книг (XVIII в.), два списка Уложения 1649 г. (XVIII в.) и др. Однако и многие другие рукописи, обозначенные по языку как церковнославянские (всего до 30), происходят из России. Это русские жития и службы Ферапонта Монзенского (костромского) и Мартирия Зеленецкого (новоладожского) XVIII и XIX вв., новгородские слова и поучения XVIII в., «Зерцало богородицы» 1828 г. из подмосковного Пешношского монастыря и другие, украинский устав церковной службы (Иерусалимский) 1661 г., список черниговского «Илиотропиона» 1714 г., сборник XVIII в., с выписью из Просветителя Иосифа Волоцкого, старообрядческий по письму, но с юго-западными русскими чертами языка», белорусская Днопра, «составленная» в Кутеине в 1651 г. (список XIX в.). Ряд книг представляет сочинения и переводы Паисия Величковского и его школы.

В *Австрии*, как это видно по каталогу Г. Биркфельнера¹¹ 1975 г., находится не менее 33 русских рукописных книг, почти исключительно в Венской Национальной библиотеке.

В *Италии* число славянских рукописей подсчитал М. Капальдо¹². Их там более 80, из которых 60 — в Ватиканской библиотеке. В Славянском фонде этой библиотеки каталог Г. Якше¹³ указывает 38 русских рукописей, три или четыре из них находились на выставке в Софии. Есть русские рукописи в Иллирийском фонде этой библиотеки. В других хранилищах находятся лишь отдельные рукописи: 5 — в библиотеке Папского института восточных исследований, 2 — в Библиотеке Медичи во Флоренции, в библиотеке Болонского университета, Амброзианской библиотеке Милана.

Во *Франции* русские рукописи находятся в основном в парижской Национальной библиотеке. Около 30 из них описал в 1961 г. Л. В. Черепнин¹⁴. Согласно сообщению В. Водова¹⁵, дополнительно библиотечкой приобретен сборник сочинений Максима Грека. Там же хранятся документальные материалы XVII—XVIII вв., сибирские берестяные грамоты и др. В 1978 г. над русскими рукописями в Париже работал В. И. Буганов, который опубликовал их обзор¹⁶. Кроме того, русские рукописи есть в парижском Институте востоковедения, в Реймсе, в Аррасе и Лионе.

В *Бельгии* в Брюссельской королевской библиотеке не менее 13 русских рукописей, выявленных В. Федером¹⁷, среди которых Ирмологий XV в., сборник апокрифов, житие Петра и Февронии и свитки-азбуковники XVII в.

Есть также отдельные русские рукописи в Университетской библиотеке в Льеже и в г. Асселброк.

Предварительный инвентарный перечень славянских рукописей, находящихся в *Нидерландах*, опубликован В. Федером¹⁸. Наиболее важно хранилище Лейденского университета, где значатся 12 славянских рукописей. Описание их, составленное голландской слависткой Х. Мейер, опубликовано в Археографическом ежегоднике¹⁹. Есть русские рукописи и в библиотеке Утрехтского университета, в замке Вейенбург.

В *ФРГ* русские рукописи находятся в Гамбурге, Франкфуртена-Майне и других городах. Всего К. Гюнтер дает сведения о не менее 50 русских рукописях, хранящихся в этой стране²⁰. Однако их там значительно больше.

Моя работа в некоторых хранилищах ФРГ показала, что Гейдельбергский университет располагает интересной коллекцией русских старообрядческих рукописей, состоящей из 34 книг; в Земельной библиотеке в Штуттгарте хранятся сочинения по истории России XVI—XVIII вв. (13 рукописей), в Мюнхенской публичной библиотеке наряду с пятью рукописями, названными Гюнтером, находится 21 русская рукопись, приобретенная в последние десятилетия.

Славянские рукописи в хранилищах *Англии* были объектом исследований русских ученых еще в 60—70-х годах XIX в. (И. И. Срезневский, Ф. И. Успенский). Как они, так и позднее Я. К. Грот, К. Иречек, В. Ягич, П. А. Сырку, П. К. Симони, Б. А. Ларин и другие ввели в науку ценные рукописи, в основном библиотеки Британского музея и Оксфордской Бодлеанской библиотеки. Многие из них получили отражение и в каталогах библиотеки Британского музея. В настоящее время каталог кириллических рукописей Бодлеанской библиотеки, насчитывающей 42 единицы хранения, готовит профессор славянских языков в Оксфорде А. Е. Пеннингтон²¹. Ею дан и общий предварительный подсчет таких рукописей в Англии. Наряду с 44 в Британской библиотеке и 43 в Оксфорде кириллические рукописи есть в библиотеках Кембриджа (8), Манчестера (7), Глазго и Эдинбурга (по 3), Кардиффа (2), Дурхамского университета и Итонского колледжа (по 1), итого 112 рукописей. Есть 4 славянские рукописи и в *Ирландии*, в Дублине.

Число русских рукописей в Англии и Ирландии не определено. Известно, однако, что на выставке в Софии в 1977 г. были представлены — среди других 26 русских рукописей книг из собрания Британского музея — фрагменты евангелия и службы Параскевии XIV в., парадное, вероятно, Московское евангелие 1507 г., оформленное как произведение искусства, лицевое воскресное евангелие 1700 г. с миниатюрами апокрифического содержания и др.²² Из-

даны тексты, связанные с пребыванием в России в XVII в. Ричарда Джемса²³, чтения списка Вологодско-Пермской летописи XVI в.²⁴, известен лондонский список «Сказания о Мамаевом побоище»²⁵ и др. И. Гарднер указывает русский Ирмологий и в частном собрании²⁶.

В Швеции, в Стокгольме, Упсале, Вестеросе, наряду с важными русскими архивными материалами хранятся пергаменные отрывки евангелий, прологов и псалтырей XIII—XV вв., опубликованные М. Виднэс²⁷ и Бирнбаумом, сборники XVII в. Спарвенфельда, содержащие целую маленькую библиотеку русских рукописей, подаренную ему А. А. Матвеевым и другими²⁸. О. А. Князевская и А. П. Шеберг, изучившие отрывки ранних русских рукописей в Швеции, не без основания предполагают, что они являются следами распространения на землях, принадлежавших в XIV—XVII вв. Швеции, русских книг и, следовательно, населения, которое их читало и служило по ним²⁹.

В Испании в Мадридской Национальной библиотеке находится список Стоглава XVI—XVII вв. с приложением послания Ивана IV в Кирилло-Белозерский монастырь³⁰.

В США, как видно из сведений, приведенных в статье Н. С. Демковой³¹, находится не менее 71 рукописной книги, а на самом деле, вероятно, значительно больше. Они хранятся в различных частных и государственных библиотеках и архивах, например в библиотеке Гарвардского университета, в коллекции Б. Л. Килгура (13 книг)³². Эти рукописи были привезены им, вероятно, из Советского Союза во время его поездки туда в 1920-х годах.

Довольно большое число украинских рукописей находится в Канаде. Они хранятся в Оттаве (частное собрание Ю. Герича — 16 книг), Виннипеге (собрание И. Огиенко в колледже св. Андрея, в университетской библиотеке, в Украинском культурном центре, всего 26 книг), отдельные рукописи есть в городах Мундаре и Гримсби. В основном это поздние книги XVII—XIX вв., из более ранних нужно назвать известный помянник из Городища 1484 г. Есть в Канаде и небольшое число русских рукописей³³.

В монастыре св. Екатерины (*Egypte*) на Синае выявлено 60 с лишним славянских рукописей, число русских из которых не определено. Из ранних русских книг здесь хранятся фрагменты евангелия-апракоса XI—XII вв., псалтирь начала XII в. (ленинградская часть ее — Бычковская псалтирь)³⁴, фрагменты русских часословов XIII—XIV вв.³⁵

Есть фрагменты русских рукописей и в Старом городе Иерусалима³⁶.

Можно считать, что за рубежом выявлено не менее 1000 восточнославянских рукописей, из которых около 400 находятся в Польше, приблизительно 130 — в Чехословакии, не менее 100 — на Афоне, примерно 100 — в ФРГ. Дальнейшее изучение славянских фондов многих стран может увеличить это общее число в полтора—два раза.

При выработке принципов составления этого каталога важно было бы обсудить его тематический охват. Думаю, что в него должны войти, конечно, описания всех рукописных книг, начиная с древнейших и вплоть до XIX в., т. е. включая и старообрядческую традицию нового времени. Это должны быть и древнерусские, и русские, и украинские, и белорусские книги, причем созданные не только на территории, находящейся ныне в границах СССР, но и за этими границами.

Сложен вопрос о включении в каталог рукописей, являющихся результатом переписки писцом, носителем одного языка, рукописи на другом языке (другой редакции). Д. С. Лихачев в отчете о командировке в Болгарию в 1959 г.³⁷ писал о сложностях в определении изводов языка русских рукописей, переписанных болгарскими, украинских рукописей, проникших в Болгарию через молдовлахийский оригинал, или болгарских рукописей, переписывавшихся русскими писцами. Действительно, это существенный вопрос при атрибуции рукописи той или иной страны, причем он относится не только к Болгарии, но и к Югославии, к Румынии и даже к Чехословакии.

Вероятно, наиболее правильно для каталога такого типа, о котором здесь идет речь, было бы относить к восточнославянским те рукописи, о которых можно сказать, даже при отсутствии прямых указаний на место написания, что они писаны с любых славянских оригиналов восточнославянскими писцами, т. е. те, в которых восточнославянские черты языка могут быть подтверждены такими же чертами почерка, художественного оформления, первоначального переплета, наконец, для второй половины XVII—XVIII вв. — бумаги.

Специальному обсуждению подлежит вопрос, включать ли в состав каталога славяно-молдавские рукописи. В своем обзоре я их не учитывал. Заботясь о привлечении в качестве источника по истории народов нашей страны славянских рукописных книг, мы должны быть заинтересованы и во включении в каталог молдавских книг на славянском языке. Выявление и описание таких книг могло бы идти одновременно с работой над восточнославянскими книгами. Трудности могут быть только в связи с необходимостью отделения славяно-молдавских от славяно-валашских книг, что не всегда просто только на основании языка и оформления, без указаний записей писцов. Но таких книг в балканских странах довольно много, и нужно не раз подумать и посоветоваться с учеными Академии наук Молдавской ССР, учитывая и их планы археографической работы, прежде чем решиться включить славяно-молдавские рукописные книги в каталог.

Нужно было бы также решить вопрос о включении в каталог восточнославянских рукописей, не принадлежащих к традиционной форме рукописной книги, т. е. документальных материалов в форме столбцов, грамот, листового архивного материала, начиная с XVIII в., тетрадей с записями лекций, дневниками и другими источниками XIX—XX в. Думаю, что исторические доку-

менты до рубежа XVIII—XIX вв. должны включаться в каталог, как это обычно принято при описании рукописей, например в руководимом прежде В. И. Малышевым разделе ТОДРЛ.

Сейчас еще рано устанавливать будущую структуру каталога; она скорее всего может следовать странам, городам и хранилищам. Важнее заранее определить необходимые элементы описания. В основу их набора естественно положить инструкцию для подготовки Сводного каталога, может быть, при необходимости, несколько сократив лишь второстепенные требования. Однако каталог потребует и дополнительных элементов, которые не важны для нашего Сводного каталога. Я имею в виду прежде всего такую информацию, как указание на место хранения микрофильма (или иной копии) рукописи или ее части в СССР. Сейчас многие библиотеки и архивы СССР, как и академические институты, и отдельные исследователи обладают микрофильмами зарубежных рукописей, выписанными для готовившихся публикаций или исследований, но каталогов таких микрофильмов в печати нет, а ведомственные каталоги не сведены по стране и не стали достоянием науки. Указание на имеющиеся микрофильмы избавит от необходимости дублировать уже сделанную работу.

Каталог микрофильмов славянских рукописей, хранящихся за рубежом, как показывает опыт создания «национальных каталогов» в некоторых странах, имеет и самостоятельное значение. Поэтому стоит начать его подготовку уже сейчас, обратившись устно и письменно для сбора соответствующей информации в архивные и исследовательские учреждения, где они хранятся. Создание такого каталога поможет подготовке и самого описания зарубежных рукописей.

Организация работы по выявлению и описанию рукописей для каталога имеет первостепенное значение. Эта работа, конечно, сложна, но вполне осуществима. За основу должен быть взят опыт работы над Сводным каталогом. Так, прежде всего нужно было бы собрать сведения о рукописях по старым и новым описаниям, каталогам и обзорам фондов зарубежных хранилищ. При подготовке этого сообщения значительную часть этой работы я проделал. Обращения с письмами в соответствующие хранилища не всегда, конечно, дадут нужную информацию, но отбрасывать этот путь сбора сведений не стоит. Археографические и другие поездки советских ученых в социалистические и капиталистические страны расширяются с каждым годом, результатом чего являются публикуемые у нас отчеты, обзоры и каталоги иностранных рукописей. В наших изданиях публикуются работы зарубежных славистов, в частности каталоги отдельных собраний. Все это можно использовать для подготовки такой работы.

Наконец, хорошую возможность научной кооперации с зарубежными специалистами предоставляет такая современная ее форма, как «Рабочие планы» сотрудничества между учреждениями АН СССР и академиями наук социалистических стран, в частности планы многостороннего сотрудничества. По таким на-

учным планам, составляемым на пять и более лет, уже делается несколько больших работ. Если бы за подготовку такого каталога взялась Библиотека АН СССР как головное учреждение при участии исторических и филологических институтов, заинтересованных в результатах этой работы, он мог бы стать и важной темой такого многостороннего сотрудничества.

В последние годы интерес к славянским рукописям за рубежом очень вырос, и это относится не только к славянским странам, но и к странам Западной Европы, где таких рукописей сравнительно немного, где долго не было национальных кадров археографов-славистов. Современное состояние описания славянских рукописей за рубежом, большие сдвиги, которые происходят в этом деле в последние десятилетия, планы, вынесенные на обсуждение научной общественности, — особая большая тема для обсуждения и координационной работы в международном масштабе. Для более полного представления о реальности составления каталога русских рукописей за рубежом, как и о тех местных силах, которые можно привлечь для этой работы, остановлюсь на некоторых новых научных предпрятиях и центрах.

При ЮНЕСКО существует Международный центр информации об источниках по балканской истории (CIBAL), в составе которого выделена специальная комиссия по составлению краткого каталога нарративных рукописей по истории и культуре балканских стран. Есть там и комиссия по архивам и микрофильмам.

В Болгарии, как известно, с 1977 г. издается специальный «международный» журнал, посвященный болгарским древностям, — «Palaeobulgarica — Старобългаристика», в котором описанию и изучению древних рукописей уделяется большое место.

В некоторых западноевропейских странах основаны специальные центры исследования славянских рукописей. Так, в Париже, в Институте исследования и истории текстов в 1977 г. создана славянская секция в качестве центра документации славянских рукописей международного значения. Она собирает печатные каталоги славянских рукописей, ставит целью собрать полную библиографию факсимильных изданий славянских рукописей. Во главе секции стоит историк Владимир Водов.

В Нидерландах создано Центральное хранилище микрофильмов славянских рукописей при Институте славянских исследований в Утрехте, которое публикует «Национальный каталог» таких микрофильмов. В первой опубликованной части этого каталога названо 47 рукописей из Москвы, 31 рукопись из Ленинграда и 16 — из западноевропейских стран.

В Италии Центр документации о славянских рукописях создан в 1974 г. при Институте славянской филологии Римского университета. Он также имеет целью сбор библиографических данных — каталогов рукописей, изданий текстов, микрофильмов — и также претендует на международное значение. В опубликованном этим центром «Национальном каталоге микрофильмов славянских рукописей» 75 номеров — из московских собраний, 12 — из ленин-

градских, 15 — из киевских, 11 — болгарских, 7 — югославских и т. д.

В ноябре 1977 г. французский Институт славянских исследований и Институт изучения и истории текстов провели в Париже двухдневный colloquium на тему «Изучение славянских рукописей в Западной Европе». В нем наряду с французскими славистами участвовали представители Бельгии, Нидерландов, Англии, Австрии и Италии. Они занимались выяснением, какими возможностями в области славянской кодикологии и текстологии располагают западноевропейские страны, определяли итоги и задачи своих работ.

В 1978 г. появился специальный международный орган по изучению славянских рукописей в Западной Европе — «Полата књигописна», как его называли редакторы В. Федер из Католического университета Ниймегена в Нидерландах и М. Капальдо из Института славянской филологии Римского университета. Это «Информационный бюллетень, посвященный изучению ранних славянских книг, текстов и литератур», издающийся в Нидерландах дважды в год. В первых пяти его номерах помещены обзоры славянских рукописей и работ по их изучению во Франции, Англии, Италии, Нидерландах, Швейцарии, Канаде и других странах, дается хроника международных встреч по изучению рукописей и текстов, в которых участвуют западноевропейские слависты.

На международной конференции в Колумбусе (штат Огайо, США) в апреле 1981 г., посвященной славянским рукописям, были заслушаны сообщения о «Хиландарском проекте изучения афонских собраний, состоянии работ по описанию рукописей в отдельных странах, по методике археографической работы». Там были созданы рабочие группы по подготовке сводного компьютерного каталога славянских рукописей, библиографии описаний и др.

Заключивая свое сообщение, хочу еще раз сказать, что пришла пора начинать работу по подготовке каталога русских, украинских и белорусских рукописей, хранящихся за рубежом. Дело это сложное, но, как мне хотелось показать, в нынешних условиях осуществимое.

¹ Гранстрем Е. Э. О подготовке сводного каталога славянских рукописей. — В кн.: IV Международный съезд славистов: Доклады. Л., 1958.

² Славянски ръкописи от Британския музей и библиотека/ Сост. А. Джурова. София, 1977; Славяно-българска ръкописна традиция и карти в сбирките на Австрийската национална библиотека: Каталог. Изложба. София, 1977; Славянски ръкописи, документи и карти за българската история от Ватиканската апостолическа библиотека и Секретния архив на Ватикан (IX—XVII век). София, 1978; Швеция—България: Гласове от седем века. Славянските ръкописи, стари карти на България и българските земи. София, 1980.

³ Жуковская Л. П. Реймское евангелие: История его изучения и текст. М., 1978.

⁴ Датирован и атрибутирован О. А. Князевской. См.: Полата књигописна (Nijmegen), 1979, 2, p. 33.

⁵ Vašica J., Vajs J. Soupis staroslavanskich rukopisů Národního muzea v Praze. Praha, 1957.

- ⁶ Кузьмина В. Д. Научная командировка в Чехословакию (20 мая—8 июня 1958 г.). — ИОЛЯ, 1959, т. XVIII, вып. 2, с. 186—190; Флоровский А. В. Собрание рукописей А. Д. Григорьева в Славянской библиотеке в Праге. — ТОДРЛ, 1960, т. 16, с. 573—580. О других частях коллекции Славянской библиотеки см.: Лантева Л. П. Русские рукописи в Славянской библиотеке в Праге. — История СССР, 1968, № 4, с. 204—206; Бегунов Ю. К. Описание малоизвестной части коллекции древнерусских рукописей Славянской библиотеки в Праге. — Byzantinoslavica, 1970, т. XXXI, fasc. 2, s. 204—215.
- ⁷ Шапов Я. Н. Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики. М., 1976, Ч. 1/2.
- ⁸ Günter K. Slawische Handschriften in Deutschland. — Zeitschrift für Slavistik, 1960, Bd. V, H. 3, S. 317—355.
- ⁹ Богданович Д. Каталог ирилских рукописи манастира Хиландара. Београд, 1978.
- ¹⁰ Miklas H. Ein Beitrag zur den slawischen Handschriften auf dem Athos. — Palaeobulgarica — Старобългаристика, 1977, 1, p. 65—75.
- ^{10a} Tachiaos A.-E. N. The Slavonic Manuscripts of Saint Panteleimon Monastery (Rossikon) on Mount Athos. Thessaloniki, 1981.
- ¹¹ Birkfellner G. Glagolitische und kyrillische Handschriften in Österreich. Wien, 1975.
- ¹² Capaldo M. Les manuscrits slaves et leur étude en Italie. — Полата књигописна, 1978, № 1, p. 15—38.
- ¹³ Jaksche H. Slawische Handschriften in der Vatikanischen Bibliothek. — Römische Historische Mitteilungen, 1962, 5, p. 255—231.
- ¹⁴ Черепнин Л. В. Славянские и русские рукописи Парижской национальной библиотеки: (Крат. обзор). — В кн.: АЕ за 1961 г. М., 1962, с. 215—235.
- ¹⁵ Vodoff V. L'étude des manuscrits slaves et des slavica en France: (Bilans et perspectives). — Полата књигописна, 1978, № 1, p. 3—10.
- ¹⁶ Бузанов В. И. Русские документы конца XV—XVIII вв. в хранилищах Парижа. — ВИ, 1979, № 3, с. 137—142.
- ¹⁷ Veder W. R. Les manuscrits slaves et leur études en Belgique. — Полата књигописна, 1979, № 2, p. 4—5.
- ¹⁸ Veder W. R. Slavic manuscripts and their study in the Netherlands. — Полата књигописна, 1978, № 1, p. 39—44; № 2, p. 11.
- ¹⁹ Мейер Х. Славянские рукописи Лейденской университетской библиотеки в Нидерландах. — В кн.: АЕ за 1977 г. М., 1978, с. 259—267.
- ²⁰ Günter K. Slawische Handschriften in Deutschland, S. 1—14.
- ²¹ Pennington A. E. Slavonic manuscripts and their study in Great Britain. — Полата књигописна, 1978, № 1, p. 11—14.
- ²² Славянски ръкописи от Британския музей и библиотека/ Составител А. Джурова. София, 1977; Slavonic manuscripts from the British Museum and Library. London, British Library. December—June 1977—1978. Благодарю О. А. Князевскую за предоставленные ею каталоги болгарских выставок 1977—1980 гг.
- ²³ Симоки П. К. Великорусские песни, записанные в 1619—1620 гг. для Р. Джемса на крайнем севере Московского царства. Спб., 1907; Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619). Л., 1959.
- ²⁴ ПСРЛ, 1959, т. 26, с. 7.
- ²⁵ Дмитриев Л. А. Лондонский лицевой список Сказания о Мамаевом побоище. — ТОДРЛ, 1974, т. 28.
- ²⁶ Gardner J. v. Die altrussischen Neumen-Handschriften in den Bibliotheken von Belgien und England. — Die Welt der Slaven, (Wiesbaden), 1961, Jg. VI, H. 3, S. 315—316.
- ²⁷ Widnäs M. Les synaxaires slavo-russes des «Fragment Finlandais». — Commentationes humanarum litterarum, (Helsinki), 1967, vol. 38, nr. 1.
- ²⁸ Черепнин Л. В. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции. — ТОДРЛ, 1961, т. XVII, с. 470—481.
- ²⁹ Князевская О. А., Шеберг А. П. Древнерусские пергаменные рукописи Швеции. — В кн.: АЕ за 1980 г. М., 1981, с. 167—171.

- ³⁰ *De Santos Otero A.* Un manuscrito del Stoglav en la Biblioteca Nacional de Madrid. — In: *Melanges I. Dujcev*. Paris, 1979, p. 393—399 (см. также: Полата књигописна, 1979, № 2, p. 13).
- ³¹ *Демкова Н. С.* Древнерусские рукописи и старопечатные книги в некоторых собраниях США. — ТОДРЛ, 1979, т. XXXIV, с. 388—405.
- ³² *The Kilgour Collection of russian literature (1750—1920) with notes on early books and manuscripts of the 16th and 17th centuries.* Harvard College Library. Cambridge, Mass., 1959.
- ³³ *Tarnavecky I. I.* Slavic manuscripts and their study in Canada. — Полата књигописна, 1980, № 3, p. 4—11.
- ³⁴ *Saints Cantharine's Monastery, Mount Sinai: An early slavonic Psalter from Rus' / Ed. by M. Altbauer.* Cambridge, 1978, Vol. I.
- ³⁵ *Altbauer M.* Slavic manuscripts and their study in Israel and Sinai. — Полата књигописна, 1979, № 2, p. 6—10.
- ³⁶ *Алтбауэр М.* Новооткрытый иерусалимский фрагмент древнерусского апокалипсиса. — In: *Israeli contributions to the 8th International slavists Congress.* Jerusalem, 1978.
- ³⁷ *Лихачев Д. С.* Отчет о командировке в Болгарию. — ИОЛЯ, 1959, т. XVIII, вып. 5, с. 454—462.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ — Археографический ежегодник

ВИ — Вопросы истории

ИОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР. М.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М.

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы. Л.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Хронов С. С.</i> Развитие советского общества на современном этапе: социально-экономические аспекты	3
<i>Шерстобитов В. П.</i> Культурное взаимообогащение народов СССР в 60—70-х годах	20
<i>Исламов Т. М., Мыльников А. С., Фрейдзон В. И.</i> Социальное и национальное в освободительной борьбе народов Австрийской империи в эпоху перехода от феодализма к капитализму	34
<i>Пашуто В. Т.</i> Международное значение Древней Руси	47
<i>Литавин Г. Г.</i> Древняя Русь, Болгария и Византия в IX—X вв.	62
<i>Зеленин В. В.</i> Юрий Крижанич в контексте своего времени	76
<i>Медынцева А. А.</i> Начало письменности на Руси по археологическим данным	86
<i>Седов В. В.</i> Славяне и кельты (по данным археологии)	97
<i>Громыко М. М.</i> Проблемы, методы и источники исследования этических традиций восточных славян (XVIII—XIX вв.)	108
<i>Рождественская С. Б.</i> Проявление генетической общности художественной культуры восточных славян в современном народном искусстве	123
<i>Гусев В. Е.</i> Фольклор как фактор взаимодействия современных культур восточнославянских народов	130
<i>Чистов К. В.</i> Вариативность и поэтика фольклорного текста	143
<i>Путилов Б. Н.</i> Эпический мир и эпический язык	170
<i>Гацак В. М.</i> Основы устной эпической поэтики славян (Антитеза «формульной» теории)	184
<i>Астафьева Л. А.</i> Сюжетно-композиционные связи в славянских эпических повествованиях	197
<i>Кирдан Б. П.</i> Формула «невозможного» в славянских песнях Карпатской зоны	215
<i>Соколова В. К.</i> Особенности календарных обрядовых песен восточных и южных славян	224
<i>Смирнов Ю. И.</i> Восстановление общеславянского эпического репертуара	241
<i>Никонов В. А.</i> Типология славянской антропонимии	257
<i>Жуковская Л. П., Шеломанова Н. Б., Шмидт С. О.</i> О составлении «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР»	270
<i>Щапов Я. Н.</i> Восточнославянская рукописная книга за рубежом как памятник истории и культуры. Вопросы ее изучения и введения в науку	283

25.852

IX МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ